Т13

Т. ТАЖИБАЕВ

ПРОСВЕЩЕНИЕ И ШКОЛЫ КАЗАХСТАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

КАЗГОСИЗДАТ

Т. Т. ТАЖИБАЕВ

ПРОСВЕЩЕНИЕ И ШКОЛЫ КАЗАХСТАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

КАЗАХСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Алма-Ата — 1962

37 Каз
Т 13

В книге на основе богатейших архивных источников г. Алма-Аты, Оренбурга, Москвы, Ленинграда, Ташкента, Казани, Уфы, Омска и некоторых областных архивов Казахстана впервые дается полное описание системы общего и профессионально-технического образования в Казахстане в XIX веке, раскрываются специфические особенности школьной системы по различным областям, приводятся также данные о церковно-приходских и мусульманских школах, об обучении взрослых. На конкретных фактах иллюстрируется прогрессивное значение присоединения Казахстана к России в области культуры.

Работа является частью многолетнего монографического исследования автора: «Развитие просвещения и педагогической мысли в Казахстане во второй половине XIX века».

ВВЕДЕНИЕ

Вторая половина XIX века имеет исключительно большое значение в развитии просвещения и школьного образования в Казахстане. После завершения окончательного присоединения Казахстана и Средней Азии к России и проведения административных реформ в 1867—1868 и 1891 годах в Казахстане объективно создались благоприятные условия для развития просвещения и школьного образования не только среди русского населения (русского казачества и крестьян-переселенцев), но и среди казахского населения. Если до 60-х годов на территории Казахстана господствовали главным образом мусульманские конфессиональные школы, то в последующий период начинают создаваться и развиваться русско-казахские школы.

Но наряду с этим колонизаторская политика царизма отрицательно отражалась на развитии культуры казахского народа и особенно на развитии народного образования среди казахского населения, что в свою очередь не могло не влиять отрицательно и на образование русских трудящихся. Говоря о том, что «инородцы» в России поставлены в «условия жизни, еще более бесчеловечные, чем условия жизни русского человека», В. И. Ленин писал: «Угнетение «инородцев» — палка о двух концах. Одним она бьет «инородца», другим русский народ» [1].

Изучая историю просвещения и школьного образования в Казахстане во второй половине XIX века, мы строго придерживались исторической правды, не скрывали и не замазывали реакционной сущности политики царского правительства, отдельных его учреждений и деятелей в отношении образования казахов. В то же время мы пы-

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. XX, стр. 216.

тались показать, что то же царское правительство, многие учреждения и деятели объективно способствовали развитию просвещения и школьного образования в Казахстане.

Мы стремились анализировать наследие прошлого с позиции марксизма-ленинизма, подходили к нему не как бесстрастные летописцы, а искали в наследии прошлого передовое и прогрессивное, осуждая все отсталое и реакционное.

Произведения основоположников марксизма-ленинизма, а также соответствующие директивы КПСС служили направляющей методологической основой в нашем исследовании.

Ввиду разобщенности территории Казахстана в дореволюционный период мы не могли рассчитывать на наличие общих обзоров, монографических исследований и сводных данных о состоянии просвещения и школы во всем Казахстане за исследуемый период. Кроме того, мы не могли не учитывать того, что более или менее солидные исследования в области просвещения и школьного образования в Казахстане принадлежали главным образом людям, которые находились на службе царского правительства и в какой-то степени проводили политику русификаторства и миссионерства. Правда, многие из них честно трудились на поприще просвещения и объективно помогали развитию просвещения и школьного образования в Казахстане.

Данное монографическое исследование построено главным образом на основе архивных источников, хранящихся в архивах Алма-Аты, Ташкента, Ленинграда, Москвы, Казани, Уфы, Омска, а также отдельных областей Казахстана.

Обращают на себя особое внимание следующие архивные фонды:

— *в Центральном государственном историческом архиве Казахской ССР* (г. Алма-Ата) — фонды областного правления оренбургскими киргизами, Временного Совета по управлению Внутренней киргизской Ордой, начальника Алатавского округа и пристава киргизов большой Орды (1848—1867 гг.), Семиреченского областного правления, инспектора народных училищ Семиреченской области, инспектора народных училищ Внутренней киргизской Орды, Тургайского статистического коми-

тета, Управления киргизами Сыр-Дарьинской линии, заведующего переселенческим управлением Семиреченской области, фонды Верненского, Туркестанского, Джаркентского и других уездных управлений, фонд отдельных учебных заведений, особенно 92, 93, 95, 129, 139, 140, 143 и другие;

— *в Центральном архивном управлении Узбекской ССР* (г. Ташкент) — фонды Управления учебными заведениями Туркестанского края, инспектора народных училищ, Канцелярии Туркестанского генерал-губернатора;

— *в Оренбургском областном архиве* — фонды Пограничного отдела Канцелярии Оренбургского военного губернатора за 1800—1881 гг., Канцелярии директора народных училищ Оренбургской губернии за 1868—1918 гг., Канцелярии попечителя Оренбургского учебного округа, Тургайского областного правления за 1871—1918 гг., Оренбургского гражданского губернатора и др.;

— *в Центральном государственном историческом архиве г. Ленинграда* — фонды Департамента народного просвещения, Главного управления училищ, Ученого комитета Министерства народного просвещения и др.;

— *в Центральном государственном архиве ТАССР* (г. Казань) — фонды Канцелярии попечителя Казанского учебного округа;

— *в Центральном государственном архиве БАССР* (г. Уфа) — фонды Канцелярии Уфимского губернатора, попечителя Оренбургского учебного округа, директора народных училищ Оренбургской губернии;

— *в Омском областном государственном архиве* — фонд № 3.

Нами просмотрены также соответствующие фонды в научном архиве Академии педагогических наук РСФСР, Центральном государственном историческом архиве г. Москвы, рукописных отделов библиотеки имени В. И. Ленина в Москве и библиотеки имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, а также некоторых областных архивов Казахстана.

Большой фактический материал имеется в отчетах учебных округов, учебных инспекторов, руководителей учебных заведений, генерал-губернаторов и военных губернаторов, постановлениях Государственного Совета и Министерства народного просвещения, приказах и цир-

кулярах учебных округов, статистических сборниках, в обзорах, памятных и справочных книжках областей, в адрес-календарях, известиях и записках отделений Русского географического общества, отчетах статистических комитетов, в материалах различных совещаний и съездов по вопросам просвещения, отчетах епархиальных советов и миссионерских обществ, а также в разнообразных периодических изданиях. Широко использованы уставы, учебные планы, программы и инструкции учебных заведений, а некоторые из них даны в приложении к данной книге. Использованы также учебники и учебные пособия, составленные разными авторами.

Большую услугу оказали автору библиографические издания, составленные А. Е. Алекторовым [1], В. И. Межовым [2], Ф. Шперка [3], А. Н. Харузиным [4], И. И. Зайковским [5] и другими авторами, а также «Свод главнейших законоположений и распоряжений о начальных народных училищах и учительских семинариях», Спб., ч. 1, 1878 г.; ч. 2, 3, 1879 г.

Из литературных источников, как наиболее серьезных исследований в области просвещения и школы в Казахстане во второй половине XIX века, представляют большой интерес труды А. Е. Алекторова, П. А. Анопова, А. В. Васильева, С. М. Граменицкого, Н. И. Ильминского, В. Недзвецкого, Н. П. Остроумова, С. Г. Рыбакова и А. Харузина.

А. В. Алекторов в «Очерках народного образования в Тургайской области», Летопись, 1744—1898 гг., вып. 1,

---

[1] Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах. Казань, 1900, стр. 984.

[2] Туркестанский сборник статей и сочинений, относящихся до Средней Азии вообще и до Туркестанского края в особенности, т. 1, 2 Спб., 1878—1887. Сибирская библиография. Указатель книг и статей о Сибири... т. 1, 2, Спб., 1891 и т. 3, 1892. Библиография Азии. Указатель книг и статей об Азии на рус. яз. и одних только книг на иностранном яз., касающихся отношений России к азиатским государствам, т. 1. Спб., 1891, стр. 230.

[3] Опыт хронологического указателя литературы об Астраханском крае с 1473 по 1887 гг. вкл. Спб., 1892, стр. 249.

[4] Библиографический указатель статей, касающихся этнографии киргизов с 1734 по 1891 гг. (Этнографическое обозрение, 1891, кн. IX, № 2); «Киргизы Букеевской Орды (антрополого-этнографический очерк)», 1889 г.

[5] Библиография по истории Чкаловской обл., т. I. Чкалов, 1949, рукопись.

2 и 3, Оренбург, 1900 г. (277 стр.), дает большой фактический материал по народному образованию в Тургайской области, приводит выдержки из указов, уставов, положений, инструкций, учебных планов и программ учебных заведений. В конце книги даны «Статистические ведомости о народных училищах и частных учебных заведениях за 1898 гражданский год».

Некоторые данные о состоянии народного образования в Тургайской области можно найти в книге А. В. Васильева «Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние» (Оренбург, 1896).

В книге И. А. Анопова «Опыт систематического обозрения материалов к изучению современного состояния среднего и низшего технического и ремесленного образования в России» (Спб., 1889) имеются некоторые сведения о профессионально-техническом образовании в Казахстане.

С. М. Граменицкий в своих работах «Очерк развития народного образования в Туркестанском крае» (Ташкент, 1896) и «Положение инородческого образования в Сыр-Дарьинской области» (Ташкент, 1916) и Н. П. Остроумов в книгах «К истории народного образования в Туркестанском крае», «Константин Петрович фон Кауфман, устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания (1877—1881)» (Ташкент, 1899), «Мусульманские мектебы и русско-туземные школы в Туркестанском крае» (Ташкент, 1906) и др. дают несколько подробное описание состояния народного образования в Сыр-Дарьинской области Туркестанского края.

В книге В. Недзвецкого «Школьное дело» (1899) имеется ряд конкретных фактов, относящихся к истории школьного образования в Семиречье, а также сводные данные о числе школ и учащихся в области за 1888 и 1899 годы. Отвечая на корреспонденцию из Верного, помещенную в № 49 газеты «Русский Туркестан» за 1899 год, в которой отмечался упадок и печальное состояние школьного образования в Семиреченской области, автор, как преданный слуга царизма, задался целью «рассеять то неблагоприятное впечатление, которое произвело на многих это сообщение», и оправдать исключительно неудовлетворительное состояние школьного образования в области.

Некоторые сведения о состоянии народного образования в Сыр-Дарьинской и Семиреченской областях можно почерпнуть в «Проекте всеподданнейшего отчета ген.-ад. К. П. фон Кауфмана I по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867 г.— 25 марта 1881 г.», Спб., 1885, 503 стр.

С. Г. Рыбаков в статьях «Нужды народного просвещения» («Народное образование», 1889, кн. I и II) и «Просвещение инородцев» («Астраханский Вестник», 1899, № 2964) дает некоторые сведения о школах Внутренней (Букеевской) казахской орды.

Н. И. Ильминский являлся одним из идеологов русификаторства и миссионерства среди нерусских народностей. Но он был одним из тех деятелей, кто объективно способствовал развитию грамотности и народного образования среди казахского населения. В его работах «Из переписки по вопросу о применении русского алфавита к инородческим языкам» (Казань, 1883), «Воспоминания об И. А. Алтынсарине» (Казань, 1891) и др. имеется ряд ценных высказываний об образовании казахов.

История школ и педагогической мысли в дореволюционном Казахстане освещена в советской историко-педагогической литературе лишь частично.

Одним из серьезных исследований в этом отношении является работа А. С. Ситдыкова «Педагогические идеи и просветительная деятельность И. Алтынсарина» (Алма-Ата, 1949). Но, ставя перед собой ограниченные цели, автор, естественно, не мог подробно остановиться на вопросах истории школ всего Казахстана. Поэтому данная им характеристика общественно-педагогического движения в 60-х годах в России и его влияния на И. Алтынсарина, обзор народного образования в отдельных областях Казахстана, а также описание «дальнейших судеб русско-казахских школ» являются несколько схематичными и далеко не полными, а в некоторых случаях допущены фактические неточности.

В работе А. Ф. Эфирова «Нерусские школы Поволжья, Приуралья и Сибири (исторический очерк)» (Москва, 1948) даны некоторые сведения о школах Внутренней (Букеевской) орды, Тургайской, Уральской, Акмолинской и Семипалатинской областей.

В 1960 году изданы «Очерки по истории народного

образования в Туркестане» К. Е. Бендрикова, в которых освещаются вопросы развития школьного образования в Туркестане с 1865 по 1917 год. В «очерках» имеются некоторые общеизвестные факты, касающиеся школ Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей, которые входили в состав Туркестанского края. «Очерки» построены главным образом на основе литературных источников. Автором использованы материалы Центрального архивного управления Узбекской ССР; богатый материал, хранящийся в других архивах, к сожалению, не нашел отражения.

Ряд ценных данных, имеющих отношение к вопросам истории просвещения и педагогической мысли в Казахстане, можно найти в трудах некоторых советских авторов (Х. Г. Айдаровой, К. Бейсембаева, Е. Б. Бекмаханова, С. З. Зиманова, А. Х. Маргулана, Т. Е. Сулейменова, С. Е. Толыбекова и других), опубликованные за последние годы по вопросам истории политического и экономического строя, а также общественной мысли Казахстана. Большую пользу исследователю могут оказать полное собрание сочинений Абая Кунанбаева, избранные произведения И. Алтынсарина (1957 г.) и Ч. Валиханова (1958 г.) в дореволюционный период.

По вопросам истории школ Казахстана в дореволюционный период, начиная с 30-х годов, было защищено несколько кандидатских диссертаций.

Ш. К. Кокумбаев в диссертации «Русско-киргизская (казахская) школа» [1], защищенной в 1937 году, исходит из ошибочной предпосылки, пытаясь «вскрыть миссионерско-русификаторскую сущность педагогических идей, взглядов, деятельности» не только Ильминского, но и Алтынсарина и «показать, какими средствами эти «просветители» достигали своей цели».

Автор ошибочно рассматривал присоединение Казахстана к России как только колонизаторское завоевание края царским правительством и совершенно не увидел прогрессивной роли этого факта. Реакционное феодально-монархическое восстание Кенесары Касымова он охарактеризовал как национально-освободительное движение казахского народа.

---

[1] Научный архив Академии педагогических наук РСФСР, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 35г.

Наряду с Н. И. Ильминским автор причислил А. Е. Алекторова, В. В. Катаринского и И. Алтынсарина к числу идеологов и организаторов русификаторских школ, ничего не говоря о прогрессивном влиянии общественно-педагогической мысли России на развитие просвещения и педагогических идей в Казахстане. Говоря о педагогических идеях и деятельности И. Алтынсарина, автор писал: «Все это вполне совпадает с установками, направлениями и позициями царского самодержавия в вопросе «просвещения» казахского народа. Поэтому мы имеем все основания причислить Алтынсарина к группе проводников русификаторских идей и целеустремлений самодержавия и считать педагогические воззрения и деятельность Алтынсарина в области просвещения реакционными в целом, несмотря на отдельные и частичные положительные моменты в его деятельности» [1].

Автор ошибается, когда пишет о «недоброжелательном и несочувственном отношении к русско-киргизской школе со стороны широких масс казахского народа» [2]. Автор не нашел ничего прогрессивного в русско-казахских школах, считая, что они носят в себе «печать насилия и полицейского режима», что они были отравлены «в качественном содержании ядом миссионерско-русификаторской политики, национальной вражды и т. д.» [3]

Конечно, ошибочность такой трактовки не выдерживает никакой критики и не имеет ничего общего с марксистско-ленинским отношением к наследию прошлого. Несмотря на то, что диссертация была защищена 25 лет тому назад, мы не можем пройти мимо ошибочных положений автора в отношении И. Алтынсарина и русско-казахских школ.

Кандидатская диссертация Л. П. Герасимовой «Из истории педагогического образования в Казахстане», защищенная в 1950 году, посвящена истории учительских семинарий. Она относится, главным образом к началу XX века, так как из описанных ею семи учительских семинарий только две (Омская и Туркестанская), а также Оренбургская учительская школа существовали во вто-

---

[1] Научный архив Академии педагогических наук РСФСР, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 35 г. лл. 56—57.
[2] Там же, л. 87.
[3] Там же, л. 90.

рой половине XIX века. Все остальные были созданы в начале XX века.

Кандидатская диссертация И. Я. Гармс на тему «Народное образование среди казахов дореволюционной России» [1] (1958) по сравнению с многими другими исследованиями является более обстоятельной. Но она охватывает слишком большой промежуток времени, что не могло не отразиться отрицательно на полноте исследования, на использовании, обработке и анализе большого фактического материала. Несмотря на то, что автор дает в основном правильные выводы, в работе преобладают общие рассуждения, а обобщающие данные о численности школ, учащихся, учителей и других показателях школьного образования по всей территории Казахстана не даны. Автором не указана специфика школьного образования в разных областях Казахстана. Кроме того, им не использованы богатые архивные источники г. Ташкента, Ленинграда, Москвы, а также отдельных областей Казахстана.

В автореферате докторской диссертации Ф. Ф. Шамахова «Школа Западной Сибири в конце XIX — начале XX века» (1958) приводятся некоторые факты из истории школы Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей в конце XIX века, так как эти области вместе с Томской и Тобольской губерниями входили в состав Западно-Сибирского учебного округа.

К истории школьного образования в Казахстане имеют некоторое отношение кандидатские диссертации М. Ф. Думенко «Русско-туземные школы Туркестанского края» (1953), В. Т. Кочарова «Из истории организации и развития школьной сети в Туркестанском крае» (1960), Д. Урумбаева «Очерки по истории народного просвещения и школы в Каракалпакии» (1949) и некоторые другие, в которых в известной мере затрагиваются общие вопросы истории возникновения и развития русско-туземных школ в Туркестанском крае, а в некоторых из них дается определенный фактический материал по школам Сыр-Дарьинской области.

Известно, что историки, экономисты, философы, юристы, литераторы и представители некоторых других наук проделали большую работу по изучению экономики,

[1] Архив Академии педагогических наук, Москва.

государственного строя, развития общественной мысли и литературы дореволюционного Казахстана. Но изучение истории общественной мысли и культуры Казахстана не может быть полным без изучения истории просвещения, школы и развития педагогической мысли, что, к сожалению, поставлено совершенно неудовлетворительно. Мы будем считать выполненной поставленную перед собой задачу, если наше исследование в какой-то степени восполнит имеющийся в этом отношении пробел.

Предлагаемая вниманию читателей книга является второй частью исследования автора на тему «Развитие просвещения и педагогической мысли в Казахстане во второй половине XIX века», над которой автор работает на протяжении многих лет. В первой части монографии, опубликованной в 1958 году [1], были изложены социально-экономические предпосылки развития просвещения и педагогической мысли в Казахстане во второй половине XIX века. В ней были освещены вопросы прогрессивного значения присоединения Казахстана к России, влияние общественно-педагогического движения в 60-х годах в России на развитие просвещения и педагогической мысли в Казахстане, а также реакционная политика царизма в области образования казахов. Предмет третьей части монографии составит развитие педагогической мысли в Казахстане во второй половине XIX века, а именно: вопросы языка обучения, светского и религиозного образования, классического и реального образования, женского образования, учебников и учебных пособий, а также отдельные вопросы педагогики и психологии. Сюда же войдет освещение педагогических идей казахских просветителей Чокана Валиханова, Ибрая Алтынсарина и Абая Кунанбаева.

В ходе исследования автору пришлось несколько изменить первоначальный план расположения частей монографии. В данной работе излагается система не только общего, но и профессионально-технического образования в Казахстане во второй половине XIX века.

Система школьного образования в Казахстане являлась составной частью общероссийской школьной системы. Но здесь, как и в других национальных окраинах, существовали две системы школ: одна — для русского

[1] *Т. Т. Тажибаев.* Развитие просвещения и педагогической мысли в Казахстане во второй половине XIX века, ч. I. Алма-Ата, 1958.

населения, а другая — для нерусского населения (русско-казахские, аульные, старшинские, мусульманские школы). Кроме того, особенности исторического и экономического развития Казахстана в целом и, в частности, его отдельных областей накладывали определенный отпечаток на развитие просвещения и школьной системы. Учитывая специфические особенности развития школьного образования в различных областях, автор счел целесообразным расположить материал по отдельным областям, входившим в различные учебные округа. Это, с одной стороны, несколько усложнило работу и повысило ответственность за полноту и достоверность фактического материала. С другой стороны, это дало возможность обобщить фактический материал по областям и вывести основные показатели школьного образования в пределах всего Казахстана.

На наш взгляд, изложение материала по областям, кроме некоторого удобства, имеет практический смысл в изучении истории развития культуры вообще и, в частности, развития народного образования в отдельных областях Казахстана. Во всех главах книги, за исключением первой, дается изложение системы светских школ как правительственных, так и общественных. Религиозные же школы (церковно-приходские и мусульманские), а также и образование взрослых освещаются только в первой главе, где говорится об общем состоянии просвещения и системы школьного образования в Казахстане.

Публикуя вторую часть своего многолетнего труда, автор приносит большую благодарность работникам архивов, а также всем лицам, которые оказывали ему всевозможное содействие в завершении настоящей работы.

ГЛАВА I

ПРОСВЕЩЕНИЕ И ШКОЛЫ КАЗАХСТАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Школы — это главные пружины образования киргизов.., на них и в особенности на них надежда; в них и будущность киргизского народа.

И. АЛТЫНСАРИН.

1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ И СИСТЕМА ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Реформа 1861 года способствовала быстрому развитию не только промышленности в России, но и науки и просвещения. В «Истории полувековой деятельности императорского русского географического общества» (1845—1895 гг.) дана совершенно правильная характеристика развитию русской национальной культуры. «После 1861 года,— говорится в «Истории...»,— вся Россия вместе с Географическим обществом пошла уже несомненно по пути своего национального развития: быстро подвинулись вперед на истинно национальной почве русская наука и искусство, возродилось много научных сил, которых дотоле между русскими было далеко не достаточно, возникли новые ученые Общества»[1].

Общественно-педагогическое движение в 60-х годах дало толчок к развитию просвещения в России. Это новое веяние из центра России постепенно распространялось и на национальные окраины. На территории Казахстана с 70-х годов начали создаваться отдельные научные общества и учреждения, общественные библиотеки и читальни, музеи; начали проводиться публичные чтения. Создавались также отдельные общества по оказанию содействия развитию народного образования.

В 1868 году был создан Туркестанский статистический

[1] История полувековой деятельности императорского русского географического общества (1845—1895 гг.), ч. I. 1896, стр. 23.

комитет, который издал 5 томов «Материалов для статистики Туркестанского края». С 1887 года начали организовываться областные статистические комитеты. Во второй половине XIX века, особенно в его начале, форт Перовского, основанный в 1853 году, и город Верный, основанный в 1854 году, явились опорными пунктами для проведения географических, геологических и этнографических экспедиций на Тянь-Шань, в Семиречье и Среднюю Азию. Не раз экспедиции Семенова-Тян-Шанского и других исследователей Средней Азии и Казахстана базировались в этих городах. Туркестанский отдел Русского географического общества, созданный в 1897 году, организовал ряд экспедиций по исследованию Аральского моря под руководством проф. Л. С. Берга, в результате которых было издано 13 выпусков «Научных результатов Аральской экспедиции». В Туркестанском крае были также организованы Туркестанский отдел Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (1870), отдел Российского общества садоводства (1885), Туркестанский кружок любителей археологии и др.

Туркестанский отдел Русского географического общества являлся одним из его шести отделов, а Семипалатинский подотдел — шестым подотделом Общества.

Общественные библиотеки начали открываться в Казахстане с 1883 года, когда Семипалатинский областной статистический комитет решил сделать свою библиотеку, находившуюся в г. Семипалатинске, общедоступной для населения. В библиотеке были книги 175 наименований в 260 томах, до 200 номеров различных журналов, а также значительное количество «сырого материала» в виде отчетов и протоколов различных научных обществ, комиссий и т. п. Кроме того, библиотеке было передано около 900 названий различных предметов естественно-исторического, этнографического и археологического характера, находившихся в музее, созданном по инициативе секретаря Статистического комитета Е. П. Михаэлиса.

Общественные бесплатные читальни в Тургайской области начали открываться в 90-х годах. В уставе Кустанайской бесплатной народной читальни, утвержденной министром внутренних дел 23 января 1892 года, говорится: «Кустанайская бесплатная народная чи-

тальня утверждается с целью доставить населению города доступное, разнообразное и полезное чтение по всем отраслям человеческого знания». Читальня содержалась на средства Общества попечения о начальном образовании в Кустанайском и Актюбинском уездах (организовано в 1891 году).

24 декабря 1876 года правительством были утверждены «Правила для устройства народных чтений в губернских городах». Согласно этим правилам народные чтения в губернских городах разрешались попечителем учебного округа по предварительному соглашению с местным губернатором. Надзор за ходом чтения возлагался на директоров народных училищ, а при отсутствии последних, по усмотрению попечителя,— на одного из инспекторов. Для публичного чтения допускались лишь «сочинения, одобренные для этой цели» ученым комитетом Министерства народного просвещения. Опасаясь того, что публичные чтения могут «возмутить» умы слушателей, в правилах строго указывалось на то, что «назначенные для публичного чтения сочинения не произносятся, а читаются по тексту, без всяких изменений и дополнений». «Если чтение сопровождается опытами или объясняется картинками, то допускаются разъяснения тех или других на словах, не выходя из предела содержания текста» [1].

Приказом Туркестанского генерал-губернатора в 1876 году была образована Постоянная комиссия для устройства народных чтений в г. Ташкенте под председательством военного губернатора Сыр-Дарьинской области. По предложению Туркестанского генерал-губернатора Кауфмана с 1880 года преподаватели Ташкентской гимназии начали проводить педагогические беседы среди родителей учащихся.

В деле оказания материальной помощи учебным заведениям известная работа была проделана Институтом почетных блюстителей, который начал учреждаться в Тургайской области, начиная с 80-х годов.

В 1891 году было организовано Общество попечения о начальном образовании в Кустанайском и Актюбинском уездах Тургайской области.

В 1900 году в г. Верном было создано «Общество рев-

[1] ЦГА УзССР, ф. 47, «Управление учебными заведениями Туркестанского края», д. 22, л. 20.

нителей просвещения», куда вошло около 120 человек. Общество ставило целью распространение просвещения в среде всех народностей, русских и туземцев. Общество проводило народные чтения, а в 1901 году организовало воскресную школу, которую посещало 92 человека, в том числе 37 русских, 23 казаха, 12 татар, 10 узбеков, 5 уйгур, 4 дунгана и 1 цыган [1].

Состояние просвещения и школьной сети в Казахстане, а также характер их развития во второй половине XIX века соответствовали политике царского правительства в отношении «образования» казахов.

До организации кадетских корпусов еще в конце XVIII века, в 1786 году, в г. Омске была основана «азиатская школа» для подготовки переводчиков, куда также могли приниматься казахи.

Но первая правительственная школа специально для казахских детей была открыта по рескрипту Екатерины II от 28 февраля 1789 года при мечети у Менового двора г. Оренбурга в 1789 году. Школа была мусульманской, находившейся под надзором правительства, с имамом, муэдзином, каиманом и мударисом во главе. В ней обучали детей грамоте и началам мусульманской религии. На содержание школы из Уфимской казенной палаты отпускалось 2 007 рублей. Контингент школы был установлен в 64 человека, но обучалось детей в ней всегда меньше. Например, в 1808 году ее посещало всего лишь 12 казахских мальчиков. Школа не пользовалась популярностью среди казахского населения. Ввиду ветхости школьного здания ученики были переведены в Сеитовскую и Каргалинскую слободу, находившуюся от Оренбурга в 18 верстах.

Школа при Меновом дворе, как и некоторые другие школы, открытые при мечетях, существовали недолго, так как они были безжизненными.

Первым учебным заведением в Оренбургской губернии, куда разрешался доступ казахским детям, был Неплюевский кадетский корпус, основанный в 1825 году. Первыми его воспитанниками были дети казахов из Внутренней орды. В 1840 году в корпусе было установлено 10 стипендий для детей «почетных» казахов, то есть казахских султанов, биев и старшин Внутренней орды, а затем еще

[1] См.: «Обзор Семиреченской области за 1901 год», стр. 32.

20 стипендий для детей казахов Оренбургского ведомства

Выпускники кадетского корпуса — казахи устраивались на различные административные должности в степи. Таким образом, предоставление специального военного образования казахским детям оказалось бесполезным, так как казахское население на военную службу не принималось.

В 1851 году Неплюевский кадетский корпус окончило 37 человек, из которых 32 человека были определены в войсковые части офицерами и 5 человек — унтер-офицерами. Среди выпускников было 7 казахов, преимущественно дети султанов, биев и старшин, а именно: Арслангирей Букейханов — сын султана Внутренней казахской орды, Султанмахмут Джантюрин — сын султана восточной части Внутренней казахской орды, Зюлкарней Нуралиханов — сын султана Внутренней казахской орды, Мухамеджан Бекмухамедов — сын бия Внутренней орды, Султан Чалабаев — сын бия восточной части Орды, Мухамедсалих Бабажанов — сын старшины-есаула Внутренней орды, Мурзагалий Сангрыков — сын старшины Внутренней орды и Юсуф Ниязов — сын хорунжего Внутренней орды. Из этих лиц еще до окончания кадетского корпуса четверо имели чины младших унтер-офицеров (Ниязов, Бекмухамедов, Букейханов и Бабажанов). Из числа казахов-выпускников курс обучения окончили двое с «лучшим успехом», трое — с «удовлетворительным» и трое со слабыми успехами (Джантюрин, Сангрыков и Нуралиханов).

В 1866 году кадетский корпус был переименован в Неплюевскую военную гимназию, в связи с чем стипендии для казахских детей были отменены. Последние могли поступить в гимназию на общих основаниях: дети офицеров — на казенное содержание, дети «потомственных дворян» — своекоштными.

Другим учебным заведением, куда разрешался доступ казахским мальчикам, являлся Омский кадетский корпус, который был преобразован из «войскового казачьего училища», созданного в 1826 году. Как и в Оренбургский кадетский корпус, сюда принимались дети казахской феодальной верхушки. Здесь с 1847 по 1853 год учился первый казахский просветитель Чокан Валиханов.

Наряду с кадетскими корпусами, куда разрешался

доступ детям привилегированной верхушки казахского населения, царское правительство, учитывая настоятельные просьбы казахов, вынуждено было открыть специальные школы. Такими были казахская школа в Ханской Ставке Внутренней (Букеевской) казахской орды, открытая в 1841 году, и казахская школа при Оренбургской пограничной комиссии, открытая в 1850 году. Несколько позже была открыта русско-казахская школа в г. Уральске.

Несмотря на требования жизни, царское правительство всячески тормозило открытие казахских школ даже тогда, когда инициатива в их открытии исходила от царских чиновников казахов — правителей степи. Об этом ярко свидетельствует история с организацией школы при ставке управляющего восточной частью Орды Ахмета Джантюрина.

Как видно из письма Пограничной комиссии на имя Оренбургского военного губернатора от 2 сентября 1849 года, Ахмет Джантюрин еще в 1845 году просил Пограничную комиссию разрешить ему открыть при его ставке казахскую школу. Свою просьбу он мотивировал тем, что «киргизы вверенной ему части орды по дикости и значительной отдаленности кочевьев от г. Оренбурга не решаются определять детей своих в имеющуюся быть открытой при Комиссии школу, что, между тем, необходимость в грамотных людях, которых чрезвычайно немного в его части, слишком велика...» [1]

Председатель Пограничной комиссии, как указывается в письме, понимая эту нерешительность временной, свойственной вообще киргизам, неохотно принимающим всякое нововведение до тех пор, пока опыт и время не убедят их в пользе его, рекомендовал Ахмету Джантюрину обождать до открытия школы при комиссии, после чего, если обстоятельства не переменятся, войти с особым представлением [2].

Несмотря на то, что Положение о школе было утверждено еще 14 июня 1844 года, ее открытие было задержано. 22 февраля 1849 года Джантюрин снова обратился к председателю Пограничной комиссии с просьбой об открытии школы при его ставке. Он писал, что время не

---

[1] Госархив Оренбургской области, ф. 6, д. 6170, л. 1.
[2] Там же.

устранило причин, побуждающих к открытию казахской школы, что «открытия ее желают почти все киргизы его части», то с организацией такой школы все богатые ордынцы не будут больше поручать обучение своих детей полуграмотным татарским и башкирским муллам, «которые, исполняя вообще дурно свою прямую обязанность, успевают внушать детям понятия неблаговидные и вредные» [1], а будут определять их в предполагаемую к открытию казахскую школу.

Школа рассчитывалась на 40 детей. Курс школьного обучения должен был ограничиться «чтением и письмом на русском и татарском языках», «толкованием основных начал магометанской веры», а также «четырьмя первыми действиями арифметики на счетах». Учитель русского языка должен был назначаться правительством, а учитель татарского языка и его помощник — из «уважаемых и знающих людей магометанского духовного звания». Срок обучения предполагался три года с представлением желающим возможности остаться в школе еще на один год. Учебные пособия должны были приобретаться за счет казны. Общий расход на содержание школы на первый год определялся в 930 рублей. Пищу и одежду мальчики должны были иметь свою, лишь на питание бедных детей предусматривалось 120 рублей в год.

Султан Джантюрин обязался обеспечить поступление благотворительных пожертвований от казахов, обеспечить сооружение кибиток для летнего помещения учителя и учащихся, а также арб для перекочевок. Далее он сообщал, что если правительство не выделит средств для организации школы, то эти средства могут быть найдены путем самообложения казахского населения.

Предполагалось, что более способные учащиеся по окончании ими этой школы будут определены в школу при Пограничной комиссии, а остальные — на должности письмоводителей при родоправителях, дистаночных и местных начальниках.

Пограничная комиссия поддержала ходатайство Ахмета Джантюрина. «Повергая все это на усмотрение Вашего превосходительства,— говорилось в письме Пограничной комиссии на имя оренбургского военного губернатора,— Пограничная комиссия обязывается доло-

[1] Госархив Оренбургской области, ф. 6, д. 6170, л. 2.

жить, что мысль управляющего восточной частью Орды открыть при ставке заведение, которое, распространив в Орде грамотность и, познакомив киргиз с видами образования детей и заохотив их к этому, в то же время приготовить способных воспитанников в Неплюевский корпус и школу при комиссии, она находит совершенно полезно и основательно, что осуществление этой цели, по ее мнению, для Восточной части в особенности необходимо, ибо, во-первых, в этой части значительно меньше грамотных людей, нежели в других частях, что, естественно, должно иногда ставить правителя в затруднение при желании исполнять распоряжения начальства в надлежащей полноте и отчетливости, во-вторых, султан Ахмет Джантюрин справедливо обвиняет своих киргиз в дикости и неохотном пользовании теми выгодами, которые дает им для образования детей правительство...»[1] В письме также отмечалось, что в казахской школе при Пограничной комиссии из восточной части Орды обучается лишь 5 детей и что эта школа в скором времени не может принести для восточной части «ожидаемых результатов». Кроме того, комиссия, указывая на незначительность расходов для школы, писала: «Пограничная комиссия находит, что исполнение просьбы султана Джантюрина и с этой стороны удобоисполнимо и возможно». Комиссия просила открыть школу на правах приходских училищ.

Однако Оренбургский военный губернатор генерал Обручев не поддержал ходатайство Ахмета Джантюрина и Пограничной комиссии. Обручев в своем письме к министру иностранных дел Л. Г. Сенявину от 11 октября 1849 года, излагая сущность просьбы А. Джантюрина, а также сообщая положительное мнение Пограничной комиссии об открытии казахской школы, писал: «...я со своей стороны не нахожу, чтобы учреждение при ставке султана правителя школы было столь полезно, как полагает комиссия, ибо, во-первых, успехи в русском языке будут самые ничтожные по неимению практики, что один предполагаемый русский учитель вознаградить никак не может, а во-вторых, утверждение этого предположения подало бы повод к подобному же ходатайству со стороны прочих султанов правителей и тогда во вновь учрежденную при Пограничной комиссии школу едва ли ордынцы

[1] Госархив Оренбургской области, ф. 6, д. 6170, л. 1б.

захотят уже отдавать детей своих, имея возможность воспитывать их в глазах своих в школе при ставке султана правителя»[1].

Как видно, военного губернатора беспокоило не отсутствие школ и не необходимость учреждения новых школ для обучения казахских детей, а забота лишь бы укомплектовать единственную школу, учреждаемую при Пограничной комиссии, в которую в то время было найдено лишь 10 кандидатов.

На такое представление не замедлил ответ из министерства иностранных дел.

В письме министра на имя Обручева от 21 ноября 1849 года мы читаем: «Разделяя по сему предмету мысли Вашего превосходительства, я вообще нахожу вышеизъясненную меру об учреждении школы при ставке султана правителя восточной части Орды (когда еще не открыта школа при Пограничной комиссии) рановременной и потому полагал бы приостановиться всякими на счет сего распоряжениями. Тем не менее, можно бы, по моему мнению, объявить султану Ахмету, что хотя начальство и не признает теперь удобным привести в исполнение его предложние, но, во всяком случае, видит в оном новое доказательство его усердия и желания споспешествовать благим намерениям правительства»[2].

Получив такое указание, генерал Обручев поспешил сообщить его содержание Оренбургской пограничной комиссии.

Таким образом, одна из первых попыток открыть казахскую школу в среде казахского населения потерпела неудачу.

Нет сомнения, что ходатайство Ахмета Джантюрина об открытии школы является некоторым отражением роста потребности среди казахского населения к образованию, по крайней мере более зажиточных слоев населения, которые оказывали соответствующее давление на своих правителей. Подтверждением этому является также большое количество приговоров об открытии школ, которые принимались казахами.

Первая казахская школа с преподаванием русского языка на территории Казахстана была открыта в 1841 го-

[1] Госархив Оренбургской области, ф. 6, д. 6170, л. 1б.
[2] Там же, лл. 12—13.

ду в Ханской ставке Внутренней (Букеевской) казахской орды. Вторая казахская школа была открыта только через 9 лет, в 1850 году в г. Оренбурге при Пограничной комиссии для подготовки детей султанов, биев и зажиточной части казахского населения письмоводителями и переводчиками.

Но эти школы ввиду их ограниченных целей, узкого состава учащихся и дороговизны их не могли удовлетворить потребностей ни казахского населения, ни царской администрации. Поэтому неоднократно вставал вопрос об организации общеобразовательных школ, которые обходились бы недорого и охватывали бы детей более широких слоев казахского населения. Такими школами должны были стать русско-казахские школы, которые начали открываться с 1861 года в г. Троицке и четырех степных укреплениях: оренбургском (г. Тургай), уральском (г. Иргиз), форте № 1 (г. Казалинск) и форте Перовском. Учителями этих школ были первые выпускники Оренбургской казахской школы при областном правлении (Пограничной комиссии).

Главный инициатор организации Троицкой школы первоначальной грамотности председатель областного правления оренбургскими казахами В. В. Григорьев считал, что нет необходимости размножать в России число чиновников увеличением числа общеобразовательных школ вроде гимназий, уездных училищ и кадетских корпусов.

По замыслам Григорьева, Троицкая школа должна была давать казахам лишь первоначальную грамотность, а более способные ученики, оканчивающие эту школу, могли поступать в Оренбургскую казахскую школу при областном правлении. Предлагалось не определять ни срока обучения в школе, ни возраста для приема в школу. Но каждый ученик мог находиться в школе не более четырех лет, после чего он должен быть исключен из школы. Русские дети могли приниматься в школу в качестве приходящих, а все казахские дети должны были находиться в интернате. Учителями в школу могли назначаться выпускники Неплюевского кадетского корпуса и Оренбургской казахской школы. На первоначальное обзаведение школы рекомендовалось отпустить 250 рублей и на ее ежегодное содержание 1 300 рублей, что и было утверждено правительством.

Григорьев считал целесообразным ввести в школе преподавание русской и татарской грамоты, четырех элементарных арифметических действий, а также «магометанского закона», ограничив его только магометанским катехизисом (иман шарты) и афтиеком (седьмой частью Корана), ни в коем случае не вдаваясь в «тонкости шариата (мусульманского права)». Для преподавания магометанского вероучения он считал более полезным иметь казахского муллу, а не татарского.

В 1862 году оренбургским и самарским генерал-губернатором Безак было утверждено положение о казахских школах при четырех укреплениях.

Русско-казахские школы при укреплениях оставались беспризорными; царская администрация не уделяла им должного внимания: они не были обеспечены ни помещениями, ни учителями, ни учебниками и учебными пособиями. Казахское население не проявило особого интереса к этим школам. Ввиду неиспользования в течение 1869—1871 годов 8 тысяч рублей, ежегодно отпускаемых на содержание школ при укреплениях, правительство в 1873 году сократило эту дотацию более чем наполовину, оставив лишь 3 465 рублей, чем был нанесен большой ущерб дальнейшему росту контингента этих школ.

С согласия казахских обществ на цели народного образования в Тургайской области был установлен покибиточный сбор от 7 до 10 копеек. Кроме того, было решено выделять на эти цели часть доходов с промыслов и штрафы, а также отчислять определенный процент с доходов от капитала общественных ссудных касс.

Тогда же инспектор «инородческих» школ Казанского учебного округа Радлов подал мысль об организации степных «походных» школ. Но эта идея не получила одобрения высшей царской администрации и не была реализована.

В 1874 году русско-казахские школы Тургайской области были переданы в ведение министерства народного просвещения. В «Отчете о народном образовании в Тургайской области» за 1885 год говорится, что «начальники уездов, имея множество занятий по прямым своим обязанностям, оставляли эти школы почти без всякого надзора, а потом они скоро потеряли для киргиз всякое значение, а одна из них, именно в Иргизе, по неимению преподавателей и учащихся, закрылась, не оставив после

себя в киргизах никаких следов ни знания русского языка, ни грамотности» [1].

Опыт работы казахских школ при укреплениях, в частности Казалинской и Перовской, не оправдал надежд царской администрации. Инспектор народных училищ Туркестанского края Н. П. Остроумов писал: «Из этих школ не вышло ни одного обруселого, ни образованного киргиза, так как обе школы обладали слишком мелкими образовательными средствами и еще потому, что учителями в этих школах были инородцы, едва ли проникнутые идеей обрусения» [2].

Работа Казалинской и Перовской школ несколько улучшилась лишь тогда, когда они были переданы в ведение Министерства народного просвещения и были преобразованы в городские училища, после того как в них были назначены квалифицированные учителя, окончившие Петербургский университет и Казанскую духовную академию.

Учитывая неудачный опыт организации казахских школ при укреплениях, царская администрация начала искать другие типы школ, которые более удовлетворяли бы как царское правительство, так и казахское население.

Политика царского правительства в отношении образования казахов была официально выражена во «Временных положениях» 1867—1868 годов об управлении казахскими областями, а также, как уже отмечалось нами в первой части нашей монографии, в докладе министра народного просвещения Д. А. Толстого, утвержденном правительством в 1870 году.

Во «Временном положении об управлении в областях Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской» были установлены основные принципы развития просвещения в Казахстане. Казахи по общественным приговорам могли устанавливать особые сборы на организацию школ и для других «благотворительных целей». Муллы должны были получать разрешения уездного начальника на право преподавания местному населению

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 171, д. 2412, 1890—1892 гг.

[2] *Н. П. Остроумов.* Исторический очерк народного образования в городах и укреплениях Сыр-Дарьинской линии и Туркестанской области до учреждения Туркестанского генерал-губернаторства (по архивным данным). В кн.: Остроумов, К. П. фон Кауфман... Личные воспоминания. Ташкент, 1899.

грамоты, а также на организацию при мечетях школ, которые могли содержаться за счет казахского населения. При каждом уездном управлении должна была открыться «для всех без различия народностей» правительственная школа по «первоначальному образованию». Программа обучения в этих школах должна была утверждаться генерал-губернатором с согласия Министерства народного просвещения. С разрешения местного начальства учителя этих школ могли обучать у себя на дому казахских детей. Дети казахов могли также поступать в станичные и поселковые русские школы бесплатно или за умеренную плату по договоренности с соответствующими обществами. Наблюдение за преподаванием в школах и у частных лиц возлагалось на уездные и областные начальства, а «высший надзор» — на Министерство народного просвещения.

Еще до опубликования «Мер» по образованию «инородцев» Н. И. Ильминский в своем заключении на докладную записку Оренбургского генерал-губернатора Крыжановского — «Мнение по вопросу о мерах по образованию киргиз», написанную по поручению министра народного просвещения Толстого, изложил свои мысли об образовании казахов. Он предлагал, чтобы в казахских школах было не татарско-магометанское, а казахско-русское направление, чтобы обучение в школах было не только популярным, то есть понятным для детей и взрослых, но и занимательным и полезным для казахов. Он предлагал распространить русское образование как можно шире среди казахского населения, и чтобы это образование было и «русским» и «общечеловеческим».

Царское правительство в лице татарских мулл видело не только распространителей магометанской религии среди казахов, но и противников распространения влияния России в Казахстане и Средней Азии.

Генерал-губернатор Оренбургского края Крыжановский в 1867 году представил министру внутренних дел Валуеву докладную записку «О мерах борьбы с распространением магометанства в восточной половине России», в которой он выражал тревогу по поводу усиления влияния мусульманства в Туркестане. Выражая особое беспокойство ростом влияния татар на казахское население, он предлагал объединить казахские школы с русскими школами, ввести обучение на русском языке, возложив

преподавание на русских священников и дав им в помощники казахских учителей, которые смогут обучать казахских детей «казахской» грамоте и письму. Кроме того, он рекомендовал взять на учет все мусульманские школы и поставить их под наблюдение «мировых посредников», запретить открытие мусульманских школ без разрешения губернаторов, запретить лицам из казахов держать письмоводителей из татар и башкир.

Почти через десять лет, как отмечает попечитель Оренбургского учебного округа Д. С. Михайлов в своем «Отчете о народном образовании в Тургайской области» за 1885 год, под председательством министра народного просвещения Толстого в 1876 году во время его инспектирования учебных заведений Оренбургского учебного округа, в г. Оренбурге было созвано совещание, на котором обсуждались вопросы образования казахов Оренбургского края. На совещании приняли участие генерал-губернатор Крыжановский, попечитель учебного округа Лавровский, директор Казанской учительской семинарии Н. И. Ильминский, а также губернаторы Тургайской и Уральской областей.

На совещании главным предметом обсуждения был вопрос «о способах распространения между киргизами русской грамотности и о применимости, в этих видах, русского алфавита к киргизскому языку» [1]. В результате обсуждения этого вопроса «было установлено, что русский алфавит вполне приемлем к киргизскому языку, но для ведения учебы в русско-киргизских школах, предполагавшихся тогда в степных волостях, не имеется налицо учителей, знающих киргизский язык, без чего невозможно вообще обучение русскому языку киргизских детей, не знающих при поступлении в школу ни одного русского слова» [2].

Для подготовки необходимых учителей для таких школ было решено учредить в крае казахскую учительскую школу.

Попечитель Оренбургского учебного округа Лавровский в своем отчете за 1875 год отмечал, что до передачи в ведение Министерства народного просвещения «инородческие» школы Оренбургской и Уфимской губерний,

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, 1885, д. 1398.
[2] Там же.

а также Внутренней казахской орды, Уральской и Тургайской областей, находившиеся в ведении различных ведомств «мало обращали на себя внимание правительства... не были связаны между собой никакой руководящей мыслью, не подлежали никакому общему надзору и не имели ни единства в направлении с общепринятой в империи системой, ни успешного хода в своем развитии» [1].

Попечитель отмечал, что внимание министерства сразу же было обращено на составление учебников по русскому языку на русском и татарском языках. Имея в виду, что казахские школы находились в «зачаточном состоянии», попечитель поручил инспектору татарских, башкирских и казахских школ Катаринскому первым долгом, «применяясь к мировоззрению киргиза», составить первоначальный учебник для казахских школ на основе русского алфавита.

11 декабря 1879 года Оренбургский генерал-губернатор Крыжановский в письме [2] к министру народного просвещения изложил план развития народного образования в Тургайской и Уральской областях. Он считал необходимым срочно учредить учительский институт для казахов, в каждой казахской волости открыть народную школу. Выпускников школ предлагалось назначать на должности аульных старшин, волостных писарей и мулл, а когда значительное большинство этих должностей будет занято казахами, предложить муллам перевести «с особыми осторожностями» духовные книги на казахский язык с русским алфавитом.

Крыжановский придавал большое значение открытию казахской учительской школы, только которая, по его мнению, и «может доставить достойный комплект учителей в киргизские школы из самих киргиз». Письмо свое он заканчивал следующими словами: «Введением русского алфавита в киргизскую письменность и умножением народных киргизских школ вернее всего можно устранить то неблагоприятное влияние татаршины на киргиз...»

Казахская учительская школа была открыта в 1883 году в г. Орске Оренбургской губернии. Еще до этого в 1879 году была учреждена должность инспектора школ

[1] Госархив Оренбургской обл., ф. 74, оп. 1, д. 1а, 1875, лл. 56—58.

[2] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 170, 1883, д. 653, лл. 130—132.

Тургайской области, на занятие которой был приглашен учитель Ибрай Алтынсарин.

За консультацией к Н. И. Ильминскому, как к знатоку «инородческого» образования, обратился также генерал-губернатор Туркестанского края фон Кауфман. Перед тем как приступить к образованию казахов, он познакомился с педагогической системой Ильминского.

«Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев», опубликованный в 1869 году, и закон «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев», изданный в марте 1870 года, решения вышеупомянутого совещания, а также педагогические идеи Ильминского были положены Кауфманом в основу образования местного населения Казахстана и Средней Азии, в том числе и в Туркестанском крае.

Исходя из того, что вмешательство в религиозные дела мусульман лишь может повредить русским интересам в Средней Азии, фон Кауфман проводил политику «невмешательства» в религиозные дела мусульманства и политику «игнорирования» мусульманских школ. Учитывая недостаточную распространенность ислама среди казахов и киргизов, незараженность их мусульманским фанатизмом, он считал, что казахи и киргизы более податливы к европейской цивилизации и могут легче усвоить русскую грамоту. Поэтому он предлагал обратить особое внимание учреждению школ среди казахского и киргизского населения. По этой же причине он настоял на введении преподавания казахского языка в учительской семинарии вместо узбекского и таджикского.

Но, как указывал главный инспектор народных училищ края Забелин, преподавание в русско-туземных школах велось исключительно на русском языке, учителя не только не знали местных языков, но и в процессе преподавания совершенно игнорировали национальные особенности детей, национальные интересы и права местного населения. Даже «закон божий» преподавался русским детям в присутствии детей местного населения.

Генерал-губернатор Розенбах, заменивший Кауфмана, нашел ошибочной политику «игнорирования», которая проводилась его предшественником. Поэтому с разрешения правительства было введено преподавание в русско-туземных школах мусульманского вероучения, а также

обращено особое внимание созданию русско-туземных школ среди оседлого населения.

На «совещании по инородческому образованию», которое состоялось в Ташкенте 27—28 августа 1909 года, директор народных училищ Сыр-Дарьинской области Граменицкий, касаясь введения согласно указу от 20 июня 1886 года преподавания «туземной грамоты и основ мусульманского вероучения» в русско-туземных школах, заявил, что сделан «был первый и большой шаг вперед в деле привлечения детей инородцев в русско-мусульманские школы, так как введение этих предметов обучения и поручение их местным учителям, избираемым из среды местного населения, доставляло учащимся те знания, какие они считали необходимыми и издавна привыкли получать в своих мектебах и устраняло их естественное недоверие к русской школе» [1].

Новый министр просвещения И. Д. Делянов, вступив в исполнение своих обязанностей, 5 мая 1881 года разослал попечителям учебных округов и начальникам учебных заведений циркулярное письмо, в котором излагались «основные начала» в области народного образования. Перед средними учебными заведениями, кроме сообщения учащимся знаний, ставилась задача развить у них «крепость нравственной природы и характера. Расположение к серьезному труду, развитие умственных способностей, уважение к началам религии доброй нравственности, привычки к порядку, к законности, к честному исполнению долга...» [2] Министр предлагал установить строгую дисциплину в учебной и воспитательной работе.

Указывая на то, что правительство «сохраняет за собой право общего направления» и «контроля» над деятельностью низших учебных заведений, министр предлагал тщательно подбирать директоров и инспекторов народных училищ. Он считал необходимым «обращать особенное внимание на то, что религиозное образование народа есть главный краеугольный камень народной школы».

Эти «основные начала» строго претворялись в жизнь и в школах Казахстана. Царская администрация пыталась использовать школу в качестве проводника политики

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 1004, лл. 22—42.
[2] ЦГИА КазССР, ф. 90, оп. 1, св. 1, лл. 51—54.

царизма среди казахского народа. Об этом красноречиво говорится в «Отчете о состоянии учебных заведений Тургайской области за 1898 гражданский год», составленный инспектором народных училищ Тургайской области А. Е. Алекторовым.

«Школа в киргизской степи,— писал он,— кроме своих общеобразовательных задач, играет еще роль политическую: она связывает киргизский народ с коренным русским народом, прививая киргизам государственный язык; она знакомит с обычаями и взглядами русского народа, хотя медленно, но систематично вводит киргизов в семью русских, противоборствуя началам мусульманской исключительности и ослабляя мусульманский фанатизм, привитый киргизам выходцами из Бухары и других мест процветания ислама. Вот почему правительству необходимо усиленно заботиться о широком развитии в степи образования киргизов и, прежде всего, не останавливаться перед затратами на увеличение общеобразовательных заведений, а затем следует обратить внимание на устройство ремесленных училищ и сельскохозяйственных, так как жизнь киргизов естественным путем идет вперед и предъявляет все новые и новые требования, особенно в Кустанайском уезде, где замечается постепенное оседание»[1].

К концу прошлого века на территории Казахстана существовала следующая правительственная система школьного образования.

Средние учебные заведения: мужские и женские гимназии и реальные училища. К средним учебным заведениям приравнивались и учительские семинарии, хотя общеобразовательный курс в них был несколько ниже, чем в средних учебных заведениях.

Начальные учебные заведения: прогимназии, городские училища, приходские училища (мужские, женские и для совместного обучения детей обоего пола), русско-казахские и русско-туземные училища и школы, аульные школы и школы первоначальной грамотности;

Профессиональные учебные заведения: учительские семинарии и казахская учительская школа при областном правлении оренбургскими казаками, сельскохозяйственные школы, фельдшерская школа, Тургайская ремеслен-

[1] *А. Е. Алекторов.* Очерк народного образования в Тургайской области. Летопись 1844—1898 гг., вып. 3. Оренбург, 1900, стр. 245—246.

ная школа, школа ремесленных учеников в г. Уральске, мореходная школа в г. Гурьеве. Кроме того, трудовое обучение учащихся проводилось в ремесленных отделениях и классах при школах, на уроках ручного труда и рукоделия, а также на пришкольных участках.

Помимо правительственных учебных заведений, в Казахстане существовали церковно-приходские школы и школы грамотности, подведомственные епархиальным советам, воскресные школы, а также мусульманские школы (мектебы и медресе), находившиеся при мечетях и содержавшиеся частными лицами или обществами верующих.

К концу прошлого века на территории Казахстана было две восьмиклассные мужские гимназии, две семиклассные женские гимназии, Верненская восьмиклассная воинская гимназия, а также 6, 7 и 8 классы мужской гимназии при реальном училище в г. Уральске. Кроме того, существовали четырехклассная мужская и пятиклассная женская прогимназии в г. Семипалатинске, пятиклассная женская прогимназия в г. Уральске. При гимназиях и прогимназиях существовали приготовительные классы, а при некоторых из них — педагогические классы.

На территории Казахстана было всего 2 реальных училища с шестиклассным курсом обучения.

К средним учебным заведениям приравнивались также учительские семинарии в гг. Омске и Ташкенте, где находился центр Сыр-Дарьинской области. Оренбургская казахская учительская школа относилась к разряду начальных училищ.

К концу прошлого века на территории Казахстана было 13 городских училищ (по положению 31 мая 1872 года), в том числе пятиклассные — в г. Семипалатинске, трехклассные — в гг. Семипалатинске, Зайсане, Усть-Каменогорске, Казалинске и Перовске, двухклассные — в гг. Кустанае, Чимкенте, Аулие-Ате, Туркестане, Капале, Лепсинске и Джаркенте. Городские училища Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей были русско-туземными. Русские приходские училища были учреждены по уставу 8 декабря 1828 года.

Двухклассные русско-казахские училища в уездных центрах Тургайской области имели шестилетний курс обучения и соответствовали двухклассным сельским училищам по положению 4 июня 1875 года.

Участковые одноклассные русско-казахские училища, существовавшие в каждой части Внутренней казахской орды, а также волостные школы Тургайской области являлись четырехлетними и соответствовали одноклассным училищам применительно к параграфу 13 Инструкции от 4 июня 1875 года.

С середины XIX века в Казахстане начинают открываться школы нового типа — русско-казахские, которые, по мнению царского правительства, наиболее соответствовали целям проведения колонизаторской политики.

Эти школы содержались за счет государства. В первое время в них обучались главным образом дети казахской феодально-байской верхушки. Затем в эти школы начали поступать дети казахских трудящихся, а в интернатах и сельскохозяйственных школах учились преимущественно дети бедняков и сироты.

Однако русско-казахские школы не оправдали надежд правящих классов и поэтому не получили широкого распространения. Цель царского правительства подготовить из местного населения через русско-казахские и русско-туземные школы послушных проводников своей колонизаторской политики не была достигнута. Большинство выпускников этих школ, обучившись русской грамоте, ближе познакомившись с колонизаторской политикой царского самодержавия, вставали на защиту интересов бесправного и угнетенного народа, а некоторые из них вставали в ряды передовой казахской интеллигенции. Таким образом, русско-казахские школы объективно сыграли прогрессивную роль в приобщении казахской молодежи к прогрессивной русской культуре, в подготовке отдельных представителей передовой казахской интеллигенции.

Старшинские школы во Внутренней орде, аульные школы в Тургайской и других областях, а также русско-туземные школы начальной грамотности, существовавшие в Туркестанском крае, являлись двухлетними.

Территория Казахстана, как известно, была разобщена: она по частям входила в Астраханскую губернию (Внутренняя казахская орда), в Оренбургскую губернию (Тургайская и Уральская области), в Степной край (Акмолинская и Семипалатинская области) и в Туркестанское генерал-губернаторство (Сыр-Дарьинская и Семиреченская области).

В целом система русского школьного образования в различных частях Казахстана была одинаковой и соответствовала общероссийской системе, но в отдельных областях, входивших в разные края и губернии России, имелись некоторые специфические особенности.

Например, система школьного образования во Внутренней (Букеевской) казахской орде несколько отличалась от системы школьного образования не только других частей России, но и других областей в Казахстане. В Орде было два типа правительственных школ — двухклассные с шестилетним курсом обучения и одноклассные участковые русско-казахские школы с четырехлетним курсом обучения. Кроме того, там имелись старшинские или аульные школы, находившиеся на содержании казахских обществ; существовали также мусульманские школы. Русских школ, в том числе и церковно-приходских школ, в Орде не было. Там не было также средних учебных заведений. Царская администрация сделала попытку построить систему школьного образования в Орде по образцу школьной системы Казанского округа. Двухклассная русско-казахская школа в Ханской Ставке — центре Орды, наподобие крещено-татарской школы в г. Казани, должна была явиться центральной школой, а 7 участковых школ, находившихся в семи частях Орды, должны были явиться своего рода филиалами ее. Открывшиеся в конце века старшинские школы, в свою очередь, должны были находиться в подчиненном положении к участковым школам. Однако, несмотря на внешнее сходство школьной системы Орды с системой крещено-татарских школ, система Ильминского во Внутренней орде полностью не привилась.

В Тургайской и Уральской областях, учебные заведения которых входили в состав Оренбургского учебного округа, уездные двухклассные русско-казахские училища находились на положении центральных по отношению к волостным школам. В конце прошлого века в Тургайской области были распространены аульные школы, созданные по инициативе казахского просветителя и выдающегося педагога И. Алтынсарина, работавшего в то время инспектором казахских школ Тургайской области. Такие же школы затем были созданы в Уральской и других областях Казахстана.

Средних учебных заведений в Тургайской области,

как и во Внутренней орде, не было. Дети казахов, желающие обучаться в средних учебных заведениях, могли поступать в гимназию и реальное училище в г. Оренбурге, в котором находился административный центр Тургайской области. Оренбургская казахская учительская школа обслуживала также Тургайскую, Уральскую области и Внутреннюю орду.

В Акмолинской и Семипалатинской областях, учебные заведения которых входили в Западно-Сибирский учебный округ, основным типом учебных заведений для казахского населения являлись школы-интернаты, которые в 90-х годах были преобразованы в низшие сельскохозяйственные школы. В конце века в этих областях начали организовываться аульные школы по примеру Тургайской области. Система школьного образования для детей русского населения, как и в других областях, была однотипной.

Сыр-Дарьинская и Семиреченская области, учебные заведения которых входили в состав управления учебными заведениями Туркестанского края, являлись многонациональными. Кроме основного населения этих областей — казахов, а также киргизов и узбеков, там проживали компактными группами русские и украинские переселенцы, а также переселившиеся из Китая уйгуры и дунгане. Поэтому основными учебными заведениями, предназначенными для местного коренного населения, являлись «русско-туземные» школы. Кроме того, при этих школах, а также при гимназиях и городских училищах существовали интернаты и «ученические квартиры», предназначенные главным образом для детей туземного населения. Отдельные передвижные аульные школы начали открываться только в конце века. В оседлых населенных пунктах Сыр-Дарьинской области открывались школы элементарной грамотности.

Организация приходских школ для русских детей, а также русско-киргизских и русско-туземных школ для детей казахского и другого нерусского населения на территории Казахстана несколько улучшила постановку школьного образования в крае. Но этим еще не завершалась система школьного образования в Казахстане: не хватало элементарных народных школ для обучения основной массы казахского населения. Такими школами явились аульные школы, созданные в казахских облас-

Число начальных школ и учащихся

№№ пп	Области	Территория в кв. верстах	Число населения	Число детей школьного возраста	Школ	Число учащихся	Одна школа приходится на: территорию в кв. верст.	Одна школа приходится на: число населения
1.	Акмолинская	512 222	678 957	61 106	160	7 059	3 201	4 243
		в т. ч. по М. Н. П.			22	2 282		
2.	Тургайская	386 503	453 123	40 781	126	3 204	3 069	3 596
		в т. ч. по М. Н. П.			93	2 292		
3.	Семипалатинская	405 819	685 197	61 668	81	3 219	5 010	8 459
		в т. ч. по М. Н. П.			12	1 269		
4.	Семиреченская	328 966	990 107	89 110	43	3 010	7 650	23 026
		в т. ч. по М. Н. П.			43	3 010		
5.	Сыр-Дарьинская	441 837	1 479 848	133 186	119	5 507	3 713	12 436
		в т. ч. по М. Н. П.			69	3 811		
6.	Уральская	313 328	644 001	57 960	177	6 477	1 811	3 723
					15	1 117		
7.	Внутренняя (Букеевская) казахская орда	—	263 000	около 31 000	24	637	—	19 583
		в т. ч. по М. Н. П.			8	339		
	Всего:		5 194 233	474 811	730	29 113		7 115
	в т. ч. по М. Н. П.				262	14 120		

*без церковно-приходских и мусульманских школ.

тях Оренбургского и Степного краев, а также школы грамотности — в казахских областях, находившихся в составе Туркестанского края. Созданием таких школ в последнем пятилетии прошлого века утвердилась определенная система школьного образования в Казахстане, которая существовала вплоть до Великой Октябрьской

Таблица 1

Казахстана по состоянию на 1898 год*

Один учащийся на		% учащихся к населению	Остается без обучения детей					% обучающихся детей школьного возраста			Учителей в школах М. Н. П.
число населения	число детей школьного возраста		всего	%	мальчиков	девочек	%	всего	мальчиков	девочек	
99	9	1	54 047	88	26 613	27 434	94	11	6	1	57
141	13	0,7	37 613	92	18 857	18 756	97	8	12	3	119
213	19	0,5	58 449	95	30 237	28 212	98	5	8	2	28
329	29	0,3	86 100	97	45 484	40 616	98	3	5	2	57
269	24	0,4	127 679	96	68 561	59 118	97	4	5	3	120
99	9	1	51 483	89	25 073	26 410	95	11	17	5	30
406	48	2,4	30 363	98	—	—	—	2,5	—	—	—
178	17	0,6	445 734	93,9	—	—	—	6,1			411 (без Внутр. орды)

социалистической революции. Правда, эта система была далеко не законченной и несовершенной, в ней не было преемственности между отдельными типами школ.

В целях более успешного проведения колонизаторской и русификаторской политики царское правительство создало особую систему школьного образования для

детей казахов и других нерусских национальностей, отличную от общепринятой системы школьного образования в России.

Общее состояние школьного образования в Казахстане в конце прошлого века видно из следующей таблицы, в которой приводятся сводные данные по областям Казахстана, характеризующие общее число начальных школ и учащихся, а также их отношение к числу населения, детей школьного возраста и т. п. по состоянию на 1898 год[1] (См. табл. 1).

Как видно из таблицы, в конце прошлого века одна начальная школа приходилась на 3 596 человек населения в Тургайской области и на 23 026 человек в Семиреченской области; один учащийся в среднем приходился на 99 человек в Акмолинской и Уральской областях и 406 человек во Внутренней орде. В Семиреченской области обучалось в школах только 3 процента детей школьного возраста. Если сравнить число учащихся с общим числом населения, то в Семиреченской области оно составляло 0,3, в Сыр-Дарьинской — 0,4, а в Акмолинской и Уральской — 1 процент.

На всей территории Казахстана на более чем пятимиллионное население существовало 730 начальных школ (в т. ч. школ М.Н.П. — 262): одна школа приходилась в среднем на 7 115 человек населения, а один учащийся — на 178 человек населения, т. е. 0,6% населения и 17 детей школьного возраста, т. е. 6,1%. Более чем 445 тыс. детей школьного возраста, или 93,9%, оставалось за бортом школы.

Но эти средние цифры не могут правильно характеризовать действительное положение народного образования в Казахстане, так как преобладающее большинство школ было предназначено для детей русского казачества и русского гражданского населения, составлявшего незначительный процент всего населения Казахстана. Если же сравнить только школы для казахского и другого нерусского населения и число учащихся в них с общим числом этого населения, то соотношение уменьшится в не-

[1] См.: «Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи, вып. 3. Опыт сравнительного обозрения успехов начального народного образования в разных местностях Российской империи...», под ред. В. И. Формаковского. Спб., 1902. Данные по Внутренней орде взяты из различных источников.

сколько раз по сравнению с вышеприведенными данными. По данным журнала «Образование»[1] и «Тургайской газеты»[2], в конце прошлого века в Уральской области одна школа приходилась на 40 тысяч человек казахского и другого нерусского населения и на 22 234 кв. версты территории; на всю территорию области с казахским населением 409 тысяч человек имелось всего лишь 10 волостных русско-казахских школ. В Сыр-Дарьинской области одно учебное заведение приходилось на 32 674 человека, Акмолинской — 24 575, Семиреченской — 15 762, Тургайской — 6 422, Внутренней орде — 23 310 человек местного нерусского населения.

Как видно из «Статистических сведений...», в процентном отношении учащихся к числу населения и к числу детей школьного возраста среди 89 губерний и областей России Семиреченская область занимала 86 место, Сыр-Дарьинская — 85, Семипалатинская — 84, Тургайская — 81, Уральская — 76, Акмолинская — 75. После Семиреченской области по показателям шли только Дагестанская, Самаркандская и Ферганская области. В последней один учащийся приходился на 2 229 человек населения, а процент учащихся к населению составлял 0,04 и к детям школьного возраста — 0,5.

Ниже мы приводим данные о средствах, отпускаемых на содержание начальных учебных заведений в 1898 году[3] (табл. 2).

Как видно из этих данных, из всей суммы, отпускаемой на содержание школ, поступило от земств и из земских сборов в Тургайской области 45,8 процента, в Уральской — 29,4, в Сыр-Дарьинской — 24,1; от сельских обществ — в Сыр-Дарьинской области — 35,6, в Акмолинской — 29,2, в Семипалатинской — 25,4, от городских обществ — в Акмолинской — 27,1, в Семипалатинской — 22,5, в Сыр-Дарьинской — 22,3 процента. В Уральской области поступления от прочих сумм составили 35,7, а в Акмолинской — 11,4 процента. Ассигнования по линии государства составили по Тургайской области 35,3, Семиреченской — 34,7, Семипалатинской — 29,1, Ураль-

[1] *Эгер.* Народное образование в Уральской области. «Образование», 1891, № 5—6.

[2] Народное образование в Тургайской области. «Тургайские газеты», 1895, № 16.

[3] См.: «Статистические сведения...», стр. 110—113.

Средства, отпускаемые на содержание

Области	Всего поступило, руб.	В том: из государственного казначейства, руб.	из государственного казначейства, % от общей суммы	от земств и земских сборов, руб.	от земств и земских сборов, % от общей суммы	от сельских обществ, руб.
Акмолинская	76 536	17 207	22,5	—	—	22 369
в т. ч. на школы:						
М. Н. П.	40 374	14 762		—	—	
Дух. вед.	7 517	2 445		—	—	1 780
Воен. м-ва	28 645	—		—	—	20 589
Тургайская	88 247	31 181	35,3	40 375	45,8	1 122
в т. ч. на школы:						
М. Н. П.	81 878	26 888		40 375		428
Дух. вед.	6 369	4 293				694
Семипалатинская	48 061	14 009	29,1			12 196
в т. ч. на школы:						
М. Н.П.	27 505	13 289				295
Дух. вед.	4 095	720				230
Воен. м-ва	16 461					11 671
Семиреченская	54 075	18 760	34,7	—	—	8 557
в т. ч. на школы:						
М. Н.П.	54 075	18 760				8 557
Сыр-Дарьинская	143 628	25 902	18	34 544	24,1	51 164
в т. ч. на школы:						
М. Н.П.	143 628	25 902		34 544		51 164
Дух. вед.	—	—	—	—	—	—
Уральская	104 281	25 560	24,5	30 662	29,4	460
в т. ч. на школы:						
М. Н.П.	54 603	23 593	—	30 662		
Дух. вед.	11 933	1 967	—	—		460
Воен. м-ва	37 745	—	—	—	—	—
Всего	514 828	132 619	25,7	105 581	20,5	95 868

ской — 24,5, Акмолинской — 22,5 и Сыр-Дарьинской — 18 процентов к общей сумме, выделявшейся на содержание школ.

Таблица 2

школ в Казахстане в 1898 году

числе

	от городских обществ		пожертвования частных лиц		плата за учение		прочие источники	
% от общей суммы	руб.	% от общей суммы	руб.	% от общей суммы	руб.	% от общей суммы	руб.	% от общей суммы
29,2	20 830	27,1	5 022	6,6	2 342	3,1	8 766	11,4
	20 666		1 671		2 072		1 203	
	164		2 707		270		151	
	—		644				7 412	
1,3	6 886	7,8	7 872	8,9	750	0,8	61	0,1
	6 786		6 651		750			
	100		1 221		—		61	
25,4	10 829	22,5	3 775	7,9	3 124	6,5	4 123	8,6
	10 629		108		312		55	
	150		2 694				301	
	50		973				3 767	
15,8	21 154	39,1	200	0,4	1 221	2,3	4 178	7,7
	21 154		200		1 221		4 178	
35,6	31 988	22,3	—	—	30		—	
	31 988		—	—	30	—	—	
—	—	—	—	—	—	—	—	—
0,5	—	—	8 459	8,1	1 890	1,8	37 250	
			50				594	35,7
			8 409				36 656	
—	—	—	—					
18,6	91 687	17,8	25 328	4,9	9 366	1,8	54 378	10,7

Из этих данных ясно видно, что начальные школы в Казахстане содержались главным образом за счет общественных средств населения.

Общие расходы на душу населения для начальных школ составляли в Тургайской области 19,5 копейки, Уральской — 16,2, Акмолинской — 11,3, Сыр-Дарьинской — 9,7, Семипалатинской — 7, Семиреченской — 5,5 копейки. В отношении расходов на душу населения Ферганская область занимала последнее место в России, то есть 2,8 копейки. Если расходы на душу населения для начальных школ в среднем по Средней Азии составили 8,6 копейки, то по Европейской России они составляли 36,1, Кавказу — 32, Сибири — 21,4 копейки.

Расходы казны на душу населения для начальных школ были еще меньше: в Тургайской области — 6,9, Уральской — 4, Акмолинской — 2,5, Семипалатинской — 2, Семиреченской — 1,9 и Сыр-Дарьинской — 1,8 копейки. Между тем из земских сумм на душу населения для начальных школ отпускалось в Тургайской области 8,9, Уральской — 4,7, Сыр-Дарьинской — 2,3 копейки.

Недостаток материальных средств наряду с недостатком учительских кадров являлся основной причиной недостаточного развития школьного образования в Казахстане в XIX веке. Царское правительство производило большие расходы на содержание царской администрации, жандармерии и тюрем, но не «находило» средств на дело народного образования.

«...Россия не только бедна,— говорил Ленин,— она нищая, когда идет речь о народном образовании. Зато Россия очень «богата» расходами на крепостническое государство, помещиками управляемое, расходами на полицию, на войско, на аренды и десятитысячные жалованья помещикам, дослужившимся до «высоких» чинов, на политику авантюр и грабежа... Россия всегда остается бедной и нищей в отношении расходов на просвещение народа, пока народ не просветится настолько, чтобы свергнуть с себя гнет крепостников-помещиков» [1].

Под влиянием русской культуры и русского населения, с которым казахский народ имел тесные культурно-экономические связи в 80—90-х годах прошлого столетия, повсеместно отмечается тяга казахов к образованию вообще и, в частности, обучению своих детей в русских школах и русской грамоте. Но царское правительство

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 19, стр. 116—117.

вкупе с казахской феодально-байской верхушкой не стремилось к развитию народного образования среди казахского населения.

Печальное состояние народного образования среди казахского населения и других нерусских народностей не скрывала и сама царская администрация.

Забелин, главный инспектор народных училищ Туркестанского края, в 1882 году в циркуляре «Учителям городских и приходских училищ, заведующему общей ученической квартирой при Ташкентской мужской гимназии и помощнику его, а также надзирателям за интернатами при городских училищах Туркестанского края» отмечал крайне низкий уровень народного образования среди местного нерусского населения. Он писал: «Я убедился, что дело образования инородцев стоит на довольно низкой ступени развития и успеха. Наша русская школа здесь несмотря на 18-летнее существование не успела поселить среди туземцев должного уважения к себе. Туземные мальчики большею частью выходят из наших школ, не доканчивая учебного курса, с крайне плохим знанием русской речи и грамоты, а взрослые, особенно наиболее фанатичные, опасаются русской школы; наиболее же умеренные не видят от нее никакой жизненной пользы».

Вступивший в феврале 1884 года на пост генерал-губернатора Туркестанского края генерал Розенбах уже через год, подводя итоги политики царского правительства в Средней Азии в области образования, говорил об огромном влиянии четырех тысяч мусульманских школ с 40 тысячами учащихся на 2,5-миллионное туземное население края и о неуспешном развитии русского образования. Он писал: «Приходится сознаться, что мы здесь пока совершенно бессильны в борьбе с мусульманским невежеством, что мы в продолжение своего 20-летнего управления краем почти совсем не приступали к осуществлению лежащей на нас исторической задачи, к просветительной миссии, к образованию инородцев. В этом убеждает меня прежде всего как малочисленность существующих здесь наших русских школ, так и крайняя ограниченность обучающихся в них туземцев» [1].

---

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 705. Опись управления учебными заведениями Туркестанского края.

Царское правительство всячески стремилось переложить на плечи трудящихся различные расходы по народному образованию. Но население, обремененное всякими поборами, не имело средств на эти нужды. Ярким свидетельством этого является практика введения преподавания «военной гимнастики» в школах.

И. о. военного губернатора Семиреченской области 6 октября 1884 года, в соответствии с циркулярным распоряжением министра внутренних дел Дурнова от 17 августа 1884 года о введении преподавания военной гимнастики в школах, рекомендовал уездным начальникам «предложить обществам дать средства — не менее 75 рублей на каждую школу — на вознаграждение преподавателям гимнастики и на устройство ее в школах»[1].

Но, как видно из рапортов начальников Сергиопольского, Капальского, Верненского уездов, многие местные общества отказались выделить средства «из-за их неимения». Некоторые общества соглашались на введение обучения гимнастики в случае выделения на эту цель средств от казны. Крестьяне Зайцевского сельского общества Верненского уезда в своем приговоре решили в церковно-приходской школе вместо дьякона, преподававшего закон божий и получавшего 120 рублей, и учительницы, получавшей 180 рублей, содержать одного учителя за 300 рублей с квартирой, «могущего преподавать обучение грамоте и гимнастике»[2].

С наступлением реакции в 80-х годах царское правительство усилило надзор не только за студентами университетов и других высших учебных заведений, но и за учащимися старших классов средних учебных заведений и учителями. Оно с особой осторожностью относилось к подбору учительского состава.

Управляющий Оренбургским учебным округом, окружной инспектор Н. П. Великанов 9 июня 1889 года в своем письме директору народных училищ Оренбургской губернии, ссылаясь на циркулярное распоряжение министра народного просвещения, обратившего «внимание на опасность, какой подвергается учащееся юношество со стороны пропагандистов», предлагал обратить осо-

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 44, оп. 3, д. 46в, св. 7, 1889—1890, лл. 2—3.
[2] Там же, лл. 4—25.

бое внимание на подбор учителей и наставников, которые могли бы «укреплять в порученных наблюдению питомцах чувство преданности престолу и уважение к религии»[1].

«Конечно,— писал инспектор,— не ученикам низших классов средних учебных заведений следует толковать о бессмысленных социалистических учениях, но ученикам средних классов гимназии и реальных училищ нужно объяснять всю их нелепость; они настолько зрелы умственно и нравственно, что господин министр уверен, легко поймут всю их преступную несостоятельность...»[2] Он отмечал, что министр считает, что «только нравственный авторитет уважаемых наставников и самый бдительный и постоянный надзор со стороны начальников учебных заведений за вверенными их попечению юношами в особенности в отношении к развитию и поддержанию в них религиозно-нравственного направления могут ограничить молодое поколение от тлетворной заразы вредных анархистов...»[3].

Министр народного просвещения И. Делянов в своем письме[4] попечителям учебных округов 2 июня 1882 года отмечал, что в большинстве случаев к государственным преступлениям имеют отношение «лица, оставившие высшие и средние учебные заведения». Сообщая, что бывший министр внутренних дел Игнатьев дал распоряжение об установлении негласного политического надзора за учащимися высших и средних учебных заведений, «кои, по достижении ими 16-летнего возраста, исключаются из заведений по неодобрительному поведению и за не взнос учебной платы, как за лицами, которые, подпав под влияние злоумышленников, могут сделаться впоследствии исполнителями их преступных замыслов», он предлагал обеспечить представление полицейским властям списков всех достигших 16-летнего возраста учащихся, увольняемых из учебных заведений по указанным причинам.

Царская администрация всячески стремилась оградить учащихся от участия не только в политическом, но и в другом прогрессивном общественном движении. На-

---

[1] Госархив Оренбургской области, ф. 73, оп. 1, ед. хр. 111, лл. 1—2.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] ЦГИА КазССР, ф. 93, оп. 1, д. 12, св. 1, л. 14.

пример, главный инспектор училищ Западной Сибири в своем письме к директору Верненской мужской гимназии от 7 декабря 1883 года указывал на то, что недавно «похороны писателя Тургенева послужили поводом к многочисленным подпискам среди воспитанников учебных заведений на приобретение венков, устройство стипендии и т. п. способов чествования памяти умершего писателя» и что «начальство некоторых учебных заведений, считая себя вправе прервать учебные занятия для служения панихиды и предоставления воспитанникам возможности принять участие в похоронном шествии», доводил до сведения руководства указ царя от 10 октября 1883 года о запрещении проведения панихид, различных денежных взносов и пожертвований без разрешения на то министра народного просвещения.

Царские власти края строго следили за идеологическим содержанием обучения в гимназиях. Главный инспектор народных училищ Забелин в отношении выбора тем для сочинений в старших классах гимназии писал: «Темы, подобные тем, какие даются нашими молодыми учителями, например: «Всякий своего счастья кузнец» или «Жизнь есть борьба, а человек борец», во-первых, слишком высоки для учеников и учениц наших гимназий и, во-вторых, могут дать им совершенно ложное и крайне вредное направление, представляя из человека какого-то титана, который готов вступить в борьбу с самим богом или по крайней мере может обойтись без божьей помощи».

Главный инспектор считал, что для сочинений были бы более подходящими такие темы, как «Без бога ни до порога», «Не так живи, как хочется, а как бог велит», которые, по его мнению, воспитывают учащихся в духе христианства [1].

Устанавливая излишнюю опеку за учителями и жестокий контроль за их педагогической и общественной деятельностью, царская администрация держала их на бесправном положении. Говоря о материальной необеспеченности учителей, В. И. Ленин писал: «Еще неизмеримо более печальна или вернее более отвратительна

---

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 765. Опись управления учебными заведениями Туркестанского края, 1888—1889.

картина духовной забитости, приниженности, придавленности, бесправия учащихся и учащих в России. Вся деятельность Министерства народного просвещения в этом отношении — одно сплошное надругательство над правами граждан, над народом. Полицейский сыск, полицейский произвол, полицейские помехи просвещению народа вообще и рабочих в особенности, полицейское разрушение того, что делает сам народ для своего просвещения,— вот к чему сводится вся деятельность министерства...» [1] «Да,— возмущался Владимир Ильич,— русские народные учителя загнаны, как зайцы! Да, девяти десятым населения России правительство заграждает путь к образованию. Да, наше Министерство народного просвещения есть министерство полицейского сыска, глумления над молодежью, надругательства над народным стремлением к знанию» [2].

Высших учебных заведений на территории Казахстана не было. Открытый в 1878 году в Оренбурге учительский институт, который по счету в России был восьмым, должен был готовить учителей для городских училищ Оренбургского учебного округа, в который входили Внутренняя казахская орда, Тургайская и Уральская области. Но в учительский институт «инородцы» не принимались. Попечитель учебного округа П. Лавровский 4 ноября 1878 года сообщил директору института: «Что касается магометан, евреев и язычников, то принимать их в число воспитанников учительских институтов его сиятельство г. министр народного просвещения не видит надобности, так как для инородцев этих существуют в империи специальные учительские школы и институты» [3]. Поэтому отдельные казахи, имевшие возможность поступить в высшие учебные заведения, поступали в них в других городах. Например, в 1880 году в Казанском университете учились 2 казаха [4], а в 1890 году на втором курсе Томского университета учился Айтбакин; в том же году туда поступил переводчик при канцелярии степного генерал-губернатора султан — Газин [5].

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 19, стр. 118.

[2] Там же, стр. 122.

[3] Госархив Оренбургской обл., ф. 81, оп. 1, д. 1, Циркуляры и распоряжения, л. 106.

[4] Обзор Тургайской обл. за 1880 г. Оренбург, 1881.

[5] «Волжский вестник», 1890, № 229.

В институт, наряду с «инородцами», не принимались также «женатые и семейные лица» [1].

По замыслу учредителей учительского института он должен был готовить «цивилизаторов» «инородцев», чтобы умело русифицировать последних. Эту мысль ясно выразил директор института В. И. Филоматитский. В своей речи на торжественном открытии института 30 августа 1878 года, говоря о значении открытия института именно в г. Оренбурге, о необходимости передачи русскими «начал цивилизации и гражданственности» «инородцам» он заявил: «Русские поселяне и русское купечество призваны историческим ходом событий послужить делу обрусения инородческих племен.

Итак, русскому народу на восточной окраине нужно толковое образование и правильное развитие не только для себя самого, как в других местностях государства, но и для того, чтобы сделаться хорошим проводником начал цивилизации и гражданственности в массу живущих с ним инородцев. Доселе просвещение этих последних у нас туго подвигалось вперед, потому что сам просветитель, русский народ, был не развит. Нужно образовать и воспитать его настолько, чтобы он мог уразуметь пользу, которая произойдет от обучения инородцев, сознательно помогать правительству, путем общения с ним, в достижении столь важной цели. Но одного школьного образования в тесном смысле этого слова здесь недостаточно; здесь нужно нечто большее, по крайней мере, то, что имеют давать городские училища. А их-то именно и имеют в виду учительские институты» [2].

Большим событием для всей азиатской части России явилось открытие в 1888 году Томского университета.

Генерал-губернатор Степного края Колпаковский 20 июля 1888 года разослал телеграммы местам, в которых уведомлял об открытии в Томске Сибирского университета и рекомендовал «ознаменовать учреждение рассадника просвещения на наших окраинах каким-либо посильным вещественным доказательством...» [3].

Например, в телеграмме Семиреченскому военному губернатору предлагалось «через Верненского городского

[1] Госархив Оренбургской обл., ф. 81, д. 28, л. 17.

[2] Там же, ф. 81, д. 2, 1878. «Об открытии института, описание торжества открытия института», л. 32.

[3] ЦГИА КазССР, ф. 44, оп. 6, д. 4735, 1889, л. 2.

голову собрать торжественное собрание думы и предложить ознаменовать» открытие университета «вещественным доказательством»[1].

В телеграмме Капальскому, Токмакскому и Джаркентскому уездным начальникам он рекомендовал «в день открытия Сибирского университета созвать городское сословие на торжественное собрание и предложить отчислять ежегодно по триста рублей и учреждение стипендии для семиреченских уроженцев...»[2]

Верненская городская дума 21 июля 1888 года постановила: «...в удостоверении же глубокого сочувствия общества к просвещению края теперь же ассигновать из городских сумм 250 рублей... на содержание в Томском университете одного из успешно окончивших курс в здешней гимназии, давая преимущество городским обывателям...»[3]

В Джаркенте («Джаркентский городской хозяйственный комитет»), в Капале и Токмаке (собрания купцов и мещан), в Пишпеке (городская комиссия) и других местах выносятся постановления и приговоры о выделении 300 рублей для стипендий и помощи уроженцам Семиреченской области, поступающим учиться в Томский университет.

Профессионально-техническое образование в Казахстане начало развиваться примерно с 80-х годов прошлого века. Оно явилось отражением быстрого развития промышленности в России, а также попыткой царизма отвлечь детей «низших» классов от обучения в гимназиях и университетах. Несмотря на то, что преподавание различных ремесел сельскохозяйственного производства и ручного труда в начальной школе приближало школу к жизни и объективно было прогрессивным явлением, оно до некоторой степени отодвигало на второй план общеобразовательные задачи школ.

2. ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИЕ ШКОЛЫ И ШКОЛЫ ГРАМОТЫ

Наряду с сетью школ, подведомственных Министерству народного просвещения, на территории Казахстана

[1] ЦГИА КазССР, ф. 44, оп. 6, д. 4735, 1889, л. 2.
[2] Там же, 1888, л. 2.
[3] Там же, л. 5 об.

имелись церковно-приходские, миссионерские школы и школы грамоты, которые занимались не только религиозным обучением, но и проводили миссионерскую деятельность. Из ведомости, представленной Оренбургским епархиальным училищным советом 8 марта 1900 года в Тургайский областной статистический комитет, можно видеть следующее (табл. 3).

Таблица 3

Число церковно-приходских школ и школ грамоты в Тургайской области на 1 января 1900 года[1]

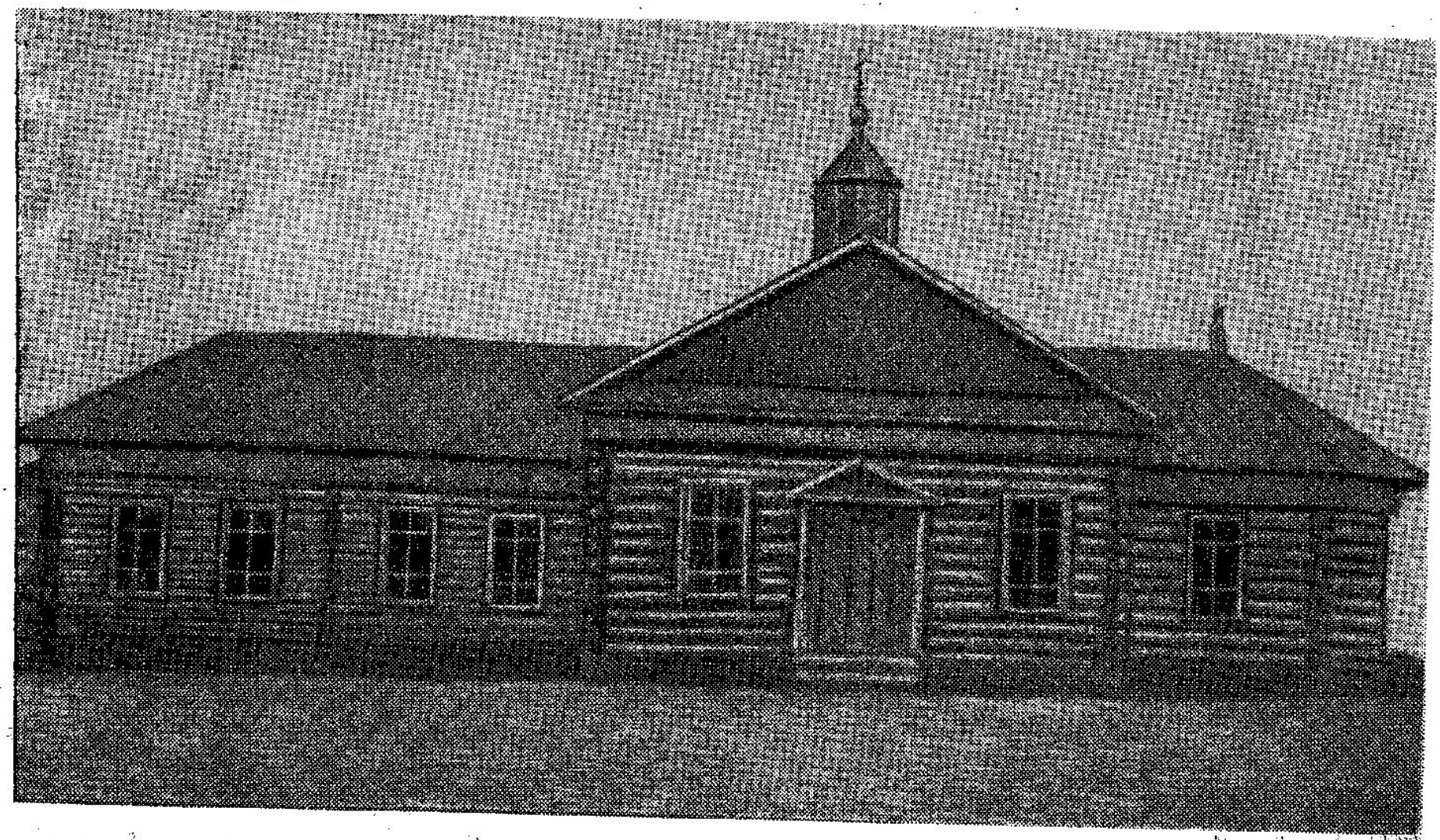
Школы	Количество школ	Число учителей	Число учащихся 1/I 1900 г.		Израсходовано на содержание школ в 1899 г., руб. и коп.
			мальчиков	девочек	
Второклассные	1	3	58	—	1 962—65
Церковно-приходские	8	8	174	170	1 912—11
Школы грамоты	27	27	490	268	3 724—68
Миссионерские	4	6	221	—	5 258—32
	40	44	943	438	12 857—76

Церковь не довольствовалась только сетью школ, находящихся в ее ведении. Она пыталась прибрать в свои руки и некоторые светские школы, находившиеся в ведении Министерства народного просвещения. Об этом свидетельствует обращение Оренбургского епархиального комитета православного миссионерского общества от 6 февраля 1898 года к попечителю Оренбургского учебного округа И. Я. Ростовцеву, в котором Комитет просит сообщить данные о находившемся в ведении Министерства народного просвещения Кустанайском одноклассном училище и возможность передачи его в духовное ведомство «в целях развития миссионерского школьного дела»[2].

Попечитель учебного округа, согласно представлению инспектора школ Тургайской области Алекторова, сообщил Оренбургскому епархиальному комитету о невозможности такой передачи.

В Уральской области к концу 1894 года было 37 цер-

[1] ЦГИА КазССР, ф. 318, оп. 1, д. 66, св. 7, л. 4.
[2] Там же, ф. 41, оп. 1, д. 450, л. 11, св. 26.



Церковно-приходская школа в пос. Михайловка Кустанайского уезда (1896 г.).

ковно-приходских школ и школ грамоты с 879 учащими ся, в том числе с 283 девочками. В 1896 году в Семире ченской области было 10 церковно-приходских школ с 578 учащимися. Несколько приходских школ было и в Акмолинской области.

В Тургайской епархии на 1 января 1893 года насчитывалось 9 церковно-приходских школ и 15 школ грамоты. В церковно-приходских школах обучались 254 мальчика и 413 девочек, а в школах грамоты — 312 мальчиков и 140 девочек. Все школы, в которых работало 2 попечителя, 10 законоучителей, 16 учителей и 11 учительниц, содержались за счет соответствующих религиозных обществ. В случае необходимости епархиальный училищный совет выдавал церковно-приходским школам пособия.

По данным газеты «Тургайские ведомости» (1901, № 40), в ведении Туркестанской епархии находилось 42 церковно-приходские школы, в том числе в Сыр-Дарьинской области 3 и в Семиреченской — 39 школ. В этих школах обучалось 1 650 учащихся.

В 1885/86 учебном году в Семиреченской области в ведении Туркестанской епархии существовало 6 церковно-приходских школ, в которых обучались 131 мальчик и 79 девочек, и 7 школ грамоты, в которых учились 198 мальчиков и 38 девочек (табл. 4).

В 1903 году в области уже было 3 двухклассные школы (две в г. Верном и одна в станице Больше-Алма-Атинская), 28 одноклассных церковно-приходских школ, в которых было 1 600 учащихся (765 мальчиков и 835 девочек). В 13 школах грамоты обучались 380 учащихся (279 мальчиков и 101 девочка), а всего в церковно-приходских школах и школах грамоты обучалось 1 980 учащихся, в том числе 936 девочек[1].

Как видно из этих данных, основная масса церковно-приходских школ и школ грамоты Туркестанской епархии находилась на территории Семиреченской области, где была сосредоточена основная масса русского населения края.

Наблюдатель церковно-приходских школ Верненского уезда в своей справке «Православно-церковное воспитание в Туркестанской духовной консистории» отмечал, что в церковных школах «самое серьезное внимание» об-

[1] ЦГИА КазССР, ф. 44, оп. 12, д. 341, св. 19, лл. 33—34.

Таблица 4

Сведения о церковно-приходских школах и школах грамоты, существовавших в 1885/86 учебном году в Семиреченской области[1]

Школы	Когда организована	Число учащихся	
		мальчиков	девочек
Церковно-приходские			
Верненская двухклассная	1884	60	33
Софийская	1886	16	—
Зайцевская	1882	34	—
Джаркентская	1881	21	10
Урджарская	1884	—	18
Тепслевская	1885	—	18
Итого		131	79
Школы грамоты			
Гавриловская	1882	20	—
Казанско-Богородская	1885	47	—
Маканчинская	1885	38	8
Осиповская	1884	16	2
Колпаковская	1885	—	28
Луговская	1885	27	—
Уч-Аральская	1886	50	—
Итого		198	38

ращалось на выполнение основной задачи этих школ, а именно на религиозное воспитание детей в духе православной церкви. Поэтому, писал он, в этих целях «воспитатели старались развить в детях любовь к храму божию, к чтению слова божия»[2].

Обычно день в церковно-приходских школах начинался с общей утренней молитвы, во время которой дети пели хором. В воскресные и предпраздничные дни они вместе со своими наставниками посещали церковь, а некоторые из учащихся участвовали в пении на клиросе, а также прислуживали в алтаре.

Как отмечал наблюдатель церковно-приходских школ,

[1] ЦГИА КазССР, ф. 44, оп. 12, д. 22, св. 4, л. 8.
[2] Там же, ф. 142, оп. 1, д. 1117, св. 15, л. 1.

в целях нравственного воспитания «детям внушалось осуществлять в жизни заветы Христа, братскую христианскую любовь к людям, отзывчивость к их нуждам и сострадание к живому миру. Одновременно разъяснялось о необходимости любви и глубокого почтения к родителям, начальствующим лицам и воспитателям»[1].

В целях эстетического воспитания, особенно во время рождественских каникул, устраивались литературно-музыкальные вечера. Для заучивания и декламирования учащимся давалось «наиболее красивое по форме и идейное по содержанию (конечно, в духе православной церкви.— *Т. Т.*) стихотворение». Эстетическое воспитание у детей должно было оказывать через школу соответствующее влияние на «быт простого народа». Наблюдатель должен был признаться, что «бедность обстановки, большей частью школ, мешает шире и глубже развить эту сторону воспитания».

В целях физического развития детей в церковно-приходских школах проводились гимнастические упражнения, регулярные занятия по которым, как указывал наблюдатель, были только в Троицкой школе. «В остальных школах приходилось за неимением средств на преподавание гимнастики, ограничиться только ограждением детей от игры, вредно отзывающейся на организме и обнаруживающей грубость».

Роль духовенства была сильна не только в церковно-приходских, но и в начальных общеобразовательных школах. «Положение о начальных народных училищах», утверждение 14 июля 1864 года, гласит, что цель начальных училищ состоит в том, чтобы «утверждать в народе религиозные и нравственные понятия и распространять первоначальные полезные знания»[2]. По «Положению» начальная школа отдавалась под надзор приходскому священнику.

Правительственный Синод 27 июня 1874 года, одобрив заявление обер-прокурора синодального на общем собрании Государственного совета о возросшей роли духовенства, как «учителей и наставников народа», распространяющих «вместе с грамотностью, ясное разумение божественных истин учения Христова», в своем постанов-

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 142, оп. 1, д. 1117, св. 15, л. 1.
[2] Там же, ф. 142, оп. 1, д. 39, св. 4, л. 276.

лении отметил, что «новое положение упрочивает влияние духовенства не только на эти, им устраиваемые (имеются в виду школы, находившиеся в ведении церкви.— *Т. Т.),* но и на все начальные народные училища; оно вверяет высшее наблюдение как за преподаванием закона божия, так и вообще за религиозно-нравственным направлением обучения...»[1] Было указано на то, что Положение «предоставляет духовным лицам обучать в училищах и прочим предметам», что оно «сохраняет за духовенством и право участия в управлении народными училищами в лице своих представителей, назначаемых членами училищных советов»[2].

Подчеркнув, что новое Положение «дает духовенству весьма почетное место в деле народного образования», Синод призвал духовенство «стать на страже религиозно-нравственного воспитания русского народа» и выразил надежду, что оно «не перестанет содействовать словом, делом и примером к размножению народных училищ и к упрочению в них религиозно-нравственного направления»[3].

3. МУСУЛЬМАНСКИЕ ШКОЛЫ

Ввиду отсутствия статистических данных мы не располагаем подробными сведениями о мусульманских школах на всей территории Казахстана во второй половине XIX века.

Как видно из годового отчета инспектора школ Тургайской области А. В. Васильева «О состоянии учебной части в Тургайской области за 1892 год»[4], в Илецком уезде существовало 7 мусульманских школ. По официальным данным, в 1890 году в области насчитывалось 11 мусульманских медресе[5], а по некоторым неофициальным данным,— около 80 мусульманских школ, включая медресе.

Как указывалось в объяснительной записке комиссии по проекту об управлении в казахских областях (1867), в Троицке у местных мулл обучалось до 50 мальчиков,

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 142, оп. 1, д. 39, св. 4, л. 273.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же, ф. 25, оп. 1, д. 2283, лл. 243—255.
[5] ЦГИАЛ, ф. 733, д. 2412, л. 25.

а в ряде волостей в прилинейных казахских дистанциях насчитывалось от 10 до 17 мулл, каждый из которых обучал примерно по 10—20 мальчиков.

Царская администрация, особенно военный губернатор области, инспектора народных училищ, а также попечитель учебного округа бдительно следили за деятельностью мусульманских школ. Они считали, что лучшим противодействием против ислама и антирусской мусульманской пропаганды является распространение русской грамоты среди казахского населения, увеличение русско-казахских школ. Но областная администрация считала преждевременным организовывать при мусульманских школах русские классы, как «во избежание,— писал И. Алтынсарин в своем отчете,— лишних недоразумений и толков между киргизами, так и по неимению в наличности учителей из киргиз, которые единственно и могли бы быть допускаемы в медресе, или духовные училища киргиз»[1].

Точных статистических данных по мусульманским школам Сыр-Дарьинской области также нет. В архивных и литературных источниках даются самые различные и часто противоречивые сведения о численности мусульманских школ и учащихся в них.

По некоторым неподтвержденным данным, в 1885 году в одном только Туркестанском уезде насчитывалось 107 мектебов и 2 медресе, в которых было 1 058 учащихся и 109 учащих, то есть на одного учащего приходилось 10 учащихся. В 1893 году в 18 волостях Казалинского уезда насчитывалось 288 мусульманских школ, в которых училось 2 298 детей. В том же году в Чимкентском уезде было 670 школ, преимущественно мусульманских, в которых обучалось 4 365 учащихся, в том числе 575 девочек.

8 сентября 1888 года генерал-губернатор Туркестанского края Розенбах в письме к министру народного просвещения отмечал, что в крае имеется 206 медресе и до 3 660 мектебов с 4 000 учащими — мударасами и более чем 49 000 учащейся молодежи. В 1896 году во всех мусульманских школах края, по неофициальным данным, училось 77 711 детей.

Инспектор мусульманских школ В. П. Наливкин в

---

[1] *И. Алтынсарин.* Избранные произведения. Алма-Ата, 1957, стр. 242.

1890/91 учебном году установил наличие в Сыр-Дарьинской области 21 медресе и обследовал их. Из этого числа только в Ташкенте находилось 14 медресе, а два медресе — на территории Казахстана (в г. Туркестане и селе Карнак Чимкентского уезда).

Мусульманские школы были карликовыми. Учебных программ и планов они не имели. Работали они только в зимнее время, а летом распадались.

Начальник Перовского уезда в своем рапорте на имя военного губернатора Сыр-Дарьинской области от 8 января 1867 года, высылая список подведомственных Министерству народного просвещения учебных заведений, дал описание наиболее распространенного типа мусульманской школы. Он писал: «...во вверенном мне уезде есть еще кочевые аульные школы, имеющие характер домашнего преподавания, заключающегося в том, что состоятельный и пользующийся уважением в городе кочевник нанимает к себе мирзу (грамотного туземца), за установившуюся по обычаю плату (одного верблюда в год и одну лошадь в полгода) с содержанием от него за обучение туземной грамоте его детей. Мирза имеет право во время занятий обучать и других детей туземцев, соседственных по кочевьям с хозяином и преимущественно его родственников, с платой последних по 20 коп. в месяц за одного ученика. Таких школ в уезде не менее 500, но доставить о них подробные сведения не представляется возможным, во-первых, потому, что они постоянного в себе ничего не заключают, во-вторых, число учеников в таких школах редко доходит до шести и, в-третьих, что собирание подобных сведений от кочевников, с опаской относящихся к таким запросам, всегда бывает неверно»[1].

Более подробными сведениями о мусульманских школах мы располагаем по Семиреченской области.

В статье «Народное образование Семиреченской области», опубликованной в журнале «Народная школа» (март, 1884 г.) сообщалось, что только в Верненском, Капальском и Сергиопольском уездах в мусульманских школах обучались 47 447 мальчиков и 17 271 девочка; в городах и мечетях находилось 5 мусульманских школ, в том числе в г. Верном — 4 (из них одна школа была

[1] ЦАУ УзССР, ф. Сыр-Дарьинское обл. правление, д. 955, л. 6.

женская, в которой обучались 32 девочки); в четырех мужских школах обучались 140 мальчиков.

Эти данные о численности учащихся в мусульманских школах резко преувеличены, они не подтверждаются архивными источниками. Точного учета мусульманских школ не было, они еще «не поддавались учету ввиду их непостоянства».

По данным и. о. начальника Верненского уезда, в 1882 году в г. Верном имелись 3 мужских и одна женская мусульманские школы, в которых соответственно обучались 110 мальчиков и 32 девочки. В мусульманских школах, находившихся в волостях, числилось 2 863 детей, в том числе 2 067 мальчиков и 796 девочек. О количестве школ сведений не было.

Следующая таблица, составленная по данным уездных начальников, показывает число учащихся и учителей-мулл по уездам области за 1886 год (табл. 5).

Таблица 5

Сведения о мусульманских школах в Семиреченской области за 1886 год

Уезды	Число школ	Число учащихся		Всего учащихся	Мулл	Примечание
		мальчиков	девочек			
Верненский . . .	*	2 514	668	3 182	228	В 24 каз. и 2 уйгур. волостях
Джаркентский . .	*	2 108	961	3 069	78	В 12 каз. и 3 уйгур. волостях
Капальский . . .	*	394	56	450	40	В 13 каз. волостях
Лепсинский (Сергиопольский) .						
Пишпекский (Токмакский) . . .	*	895	48	943	15	В 15 кир. волостях
Пржевальский (Иссык-Кульский)	14	246	19	265	—	В 13 кир. и 1 дунган. волост.
Всего . .		6 157	1 752	7 909	361	

Примечание. Пишпекский и Пржевальский уезды бывш. Семиреченской области находятся в составе Казахской ССР.

* В сообщениях число школ не указывается.

В Верненском уезде в мусульманских школах 24 казахских волостей было 1 329 мальчиков и 125 девочек, а в двух дунганских волостях — 1 185 мальчиков и 553 девочки.

Несмотря на то, мусульманские школы, за исключением нескольких школ, находившихся в г. Верном и уездных центрах области, по существу не являлись школами в полном смысле слова. Следует, однако, учесть, что учащихся в мусульманских школах было в несколько раз больше, чем в русских и русско-туземных.

Чтобы воспрепятствовать распространению мусульманского влияния среди казахского и другого нерусского населения Семиреченской области, царская администрация предпринимала различные меры. Она не только запретила открывать новые мусульманские школы без преподавания в них русского языка, но и пыталась закрыть существующие школы, если в них не преподавалась русская грамота.

Еще в 1885 году Степной генерал-губернатор издал распоряжение, согласно которому мусульманские школы при мечетях могли открываться только при введении преподавания русского языка. Что касается существовавших школ, генерал-губернатор предложил вводить в них преподавание русского языка «постепенно по мере приискания учителей из мусульман, получивших образование в русских учебных заведениях». По его мнению, содержание таких учителей могло обойтись для родителей учащихся недорого, так как «выходящие из русских учебных заведений киргизские мальчики, в большинстве случаев, остаются без занятий, а потому согласятся обучать детей в школах при мечетях за малое вознаграждение».

И. о. военного губернатора области, передавая это распоряжение генерал-губернатора верненскому уездному начальнику, предлагал собрать всех мулл, преподававших в мусульманских школах, а также почетных лиц, пользовавшихся доверием у населения и объяснить им, что «стремление начальства к введению в мусульманских школах обучения русской грамоте есть простое желание, чтобы дети мусульман умели читать и писать по-русски, каковое значение принесет пользу и ученикам и окружающим»[1].

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 41, оп. 1, д. 424, св. 24, лл. 1—2.

10 апреля 1899 года военный губернатор области генерал-лейтенант Иванов в своем циркулярном указании уездным и участковым начальникам и полицмейстеру г. Верного, указывая на вредное влияние мусульманских школ, предложил дальнейшее их действие разрешать только при условии введения преподавания русской грамоты. Он предложил об этом объявить обществам, содержащим школы, и предупредить, что «никаких отступлений от сего допускаемо не будет».

Военный губернатор признавал, что специально учрежденные для казахских детей школы, интернаты и пансионы «не достигли, однако, желаемых результатов, русская грамотность распространяется среди туземцев весьма туго»[1]. Но он считал, что одним из «главных тормозов» этого являются в «сильной степени негласно существующие частные мусульманские школы, благодаря которым и под влиянием фанатичного направления обучающих в них мулл, не имеющих часто ничего общего с местным населением, молодое поколение отдаляется от учрежденных правительственных народных школ, что препятствует успеху последних»[2].

Он далее ссылался на то, что такое вредное влияние мусульманских школ было замечено и раньше, что еще в 1877 году военный губернатор запретил прием казахских детей в узбекские и татарские мусульманские школы. Но такое указание, как отмечал военный губернатор, выполнялось плохо; муллы, не ограничиваясь открытием мусульманских школ в оседлых населенных пунктах, где проживали мусульмане, «проникли в последнее время со своими мектебами и в кочевья киргиз». Он подчеркивал, что «подобное явление в деле народного образования области крайне нежелательно и оно идет вразрез с целями нашего правительства»[3].

26 июня 1899 года Лепсинский уездный начальник уже сообщал, что им объявлено обществам, в ведении которых существуют мусульманские школы, что существование школ «допускается только при условии обучения в них русской грамоте и что при невыполнении сего условия все эти школы будут немедленно закрыты»[4].

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 44, оп. 3, д. 952, лл. 3—5.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же, л. 13.

Ответы на указания военного губернатора начали поступать и от других уездных начальников. Например, 10 июля 1899 года Верненский уездный начальник, основываясь на донесении волостных управителей, сообщал: «Во всех киргизских волостях обучение грамоте ведется одинаковым порядком, т. е. через бродячих грамотеев, которые сегодня в одном месте, а через месяц в другом. Грамота усваивается при таком способе обучения слабо и легко забывается, почему грамотных по-мусульмански среди киргиз очень мало»[1].

Большинство волостных управителей указывало на отсутствие в управляемых ими волостях постоянно действующих мусульманских школ. Они были временными, часто открывались в начале сентября и закрывались в марте, работая более или менее нормально, главным образом, в зимние месяцы. Учебного плана и программ, а также расписания занятий, как правило, в этих школах не было. Не определялся также и срок обучения в них. Обычно в каждом ауле бывало несколько таких школ с числом учащихся от 5 до 15. Иногда отдельные грамотные казахи обучали своих детей, а также детей родственников и соседей, не получая за это никакого вознаграждения. Вообще в аульных мусульманских школах определенной платы за обучение не существовало. Учитель-мулла получал от родителей учащихся плату за обучение натурой — скотом, одеждой, продовольствием и различными вещами, приносимыми родителями в качестве подарков. Приезжий мулла-учитель часто пользовался питанием у содержателя школы. Денежная плата за обучение устанавливалась в редких случаях. Например, в аульных мусульманских школах Малыбаевской волости была установлена плата от 3 до 10 копеек за каждого ученика в неделю.

Как правило, большинство учителей-мулл не владело элементарной методикой обучения, они обучали детей так, как они могли. Трудно сказать, что в этих школах была какая-то более или менее нормальная постановка учебно-воспитательной работы. К. Джапанов в статье «Как обучают киргизы своих детей» писал: «Вот мулла принимается за обучение своих питомцев. Из юрты, где учатся дети, несется адский крик. Каждый ученик выкри-

[1] ЦГИА КазССР, ф. 44, оп. 3, д. 952, лл. 28—30.

кивает свой урок. Мулла, вооруженный палкой, поджавший под себя ноги, тоже кричит и исправно наказывает тех, которые перестают кричать. Сколько истязаний, лишений переносят бедные дети! Они не учатся, а мучаются. Такое преподавание продолжается около четырех лет. По истечении этого срока ученики проходят весь курс учения и оканчивают, ничего не зная, оставаясь такими же невеждами, какими были»[1].

Примерно такое же положение с мусульманскими школами было и в других уездах Семиреченской области. Начальник Пржевальского уезда в своем рапорте от 25 июля 1899 года писал: «Ни в одной из киргизских волостей не поставлено правильно дело обучения детей грамоте как по отсутствию на то определенных средств от обществ, так равно и по неимению хотя бы сколько-нибудь подготовленных для преподавания грамоты лиц. Если и производятся занятия на киргизском языке, то только благодаря тому, что находятся грамотные кочевники, берущие на себя обучение, причем программа такого обучения не идет далее чтения и письма»[2].

Он отмечал, что только в одной Нарынской волости русское лицо обучает «киргизских» детей русскому языку. В соответствии с указаниями военного губернатора в двух узбекских школах г. Пржевальска было введено преподавание русского языка, а в татарской школе было прекращено обучение татарскому языку. Дунгане Мариинской волости обязались посылать своих детей в находившуюся в селе школу «русской грамотности», где обучение вел чиновник Турусов.

Семиреченское областное правление 19 октября 1900 года в письме к инспектору народных училищ официально сообщало, что в киргизских волостях постоянных, правильно организованных мусульманских школ не существует[3]. В письме были приведены данные о количестве мусульманских школ, находившихся в оседлых населенных пунктах Семиреченской области. По данным, полученным от уездных начальников, в 1899 году во всех оседлых пунктах области было 56 мусульманских школ, в которых обучался 1 901 ученик, в том числе в Верненском уезде было 28 школ и 1 271 учащийся, в Джаркент-

[1] «Киргизская степная газета», 1895, № 8.
[2] ЦГИА КазССР, ф. 44, оп. 3, д. 952, лл. 52—53.
[3] Там же, лл. 100—101.

ском — соответственно 4 и 153, в Капальском — 3 и 57, в Лепсинском — 14 и 245 и в Пржевальском — 7 и 175.

Как видно из этих данных, наибольшее число мусульманских школ, как и русских, находилось в оседлых населенных пунктах Верненского уезда, а именно: 2 общих, 2 татарских, 2 дунганских, 3 узбекских и 19 уйгурских.

В 1903 году в Семиреченской области (без Капальского уезда) было 136 мусульманских школ с 4 409 учащимися. Более подробные данные видны из таблицы 6, составленной нами на основе архивных данных [1].

Таблица 6

Сведения о мусульманских школах Семиреченской области за 1903 год

Уезды и города	Количество школ	Число учащихся-мулл	Число учащихся		Всего
			мальчиков	девочек	
Верненский уезд	60	66	1 539	235	1 774
в т. ч. г. Верный	13	19	367	43	410
Джаркентский уезд	28	105	975	200	1 175
в т. ч. г. Джаркент	12	9	154	20	174
Капальский уезд	Сведений нет				
Лепсинский уезд	7	7	263	117	380
в т. ч. г. Лепсинск	3	3	120	70	190
Пишпекский уезд	38	69	901	93	994
Пржевальский уезд	3	3	86	—	86
Всего	136	250	3 764	645	4 409

Таблица показывает, что число учащихся в мусульманских школах по сравнению с 1886 годом сократилось почти в два раза. Но это не соответствует действительности, так как в конце прошлого века, по сравнению с 1886 годом, не наблюдалось резкого сокращения мусульманских школ. Было бы какое-то основание верить этим данным, если бы имело место резкое увеличение русско-туземных школ, которые могли бы охватить большое количество детей школьного возраста казахского и другого нерусского населения области. Но, к сожалению, этого фактически не было.

Резкое сокращение, по официальным данным, числен-

[1] ЦГИА КазССР, ф. 44, оп. 12, д. 341, св. 19, л. 61 и последующие листы.

ности учащихся в мусульманских школах в 1903 году, по сравнению с 1886 годом, по нашему мнению, можно объяснить отсутствием точного учета мусульманских школ и обучавшихся в них детей до 1903 года и уточнения этого учета в 1903 году.

Следует отметить, что в связи с прекращением преподавания на татарском языке в татарской школе г. Пржевальска, что привело к закрытию этой школы, мещане и купцы из татар в своем прошении туркестанскому генерал-губернатору пожаловались на то, что уездная администрация в июле 1899 года закрыла мусульманскую школу, существовавшую с 1882 года при мечети города Пржевальска [1]. Просители формально соглашались обучать детей русской грамоте при сохранении обучения мусульманской религии, но они отказались содержать специального учителя по русскому языку.

Конечно, не материальные, а религиозные соображения являлись причиной отказа татарских торговцев и мещан обучать детей русскому языку.

Распоряжение Семиреченского военного губернатора вызвало недовольство не только в среде местного мусульманского населения, но и обратило внимание Туркестанского генерал-губернатора. Канцелярия генерал-губернатора 9 сентября 1899 года запросила Семиреченского военного губернатора сообщить, «на основании каких законоположений или распоряжений состоялось циркулярное предписание» об обязательном обучении русской грамоте в частных мусульманских школах.

Несмотря на объяснения военного губернатора [2], генерал-губернатор края признал его распоряжение ошибочным. В письме на имя нового военного губернатора 7 декабря 1899 года генерал-губернатор писал: «По рассмотрении возбужденной по этому поводу переписки я нашел, что нигде в законе или каких-либо правительственных распоряжениях нет указания на то, что администрации предоставляется право закрывать существующие в Империи при мечетях, или иные начальные мусульманские школы, в случае отсутствия в их учебных программах преподавания русского языка; равным образом к данному случаю не может быть применено и высо-

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 44, оп. 12, д. 341, св. 19, лл. 71—72.
[2] Там же, лл. 52—53.

чайшее повеление 17/19 мая 1875 года, которым лишь разъяснено, что все инородческие школы Туркестанского края находятся в ведении учебного начальства» [1].

Отменив циркулярное распоряжение бывшего военного губернатора, он предложил восстановить закрытую мусульманскую школу при мечети города Пржевальск. Генерал-губернатор в своем письме подчеркнул: «К этому считаю нужным присовокупить, что наиболее верными и вполне легальными средствами распространения среди туземного инородческого населения края знания русского языка представляются правительственные русско-туземные школы и вечерние курсы для взрослых туземцев, к устройству которых следует приложить особое внимание» [2].

Однако практических шагов в этом направлении сделано не было. Как было сказано выше, русско-туземные школы в Семиреченской области, как и во всем Туркестанском крае, не получили широкого распространения. К началу XX века в области было всего лишь 12 русско-туземных школ с небольшим контингентом учащихся. Поэтому нерусское мусульманское население области продолжало обучать своих детей у мусульманских мулл.

4. НОВОМЕТОДНЫЕ ШКОЛЫ

На грани XIX—XX веков у волжских татар появилось течение за «новый метод». Оно связано с развитием капиталистических отношений на окраинах России. Старые мектебы и медресе не отвечали интересам растущей национальной буржуазии, так как экономические отношения в городах и сельской местности принимали капиталистический характер, а просвещение татар оставалось на низком уровне. Поэтому сторонники «нового метода», открывая новые мектебы и медресе, отличающиеся от старых, вводили преподавание таких светских дисциплин, как география, история, арифметика, естествознание, русский язык и т. п. По отношению к старым мектебам и медресе, новометодные школы были более прогрессивными: учащиеся в этих школах получали некоторые элементарные знания по светским наукам. Новометодные

[1] ЦГИА КазССР, ф. 44, оп. 12, д. 341, св. 19, л. 70.
[2] ЦГИА КазССР, ф. 44, оп. 3, д. 952, л. 70.

школы никакого переворота, конечно, в системе обучения не сделали. Они не имели специальных учебных зданий, учебных пособий, сроки обучения не были установлены. Националисты упорно проповедовали новометодные школы, но последние не отвечали насущным требованиям народа; они не давали учащимся даже элементарных основ научных знаний.

На территории Казахстана во второй половине XIX века новометодных школ не было. Они появились в начале XX века.

5. ОБУЧЕНИЕ ВЗРОСЛЫХ

Обучение нерусского взрослого населения на территории Казахстана началось только в конце прошлого века и не получило широкого распространения. Обучение взрослого населения в Сыр-Дарьинской области было начато с 80-х годов. В 1884 году были открыты курсы для обучения взрослых при Аулие-Атинском, Казалинском, Туркестанском и Чимкентском городских училищах, а в 1886 году — при Меркенской русско-туземной школе. В общей сложности в 1896 году вечерние курсы существовали при 13 училищах Туркестанского края, в которых обучалось всего лишь 92 человека и при русско-туземных училищах — 231 человек.

Вечерние курсы для взрослых при Перовском русско-казахском училище были открыты 20 августа 1899 года, в них обучалось 26 человек от 16 до 28-летнего возраста, в том числе 10 казахов и 9 узбеков. Большинство учащихся были мелкими торговцами. Перед ними ставилась задача: «только научиться читать, писать, немного считать по-русски, а главное уметь расписаться в получении заказного письма, написать грамотно адрес, прочитать самому телеграмму. Интерес к таким курсам быстро терялся. Посещаемость занятий была слабой.

Ввиду неудовлетворительной постановки обучения и малочисленности слушателей курсы для обучения взрослых обычно существовали недолго. Так, например, курсы для обучения взрослых были закрыты в 1886 году при Туркестанском городском училище, в 1887 году — при Аулие-Атинском приходском училище, в 1888 году — при Чимкентском городском и Меркенском русско-туземном училищах, в 1892 — при Казалинском городском училище. Таким образом, просуществовав несколько лет,

почти все курсы для обучения взрослых Сыр-Дарьинской области закрылись.

Первая вечерняя школа для взрослых в Тургайской области была открыта 1 января 1889 года в помещении Кустанайской городской библиотеки. Через месяц в школе обучалось 30 казахов и татар. В 1890 году вечерние школы для взрослых казахов были открыты при Иргизском и Кустанайском двухклассных русско-казахских училищах, причем последней отпускалось ежегодно по 150 рублей из школьного фонда Тургайской области. 2 ноября 1891 года вечерняя школа для взрослых была открыта при втором Кустанайском одноклассном училище, в которой обучалось 32 учащихся.

В Акмолинской области в 1898 году было две вечерние школы для взрослых, в которых училось 97 учащихся.

В Семиреченской области вечерние курсы для взрослого местного населения начали открываться только в начале XX века. 1 марта 1901 года при Токмакской русско-туземной школе были открыты вечерние курсы для взрослых разночинцев, на которых обучалось 12 человек: 6 татар, 5 узбеков и 1 дунганин. Среди слушателей было 5 торговцев, 3 приказчика, 3 татарских муллы.

Программа курсов была составлена для двух групп учащихся: для неграмотных по-русски, могущих обучаться не более двух месяцев, и для слушателей, могущих заниматься 6—7 месяцев (см. приложение 2).

При Верненском втором приходском училище существовала воскресная школа.

Для обучения взрослого населения грамоте вообще, в частности русскому языку, царская администрация области никаких мер не предпринимала. Препятствовало этому весьма важному мероприятию и мусульманское духовенство. Учитель Джаркентской дунгано-уйгурской школы, видимо, не без влияния мулл 4 апреля 1900 года в своем рапорте на имя инспектора народных училищ Семиреченской области, отмечая трудности вовлечения туземных детей в школы, писал: «Все эти обстоятельства дают основание сомневаться в возможности и успехе здесь вечерних классов, если не будут употреблены какие-либо репрессивные меры к привлечению взрослых туземцев на вечерние занятия»[1].

[1] ЦГИА КазССР, ф. 90, оп. 1, д. 169б, св. 9, 1900, л. 9.

6. УПРАВЛЕНИЕ УЧЕБНЫМИ ЗАВЕДЕНИЯМИ НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА

Учебные заведения Внутренней орды, Тургайской и Уральской областей входили в состав Оренбургского учебного округа, Акмолинской и Семипалатинской областей — в состав Западно-Сибирского учебного округа, Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей — в состав Главного управления учебными заведениями Туркестанского края. В учебных округах существовал институт инспекторов, возглавлявших учебные заведения определенного района. Первый район составляла Семиреченская область, второй — Сыр-Дарьинская область и Амударьинский отдел, третий — Ферганская и другие области Туркестанского края.

До 1872 года на территории Казахстана не было никаких особых правительственных органов, которые ведали бы вопросами народного образования вообще и школами в частности.

В 1872 году в соответствии с решением Государственного совета от 28 октября 1871 года в Казанском учебном округе была образована особая должность инспектора татарских, башкирских и казахских школ [1]. На эту должность был назначен доктор филологических наук, коллежский асессор В. В. Радлов, который одновременно обслуживал и школы Внутренней орды, Тургайской и Уральской областей. При создании в 1874 году самостоятельного Оренбургского учебного округа (отделен от Казанского учебного округа) в его составе также была учреждена должность инспектора татарских, башкирских и казахских школ. Инспектором стал В. В. Катаринский.

В «Отчете по управлению Оренбургским учебным округом за 1875 год» попечитель округа Лавровский ставил перед собой задачу «найти способное, достойное и благонадежное лицо, которому можно было бы поручить такое чрезвычайно важное дело, как местная инородческая школа». Таким лицом был «молодой, но способный» и хорошо знающий тюркские языки кандидат Казанской духовной академии В. В. Катаринский.

В письме Министерству народного просвещения

[1] Госархив БашАССР, ф. 11. Канцелярия уфимского губернатора, д. 1110, 1875—1878.

26 января 1894 года директор Казанской учительской семинарии Бобровников дает В. В. Катаринскому следующую характеристику: «Лучший знаток их (казахов.— *Т. Т.)* в настоящее время инспектор инородческих школ Оренбургского учебного округа Василий Владимирович Катаринский; он знает степь вдоль и поперек. Как русский человек и горячий патриот, он не жалеет ни сил, ни здоровья на работу, но он человек скромный, не любит и не умеет себя выдвинуть; он в высшей степени сердечный и добрый человек и был близким другом покойного Н. И. Ильминского. Беру на себя смелость рекомендовать Вам В. В. Катаринского, как лучшего знатока не только киргизского, но и вообще инородческого дела. Катаринский весьма хорошо знает киргизский язык и составляет для них учебные книги. Он член переводческой комиссии — специалист по киргизскому языку. До отделения Букеевской орды от Оренбургского учебного округа В. В. Катаринский руководил там делами и направлял тамошнего инспектора и учителей; весьма желательно, чтобы это руководство не прерывалось совсем, и чтобы между мероприятиями в отношении Букеевской орды и прочих Орд было надлежащее единство. Полагаю, что единство это возможно лишь при привлечении к этому делу В. В. Катаринского» [1].

30 января 1894 года в своем письме в Министерство он вторично предлагал «привлечь официально Катаринского к разрешению вопроса о киргизах, даже вызвать его для этого в Петербург» [2].

Инспектор «татарских, башкирских и киргизских школ» находился на положении обычных инспекторов и никакими особыми правами не пользовался.

На запрос попечителя Оренбургского учебного округа о компетенциях инспектора татарских, башкирских и казахских школ Министерство народного просвещения в 1886 году сообщило, что «должность инспектора татарских, башкирских и киргизских школ не составляет самостоятельной инстанции в порядке управления училищами и с этой должностью не соединено ни прав, ни обязанностей входить в непосредственные письменные сношения

---

[1] ЦГИАЛ, дело Деп. Нар. Пр.— ф. 733, оп. 172, 1892—1896, д. 295, лл. 17—18.

[2] Там же, л. 14.

с местными административными учреждениями, а потому управление и заведование инородческими училищами, а также определение, увольнение и перемещение учителей оных должно принадлежать директорам народных училищ на общем основании, инспектору же татарских, башкирских и киргизских школ принадлежит лишь наблюдение за означенными училищами и руководство в учебном и воспитательном отношениях, на правах окружного инспектора» [1].

Решением правительства от 20 ноября 1874 года все правительственные и частные «инородческие» школы Тургайской и Уральской областей, а также Внутренней орды, находившиеся в ведении различных ведомств, в том числе и Министерства внутренних дел, передавались в ведение Министерства народного просвещения [2].

В 1876 году в Туркестанском крае учреждено особое управление учебными заведениями края и определена должность главного инспектора училищами при генерал-губернаторе. В 1877 году в г. Ташкенте учреждена должность инспектора училищ, а в 1889 году — должность третьего инспектора училищ.

До учреждения должности второго инспектора заведование училищами Семиреченской области 5 апреля 1877 года было временно возложено главным инспектором учебных заведений на инспектора Верненской мужской гимназии [3]. До этого училищами области заведовал титулярный советник Н. Пантусов.

1 сентября 1879 года учреждена должность инспектора народных училищ Тургайской области с местопребыванием в г. Тургае [4]. На эту должность был назначен И. Алтынсарин, который до этого работал письмоводителем Тургайского уездного управления. «Дело народного образования могло получить теперь правильное направление и устойчивость,— писал А. Е. Алекторов.— Хотя школьное образование Алтынсарина ограничилось только начальным русско-киргизским училищем, существовавшим при пограничном управлении в г. Оренбурге, но

---

[1] *А. Е. Алекторов.* Очерк народного образования в Тургайской области. Летопись. 1844—1898 гг. вып. 1. Оренбург, 1900, стр. 80.

[2] См.: ЦГИАЛ, ф. 733. Дело Департамента народного просвещения.

[3] ЦАУ УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 33, л. 3.

[4] В 1883 г. местопребывание инспектора перенесено в Кустанай.

при своей любознательности, даровитости и под влиянием высокообразованных русских людей, какими были В. В. Григорьев, А. А. Бобровников и Н. И. Ильминский, он получил самостоятельно довольно солидное образование и был выдающимся деятелем на пользу отечества «и родных ему киргизов» [1].

Попечитель Оренбургского учебного округа П. А. Лавровский 19 июня 1879 года в письме в Министерство народного просвещения, указывая на то, что «для наблюдения за инородческими школами на огромном пространстве территории Оренбургского учебного округа учреждены всего два инспектора с местонахождением одного в Оренбурге, а другого в Букеевской орде», и что «два инспектора не имеют физической возможности посещать все инородческие школы, ежегодно по несколько раз», а также, указывая на необходимость «ближайшего наблюдения за школами и за устройством школьного дела особенно же в киргизских «степях», просил учредить должность третьего инспектора «инородческих» школ для киргиз Тургайской области» [2]. Указывая на то, что в Пермской губернии имеется 8 инспекторов народных училищ (4 от правительства и 4 от земства), «каковое количества для этой губернии слишком достаточно», он просил Министерство народного просвещения передать один инспекторский оклад из Пермской губернии в Оренбургский учебный округ.

Министр народного просвещения Д. А. Толстой в письме к попечителю Оренбургского учебного округа от 28 июля 1879 года сообщил, что царь «впредь до учреждения в Тургайской области должности особого инспектора народных училищ принял решение отчислить временно с 1 сентября 1879 года для заведования всей области народными школами и вообще низшими и частными учебными заведениями одного из инспекторов народных училищ, назначенных в Пермской губернии».

На полях копии письма имеются следующие записи: 1) «Сообщить гг. Катаринскому и Алтынсарину сделать запрос в Тургайское управление о неимении препятствий к переводу Алтынсарина. *Н. Великанов*».

---

[1] Очерк народного образования в Тургайской области... Оренбург, 1900, стр. 57—58.

[2] Госархив БашАССР, ф. 109, 1879, д. 35, л. 1

2) «Назначаю г. Алтынсарина инспектором киргизских школ в Тургайской области и в Оренбургской губернии.

П. Лавровский» [1].

Н. И. Ильминский писал, что В. В. Григорьев «принимал особое участие в образовании и устройстве Алтынсарина» [2]. И что он, Н. И. Ильминский, также «имел большую возможность оценить даровитость, любознательность и честную, симпатичную натуру Алтынсарина» [3].

Указом от 30 ноября 1898 года должность второго инспектора народных училищ в Тургайской области утверждена с 1 января 1899 года.

Вторым инспектором русско-казахских школ Тургайской области по Иргизскому уезду был назначен учитель-инспектор первого Оренбургского городского трехклассного училища И. С. Хохлов [4].

После смерти Алтынсарина в 1889 году и до назначения нового инспектора школ Тургайской области на эту должность был временно зачислен заведующий Кустанайским двухклассным училищем Ф. Соколов. В 1890 году инспектором был назначен А. В. Васильев.

Учитывая сложность руководства учебными заведениями Тургайской области, попечитель Оренбургского учебного округа в 1892 году возбудил ходатайство об учреждении в области особой дирекции народных училищ или, на первое время, одной новой должности инспектора. Но министр народного просвещения ввиду «затруднительного положения государственного казначейства» отклонил это ходатайство.

1 августа 1894 года инспектором школ Тургайской области был назначен А. Е. Алекторов. До этого он работал инспектором училищ во Внутренней (Букеевской) орде (1886) и Астраханской губернии (1893).

А. Е. Алекторов являлся одним из видных деятелей народного образования в Казахстане.

Управляющий учебным округом в письме министру народного просвещения от 25 августа 1890 года, говоря об отчете Алекторова о работе школ Букеевской орды

[1] Госархив БашАССР, ф. 109, 1879, д. 35, л. 3.
[2] ЦГИАЛ, ф. 733, д. 1398, 1885—1888 гг., л. 25.
[3] Там же.
[4] «Оренбургский листок», 1899, № 8.

за 1889/90 учебный год, отметил его хорошую работу.

«Г. Алекторов,— писал он,— очень внимательно относится к училищам, посещает их по три, по четыре раза в год... При посещении обращает внимание на все стороны школьной жизни, руководит неопытных учителей и следит за их успехами в самоусовершенствовании и пр. Указания г. Алекторова относительно способов обучения в русско-киргизских училищах вполне основательны и правильны» [1].

И. Стецкий в статье «Начальное образование киргизов Кустанайского уезда Тургайской области» отмечает, что Министерство просвещения у руководства начальным образованием поставило «испытанное лицо, А. Е. Алекторова, занимающего уже 6 лет должность инспектора и ранее того руководящего устройством школ во Внутренней киргизской орде. Инспектор Алекторов, знаток киргизского языка, нравов и быта, энергичный труженик, и можно сказать, составляет живую душу новосозданного дела русско-киргизского образования» [2].

В 1885 году военный губернатор Тургайской области в своем письме попечителю Оренбургского учебного округа предлагал «привлечь к наблюдению за воспитательной частью в училищах, содержанием и поведением учеников уездных начальников и если нужно, то и депутатов от местных жителей русских и киргизских».

Но попечитель учебного округа Д. С. Михайлов отклонил предложение военного губернатора о подчинении уездным начальникам училищ, подведомственных Министерству народного просвещения. «Училища Тургайской области,— писал он,— в отношении надзора поставлены лучше училищ всех губерний, так как на 5 училищ имеется особый инспектор, которого обязанность состоит в наблюдении за этими училищами. Про деятельность г. Алтынсарина сам г. военный губернатор отзывается с отличной стороны, следовательно нет недостатка в надзоре за училищами. Никто не запрещает уездному начальнику посещать училища, и в случае замеченных им недостатков или беспорядков, он всегда может сообщать о них инспектору народных училищ; но сам распоряжений не должен делать, так как его распоряжения могут

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, 1890, д. 2334, лл. 49—50.

[2] «Киргизская степная газета», 1901, 25 марта.

идти вразрез с распоряжениями инспектора народных училищ, а иногда и с распоряжениями Министерства народного просвещения, которые ему, конечно, неизвестны» [1].

Для руководства работой волостных или «общественных» училищ, которые предполагались к открытию, попечитель предлагал учредить под председательством инспектора народных училищ и подчиненные попечителю учебного округа училищные советы, куда входили бы уездный начальник «благочинный», заведующий двухклассным училищем и мулла «для изыскания средств к открытию училищ и поддержанию существующих». Правда, попечитель учебного округа высказывал некоторые опасения в отношении муллы, который мог иметь «вредное влияние».

12 марта 1885 года был учрежден Западно-Сибирский учебный округ, в состав которого вошли Тобольская и Томская губернии, Акмолинская, Семипалатинская и Семиреченская области [2]. 1 июля были учреждены должности инспекторов народных училищ Акмолинской и Семипалатинской областей.

7 мая 1887 года генерал-губернатор Туркестанского края Розенбах обратился к министру народного просвещения с просьбой учредить в крае должность инспектора татарских, башкирских и казахских школ по примеру Казанского учебного округа.

Указывая на наличие в Туркестанском крае не менее 4 000 школ, генерал-губернатор считал необходимым установить соответствующий контроль над ними. Обращая внимание на усиление мусульманской пропаганды, исходящей со стороны «английской Индии», на рост засылки пропагандистской литературы, он писал: «Индия становится тем интеллектуальным центром, который снабжает наших туземцев предметами удовлетворения их умственных и нравственных нужд, что для нашего национального влияния на Востоке, конечно, отнюдь не может назваться выгодным и благоприятным» [3].

8 сентября 1888 года Розенбах вторично обратился к министру народного просвещения.

Товарищ министра народного просвещения 9 октября

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, д. 1398, л. 2.
[2] «Сибирская газета», 1885, 2 июня.
[3] ЦГИАЛ, д. 1844, л. 3.

1888 года, указывая на то, что существовавший тогда порядок руководства «инородческими» школами не дал ожидаемых результатов и что поэтому он (порядок) должен быть пересмотрен, сообщил Туркестанскому генерал-губернатору о необходимости временно воздержаться от разрешения этого вопроса [1].

Тогда генерал-губернатор обратился с просьбой учредить третью должность инспектора в крае.

По представлению министра народного просвещения Государственный совет 13 ноября 1889 года утвердил должность третьего инспектора Туркестанского края с упразднением должности инспектора татарских, казахских и башкирских школ Казанского учебного округа [2].

Инспектором мусульманских школ был назначен преподаватель восточных языков Туркестанской учительской семинарии В. Н. Наливкин. Но через 6 лет эта должность была упразднена.

Следует особо остановиться на значении города Оренбурга, который как один из главных форпостов царизма в завоевании южных районов Казахстана и Средней Азии, играл весьма важную роль в развитии культуры казахского народа не только до присоединения к России Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей, но и после образования Туркестанского генерал-губернаторства. Роль Оренбурга определялась и тем, что он был административным центром Тургайской области. Здесь находилось областное правление (Пограничная комиссия) оренбургскими казахами и канцелярия Тургайского военного губернатора.

Оренбургская гимназия, открытая в июле 1868 года, была первым здесь средним учебным заведением, где обучались казахские дети. Перед открытием гимназии министр народного просвещения в своем представлении в Государственный совет отмечал, что по мнению Оренбургского генерал-губернатора Крыжановского промедление с открытием гимназии «может вызвать ропот со стороны сословий и лиц, пожертвовавших и внесших уже на учреждение гимназии значительный капитал. Такой ропот генерал-губернатор считает возможным особенно со стороны киргизов, которые, по уровню своего умствен-

[1] ЦГИАЛ, д. 1844, лл. 16—17.
[2] Там же, лл. 48—49.

ного развития, не затруднятся обвинить местную администрацию в употреблении в свою пользу внесенных киргизами на Оренбургскую гимназию более 50 000 руб.» [1]

На учреждение гимназии было пожертвовано 81 000 рублей (казахами Средней орды — 31 000 руб., Внутренней орды — 20 000 руб., от граждан г. Оренбурга — 10 000 руб. и от оренбургского казачьего войска — 20 000 руб.). «Астраханский вестник» [2] сообщал, что для учреждения гимназии в 1893 году было пожертвовано зауральскими казахами 40 000 рублей и букеевскими казахами 30 000 рублей.

Как видно из этих данных, казахское население пожертвовало весьма значительную сумму на учреждение гимназии, что несомненно отражало его большую заинтересованность в обучении своих детей в русской средней школе.

Впоследствии, после открытия гимназии, для казахских детей Тургайской области в ней было учреждено 12 стипендий, половина которых в 1894 году передана во вновь открытое реальное училище.

По этому поводу «Астраханский вестник» [3] писал, что для казахов, не знающих русского языка, изучение древних языков «очень обременительно», а для многих «совершенно невозможно», что, как показал 25-летний опыт, только немногие из числа казахских стипендиатов оканчивают гимназию, а остальные учащиеся не идут дальше четвертого класса. Реальное же училище, писала газета, дает возможность киргизам получить законченное общее образование, приспособленное к практическим потребностям и к приобретению технических познаний. Когда в 1869 году была закрыта казахская школа при областном правлении, то при Оренбургской гимназии был создан пансион для казеннокоштных детей казахов Оренбургского края и приготовительный класс для них при гимназии.

Как видно из «Отчета» Временного совета по управлению Внутренней казахской ордой за 1877 год, на средства казахов в Оренбургской гимназии было установлено 8 стипендий и в Астраханской гимназии — 1. Все эти

[1] Сборник постановлений по Министерству народного просвещения, т. 3. Спб., 1871, стр. 836.

[2] «Астраханский вестник», 1893, № 1297.

[3] Там же, 1894, № 1570.

вакансии, по сообщению Временного совета, были замещены. Из «Отчета» за 1881 год видно, что за отчетный период Оренбургскую гимназию окончили впервые два казаха: сын есаула Бекмухамедова — Амиржан и его племянник султан Бахтыгирей Кулманов. Затем они на свои средства поступили: Амиржан — в Казанский университет, а Кулманов — в Петербургский университет.

В «Отчете по управлению Оренбургским учебным округом за 1875 год», представленном попечителем округа Лавровским министру народного просвещения, отмечалось, что учащиеся-казахи проживают вместе с русскими учениками в пансионе и вместе с ними изучают русский язык и грамоту в приготовительном классе. Затем, когда они переходят в высший класс, «осваиваются с русским языком настолько, что свободно могут следить за уроками, со второго же и третьего класса они немного чем отличаются от русских». Это объяснялось попечителем «отчасти даровитостью киргизского племени и особой способностью к языкоизучению. Память и воображение у молодых киргизов — господствующие способности. Замечательно также, что киргизы прекрасно (каллиграфически) пишут, хорошо рисуют и ведут себя серьезно и скромно»[1].

Отмечая, что в 1875 году в гимназии обучалось 35 казахских мальчиков, в том числе двое в седьмом классе, попечитель считал, что казахи отдают своих детей в гимназию лишь потому, то им «выдается казенная стипендия, а также ради служебной чиновной перспективы; потребности же собственно в образовании, они, по-видимому, еще не сознают». О двух учениках в 7 классе он писал: «Это единственный и знаменательный случай во всей, впрочем недавно начавшейся, истории классического образования киргизов»[2].

Помимо казахской школы при областном правлении в г. Оренбурге существовала казахская учительская школа, открытая в 1883 году. Несмотря на то, что вопрос об учреждении казахской учительской школы в г. Оренбурге был возбужден еще в 1871 году, она была открыта только через 12 лет, то есть спустя 4 года после учреждения Туркестанской учительской семинарии. Возможно,

---

[1] Госархив Оренбургской обл., ф. 74, оп. 1, д. 1а.
[2] Там же.

что большая переписка об открытии казахской учительской школы и сама задержка в открытии школы объяснялись учреждением Оренбургского учительского института, преобразованного в 1894 году в реальное училище. Кстати, следует сказать, что среди учащихся института не было казахов.

Мы не будем останавливаться на всех типах и количестве школ, а также учащихся города Оренбурга и Оренбургского учебного округа в целом, так как это не имеет прямого отношения к нашей теме. Лишь кратко скажем о неудовлетворительном положении пансионов при «инородческих» училищах. В этом отношении очень характерен «Отчет оренбургской дирекции народных училищ за 1879 год» (Часть 5. Инородческие школы).

Директор народных училищ отмечает, что «инородческие» пансионы «не удовлетворяют своему назначению». «Ученики помещаются в них тесно и грязно. Спят они на нарах вповалку, так что на четырехаршинном пространстве лежат по 9—10 мальчиков в возрасте от 8 до 15 лет, один подле другого. Вместо тюфяков складывается обыкновенно кошма, без простыней, а подушкой служит наволочка, слабо набитая сеном или соломой, но и та находится под овчинным тулупом, собственно заменяющим подушку.

На стенах спальных комнат обыкновенно бывают вбиты гвозди для вешания тулупов, шапок и проч., а на полу, под нарами, валяется старая обувь и накопляется разный сор. В спальнях духота и жар усиливаются отсутствием всякой вентиляции.

При таких условиях содержание пансионных при инородческих училищах помещений в чистоте и опрятности положительно немыслимо. От нечистоты же и тесноты помещения развиваются между учениками накожные болезни, преимущественно чесоточного свойства и появляются на теле лишайные связи, расчесываемые до крови. В волосах и под бельем заводятся паразиты, хотя по уверению заведующих училищами ученики ходят еженедельно в баню. Самые платья, тулупы и даже стены наполнены разными насекомыми» [1].

Далее в отчете говорится о плохой пище воспитанников и несоблюдении ими личной гигиены. «По удостове-

[1] Госархив Оренбургской обл., ф. 73, оп. 1, д. 104, лл. 41—42.

рениям инспекторов, ревизовавших эти инородческие пансионы, редко у кого из учеников лицо и руки были чисты; у большинства же они не бывают мыты целыми неделями и учителя не обращают на это никакого внимания».

В результате исключительно невыносимых условий в пансионах «ученики пансионеры, при первом случае, оставляют пансион и даже убегают из него». Розыски беглецов не венчаются успехом, к тому же сами родители, убежденные в неудобствах пансионной жизни своих детей, не возвращают их более в училище. Таким образом, пишет директор народных училищ, «почти весь контингент пансионеров инородческих училищ состоит из круглых сирот, не имеющих никого из родных, которые бы могли их приютить» [1].

В конце отчета говорится о нецелесообразности сохранения в дальнейшем пансионов, о необходимости упразднения их и организации народных школ открытого типа для «инородцев». Отмечается, что затрачиваемые средства на содержание пансионов не оправдываются результатами воспитания в них детей.

Следует отметить, что наряду с г. Оренбургом, центр Степного края — г. Омск и центр Туркестанского края — г. Ташкент, как административные, политические, экономические и культурные центры играли весьма важную роль в развитии культуры и просвещения среди казахского народа во второй половине XIX века и в начале XX века.

---

[1] Госархив Оренбургской области, ф. 73, оп. 1, д. 104. л. 43.

ГЛАВА II

ШКОЛЫ ВНУТРЕННЕЙ (БУКЕЕВСКОЙ) ОРДЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Внутренняя орда (Букеевское ханство) образовалась в начале XIX века между реками Урал и Волга в составе казахского населения Младшего жуза, прикочевавшего туда из-за Урала. В 1845 году после упразднения ханства во Внутренней орде был учрежден «Временный Совет по управлению Внутренней (Букеевской) ордой». После административных реформ в Казахстане в 1867—1868 годы Орда была подчинена Тургайскому областному правлению, находившемуся в ведении Оренбургского генерал-губернатора.

В административном отношении Орда делилась на пять частей и два округа.

Во второй половине XIX века во Внутренней Орде промышленности за исключением баскунчакских соляных разработок не было. Население занималось главным образом скотоводством. Приблизительно здесь имелось около двух миллионов голов скота.

В конце века в Орде насчитывалось около 263 тысяч человек. На такое количество людей было всего два врача: один — в Ханской Ставке, другой — в с. Новая Казанка.

Известный русский антрополог и этнограф Алексей Харузин в течение двух лет (1887—1888) всесторонне изучал историю, экономику и быт казахов Внутренней орды. Он раскопал несколько старинных курганов, заснял много фотографий, провел множество антропометрических измерений. Результаты обширных наблюдений и исследований он обобщил в труде «Киргизы Букеевской орды» (антрополого-этнографический очерк), М., 1889.

А. Н. Харузин дал такую характеристику казахам Орды. «Букеевский киргиз,— говорит он,— пришел к нам 90 лет тому назад; вся его история протекала на наших глазах: мы помним, каким он пришел и каким стал теперь. Он пришел, вооруженный копьем и айбалтой, перекочевывая с места на место и живя в кибитке; теперь он, до некоторой степени, оседлый, живет зимою в глиняном доме, бросил оружие; пришел он язычником, теперь он магометанин; жил прежде, строго соблюдая свои родовые и сословные традиции, теперь он их забыл; жил большими семьями, а теперь нет и т. д. Одним словом, постепенно утрачивает старину и, при том, в большей степени, чем его азиатский сосед» [1].

Добровольное присоединение к России казахов Младшего жуза благотворно влияло на все стороны их жизни. Кроме того, несколько обособленное положение Внутренней орды, в отличие от других частей Казахстана, а также непосредственное соприкосновение и тесное общение местного населения с русскими, накладывало отпечаток на развитие экономики и культуры ханства. Это сказалось и в области народного образования, развитию которого в известной мере способствовало создание отличных от казахских религиозных мектебов и медресе школ, в которых велось преподавание русского языка.

1. МУСУЛЬМАНСКИЕ МЕКТЕБЫ И МЕДРЕСЕ. МЕРЫ ЦАРСКИХ ВЛАСТЕЙ ПРОТИВ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИСЛАМА ВО ВНУТРЕННЕЙ ОРДЕ

Во Внутренней орде до 1868 года, то есть до административных реформ, за исключением единственной русско-казахской школы в Ханской Ставке существовали только мусульманские мектебы и медресе.

Из-за отсутствия учета мусульманских мектебов и медресе, а также обучавшихся в них учащихся в различных архивных и литературных источниках имеются по этому вопросу самые различные данные.

По данным бывшего учителя школы Второго приморского округа Внутренней орды Н. Леванова [2] в 1872 году

---

[1] *А. Харузин.* Киргизы Букеевской орды (антрополого-этнографический очерк), М., 1889, стр. 155.

[2] «Народная жизнь», 1883, №№ 9, 10.

в Орде было 154 мусульманских школы, в которых обучался 3 821 учащийся. В отчетах инспекторов училищ и попечителя учебного округа официально говорится о 38 мусульманских мектебах и медресе (по неофициальным данным — 56), а также о двух русских классах при них, в которых обучалось 400 учащихся, в том числе: казахов — 350, татар — 50; мальчиков — 375, девочек — 25. Попечитель Оренбургского учебного округа Ростовцев в своем письме в Министерство народного просвещения 11 ноября 1891 года сообщал, что в Букеевской орде имеется примерно 400 мусульманских медресе и мектебов. Вероятно, в число мусульманских школ были включены и «школы» для одиночек, которые содержались зажиточной частью казахского населения. Наличие такого числа мектебов и медресе только в одной Внутренней орде вызывает серьезное сомнение, так как другими источниками эти данные не подтверждаются.

По сообщению «Астраханского вестника» [1], в Букеевской орде на 1 января 1899 года было 60 мектебов и медресе, в которых обучалось 1 679 учащихся, в том числе мальчиков — 1 436 и девочек — 243. Девочек «обучали» жены мулл (их было 27).

Судя по этим данным, число мусульманских мектебов и медресе, а также учащихся в них к концу прошлого века несколько сократилось. Это произошло главным образом в результате увеличения русско-казахских школ Министерства народного просвещения, которые, пожалуй, в то время были единственно полезными для казахского населения типами школ, а также благодаря открытию старшинских школ в различных частях Внутренней орды.

Организация русских классов при мусульманских мектебах и медресе в конце прошлого века была новым и необходимым явлением в развитии этих школ. В 1896 году в русском классе при медресе в Новой Казанке, открытом в 1895 году, обучалось 32 ученика, в русском классе при мектебе в Ханской Ставке, открытом в 1892 году — 3 ученика.

Создание русских классов при мусульманских школах явилось результатом стремления и требования казах-

[1] «Астраханский вестник», 1899, № 3024.

ского населения обучать своих детей русской грамоте, а также следствием известной победы самодержавия над мусульманским духовенством, которое правительство обязало открывать вместо новых мечетей и мусульманских школ русские классы при мектебах и медресе.

Возраставшее влияние мусульманского духовенства во Внутренней орде, разжигание им антиправительственных и антирусских настроений среди известной части казахских султанов и биев, а также его отрицательное влияние на воспитание подрастающего поколения вызывали беспокойство у царской администрации. Поэтому были предприняты некоторые меры, направленные на нейтрализацию этого влияния.

Выражая политику царского правительства, А. Н. Харузин писал: «В татарских школах преподают детям татарскую грамоту и магометанскую религию. Нет никакого сомнения, что такие рассадники татарской, враждебной для русских, культуры, кроме вреда, нам ничего не приносят. Воспитывать киргизов на традициях магометанства и создавать и усиливать, таким образом, татарскую национальность не может входить в цели нашего государства» [1]. А. Н. Харузин считал, что татарско-магометанское влияние является главным препятствием для «обрусения» казахов.

Чтобы предотвратить влияние татарских мулл на казахских детей, попечитель Оренбургского учебного округа предложил не принимать их в мусульманские школы и русские классы. «Было бы целесообразно,— писал он в Министерство народного просвещения,— в медресе и в русские классы при оных, устроенные во Внутренней Букеевской орде для татарского населения, принимать для обучения у мулл только татар, дабы училища под влиянием татарских мулл не сделались рассадником магометанского фанатизма среди киргиз» [2].

Министерство народного просвещения 18 августа 1892 года направило это предложение на заключение попечителю Казанского учебного округа, в который (по учебной части) входила тогда Внутренняя орда. Попечитель учебного округа В. А. Попов одобрил это предложе-

---

[1] *А. Харузин.* Киргизы Букеевской орды, стр. 160.

[2] ЦГИАЛ. Дело Департамента народного просвещения, ф. 733, оп. 172, 1892—1896, д. 295, л. 1.

ние [1]. Он писал: «Татары воодушевлены не только мусульманским фанатизмом, но и любовью к своему языку и симпатиями к турецкой державе. Отчужденность от всего русского среди татар не уменьшается, но, напротив, возрастает». В доказательство он привел факты, установленные при инспектировании школ Внутренней орды инспектором казахских школ А. Е. Алекторовым, который, посетив 20 ноября 1887 года татарское медресе, где обучалось 50 учащихся, обнаружил, что учитель-татарин «обучал детей мусульманскому вероучению, татарской грамоте и счислению» и «находил совершенно излишним» обучать их русскому языку.

Далее Попов говорит, что ученики-казахи татарского медресе в Новой Казанке при посещении их А. Е. Алекторовым 11 февраля 1888 года на вопрос последнего: «Какой главный город нашего государства и кто наш царь», отвечали: «Главный город Стамбул, а царь наш — турецкий султан». Конечно, учащиеся могли и не знать главного города России, тем более имя русского царя. Но инспектор, разумеется, не мог не обратить внимания на тот факт, что учащимся было внушено, что не Петербург, а Стамбул является главным городом, а казахи якобы подвластны турецкому султану.

В. Попов указывал также, что несмотря на запрещение правительства селиться татарам во Внутренней орде, они делают это самовольно. «Многие из татар,— писал он,— попав в степь под видом торговцев, сбрасывают там с себя личину и становятся учителями и распространителями ислама и татарского языка», и если этот наплыв не будет прекращен, «то отатаривание и фанатизирование киргиз будет идти весьма быстро». Поэтому он предлагает не только запретить обучать казахов в татарских медресе и мектебах, но и селиться татарам во Внутренней орде. Там, где имелся мулла, существовала и мусульманская школа, в которой обучалось от 25 до 50 казахских детей. Далее в письме говорится, что обучение в этих школах продолжалось почти круглый год: «летом — в кибитках муллы, зимой — в их душных сырых и вонючих мазанках-землянках». Руководствами для занятий служат, преимущественно, татарские книги, как наиболее для киргиз понятные и как изложенные на языке, на

[1] ЦГИАЛ. Дело Департамента народного просвещения, ф. 733, оп. 172, 1892—1896, д. 295, лл. 3—10.

котором киргизы восприняли впервые магометанское вероучение». Причем под влияние отатаривания попадают не только дети «султанских родов, но и простых ордынцев».

Одной из главных причин распространения магометанской религии среди казахского населения Внутренней орды автор считает недостаточное распространение православной религии. Поэтому он пишет: «...только разумную, неослабную, православно миссионерскую деятельность во Внутренней Букеевской орде, только построение православных храмов, назначение способных священников, знающих киргизский язык, перевод православных священно-богослужебных книг, заведение церковно-приходских училищ и, наконец, поощрение русских к поселению во Внутренней Букеевской орде — можно признать существенно государственными мерами, имеющими весьма серьезное значение в деле сплочения и слияния киргизского края с общим отечеством» [1].

Автор подчеркивает, что сейчас наступило самое время привлечь казахов в «лоно православной церкви», пока «среди простых ордынцев ислам еще не пустил глубоких корней и не успел еще вселить враждебного отношения ко всему немусульманскому». Доказательством этому он считает то, что казахи охотно продолжают вносить пожертвования на содержание семи русско-казахских школ, «имеющих целью распространение русской грамотности среди киргизов».

Отмечая, что отсутствие преподавания магометанской религии в русско-казахских школах ослабляет их авторитет среди казахского населения, Попов предлагает ввести в них преподавание ислама. В подтверждение, в качестве примера, он приводит русско-казахскую женскую школу в Ханской Ставке, в которой в 1883 году из 22 воспитанниц было 7 казашек, а в 1890 году — только одна. «Введение преподавания магометанской религии в правительственные русско-киргизские школы,— говорит он,— вселит среди киргизов доверие к мероприятиям правительства, успокоит киргизов относительно посягания на их религиозную совесть, и, до известной степени, облегчит, этим самым, задачи православно-миссионерского дела во Внутренней Букеевской орде» [2].

[1] ЦГИАЛ. Дело Департамента народного просвещения, ф. 733, оп. 172, 1892—1896, д. 295, лл. 7—8.

[2] Там же, лл. 9—10.

К своему письму попечитель учебного округа по данному вопросу приложил представление директора Казанской учительской семинарии Бобровникова от 19 сентября 1892 года, который также положительно отнесся к предложению попечителя Оренбургского учебного округа. По требованию Министерства народного просвещения ему было также направлено «Мнение» [1] В. В. Катаринского, работавшего тогда инспектором «инородческих» школ Оренбургского учебного округа.

В своем «Мнении» В. В. Катаринский писал, что до 1890 года в Ханской Ставке имелись один мектеб и три медресе, в которых обучалось 110 учащихся, в том числе 12 казахов. Но они были открыты без разрешения царской администрации, поэтому инспектор училищ Внутренней орды заявил местным мусульманам, состоявшим главным образом из татар, что старые школы должны быть закрыты, а на основании правил 26 марта 1870 года открыты новые. Из осторожности он закрывал по одной школе в год. Последняя мусульманская школа в Ханской Ставке была преобразована в 1892 году и при ней организован русский класс. Причем в этой школе обучались лишь дети татар. Вместо старого здания медресе было построено новое. По настоянию инспектора татары из своих средств ассигновали 600 рублей на выплату жалования учителю русского языка в течение трех лет (по 200 рублей в год). «Киргизы,— писал Катаринский,— со своей стороны ничем не выразили особенного желания учиться в ставочном татарском училище и в русском при нем классе, а по-прежнему продолжают охотно учиться в своих русско-киргизских школах с интернатами» [2]. При этом он подчеркивал, что в последние годы число казахов, желающих учиться в русско-казахских школах, превышает число интернатов, установленных для каждой школы (по 20 человек), иногда учится даже до 30 казахов, выплачивая по 4 рубля в месяц за содержание в интернате.

Возражая попечителю Казанского учебного округа, предлагавшему ввести преподавание ислама в русско-казахских школах, В. В. Катаринский ссылался на то, что «за все время существования там (в Букеевской орде.—

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 172, 1892, д. 295, лл. 23—25.
[2] Там же, лл. 23—24.

Т. Т.) русских школ с 1886 года магометанское вероучение никогда не преподавалось, и киргизы никогда не заявляли об этом. При этом нужно заметить, что начальные сведения по магометанству достаточные для простого магометанина, киргизы приобретают в своих аульных школах у мулл еще до поступления в русские школы, в возрасте от 7 до 10 лет, а потому и нет особенной нужды обучать их вероучению в наших школах» [1].

Далее, Катаринский считает необходимым не допускать киргиз в татарские училища (медресе и мектебы) и поддерживает мнение Попова в вопросе о запрещении татарам селиться среди казахского населения Внутренней орды и «вообще в киргизские степи».

Министр народного просвещения Делянов 9 июня 1894 года поставил эти вопросы перед министром внутренних дел. Но товарищ министра внутренних дел в письме министру народного просвещения от 25 марта 1895 года, ссылаясь на представление Астраханского губернатора о том, что в последние годы татары вообще не селятся в Орде, считал такую меру ненужной. Однако, как указывает С. Г. Рыбаков [2], по настоянию инспектора народных училищ, учащимся медресе — «шакирдам», обычно выписываемым муллами из Казани, было запрещено селиться во Внутренней орде.

Поддерживая предложение о запрещении казахским детям учиться в татарских школах, товарищ министра внутренних дел предложил наряду с этим увеличить во Внутренней орде «число министерских русско-киргизских училищ, так как девяти имеющихся в Орде училищ слишком недостаточно для населения в 260 тыс. душ. Опыт показал, что киргизская молодежь поступает в эти школы весьма охотно, но, по недостатку мест, заведующие школами вынуждены все чаще и чаще отказывать киргизам в приеме их детей» [3].

Кроме того, в письме также говорится о желательности приглашения в русско-казахские школы указных мулл для обучения киргизских детей религии. «Преподавание мулл велось бы в министерских школах под кон-

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 172, 1892, д. 295, лл. 23—24.

[2] *С. Г. Рыбаков.* Нужды народного просвещения. «Народное образование», 1899, кн. 1, 4.

[3] ЦГИА КазССР, ф 78, 1865, оп. 7, д. 186, лл. 51—54.

тролем заведующего школой — русского учителя и не принесло бы вреда»[1].

Мысль о необходимости борьбы против усиления татарского влияния на подрастающее поколение Внутренней орды была не новой, она не раз высказывалась и раньше.

Председатель Временного совета по управлению Внутренней ордой еще в 1862 году, говоря о необходимости борьбы с татарским воспитанием и «очистке киргизского языка от привнесенных в него татарских элементов», писал, что этого хотят сами казахи, окончившие школу при Ханской Ставке[2].

По мнению царской администрации, одним из сильных средств противодействия распространению ислама во Внутренней орде и проведению русификаторской политики являлось внедрение в Орде системы Ильминского.

С. Г. Рыбаков, ссылаясь на отчет окружного наблюдателя церковных школ И. А. Износкова за 1898 год, представленный обер-прокурору «святейшего синода», говорит о попытке организации школьного образования в Орде по системе Н. И. Ильминского и считает ее «мощным пособником дела распространения и упорядочения христианства и русской культуры в среде инородцев»[3]. Он отмечает, что, по словам И. А. Износкова, школы Внутренней орды «довольно близки к типу школ системы Н. И. Ильминского», что инспектор школ Внутренней орды Воскресенский, с согласия попечителя Казанского учебного округа, пытался проводить обучение казахов в Орде по образцу, установленному для крещеных татар в Казанской губернии. Воскресенский предлагал двухклассную русско-казахскую школу в Ханской Ставке реорганизовать в Центральную школу подобно Казанской крещено-татарской школе. Обучение в ней предполагалось сделать бесплатным; детей сначала обучать на казахском языке и лишь потом знакомить учащихся с русским чтением и письмом; выпускников одноклассных школ зачислять на казенные стипендии, а окончивших назначать учителями старшинских школ.

Для ослабления татарского влияния, а также введе-

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 72, 1892—1896, д. 295, л. 36.
[2] Там же.
[3] *С. Рыбаков.* Просвещение инородцев. «Астраханский вестник», 1899, № 2964.

ния и закрепления во Внутренней орде системы Ильминского И. А. Износков предлагал: 1) школу в Ханской Ставке сделать центральной и увеличить число старшинских школ; 2) учредить два новых православных прихода в селениях Таловка и Казанка, назначив в Ханской Ставке, Баскунчаке, Казанке и Таловке священников, знающих казахский и татарский языки, постепенно вводить богослужение на казахском языке; 3) в помощь священникам назначить подготовленных дьяконов и псаломщиков или временно приглашать учителей казахских школ; 4) для русских, а также казахов, желающих обучаться русскому языку, при церквах открыть школы грамоты.

Просветительная система Н. Ильминского преследовала распространение православия среди национальных меньшинств России и их обрусение через соответствующие школы и церкви. В этих целях родной язык национальных меньшинств использовался как средство для последующей русификации. На этом же языке, но русскими буквами, печатались учебные пособия и книги духовного содержания.

Несмотря на усиленные попытки царской учебной администрации полностью осуществить систему Ильминского как во Внутренней орде, так и в других частях Казахстана, этого сделать им не удалось. В Орде школы имели не миссионерский, а общеобразовательный характер. Школы объективно способствовали распространению русской культуры среди казахского населения, укреплению дружбы между казахским и русским народами.

2. РУССКО-КАЗАХСКИЕ ШКОЛЫ. ЦЕНТРАЛЬНАЯ ШКОЛА В ХАНСКОЙ СТАВКЕ

Первая школа нового типа, отличная от старых мусульманских школ — медресе и мектебов, была открыта в Ханской Ставке в 1841 году ханом Внутренней орды Джангиром Букеевым. Другие школы такого типа с преподаванием русского языка начали организовываться в Орде с 1868 года. В 1868 году одноклассные школы были открыты: Калмыцкая — в с. Владимировке, Камыш-Самарская — в с. Новой Казанке, Нарынская — в 12 верстах от Ханской Ставки, Таловская — в с. Таловке и Торгунская — в Ханской Ставке.

В 1883 году в Ханской Ставке организовалось одноклассное женское училище, а с 1893 года в с. Большое Ганюшкино начало функционировать второе двухклассное училище (первое двухклассное училище находилось в Ханской Ставке). В 1895 году в Баскунчаке открылось русско-казахское училище, а в 1895—1896 годах в различных частях орды — 14 старшинских школ.

Во всей Внутренней орде в 1883—1891 годы количество училищ Министерства народного просвещения оставалось постоянным. Их было 8, а число учащихся в них колебалось ежегодно от 149 (1884) до 189 (1890). Со времени организации в с. Большое Ганюшкино девятой по счету школы общее число учащихся в школах Министерства народного просвещения начало увеличиваться: в 1891 году — 205, в 1892 — 244, в 1893 — 260, в 1894 — 307. Эти сведения целиком совпадают с данными, приведенными в статье Н. Казанского «Народное образование в Астраханской губернии»[1].

По другим источникам в 1891/92 учебном году во всех школах Внутренней орды, находившихся в ведении Министерства народного просвещения, обучалось 211 учащихся, в том числе 193 мальчика и 18 девочек; из них 160 казахов, 50 русских[2].

В 1895 году в школах орды насчитывался 521 учащийся — по два ученика на одну тысячу населения. В 1896 году в орде было уже 24 русско-казахских школы, в том числе двухклассных училищ — 2, одноклассных сельских училищ — 6, старшинских — 14 и частных — 2. Кроме того, существовало два русских класса при медресе и мектебах. Всего в школах обучалось 708 учащихся, в том числе: казахов — 629, русских — 64, татар — 15; из них девочек было 35. Среди учащихся казеннокоштных насчитывалось 167 и своекоштных — 541. К этому времени курс обучения в школах окончили 20 человек.

В 1896 году в связи с открытием 7 новых старшинских школ число учащихся по сравнению с 1895 годом увеличилось на 187 человек, в 1898 году оно уменьшилось и составляло 637, в том числе казахов — 573 (меньше на 46 учеников), русских — 44 (меньше на 20 учеников) и

---

[1] ЦГИАЛ. Дело Департамента народного просвещения, ф. 733, оп. 171, 1892—1893, д. 2336, л. 152.

[2] «Русская мысль», 1898, кн. 8, 10, 11.

татар — 20 (увеличение на 5 учеников). Девочек было 33 (меньше на 2 ученицы)[1].

Перечень школ Внутренней орды (без мектебов и медресе) имеется в приложении к письму попечителя Казанского учебного округа, тайного советника В. А. Попова в Министерство народного просвещения. В нем дается подробное объяснение по вопросу преобразования школ Внутренней орды[2].

Из восьми правительственных школ (две двухклассные и шесть одноклассных) двухклассная школа в Ханской Ставке была центральной, а остальные 7 — участковыми. Школы были организованы в 1870 году на общественные средства, но содержались на средства Министерства просвещения (8 180 рублей в год). При всех правительственных школах имелись интернаты на 20 воспитанников.

Дальнейший рост учащихся в русско-казахских школах Орды был связан с открытием в Ханской Ставке Центрального Ордынского училища по подготовке местных учителей.

Наряду с этим инспектор народных училищ Внутренней орды считал одной из главных задач народного образования открытие при училищах ремесленных и профессиональных классов, которые финансировали местные казахские общества. Правда, правители частей Орды не всегда вносили взносы. Начиная с 1895 года, каждая часть должна была ежегодно отдавать на школьное дело по 500 рублей. Однако в 1895 и 1896 годах только правитель калмыцкой части внес 100 рублей, а от остальных поступлений не было.

На полученные взносы старшинским школам было разрешено приобрести школьную мебель. Из общественных средств выдавались также пособия ученикам, отправлявшимся в Казанскую учительскую семинарию для сдачи экзаменов на звание учителя, в размере от 10 до 24 рублей.

Старшинские школы находились в крайне тяжелом материальном положении, о чем писал инспектор народных училищ Орды в своем отчете за 1896 год. Он отмечал, что недостаток общественных средств (2 761 руб.) «без

---

[1] «Астраханский вестник», 1899, № 3024.

[2] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 172, 1872—1907, д. 272, лл. 114—115.

сомнения поведет к очень важным затруднениям, некоторые бедные, но способные киргизы не в состоянии будут съездить в Казань и придется назначить учителей на свой глазомер, или остаться вовсе без учителей». Он подчеркивал, что сборы общественных средств, «по нашему мнению, есть в некотором роде залог прочности школьного дела и обеспечение оного от всяких возможных невзгод, всякое увеличение этих сумм мы считаем в то же время увеличением силы школ и способности для осуществления какого-либо особо важного полезного предприятия»[1].

Как видно из программ по отдельным учебным дисциплинам, экзаменационных программ, отчетов учителей двухклассных русско-казахских училищ: Ф. Белова (с. Большое Ганюшкино), Н. Крамалей (Торгунского одноклассного училища), отчета Калмыцкого одноклассного училища за 1894/95 учебный год, а также отчета инспектора народных училищ Внутренней орды за 1896 год, в учебную программу училищ входили: русский язык (чтение, письмо, грамматика), русско-казахский язык (перевод с русского на казахский и обратно), арифметика, русская история, пение и специальные, «предметные уроки», а также закон божий (для русских детей).

В отчете инспектора татарских, башкирских и казахских школ В. В. Катаринского «О состоянии киргизских школ во Внутренней киргизской (Букеевской) орде и в Уральской области в учебном и хозяйственном отношении» за 1877 год [2], в отчетах учителей школ, инспектора народных училищ и в других источниках имеются следующие данные о правительственных школах (табл. 7.).

Первая казахская школа, организованная Джангиром в 1841 году в Ханской Ставке, впоследствии реорганизованная в двухклассное училище, в течение нескольких лет содержалась за счет хана, а затем после его смерти, с 1848 года, перешла на содержание правительства. Школа была рассчитана на 20 пансионеров, но постоянно в ней был недобор учащихся. В 1877 году в школе обучалось только 10 детей. Школа должна была готовить казахских детей к поступлению в Оренбургский кадетский корпус и другие учебные заведения, воспитывать преданных царизму чиновников.

---

[1] ЦГИА, ф. 59, оп. 1, д. 70, лл. 4, 5, 7, 9.
[2] ЦГИАЛ, ф. 733, 1877—1881, оп. 170, д. 156893.

Таблица 7

Сведения о школах Букеевской орды за 1895/96 учебный год

Наименование учебного заведения	Местонахождение	Время открытия	Мальчиков	Девочек	Окончило курс с 1883 г.
Двухклассные училища					
Ставочное	Х. Ставка	1841	61	—	46
Большое Ганюшкинское	с. Б. Ганюшкино	1893	40	—	2
Одноклассные училища					
Калмыцкое	с. Владимировка	1868	20	—	39
Камыш-Самарское	с. Новая Казанка	1868	48	3	46
Нарынское	вблизи Х. Ставки	1868	22	—	40
Таловское	с. Таловка	1868	43	5	39
Торгунское	Х. Ставка	1868	30	—	37
Женское	Х. Ставка	1883	—	24 (все русские)	—
Русско-казахская школа	пос. Баскунчак	1895	43	—	нет
Старшинские школы (всего 14)		1895/96	253	из двух школ сведений нет	нет
Русские классы					
При мектебах	Х. Ставка	1892	3	—	нет
При медресе	с. Новая Казанка	1895	32	—	нет
Медресе и мектебы (офиц. известно всего 38)		неизвестно	Около 400	—	нет

В. В. Катаринский в своем отчете писал, что учащиеся школы в Ханской Ставке обучаются грамоте буквослагательным методом и поэтому долго задерживаются на азбуке. «Ученики старшего отделения,— сообщал он,— проучившись 4 года, довольно хорошо читали статьи из книги Паульсена, передавали своими словами прочитан-

ное, умели переводить их на киргизский язык и писали эти переводы буквами. По арифметике они довольно порядочно решали задачи на четыре арифметических действия именованных чисел, но, как видно, мало приучены к умственным вычислениям и к сознательному решению задач, а делают все механически без всяких объяснений. Ученик среднего отделения, проучившись 2 или 3 года, плохо читает по-русски и почти совсем не мог порядочно решить задач на сложение и вычитание простых чисел. Ученики младшего отделения, проучившись год, ничего не знали по-русски, едва могли разбирать русские слова по книге, по арифметике могли считать по порядку до 100. Все ученики вообще плохо говорят по-русски — это зависит от недостатка практики в разговорной русской речи»[1].

В отчете указывается, что учителя почти не бывают с детьми во время внеурочных занятий, тогда как учитель татарского языка, часто находясь с детьми, всегда беседует с ними по-татарски. Смотритель школы также редко посещал уроки русского языка, тем более, что в эту школу русских детей не принимают.

В школе, как отмечает Катаринский, учебников и учебных пособий было достаточно, имелись учебники Ушинского, Паульсена, географические карты России, глобус и т. п.

При инспектировании школы Катаринский предложил учительнице Тенишевой принять в школу и русских детей. Он считал, что «при обществе с ними киргизские мальчики скорее научатся разговорному русскому языку».

В целях улучшения обучения в школе он советовал расширить учебную программу до программы двухклассных сельских школ и уволить смотрителя, а вместо учителя казахского и арабского языков и учительницы Тенишевой назначить одного преподавателя с окладом в 300 рублей в год и готовой квартирой при школе. В случае, если учитель не будет знать казахский язык, ему в помощники назначить казаха, «хорошо знакомого с приемами преподавания и с русским языком—с жалованием 150 руб. (от содержания муллы и смотрителя), с квартирой при школе».

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, 1877—1881, оп. 170, д. 156893.

Двухклассное русско-казахское училище в Ханской Ставке (построено в 1901 г.).

Попечитель Оренбургского учебного округа П. Лавровский, представляя отчет Катаринского министру народного просвещения 10 декабря 1877 года, поддержал это предложение.

Ходатайство было удовлетворено Министерством народного просвещения, и школа стала двухклассным училищем по Положению 1875 года. Но через несколько лет министр народного просвещения поставил вопрос о целесообразности сохранения Ставочной школы в двухклассном составе. Попечитель Оренбургского учебного округа Ростовцев, настаивая на сохранении двухклассной школы при Ханской Ставке, в своем письме министру от 28 января 1891 года отмечал, что трехлетний курс обучения в одноклассных училищах недостаточен не только для казахских детей, поступающих в школу с полным незнанием русского языка, но и для русских учащихся, уже владеющих им.

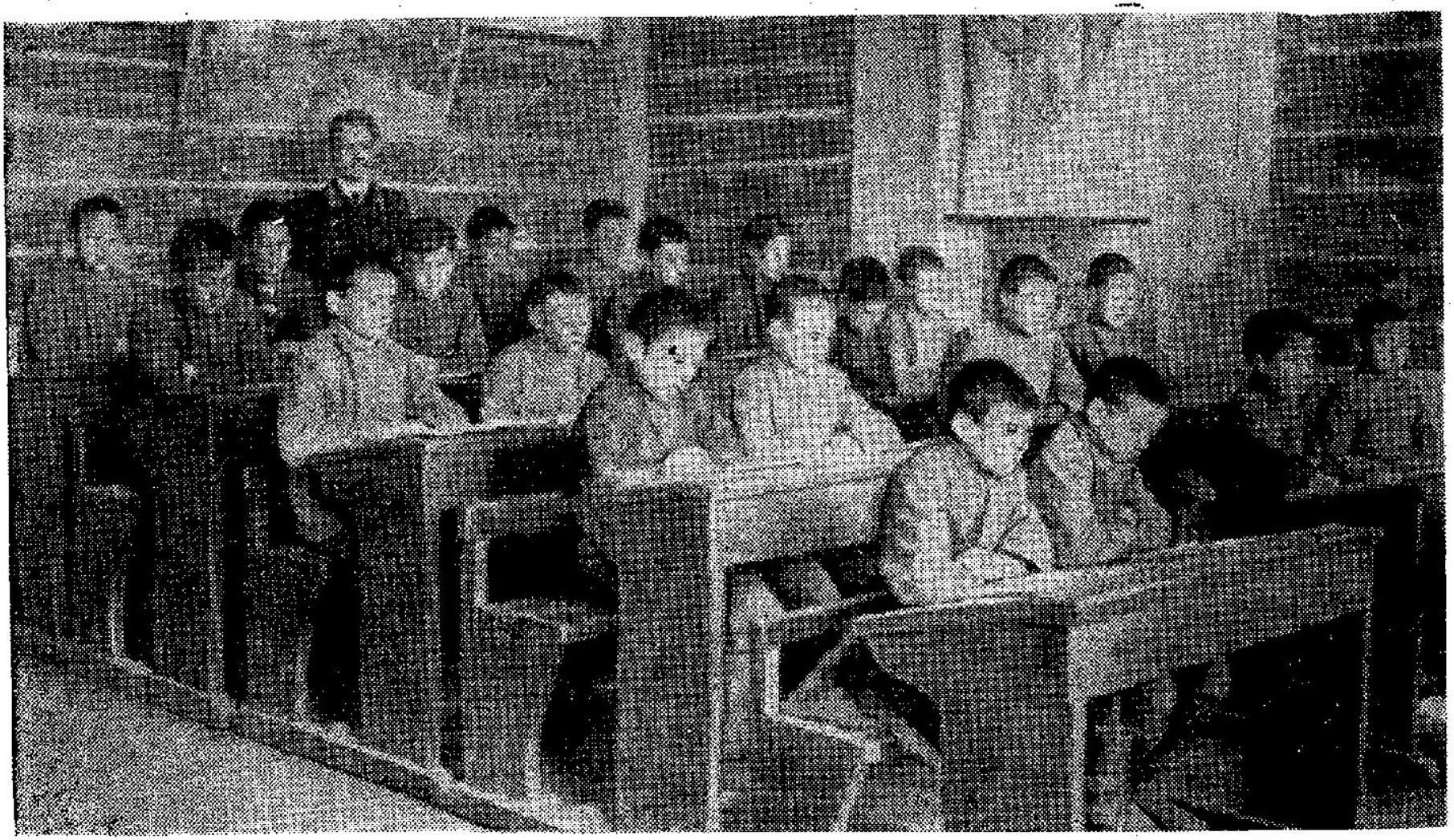
Возник вопрос о преобразовании училища по типу Казанской центральной крещено-татарской школы.

Попечитель Казанского учебного округа тайный советник Попов писал министру народного просвещения: «В видах согласования школьного дела Букеевской орды с принятой в Казанском учебном округе системой образования инородцев, я нахожу необходимым для оживления, расширения и правильной постановки школьного дела в Орде учреждение центрального ордынского училища в Ханской Ставке существующей в Казани — Центральной крещено-татарской школы, в связи с коею будут поставлены и все учрежденные и учреждаемые киргизские старшинские школы»[1]. К письму были приложены «Положение и штат Центрального ордынского училища».

По этому вопросу было два мнения. Попечитель Оренбургского учебного округа считал ненужным преобразование школ Орды, а попечитель Казанского учебного округа доказывал обратное.

Ввиду противоречивости мнений Министерство народного просвещения затягивало решение этого вопроса. 23 января 1903 года новый попечитель Казанского учебного округа Спешков поставил вопрос о преобразовании Ставочного училища в четырехклассное городское училище с педагогическим курсом по Положению от 31 мая

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 172, 1892—1907, д. 272, л. 52.



Первый класс четырехклассного городского училища в Ханской Ставке (1912 г.).

1872 года. Он писал: «Тип центрального училища был задуман крайне неудачно и не соответствует образовательным потребностям и желаниям киргиз».[1]

В двухклассных училищах каждый учитель сам составлял программу по своему предмету. Кроме того, по каждому предмету перед испытаниями составлялась особая программа, в которой определялся минимум знаний учащихся.

В программу[2] по русско-казахскому языку входило:

первый класс — знание слов и выражений в объеме казахско-русского словаря («Словарь киргизско-русский». Оренбург, 1897), «Начального руководства к обучению киргизов русскому языку» И. Алтынсарина (Оренбург, 1879), Букваря для казахов — «Жазуга уйрететин кнеге» (Казань, 1892) и учебника «Практические уроки русского языка для киргизов» (Оренбург, 1893);

перевод казахского отдела букваря, а также 24 статьи из ветхого завета священной истории на казахском языке;

второй класс — перевод с казахского языка на русский первых 24 глав книги «Акыл беретугун кнеге» («Из премудрости Иисуса сына Сирахова», Казань, 1891).

По арифметике программа предусматривала следующее:

первый класс — задачи на все четыре действия с числами любой величины, включая составные и именованные числа, квадратные и кубические меры;

второй класс — задачи с целыми числами; признаки делимости на 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10 11, 16, 25 и 100; разложение чисел на первоначальные множители. Общий наибольший делитель и наименьшее кратное. Задачи на все четыре действия с простыми и десятичными дробями. Обращение десятичных дробей в простые и обратно. Геометрические отношения и пропорции. Простейшие задачи на вычисление процентов.

Был определен также объем знаний по географии, русской истории и пению.

По истории использовался учебник Рождественского, а по арифметике (простые дроби) — задачник Вишневского.

---

[1] Впоследствии школа была преобразована в четырехклассное городское училище.

[2] ЦГИА КазССР, ф. 59, оп. 1, д. 91, л. 1.

3. УЧАСТКОВЫЕ ШКОЛЫ

Участковые школы — общеобразовательные школы первоначальной грамотности.

Двухклассное училище в с. Большое Ганюшкино было создано на базе двух одноклассных школ, находившихся в Первом и Втором приморских округах.

Одноклассная школа Первого приморского округа располагалась в 300 верстах от Ханской Ставки. Учитель школы Мукашев, как отмечал В. В. Катаринский, в течение четырех лет ничего не делал; по рассказам жителей, он приезжал в школу один раз в две недели. Из 13 учеников, собранных при инспектировании школы, 6 учились по четыре года и «положительно ничего не знают; двое из них, самые лучшие, могут только порядочно прочитать статью без перевода на киргизский язык и без повторения прочитанного; по арифметике почти ни один не знает нумерации, и по-русски совсем ничего не знают; остальные 7 учеников, проучившиеся в школе два года, почти совсем не умеют читать»[1].

Впоследствии вместо Мукашева учителем был назначен Куватов, окончивший казахскую школу при Ханской Ставке и два года проработавший учителем в Камыш-Самарской школе. По мнению Катаринского, он был неплохо знаком с учебным делом.

Как указывается в отчетах о работе школ Внутренней орды, школа Первого приморского округа в течение нескольких лет не работала из-за отсутствия помещения и затем в 1883 году слилась со школой Второго приморского округа.

Одноклассная школа Второго приморского округа находилась в хорошем здании в 18 верстах от Каспийского моря. Как указывает Катаринский, учитель Голстейн (мещанин из Астрахани), проработавший в школе в течение шести лет, несмотря на малое жалование (150 рублей в год вместо 205 рублей, получаемых учителями в других школах), добился хороших успехов в учебе. Смотритель же школы, помимо обучения детей татарскому языку, ничего не делал и всей семьей кормился за счет школы.

После временного слияния школ попечитель Орен-

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 170, д. 156893, 1877—1881 гг., лл. 11—12.

бургского учебного округа Ростовцев, считая нецелесообразным иметь в одном округе две школы, внес предложение об объединении школ Первого и Второго приморских округов и образовании двухклассной русско-казахской школы с интернатом на 40 воспитанников и постройкой нового школьного здания. Он рекомендовал построить новую школу в с. Большое Ганюшкино, находившемся во Втором приморском округе.

По представлению министра народного просвещения Государственный совет решением от 6 февраля 1892 года отпустил 4 088 рублей на строительство русско-казахского училища[1].

В 1893 году новая школа с общежитием на 40 воспитанников была построена[2].

Учитель первого класса Б. Ганюшкинского дехканского двухклассного русско-казахского училища Федор Белов в своей «Объяснительной записке о способе преподавания пройденных предметов и поведения учащихся приготовительного и младшего отделений...» училища за 1894/95 учебный год [3] знакомит с программой обучения и делится опытом преподавания в двух классах (подготовительном и младшем отделении).

Он отмечает, что на уроках письма и чтения ему, из-за незнания казахского языка, приходилось пользоваться синтетическим методом обучения. Сначала он учащихся знакомил с печатными буквами, затем проводил упражнения по чтению и письму слов на знакомые буквы по азбуке «К мудрости ступенька», составленной А. Е. Алекторовым для казахских детей.

В школах практиковалось русское и казахское чтение. Для уроков русского чтения использовался первоначальный учебник для казахов. На казахском языке дети читали казахский отдел «Букваря».

На уроках чтения сначала читал учитель, затем хорошие ученики, а после — плохо читающие. При этом обращалось внимание на громкость чтения и четкое произношение слов, соблюдение пауз. Ученикам рекомендовалось прочитывать сначала каждое слово про себя, а затем вслух.

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 172, Дело Департамента народного просвещения, 1891—1894 гг.

[2] «Астраханский листок», 1893, № 225.

[3] ЦГИА КазССР, ф. 59, оп. 1, д. 63, лл. 1—6.

В приготовительном отделении в первом полугодии заучивались самые употребительные слова. Сначала учитель выговаривал их, а ученики повторяли за ним. Часто он называл слова по-казахски, а ученики переводили их на русский язык. Слова заучивались также при помощи описания картинок Вольпера (I выпуск). Учащиеся давали краткое описание отдельных частей предметов, говорили об их назначении или в каком положении они находятся.

На диктовках по русскому языку писались слова из уроков русского правописания (1 год) О. Ф. Пуцыковича, а на диктовках по казахскому языку — из словаря, букваря и первоначального учебника по казахскому языку. «Русские слова,— говорит Белов,— переводились на киргизский язык, киргизские слова — на русский язык, каждое слово и русское и киргизское, делились на слоги и повторялись учениками несколько раз, затем уже начинали писать, один из учеников писал на классной доске. Ошибки исправлялись в классе таким образом: один ученик читал слова, по прочтении каждого слова я спрашивал, у всех ли написано так, у кого не так, вставал и смотря по надобности, говорил, что у него написано не так»[1].

В обоих отделениях проводились специальные уроки по чистописанию, русско-казахскому языку, арифметике.

На уроках чистописания учитель пользовался прописями православного миссионерского общества и правилами Гербача, а также наставлениями к ним.

На уроках арифметики содержание каждой задачи рассказывалось по-русски самим учителем и затем кратко записывалось на доске. Каждый ученик повторял содержание задачи по-русски и по-казахски. Если задача была трудной, то учитель еще раз пояснял ее.

Когда большая часть учащихся решала задачу, учитель вызывал одного из учеников к доске. Повторив содержание, он решал ее на доске, давая объяснения вслух. Чтобы поддерживать внимание всех учеников, учитель неожиданно задавал вопросы целому классу. Это давало возможность учителю уделять большее внимание слабым ученикам и тем, кто слушал с рассеянным вниманием.

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 59, оп. 1, д. 63, лл. 1—6.

В приготовительном отделении на уроках арифметики примеры решались в начале каждого урока, когда учитель занимался с младшим отделением. На уроках арифметики ученики производили различные операции по сложению и вычитанию на счетах.

Работа учащихся проверялась в классе: учитель сам исправлял работу каждого, а иногда заставлял делать это кого-нибудь из учеников.

В младшем отделении училища к тем же урокам, которые проводились в приготовительном отделении, добавлялось самостоятельное чтение, грамматика, предметные уроки, а также закон божий для русских детей, а для казахских — заучивание русских слов, диктовка, чистописание.

На предметных уроках учащиеся давали описание птиц, животных и неодушевленных предметов. Сначала ученики сами характеризовали предмет, а затем давалось «хоровое описание» по-русски и по-казахски, после чего дети делали записи в тетради. Работа учеников проверялась вне класса.

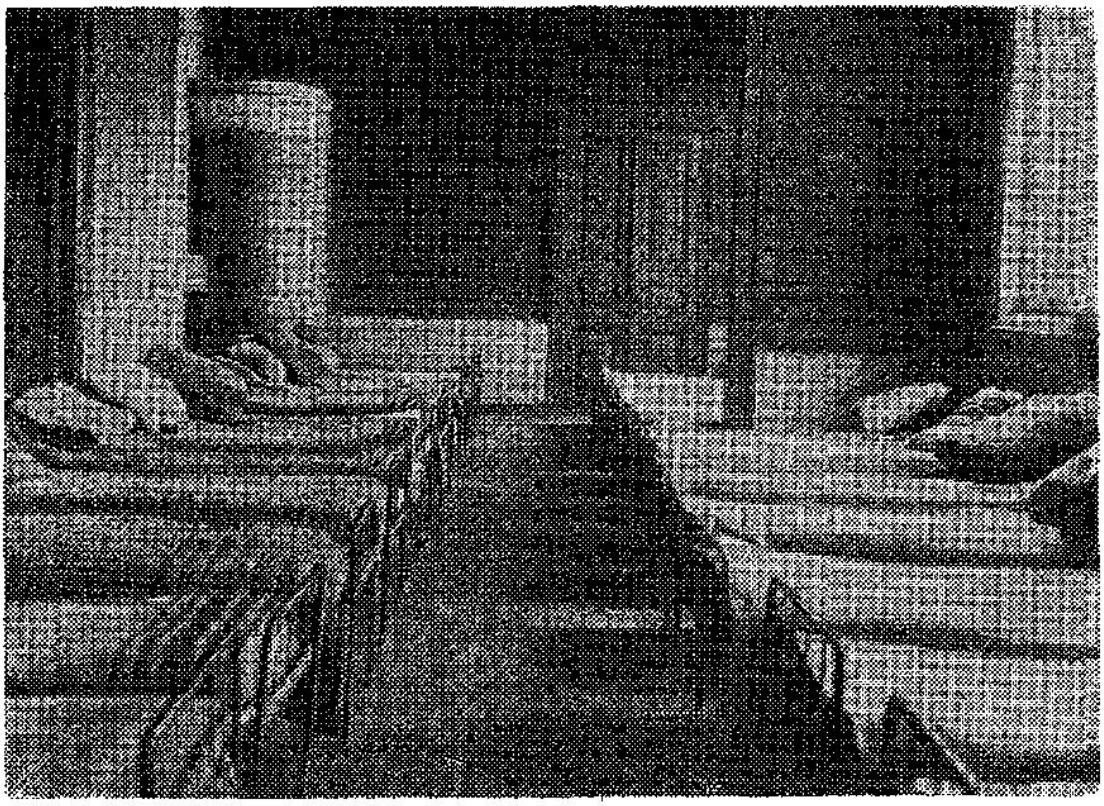
На уроках чтения, кроме других учебных пособий, пользовались также учебником К. Д. Ушинского «Родное слово» (1 год), который читали русские и казахские дети вместе.

В младшем отделении преподавание велось по учебникам Гольденберга, Евтушевского, Лубенца.

Калмыцкая одноклассная школа была открыта в 1868 году в с. Владимировка, в 80 верстах от Ханской Ставки. На 20 октября 1877 года вместо 20 учеников, положенных по штату, в школе числилось только 12, из которых один проучился 6 лет, а трое по 4 года. Как указывал Катаринский, знания учащихся были исключительно слабыми. Поэтому после инспектирования школы был назначен новый учитель Петропавловский.

В 1894/95 учебном году в школе обучался 21 ученик. Она имела приготовительное, младшее, среднее и старшее отделения, в которых преподавались русский и казахский языки, арифметика, чистописание и чтение.

В приготовительном отделении для чтения использовался учебник «К мудрости ступенька», а для упражнений — учебник Ячника. Уроки по чистописанию проходили по «Руководству» Пожарского и прописям Пожарско-



Спальная комната пансионеров четырехклассного городского училища в Ханской Ставке (1912 г.).

го и Гербача, а русско-казахский язык — по «Букварю для киргизов». По арифметике брали учебники Гольденберга и «Букварь» Тихомирова.

В младшем отделении в первом полугодии по русскому языку обучались по учебнику Г. С. Ячника — «Первая книжка после азбуки для детей туземцев Туркестанского края, с переводом слов на киргизский и сартовский язык», а во втором полугодии — по второй книге Вольпера. По русско-казахскому языку использовался «Букварь для киргизов» (устно) и «Практические уроки русского языка для киргизов» (Оренбург, 1893). По арифметике усваивалась нумерация до 1 000, решались задачи на все четыре действия в пределах 100 и арифметические примеры до 1 000. В качестве учебного пособия использовались методика и задачник Гольденберга.

В среднем отделении уроки по русскому языку велись по второй части учебника Вольпера. При этом уделялось большое внимание переводам слов на казахский язык и заучиванию стихотворений. Грамматика изучалась по учебнику Соколова, а для диктовок использовалась кни-

га по правописанию Пуцыковича. Русско-казахскому языку обучались по «Букварю для киргизов (Жазуга уйрететин кнеге) (Казань, 1892) и «Практическим урокам русского языка для киргизов». Последняя почти вся была переведена с казахского языка на русский. Три ее экземпляра были разрезаны и наклеены учителем на картон казахским текстом наружу. С этого текста ученики записывали перевод в тетрадях по-русски. По арифметике изучались нумерация до миллионов, четыре действия с простыми числами, раздробление и превращение именованных чисел.

В старшем отделении по русскому языку обучение шло по «Книге для чтения» Баранова. В классе устраивались специальные уроки самостоятельного чтения. Кроме того, для усвоения прочитанного и приготовления статьи к уроку, учитель проводил внеклассное самостоятельное чтение.

Стихотворения и басни заучивались главным образом во внеклассное время, но предварительно на уроках несколько раз прочитывались учителем, а потом учениками. Перед заучиванием содержание каждой басни и стихотворения объяснялось и обращалось внимание на ударение.

Как отмечается в «Отчетной записке о состоянии Калмыцкой школы за 1894/95 учебный год»[1], для более прочного усвоения прочитанного, а также для правильного изложения мыслей были введены письменные работы по вопросам, помещенным в книге Баранова или составленным учителем. Из-за сухости и сложности книги Баранова в школе часто пользовались текстами из книг Л. Н. Толстого.

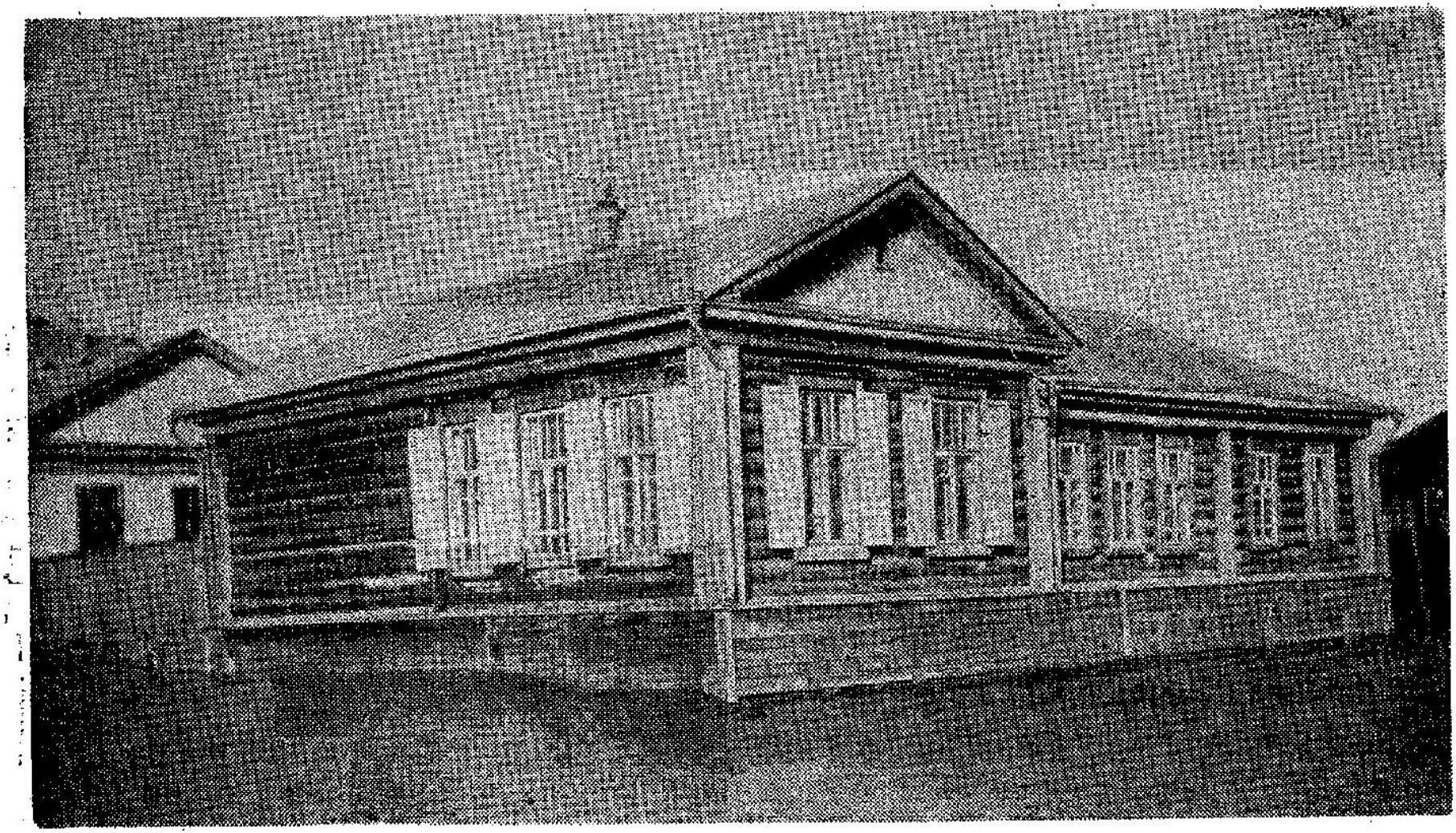
Во время диктовки один из учеников писал текст на доске, а остальные проверяли написанное. При этом сами ученики объясняли и исправляли ошибки.

По грамматике и правописанию использовались учебники Соколова, Кузьмина и Вольпера, сборник диктантов Соколова и правописание Пуцыковича.

По арифметике в старшем отделении решались задачи на все действия с простыми и именованными числами на вычисление поверхностей, времени и объема, на вычисление процентов.

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 59, оп. 1, д. 58, лл. 19—20.



Торгунская участковая одноклассная русско-казахская школа в Ханской Ставке (1912 г.).

По русско-киргизскому языку устно и письменно переводились статьи из «Акыл беретугун кнеге». Сначала на уроках статьи разбирались с помощью учителя пословно и по предложениям, а потом письменно дома. Делался также грамматический и синтаксический разбор на казахском языке. С русского на казахский язык переводились статьи из книг Л. Н. Толстого. Практиковались упражнения на казахском языке (письма родителям или кому-либо из родных, товарищам, а также составление расписок, прошений и т. п.).

Как отмечается в указанной «Отчетной записке», в течение учебного года «особых нарушений школьной дисциплины» не было. За незначительные проступки ученикам делался выговор учителем или наедине, или же перед всем классом. За более важные проступки ученики лишались на некоторое время свободы. Но в чем заключалось лишение свободы, об этом в «Отчетной записке» не говорится. Составной частью воспитательной работы было наблюдение, «чтобы ученики во внеклассное время не заводили драчливых игр и вообще относились друг к другу в мирном духе».

Далее в «Отчетной записке» говорится о необходимости иметь в школе домашнюю аптечку, как это имеется в Нарынской и Торгунской школах, а также о желательности время от времени пополнять ее медикаментами из аптек Внутренней орды. В конце «Записки» делается заявка на некоторые учебники. При этом отмечается, что учебник по правописанию Некрасова «тем хорош, что на каждое правило у него есть самостоятельные для учеников упражнения, что у нас при четырех группах весьма удобно: не подыскивать работ ученикам».

Камыш-Самарская одноклассная школа была открыта в 1868 году в с. Новая Казанка, расположенном в 180 верстах от Ханской Ставки. Здание школы обветшало, поэтому она работала в арендованном за 7 рублей в месяц помещении.

Учитель школы казах Чинкин, выпускник казахской школы при Оренбургском областном управлении, обычно был всегда занят в своем хозяйстве и не уделял никакого внимания работе в школе.

Во время инспектирования школы Катаринский установил, что трое из собравшихся 8 учеников среднего отделения, «пробывшие в школе 2 и 3 года, очень плохо

читают и почти ничего не понимают из прочитанного, потому что совсем не знают русского языка, по арифметике едва знают нумерацию. Учитель, как видно, больше всего заставляет учеников механически зазубривать правила русской грамматики и арифметики. Ученики младшего отделения, проучившиеся год, а некоторые и два, с трудом разбирают слова по печатной книге»[1].

Катаринский пришел к заключению, что «вообще учитель совсем неудовлетворителен и должен быть заменен другим».

Нарынская одноклассная школа была открыта в 1868 году в одном из населенных пунктов, находившемся в 12 верстах от Ханской Ставки. Школа была расположена вдали от населенных мест, что затрудняло доставку в нее учеников из дальних населенных пунктов и снабжение продуктами. Учитель Алексей Скворцов, назначенный в январе 1877 года, хорошо знавший казахский язык, добросовестно относился к своим обязанностям.

Как указывал Катаринский, учебников в школе почти не было за исключением отдельных отрывков из книг Ушинского, Паульсена и других.

Учитель одновременно занимался с тремя старшими отделениями, а учащиеся приготовительного отделения только присутствовали на уроках.

Таловская одноклассная школа находилась в 130 верстах к северу от Ханской Ставки.

В. В. Катаринский хорошо отзывался об успехах учащихся и учителе школы Карабаеве, который по окончании казахской школы при Ханской Ставке уже восьмой год работал здесь. «Учитель школы киргиз Карабаев,— писал Катаринский,— один из лучших учителей в Орде по своему усердию и добросовестному отношению к учебному делу... Из его школы вышло много хорошо обученных по-русски киргиз, которые теперь служат переводчиками и писарями в Орде. Он довольно хорошо умеет вести учебное дело» [2].

В 1900 году в интернате школы было 20 казеннокоштных и от 5 до 7 своекоштных воспитанников. На строительство новых школьных помещений было затрачено

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп, 170, д. 156893, л. 10.
[2] Там же, л. 11.

3 199 рублей, из них 1 469 рублей составляли взносы казахского населения.

Торгунская одноклассная школа была открыта в 1869 году в Ханской Ставке. В ней обучалось до 40 детей.

В «Отчетной учебной записке о ходе занятий в Торгунском русско-киргизском училище за 1894/95 учебный год»[1] мы находим следующие данные о школе.

Первые уроки в приготовительном отделении были посвящены ознакомлению учащихся с обиходными русскими словами и фразами. Занятия велись аналитическим методом. Закрепление звуков в памяти учащихся проводилось путем заучивания слов из учебника «К мудрости ступенька». Затем занятия проводились по «Букварю для киргизов», причем чтение букваря сопровождалось переводом на русский язык как отдельных слов, так и целых предложений. Обучение письму проводилось в первое полугодие на аспидных досках, а во втором — на бумаге. При обучении счету применялись наглядные пособия.

В младшем отделении ставилась задача — научить учащихся читать внятно и толково, уметь излагать содержание коротких рассказов и правильно строить предложения, научить детей правильному начертанию и соединению букв; по арифметике научить умению вычислять и решать задачи в пределах второго разряда, т. е. до 1 000.

В первом полугодии школьники обучались по учебнику Г. С. Ячника «Первая книжка после азбуки для детей туземцев Туркестанского края с переводом слов на киргизский и сартовский язык», которая затем была заменена «Букварем для киргизов». Со второго полугодия учащиеся были переведены в младшее отделение двухклассного училища при Ханской Ставке. Здесь они изучали русскую грамматику по учебнику Козьмина.

На уроках чтения один из учеников читал определенную статью вслух, остальные следили по своим книгам и, заметив ошибку, допущенную читающим, поднимали руку, после чего или сам читающий поправлял ошибку, или это делал по указанию учителя один из учеников. Та часть статьи, в которой встречались непонятные слова, после объяснения прочитывалась заново, а затем книги закрывались, и один из учеников рассказывал содержа-

[1] ЦГИА КазССР, ф. 59, оп. 1, д. 58, св. 2, лл. 33—38.

ние прочитанного своими словами. Потом статья прочитывалась учителем полностью, чтобы «представить учащимся отдельные мысли статьи в их взаимной связи», а также «дать образец выразительного чтения». После этого тот же текст читал без перерыва один из учеников, стараясь подражать учителю. Наконец, ученики пересказывали содержание всей статьи.

Такой метод применялся только при чтении сложных статей, а небольшие по объему и простые по содержанию прочитывались сразу, затем заучивались наизусть. Для усвоения более правильного начертания и слияния букв дети сначала писали слова с той или другой строчной буквы в «генетическом» порядке, а затем писали слова на прописные буквы сначала в генетическом, а потом в алфавитном порядке.

При ознакомлении с вычислением в пределах тысячи каждый соответствующий пример такого вычисления закреплялся решением задач из сборников Лубенца и Гольденберга.

В среднем отделении цель занятий заключалась в том, чтобы «научить детей соединять с каждым словом принадлежащее ему значение, усваивать мысль, которая выражается в каждом предложении читаемого текста, понимать связь между предложениями и сущность всей статьи; приучить детей к связному и последовательному, как устному, так и письменному изложению прочитанного путем аналитического способа»; научить детей правильно излагать свои мысли, как устно, так и письменно, с соблюдением правил орфографии, синтаксиса и этимологии»; «научить каллиграфически правильно начертать»[1] слова. По арифметике ставилась цель ознакомить учащихся с вычислениями в пределах третьего разряда.

Для объяснительного чтения использовался в первом полугодии учебник Вольпера (второй выпуск), а во втором — первый отдел книги для чтения Баранова. Грамматику учили по учебнику Козьмина.

В старшем отделении была поставлена задача: «Научить детей читать бегло, внятно и толково, познакомить с главнейшими требованиями правильного описания какого-либо предмета, одного с предметом прочитанной статьи. Достигнуть того, чтобы они умели более или ме-

[1] ЦГИА КазССР, ф. 59, оп. 1, д. 58, св. 2, лл. 33—38.

нее правильно выражаться не только на письме, но и устно, как в грамматическом, так и в логическом отношении, умели производить вычисление как с составными именованными числами, так и числами дробными и свободно производили выкладку на торговых счетах, бегло и четко копировать со всякого рукописного и печатного текста»[1].

Для объяснительного чтения служила «Книга для чтения» Баранова. При чтении исторических и географических статей основное внимание обращалось на усвоение фактических данных.

Учащиеся должны были излагать содержание прочитанного своими словами. Статьи повествовательного содержания излагались без помощи вопросов. По арифметике учащиеся упражнялись в решении устных и письменных задач в пределах тысячи, составлении таблиц мер. Они были ознакомлены с дроблением и превращением простых и составных именованных чисел, письменным и устным решением дробных чисел.

Как указывает в своей «Отчетной учебной записке» учитель Н. Крамалей, в учебном процессе он пользовался «дидактическим» методом преподавания, сущность которого, по его утверждению, состояла «в расположении и приспособлении учебного материала применительно к условиям и законам развития детской личности»[2].

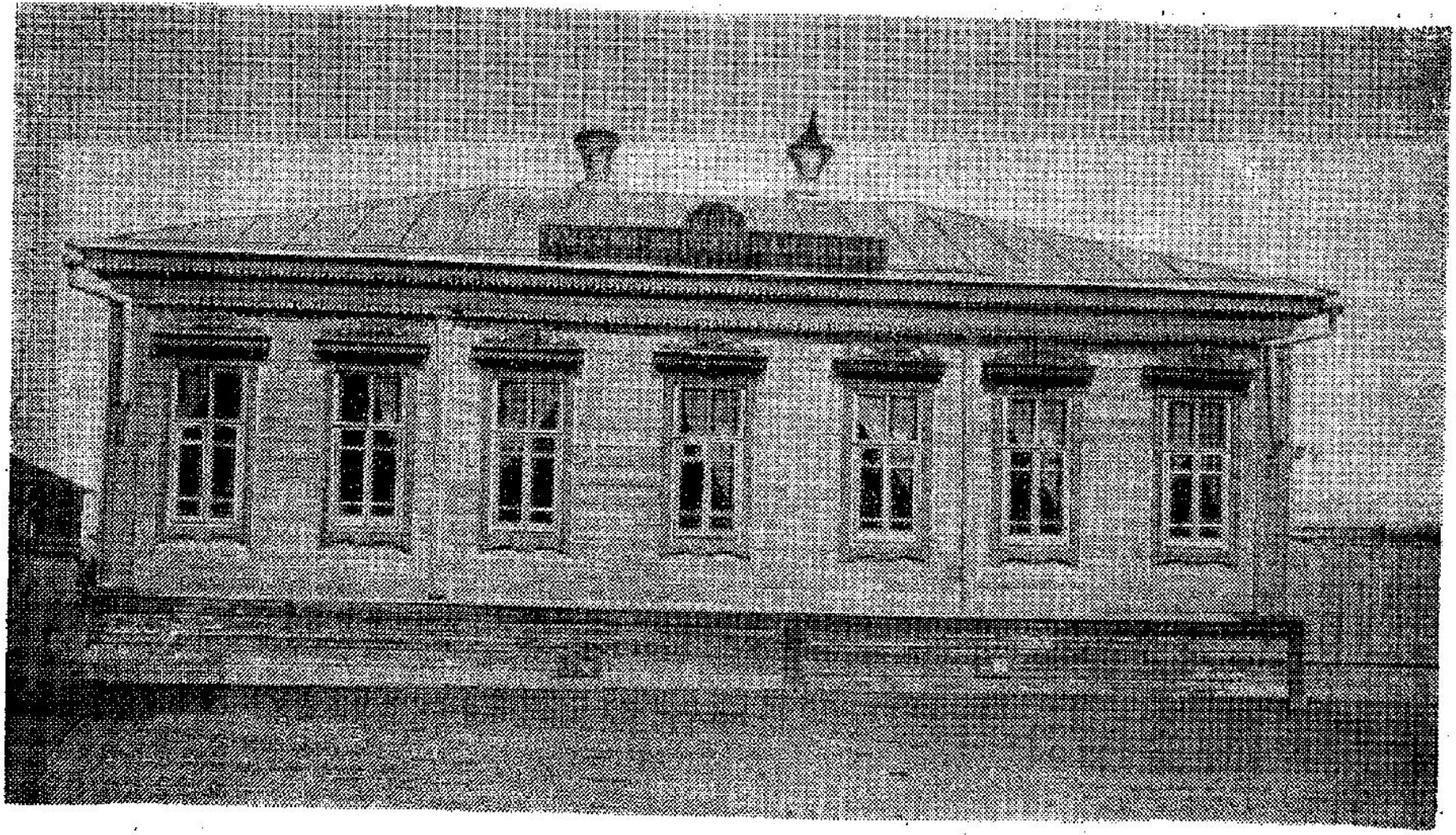
Одноклассная женская школа была открыта в 1883 году в Ханской Ставке. В ней обучались 24 казахских девочки. Помощница учительницы занималась преимущественно обучением девочек рукоделию около двух часов после учебных занятий. Кроме того, она вела 2—3 урока в день в младших отделениях школы[3].

Русско-казахская школа в поселке Баскунчак (одноклассная) была открыта в 1895 году. В ней обучалось 50 казахских детей. Интерната при школе не было.

Как указывал инспектор школ Внутренней орды, успехи учеников были хорошими. Через 20 дней после начала учебных занятий 17 учеников «довольно свободно разбирали и читали слитно все буквы русской азбуки и упражнялись в письме их».

Еще задолго до организации во Внутренней орде уча-

[1] ЦГИА КазССР, ф. 59, оп. 1, д. 58, св. 2, лл. 33—38.
[2] Там же.
[3] ЦГИАЛ, ф. 733 ,оп. 171, 1892—1893, д. 236, лл. 214—215.



Первая женская одноклассная русско-казахская школа в Ханской Ставке (открыта в 1883 г.).

стковых школ по этому вопросу велась оживленная переписка между ордынскими властями, астраханским генерал-губернатором и Оренбургским учебным округом.

Председатель Временного совета по управлению Внутренней ордой 9 ноября 1862 года писал астраханскому генерал-губернатору, что Канцелярия Временного совета считает достаточным иметь в каждой школе не 25 полупансионеров, а 15. Преподавание всех предметов он предлагал возложить на одно лицо с одновременным исполнением им обязанностей надзирателя.

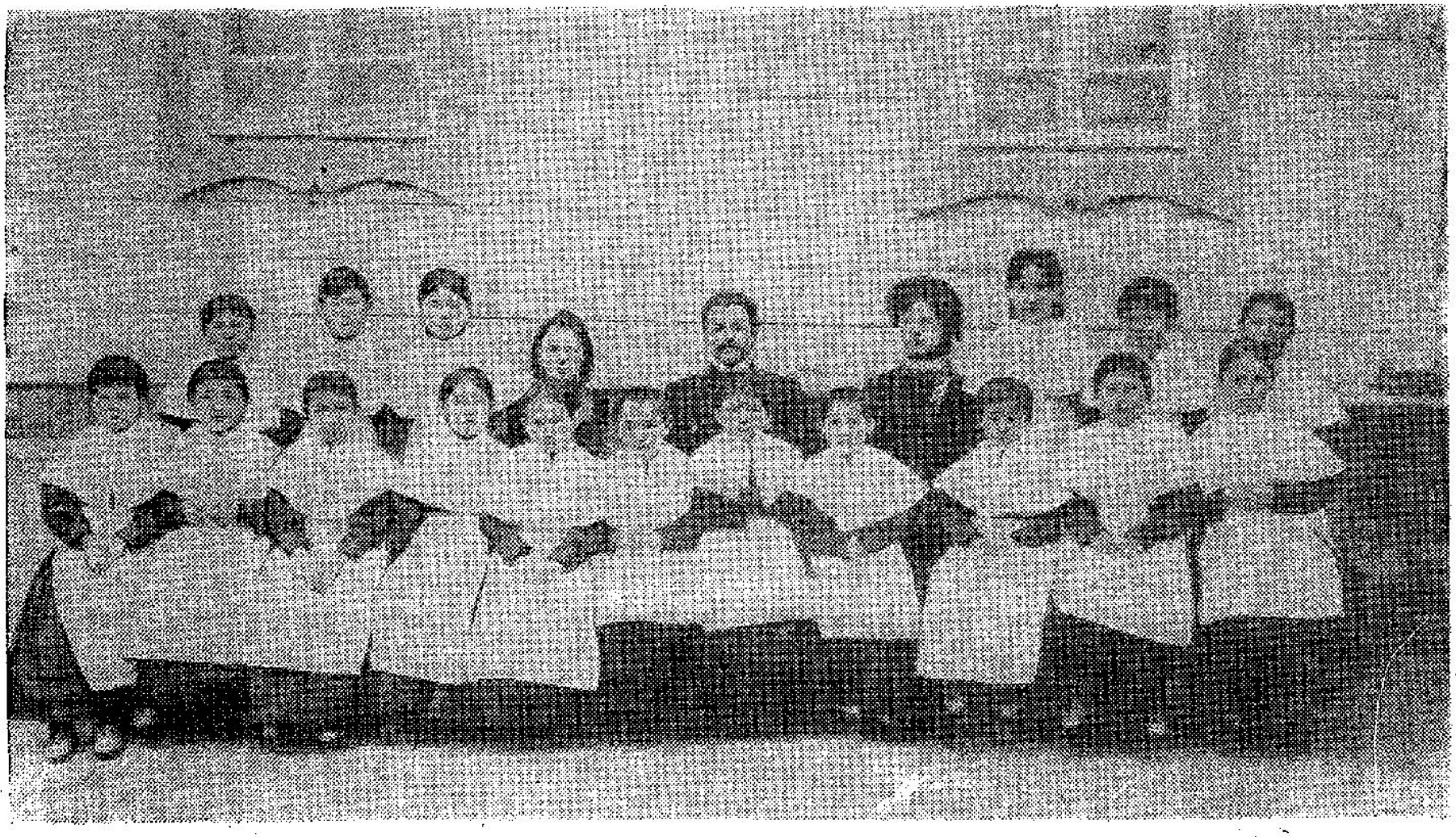
Требование об учреждении участковых школ председатель Временного Совета объяснял «необходимостью вывести народное воспитание из-под влияния местных мулл». «На этом основании,— писал он,— мною и предназначалось в участковых школах иметь полупансионеров для более противу штатного числа воспитанников в здешней центральной школе (имелась в виду школа при Ханской Ставке.— *Т. Т.),* последняя в глазах главного ордынского начальства и ей можно дать всегда направление, соответствующее разумным началам. Главное влияние мулл именно в школах, устраиваемых ими в кочевьях. Уменьшение, таким образом, числа полупансионеров в участковых школах может иметь свою невыгодную сторону в отношении скорейшего устранения этого влияния, тем более, что вольноприходящие будут разве из одних ближайших аулов. Но, чтобы не задерживать и самого начинания настоящей, в высшей степени благодеятельной для Орды меры, долгом поставлю разделить во всем заключение на этот счет Канцелярии» [1].

Как указывается в письме, генерал-губернатор предложил не отводить определенного места для участковых школ, так как, по его мнению, «они должны устроиться непременно там, где будут назначены отводы для зимнего расположения участковых правителей, иначе школы не принесут ожидаемой от них пользы»[2].

Но участковые правители, как правило, не зимовали в отведенных им при размежевании участках под зимнее и летнее кочевье, а уходили по своим хозяйственным расчетам к морю. Сюда же стягивалась на зимовки большая часть казахских аулов. Кроме того, со сменой правителя

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 78, оп. 7, 1865, д. 186, лл. 51—54.
[2] Там же.



Ученицы женской школы в Ханской Ставке (1912 г.).

каждый раз менялось и место его зимнего пребывания. Поэтому для кочевого казахского населения были более подходящими передвижные аульные школы, которые кочевали бы вместе с населением.

4. СТАРШИНСКИЕ ШКОЛЫ

Из приведенных выше данных видно, что участковых школ в Орде было недостаточно, а обучалось в них незначительное число казахских детей. Поэтому, исходя из растущего стремления казахов к образованию, встала необходимость в создании более массовых школ, организация которых не представляла бы особых затруднений. Так возникли во Внутренней орде старшинские школы. К концу прошлого столетия на каждую часть Орды было по две старшинских школы (всего в Орде было 85 старшинств): 7 школ открылись в конце 1895 года и 7 — в 1896 году. Первые школы были открыты в следующих, более многонаселенных местностях: в Шунгае (Калмыцкая часть), Каракое (2-е старшинство), Толубае (Нарынская часть), Сунали (Торгунская часть), Койган-куле, хутор Есенбай (Таловская часть) и на Абинском форпосте (Камыш-Самарская часть)[1].

Старшинские школы содержались за счет общественных средств населения, помещались они в кибитках и землянках. Учителями в них были казахи, окончившие двухклассное казахское училище в Ханской Ставке и выдержавшие в Казанской учительской семинарии экзамены на звание «начального инородческого учителя». На содержание старшинских школ ежегодно выделялось по 250 рублей (в том числе на жалование учителю — 120 рублей, наем квартиры — 60 рублей, отопление и прочие расходы — 50 рублей и на приобретение учебных принадлежностей и пособий — 20 рублей).

Н. Казанский в статье «Народное образование в Астраханской губернии»[2], указывая на трудности, переживаемые участковыми школами, а также на невозможность, ввиду разбросанности казахских аулов, организации «походных аульных школ», принявших широкое распространение в Тургайской области и требующих незначительных расходов (на постройку школы — 150 рублей,

[1] «Астраханский вестник», 1895, № 1885.
[2] «Русская мысль», 1898, кн. 8, 10 и 11.

а на годовое содержание ее — 300 рублей, включая зарплату учителя), считал более выгодным для условий Внутренней орды старшинские школы. Он писал: «Первый опыт показал, что в старшинские школы киргизы охотно отдают своих детей». В подтверждение автор приводит выдержку из отчета инспектора школ Внутренней орды за 1895 год, указывающего, что из всех пяти частей и двух округов Орды поступают ходатайства об открытии старшинских школ. Попечитель Казанского учебного округа Попов в своем письме министру народного просвещения от 9 июня 1897 года тоже указывал на большую заинтересованность казахов в открытии старшинских школ [1].

Но уже в начале XX века казахское население начинает убеждаться, что старшинские школы, которые не располагали материальной базой и подготовленными учителями, не могут дать необходимой подготовки учащимся. «Население района моей школы,— писал 15 августа 1909 года учитель Хатимгали Туменов (ур. Сейтказы Больтек),— отдает детей охотно в школу. Население не удовлетворяется только типом старшинской школы. Это видно из того, что оно страшно желает отдавать детей в участковую школу, в городские училища и другие училища» [2].

Одной из основных причин недовольства казахского населения, особенно его беднейшей части, старшинскими школами были материальные соображения, так как в старшинских школах казенных вакансий было очень мало, причем и те часто занимались детьми состоятельных людей. «Бедные киргизы,— писал Х. Туменов,— не могут содержать своих сыновей на свой счет, а казенных вакансий не хватает, ввиду того, что на казенное содержание поступают не только бедные, но и масса богатых» [3].

Наряду с этим он указывает на большое стремление казахов обучать своих детей, на то, что они охотно оказывают школе материальную помощь в отличие от местных властей, относящихся к школьному делу равнодушно. «Население района моей школы,— говорит он,— готово участвовать материально в устройстве и расширении школ.

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 172, 1892—1907, д. 272, лл. 117—119.

[2] Рукописный фонд (Западный отдел) научной библиотеки Казанского университета, д. 1660, лл. 6—7.

[3] Там же.

Я не встречаю большого сочувствия и помощи со стороны административных лиц; отношение их к делу образования и влияние их в этом смысле на население заключается только в сборе денег, положенных по приговорам 1894 г. на содержание школ» [1].

5. ОБ ОБЩЕМ СОСТОЯНИИ ШКОЛ ВНУТРЕННЕЙ ОРДЫ

О состоянии учебно-воспитательной работы, об учительских кадрах и о материальной базе школ Внутренней орды во второй половине XIX века нами уже было сказано при описании двухклассных училищ в Ханской Ставке и в селе Большое Ганюшкино, одноклассных училищ и старшинских школ.

Учебно-воспитательная работа в учебных заведениях Орды в целом была неудовлетворительной.

Инспектор татарских, башкирских и казахских школ В. В. Катаринский в своем отчете «О состоянии киргизских школ во Внутренней киргизской (Букеевской) орде и в Уральской области в учебном и хозяйственном отношении» указывал, что основными причинами этого является «недостаток хороших учителей» и то, что русско-казахские школы в течение всего года работают лишь шесть месяцев, то есть с 1 ноября по 1 мая.

Слабая подготовка учителей, убогость учебных помещений, отсутствие необходимых учебников и учебных пособий и принадлежностей отрицательно сказывались на качестве учебно-воспитательной работы и успеваемости учащихся.

Инспектор народных училищ Внутренней орды сообщал, что в 1896 году во всех школах Орды, включая мусульманские, было 90 педагогов — 27 учителей, 3 учительницы, 2 законоучителя, 58 вероучителей (включая и заведующих медресе и мектебами). Из них 10 учителей окончили Казанскую учительскую семинарию, 1 — Благовещенскую учительскую семинарию, 2 — духовную семинарию, 2 учительницы учились в Епархиальном духовном училище, 9 человек приобрели право на преподавание по экзамену и 8, не имевших такого права, были временно допущены к исполнению учительских обязан-

[1] Рукописный фонд (Западный отдел) научной библиотеки Казанского университета, д. 1660, л. 8.

ностей. Об образовательном цензе вероучителей сведений нет.

Материальное содержание учителей характеризуется следующими данными: получали жалование по 30 рублей в год 2 учителя, 60 рублей — 1,70—2,78 руб. 66 коп.— 1, 120 руб.— 15, 250 — 6, 300 — 4, от 400 до 470 — 2.

Учительница Х. Нуралиханова учила детей бесплатно.

Указывая на низкий уровень заработной платы учителей, Н. Леванов писал, что «все это не могло служить приманкой для опытных и знающих свое дело лиц», поэтому в школах Внутренней орды работали только выпускники школы при Ханской Ставке, которые окончили школу «с грехом пополам», плохо владели русским языком и не имели понятия о методике преподавания. «Безграмотные в высшей степени, не имея даже самых элементарных сведений в области науки,— возмущался автор,— эти учителя теряли свое реноме, авторитет учительский, как в глазах детей, ими обучаемых, так и в глазах родителей тех детей, а также всего народа» [1].

Автор соглашается с мнением начальника Внутренней орды генерал-майора Тверетникова, который в целях подыскания более или менее грамотных учителей предлагал из семи участковых школ образовать четыре и за счет полученной экономии повысить учителям содержание.

Школы Внутренней орды, как и других областей Казахстана, не были обеспечены учебниками и учебными пособиями. Н. Леванов отмечает, что начальник Внутренней орды, ревизовавший школы в 1872 году в своем донесении генерал-губернатору писал: «Я был поражен отсутствием каких-либо учебных пособий! ...В ставочной школе нет ни атласов, ни глобусов, никаких руководящих пособий и таблиц для наглядного обучения. Все пособие заключается в нескольких азбуках московских фабрикаций, где, между прочим, помещены и наши молитвы».

Указывая на отсутствие учебников и учебных пособий в школах Внутренней орды, Н. Леванов приходит к выводу, что учащиеся «естественно не могли иметь таких знаний, чтобы быть вполне грамотными и, в известной степени, развитыми людьми. Выучившись кое-как по рус-

---

[1] *Н. Леванов.* Киргизские школы в Букеевской орде. «Народная школа», 1883, № 9, стр. 24.

ски читать и писать, они поступали в писари к правителям, старшинам, во Временный совет, и уже там, на службе более или менее знакомились с русским языком и становились переводчиками, хотя и не совсем пригодными, но за неимением лучших они были необходимы... Помимо того, что было плохое содержание школ, плохи учителя,— писал он далее,— за школами не было хорошего надзора, у учителей не было смыслящих в педагогике руководителей. Что мог знать Временный совет Орды, состоящий из чиновников, совершенно не знакомых с делами школы? Какую пользу могли принести правители частей — киргизы, которым вверен был непосредственный надзор над школами? Все эти лица, заправлявшие школами, требовали лишь одного: писарей для себя. Выпускает школа умеющих писать по-русски, хотя бы даже без малейшего понятия о самом языке — и ладно, о большем они не заботились, хотя знали о целях и видах правительства, хотя и проповедовали о том, что им мешают мектебы и медресе. Беспорядок был невообразимый. В иных школах, зачастую по долгим, долгим месяцам не производилось учение: учителя нужны были или правителям для переписки, или сами они по своему желанию не занимались, взявшись за постороннее, материальную выгоду приносящее дело». «...Такого запустения, какое существовало в киргизских школах, невозможно было встретить нигде,— писал с горечью Н. Леванов.— Полуразвалившиеся здания, недоученные наставники невежественные.., в некоторых школах положительное отсутствие необходимых книг, а в иных даже неимение воспитанников—вот что представлялось глазам инспектора в его первый объезд по школам»[1].

После инспектирования школ Внутренней орды В. В. Катаринским в 1877 году,— пишет Леванов,— были предприняты некоторые меры по повышению авторитета учителя и обеспечению школ учебниками и учебными пособиями, были ассигнованы средства на разовое приобретение литературы и отпускалась ежегодная сумма по 40 рублей. В 1880 году каждая школа была в достаточной степени удовлетворена книгами и имела два-три журнала для чтения. Тем не менее Н. Леванов должен был

[1] *Н. Леванов.* Киргизские школы в Букеевской орде. «Народная школа», 1883, № 9, стр. 24.

признать все же исключительно неудовлетворительное состояние казахских школ. «Вообще надо сознаться,— писал он,— что положение киргизских школ более чем безотрадно. Как сначала, во время прежнего управления, так и теперь, когда Министерство просвещения заведует школами непосредственно,— дело не движется вперед. Нет средств, нет и пользы. Лучше совсем закрыть такие учреждения, чем воображать при их существовании: «Мы-де дикарей просвещаем, уму их, глупых, учим. Дайте больше средств, поставьте школы в хорошие условия и тогда цель, положенная в основу школ — непременно достигается»,— заключал он.

Такое положение школ не могло не обратить на себя внимания царской администрации. Представляя министру просвещения отчет В. В. Катаринского, попечитель Оренбургского учебного округа 10 декабря 1877 года писал [1], что он предложил Катаринскому немедленно заменить слабых учителей, устранить экономов во всех казахских школах Орды (за исключением школы в Ханской Ставке) и снабдить школы книгами. Он также обратился к Временному совету по управлению Внутренней ордой с просьбой содействовать продлению срока обучения в казахских школах хотя бы на один месяц, внушить казахам, чтобы они не задерживали дома детей позже 1 октября и не забирали их из школ раньше 1 мая.

Но, несмотря на это, положение школ Внутренней орды оставалось неудовлетворительным. «Что касается народных киргизских школ,— писал А. Н. Харузин,— то один взгляд на них, на эти полуразвалившиеся здания с искосившимися окнами и пробитыми стеклами, показывает, что школьный вопрос далеко не в блестящем положении» [2].

По словам А. Харузина, начальник Внутренней орды должен был отметить, что помещения школ «сыры, холодны, угарны и неприятны». При ознакомлении со школами Орды Износков также отмечал, что «ввиду многолюдства и духоты в небольших помещениях школ приходится уменьшать число наличных учеников» [3]. «Форточек в окнах нет. Моя школа не имеет ни столов, ни двух-

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 170, 1877—1881, д. 156893.
[2] *А. Харузин.* Киргизы Букеевской орды, стр. 159.
[3] Там же.

местных парт, ни скамьи и ни классной доски» [1],— писал учитель старшинской школы № 12 (ур. Сейтказы-Больтек). Из учебных пособий в этой школе, кроме единственной подвижной азбуки, ничего не было.

В таком же плачевном состоянии находились и правительственные школы. Школьные здания не ремонтировались. Они постепенно разрушались и приходили в полную негодность.

Правительство не предпринимало необходимых мер, чтобы содержать в надлежащем состоянии восемь школ, находившихся в его непосредственном ведении.

Н. Леванов в 1882 году отмечал, что если не будут выстроены здания для четырех школ и не будут отремонтированы остальные четыре, то «Букеевская орда лишится в этом году своих школ, а через год, много два — не будет иметь ни одной школы» [2].

Он писал, что деньги, отпускаемые на содержание школ, раскрадывались нечестными людьми. Положение детей, находившихся в интернатах, было невыносимым. Все восемь правительственных школ орды по штату должны были иметь по 20 детей, пользующихся от казны бесплатным питанием, одеждой и общежитием. Но, несмотря на недокомплект интернатов, они не ели досыта. Попечитель учебного округа писал, что при росте цен на продукты 10 копеек, выделявшиеся ежедневно на каждого ученика, были «положительно недостаточны для удовлетворения самых существенных потребностей по содержанию воспитанников и самих школ, и они, школы эти, действительно терпят во всем крайнюю нужду, особенно в пище, которую за недостатком средств, приходится давать только один раз в сутки и притом в таком недостаточном количестве, что это не может не отражаться вредно на санитарном состоянии воспитанников, лишая их надлежащего питания в том именно возрасте, когда организм требует его для своего развития» [3].

Приведенные факты красноречиво характеризуют плачевное состояние дела народного образования в Букеевской орде. А. Харузин в своих подсчетах показал край-

---

[1] Рукописный фонд (Западный отдел) научной библиотеки Казанского университета, д. 1660, л. 9.

[2] *Н. Леванов.* Киргизские школы в Букеевской орде. «Народная школа», 1883, № 9.

[3] Там же.

нюю недостаточность восьми правительственных школ для Орды, насчитывавшей в 1889 году 236 937 жителей. В среднем одна правительственная школа приходилась на 34 419 жителей. Приняв, что 12 процентов населения составляют дети школьного возраста (всего, таким образом, 28 432 ребенка), он подсчитал, что на каждую школу приходится 4 061 ребенок. Если иметь в виду, что тогда в восьми школах обучался 181 учащийся, то только 0,5 процента детей школьного возраста было охвачено обучением. Если число учащихся мусульманских мектебов и медресе принять за 2 000, то около 7 процентов всех детей обучалось в мусульманских школах, что в 13 раз больше, чем в правительственных русско-казахских школах. «За Уралом эта разница выступает еще резче,— писал А. Харузин.— Школьный вопрос в Букеевской орде поставлен крайне плохо. Сама Ханская Ставка, центр управления Орды, не имеет даже маленькой библиотеки для служащих русских чиновников и представляет верх отсутствия всякого просвещения»[1].

Следует отметить, что еще в 1862 году председатель Временного совета по управлению Внутренней ордой, обосновывая необходимость учреждения при казахской школе в Ханской Ставке школьной библиотеки, писал Оренбургскому генерал-губернатору: «Служащие в Совете русские чиновники, преимущественно из получающих небольшое содержание, при отсутствии здесь всяких пособий к умственному и нравственному самообразованию и развитию все свободное время от службы проводят также в праздности и бездействии, что влечет за собой другие более нетерпимые наклонности и привычки» [2]. Он указывал, что даже выпускники Оренбургского кадетского корпуса, прибывающие на службу в Орду в качестве переводчиков, ничего не читают, забывают даже то, чему учили их в корпусе, и, кроме того, «усваивают себе общее всем должностным ордынцам направление, которому нельзя сочувствовать» [3].

Оренбургский и Самарский генерал-губернатор Безак, по просьбе председателя Временного совета, разрешил учредить библиотеку при казахской школе, ежегодно отпускал 75 рублей на приобретение светской литерату-

[1] *А. Харузин.* Киргизы Букеевской орды, стр. 158—159.
[2] Госархив Оренбургской обл., ф. 6, д. 7887, л. 1.
[3] Там же.

ры и 25 рублей — литературы «духовного содержания».

Сама дислокация правительственных школ не отвечала потребностям населения. Большинство школ было сосредоточено на окраине Орды, в районе Волги, а во внутренней части Орды их совершенно не было.

Н. Казанский, анализируя данные о количестве школ и учащихся во Внутренней орде за 1883—1894 годы, указывал на отсутствие какого-либо роста школ и учащихся в них. Говоря о необходимости обучения казахского населения русскому языку и о росте числа казахов, желающих отдавать своих детей в подведомственные Министерству народного просвещения школы, а также о больших затруднениях в сборе средств с населения по приговорам, автор предлагал увеличить отпуск средств на устройство школ Министерством народного просвещения.

За необходимость увеличения числа государственных школ высказывались и официальные представители царской администрации. Так, например, астраханский губернатор Яновский 15 октября 1882 года писал попечителю Оренбургского учебного округа: «В настоящее время привлекать киргизов к каким-либо денежным сборам на исправление школ не представляется возможным ввиду обеднения их и состоящего на них долга, образовавшегося от неуплаты ими податных недоимок и денежных ссуд...» Поэтому, поддерживая мнение председателя Временного совета, он считал возможным переустройство ордынских школ проводить только за счет казны. Он высказался также против сокращения школ путем их объединения, так как казахское население не сможет посылать своих детей в дальние школы. Далее приводятся возражения против перевода казахских школ в русские села и обучения казахских детей совместно с русскими. По его мнению, «ни один киргиз не согласится развивать умственную деятельность своего ребенка в ущерб религиозной». Он считал, что причиной, побуждавшей казахов отдавать своих детей в правительственные школы, является «материальный расчет», так как ребенок, находясь в школе в течение трудных для казахов зимних месяцев, «имеет теплую одежду, хорошую пищу и теплую квартиру, чего киргизы в своем кочевом быту в это время доставить не могут... И если лишить их этого, закрыть им некоторые школы,— говорит он дальше,— то безошибочно можно сказать, что киргизы предпочтут учить своих детей не в

русских школах, а у себя дома в мусульманских, которые, по их понятиям, дают результаты более благотворные для жизни мусульманина, так как по выходе из них молодые люди могут читать толкование Корана и другие религиозные книги на татарском языке, а также могут сноситься по торговым делам со своими единоверцами на своем народном наречии. Русская же школа, игнорируя изучение не только татарского, но даже и родного киргизского языка, теряет в глазах киргизов свое значение»[1].

Чтобы усилить русское влияние на казахское население, автор письма считал необходимым увеличить число русских школ, включить в их программу изучение казахского языка и магометанского вероучения. Кроме того, он рекомендовал при школах создавать огороды, знакомить детей с обработкой животноводческих продуктов и земледелием. Он рекомендовал также засевать силами учащихся несколько десятин земли, что, по его мнению, крайне необходимо ввиду большого стремления казахов к земледелию. Он подчеркивал, что казахское население, не имея опыта в земледелии, отдает свои земли русским, лишаясь этим самым половины или двух третей урожая. Поэтому при введении практических занятий по сельскому хозяйству «правительственные школы имели бы громадное значение в глазах кочевников, и при улучшении их экономического состояния они могли бы принять содержание школ на свои средства»[2].

Спустя 17 лет, 12 августа 1899 года, директор народных училищ Астраханской губернии сообщал инспектору народных училищ Внутренней орды, что «особенно заметно стало сочувствие крестьян к сельским школам со времени введения при них практических сельскохозяйственных занятий на специально отведенных для этой цели участках земли»[3].

Царская администрация предприняла кое-какие меры для введения в школах Внутренней орды практических занятий по сельскому хозяйству. Однако пока мы не располагаем необходимыми данными о том, как и в каких масштабах эти занятия проводились .

Как было указано выше, Внутренняя орда сначала

[1] ЦГИА, КазССР, ф. 59, оп. 1, д. 23, лл. 7—9.
[2] Там же.
[3] Там же, д. 102, л. 23.

была подчинена в административном отношении Тургайскому областному правлению, но затем в территориальном и административном отношениях она перешла в состав Астраханской губернии, а в учебно-административном — в состав Оренбургского учебного округа.

Астраханский генерал-губернатор в 1892 году внес в Министерство внутренних дел предложение о подчинении школ Внутренней орды Казанскому учебному округу, в ведении которого находилась учебная часть Астраханской губернии. 5 января 1893 года Комитет министров по представлению Министерства народного просвещения, несмотря на возражения попечителя Оренбургского учебного округа, принял это предложение[1].

В 1879 году все восемь правительственных русско-казахских школ были переданы в ведение Министерства народного просвещения. Тогда же была учреждена должность инспектора школ Внутренней орды (им был назначен А. Е. Алекторов; впоследствии его сменил Воскресенский).

Из сказанного можно сделать следующие выводы:

1. Русско-казахская школа, открытая в 1841 году в Ханской Ставке, явилась первой правительственной школой этого типа на территории Казахстана. Несмотря на то, что первоначальная цель учреждения этой школы была весьма ограниченной, объективно она сыграла положительную роль в некотором развитии просвещения во Внутренней орде и в частности в подготовке учителей для старшинских школ.

2. Эта школа была первым опытом царской администрации в учреждении «русско-туземных школ» в Казахстане. Только оценив опыт школы в Ханской Ставке, царское правительство начало открывать в крае и другие русско-казахские школы. Говоря иначе, русско-казахская школа в Ханской Ставке в некоторой степени явилась прототипом русско-казахских школ, открытых впоследствии царским правительством как в самой Внутренней орде, так и в других частях Казахстана, особенно после административных реформ 1867—1868 годов.

3. Участковые русско-казахские школы, несмотря на их малочисленность, явились для своего времени учебны-

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 172, 1892—1893, д. 280. «Департамент народного просвещения».

ми заведениями наиболее приемлемого типа и пользовались поддержкой со стороны казахского населения.

4. Рост потребности казахского населения в образовании подрастающего поколения и недостаточность правительственных участковых одноклассных русско-казахских школ привели к организации старшинских школ. Но, несмотря на некоторый успех этих школ в начале их учреждения, впоследствии, ввиду недостаточной материальной базы и слабой учебно-воспитательной работы в них, низкого уровня подготовки учителей, а также недостаточного количества стипендий, тяга казахского населения к этим школам начала постепенно ослабевать.

5. Следует также отметить, что в связи с организацией во Внутренней орде русско-казахских школ замечается некоторое сокращение числа мусульманских школ и числа учащихся в них. В то же время наблюдалось некоторое ослабление влияния мусульманских школ и духовенства на казахское население Орды, особенно на подрастающее поколение.

ГЛАВА III

ШКОЛЫ ТУРГАЙСКОЙ И УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТЕЙ

1. ШКОЛЫ ТУРГАЙСКОЙ ОБЛАСТИ

Тургайская область была образована по «Временному положению» 1868 года. В нее вошли восточная часть и некоторые районы средней части «области оренбургских киргизов». Временным административным центром области был г. Оренбург, который не входил в состав Тургайской области. Область делилась на четыре уезда — Тургайский, Николаевский (Кустанайский), Иргизский, Илецкий (Актюбинский), 28 волостей и 149 аулов. Она, как и Уральская область, входила в состав Оренбургского генерал-губернаторства.

Население здесь часто страдало от неурожая и бескормицы. Плохой урожай в 1878 году и полный неурожай хлебов и трав в 1879, пожары от чрезмерной засухи, большой падеж скота резко ухудшили положение населения, особенно его беднейшей части.

В отношении развития культуры область мало чем отличалась от других областей Казахстана. Несмотря на то, что здесь одно учебное заведение приходилось примерно на 6,5 тысячи человек, состояние народного образования было неудовлетворительным.

В 1895 году только четыре врача обслуживали население области; при этом на каждого врача приходилось 104 545 квадратных верст территории и 87 822 жителя [1].

Первая казахская школа в Тургайской области была открыта Министерством внутренних дел в 1861 году в г. Троицке; в ней был всего один класс. Школа была рассчитана на 30 детей. Курс обучения сводился к первоначальному освоению русской и «татарской» грамоты

[1] «Тургайская газета», 1895, № 7, ст. «Врачевание у киргизов».

и четырех правил арифметики. Открытие школы казахское население встретило с удовлетворением. В 1884 году она была переведена в г. Кустанай и преобразована в двухклассное училище. Затем казахские школы были открыты при четырех укреплениях.

Первые казахские школы в г. Троицке и при военных укреплениях были встречены казахским населением весьма одобрительно. Об этом свидетельствуют торжества, устроенные при открытии в январе 1864 года тургайской казахской школы, в которых участвовало около 200 человек.

Школа начала занятия при наличии 14 мальчиков, до этого И. Алтынсарин вел с ними частные занятия.

Начальник Оренбургского укрепления, переименованного впоследствии в г. Тургай, 22 января 1864 года сообщал Оренбургскому и Самарскому генерал-губернатору, что «открытие школы ордынцами встречено с непритворной радостью и благодарностью» [1].

Он высоко отозвался о работе учителя этой школы И. Алтынсарина, а также об успехах учащихся. «Училище,— писал он,— по заботливости и примерному усердию смотрителя зауряд-хорунжего Алтынсарина содержится весьма хорошо и чисто... Быстрые успехи киргизских воспитанников, в самое короткое время, подают верную надежду, что столь благодетельное при Тургайское заведение в короткое время принесет желаемые плоды и оправдает себя» [2].

К письму, кроме других документов, были приложены инструкции учителю и смотрителю школы. В инструкции указывается, что обучение чтению и письму должно проводиться по методу Золотова. Наряду с определением времени для уроков было отмечено, что в «свободное время ученики могут заниматься обучением татарской грамоте и правилам Алкарана» [3].

Начальник Оренбургского укрепления Я. П. Яковлев в своей речи, обращенной к собравшимся на торжественное открытие школы казахам, сказал: «Прошу без боязни доверить ваших детей попечению и заботам моим; с покойным сердцем доверьте их наставнику и смотрителю

---

[1] Госархив Оренбургской обл., ф. 6, 1864, д. 7846, л. 203.
[2] Там же, л. 204.
[3] Там же, л. 207.

этого заведения родичу вашему зауряд-хорунжему Алтынсарину, избранному на это место высшим начальством по отличным его способностям, о коих и я безукоризненно могу свидетельствовать»[1].

И. Алтынсарин горячо и с большой любовью взялся за обучение казахских детей. В своем письме Н. И. Ильминскому от 16 марта 1864 года он писал: «Как голодный волк за барана, взялся горячо за ученье детей, и, к крайнему моему удивлению, мальчики в течение каких-нибудь трех месяцев выучились читать и даже писать по-русски и по-татарски... Учу их сперва названия предметов, исключительно слова, относящиеся к имени существительному, потом названия качества предметов — имени прилагательного, потом соединениям названий предметов с их качествами, как: белый человек и т. д., далее — глаголы, а потом спряжения и склонения слов, род и число, далее примерными тому разговорными переводами из «Самоучителя». Два воспитанника, прежние еще мои питомцы, почти выучили уже эти правила, занимаются разговорными переводами и читают «Детский мир», из которого также делают переводы. Когда воспитанники мои начнут немножко говорить по-русски, я смешаю с ними и русских мальчиков, детей здешних поселян, на что имею законное уже право. Словом, надеюсь, что эти молодцы, в течение четырех лет, до окончания курса, будут говорить порядочно и узнают кое-что. Стараюсь всеми силами, чтобы подействовать еще на их нравственность, чтобы они впоследствии не были взяточниками...»[2]

В 1868 году в г. Тургае была открыта одноклассная русско-казахская школа, а в 1879 году она была преобразована в двухклассную. В этом же году в г. Иргизе открылось другое двухклассное русско-казахское училище с двумя учителями, куда поступило 38 учеников (26 русских и 12 казахов).

Одноклассная русско-казахская школа в Буртинской волости Илецкого уезда, существовавшая с 1881 года, была преобразована в 1885 году в третье двухклассное русско-казахское училище и переведена в поселение Ак-Тюбе.

---

[1] Госархив Оренбургской обл., ф. 6, 1864, д. 7846, лл. 212—213.
[2] *И. Алтынсарин.* Избранные произведения. Алма-Ата, 1957, стр. 319—320.

Русско-казахские школы (Кустанайская, Тургайская, Иргизская и Актюбинская) находившиеся в четырех уездах области и имевшие собственные каменные здания, были открыты с интернатами на 25 воспитанников каждый, а впоследствии в Тургайском и Актюбинском училищах интернаты были увеличены до 50 человек.

Из годового содержания школ в 17 979 рублей государственные ассигнования составляли 6 710 рублей, а остальная сумма отпускалась из местных общественных средств.

При всех четырех уездных училищах были открыты ремесленные отделения.

Попечитель Оренбургского учебного округа Д. Михайлов в «Отчете о народном образовании в Тургайской области» за 1885 год [1] совершенно правильно указывал на исключительно низкий уровень народного образования в области, на незначительное число школ и учащихся в них. Отмечая предрасположение казахского населения к русским школам, особенно к русско-казахским, необходимость усилить русское влияние на казахский народ в противовес влиянию магометанства, он предлагал поспешить с широким распространением в степи русского образования.

«Киргизы,— писал он в отчете,— пока симпатизируют русским школам и охотно отдают в них своих детей, даже просят и умоляют о принятии последних в школы когда им отказывают по неимению вакансии, и во всех училищах на 30 оплачиваемых из общественных средств воспитанников содержится ежегодно 5—6 сверхкомплектных».

В 90-х годах «Киргизская степная газета», «Тургайская газета», «Тургайские областные ведомости» и другие периодические издания, отмечая большое стремление казахского населения Тургайской области к русскому образованию, на своих страницах много писали о многочисленных ходатайствах казахов об открытии новых волостных и аульных школ, о зачислении своих детей в разные учебные заведения, а также о солидных денежных пожертвованиях как со стороны казахских обществ, так и отдельных казахов на организацию школы и строительство школьных помещений, на учреждение стипендий для

[1] См.: ЦГИАЛ, ф. 733, д. 1398, лл. 2—13.

казахских детей Тургайской области в различных учебных заведениях.

Благоприятным условием для открытия русских школ среди казахского населения Д. Михайлов считал также то, что ислам еще недостаточно проник в среду казахского населения и что казахи еще не были заражены религиозным фанатизмом. «Хотя киргизы являются магометанами,— говорит он,— но до сих пор они еще не проникались тем фанатизмом и ненавистью к русским, какие обнаруживают татары. Доказательством тому, между прочим, служит и желание помещать своих детей в русские школы, тогда как татары не пускают своих детей в наши училища» [1].

«Но мусульманская пропаганда,— говорит он с тревогой,— не дремлет: муллы под видом купцов, разносчиков, иногда нанимаясь работником к богатому киргизу, заходят в киргизские аулы, поселяются в них и заводят татарские школы, зимой в землянках, а летом в кибитках, перекочевывая вместе с аулом.

Таким образом, муллы проводят магометанство и татарский язык в глубину степи, где завели уже множество школ и медресе, число которых с каждым годом значительно увеличивается, и в этих школах развивают недоверие и неприязнь к русским». Поэтому он предлагает воспользоваться все еще имеющейся возможностью и поспешить с открытием русских школ. «Теперь,— говорит он,— предстоит неотложная необходимость устраивать в аулах русские школы, наподобие мусульманских, чтобы полуязычник-киргиз не обратился в фанатика-мусульманина, ненавидящего все русское, и чтобы утвердить русское влияние в Средней Азии» [2]. В противном случае, по его мнению, казахи могут «оказаться безнадежными в смысле обрусения». Далее он указывает на наличие материальных средств для учреждения таких школ, образованных за счет покибиточного сбора и составляющих до 40 000 рублей.

До сих пор, говорит попечитель учебного округа, такие школы не открывались за неимением учителей, знающих русский и казахский языки. Использование в качестве учителей «неспособных и малограмотных» людей, как он правильно замечает, привело бы к «закрытию училищ

[1] См.: ЦГИАЛ, ф. 733, д. 1398, л. 3.
[2] Там же, л. 3—3 об.

и охлаждению киргиз к русским учебным заведениям». Он надеялся, что через год, то есть в 1886 году, Орскую учительскую школу, основанную в 1881 году, в числе первых выпускников окончат 9 человек из казахов Тургайской области, которые «явятся вполне подготовленными преподавателями для общественных русско-киргизских школ».

«Поэтому,— заключает он,— мы должны безотлагательно воспользоваться удобным моментом, чтобы открыть эти школы. Было бы странно и непростительно оставить без дела кончивших курс в учительской школе киргизов, специально готовившихся для педагогической деятельности среди своих родичей; оставить без надлежащего употребления собранные и собираемые с киргиз средства на училища, и через то остановить самое дело образования и обрусения киргиз»[1].

Попечитель учебного округа выражал сожаление, что средства, собранные казахским населением на образование, находятся не в ведении учебного округа, а в распоряжении военного губернатора Тургайской области, к которому он обращался 7 ноября 1885 года с просьбой об открытии «общественных или волостных училищ».

Военный губернатор Проценко в письме на имя бывшего попечителя учебного округа от 12 февраля 1885 года, полагая, что «число ныне существующих в области мужских училищ достаточно для нынешнего времени и имеющейся потребности», считал целесообразным открытие в каждом уезде области русских женских училищ. Он предлагал также приступить в каждом уездном училище к организации обучения ремеслу, а Тургайское ремесленное училище присоединить к «общему» училищу, учредить в области особые сельскохозяйственные школы, считать обязательным знание русского языка всеми учителями школ, учредить должность особых экономов в школах, содержание которых может быть отнесено за счет общественного сбора с казахского населения.

Попечитель Оренбургского учебного округа выступил против предложений военного губернатора. Имея в виду, что одна школа в области приходилась на 100 000 жителей и один учащийся на 2 500 человек, он считал, что число русско-казахских мужских школ крайне недоста-

[1] См.: ЦГИАЛ, ф. 733, д. 1398, л. 4—4 об.

точно и «что следует стараться всеми мерами о быстром увеличении этого числа для противодействия магометанской пропаганде».

Указывая на несправедливость предложения военного губернатора открыть русские женские училища на общественные средства казахского населения, Михайлов писал: «Гораздо целесообразнее, по моему мнению, мера, предлагаемая инспектором Алтынсариным для распространения женского образования между киргизами, именно он полагает устраивать домашние рукодельни в богатых и авторитетных киргизских семействах, куда будут привлекаться девочки соседних киргиз и где, вместе с рукоделием, их можно обучать грамоте и русскому языку и таким образом способствовать обрусению киргиз. Такая школа может обойтись правительству около 400 рублей в год» [1].

Признав «весьма полезным устроить при каждом училище занятия ремеслами, если позволяют на это средства», попечитель высказался против закрытия Тургайского ремесленного училища.

«...Настоятельная потребность в настоящее время,— писал он,— это открыть как можно больше училищ в глубине степи, а не в центрах, где живут уездные начальники, так как в этих местах и без того преобладает русское влияние» [2]. Он предлагал во вновь организуемых по проекту инспектора Алтынсарина русско-казахских школах организовать обучение ручному труду. В этих целях он рекомендовал командировать в С.-Петербургский учительский институт 3—4 казахов из числа оканчивающих в 1885 году Орскую учительскую школу для ознакомления с постановкой преподавания ручного труда.

Учреждение сельскохозяйственных школ Д. Михайлов, так же, как и военный губернатор, считал «очень полезной мерой» для развития народного образования в Тургайской степи. Для ознакомления некоторых будущих казахских учителей с сельским хозяйством он предлагал трех человек из числа оканчивающих Орскую учительскую школу послать в Красноуфимское реальное училище, где несколько выпускников Благовещенской учительской семинарии уже проходили практику по сельскому хозяйству.

---

[1] См.: ЦГИАЛ, ф. 733, д. 1398, л. 7—7 об.

[2] Там же, л. 7 об.

В заключение по данному вопросу Д. Михайлов писал, что открывать русские училища нужно как можно скорее, чтобы не оставлять свободного поля для мусульманской пропаганды. Он считал, что для развития образования среди казахского населения и противодействия вредному влиянию магометанских мулл, помимо учреждения школ, необходимо распространять среди казахского населения книги общеобразовательного содержания, написанные на казахском языке, но русскими буквами. «Составлением таких книг,— писал Д. Михайлов,— занят инспектор Алтынсарин; он готовит к изданию вторую часть своей хрестоматии, содержание которой составляют переводные статьи по истории, географии, физике и пр. из русских хрестоматий и популярных книг. Киргизы очень любознательны и способны, грамотные из них с удовольствием и интересом прочитают книгу г. Алтынсарина» [1].

В приложенной к «Отчету о народном образовании в Тургайской области» за 1885 год справке, озаглавленной «Записка г. Алтынсарина», говорится о реализации предложений Алтынсарина об образовании казахов Тургайской области, представленных им при вступлении на должность инспектора школ Тургайской области, о состоянии организации центральных уездных и волостных школ, об определении на работу выпускников Орской учительской школы, а также некоторые соображения о развитии народного образования среди казахского населения.

Наряду с указанием на то, что для трехсоттысячного казахского населения Тургайской области четырех двухклассных и одного ремесленного училищ с количеством учащихся в 200 детей совершенно недостаточно, в справке говорится о необходимости дальнейшего, более интенсивного развития народного образования. «Между тем,— говорится далее,— в киргизском народе... поставленном в близкое уже соприкосновенное к оседлым народам, появляется, между прочим, и стремление к знанию языка соседних народов и их грамоты, тем более, что, во-первых, обстановка их теперь в экономическом и политическом отношениях такая, что на каждом почти шагу встречают они нужды в знании, например, русского язы-

[1] См.: ЦГИАЛ, ф. 733, д. 1398, лл. 10 об.—11.

ка и грамоты, а во-вторых, народ этот и от природы очень любознателен и восприимчив. Этим стремлением киргизов начали и значительно уже пользоваться соседние нации, как-то: татары, сарты, башкиры и прочие. И будет очень прискорбно, если этот неиспорченный, практический и способный народ окончательно подвергнется влиянию татар, которые, вследствие глубоко укоренившегося в них фанатизма, живя три уже столетия в среде русских, за малым исключением, до сих пор коснеют в невежестве. Ввиду этого, а равно и в общих интересах правительства нравственно и экономически развивать подвластных ему народов, и было бы желательно безотлагательное распространение в киргизской степи русско-киргизских школ, которые если и не вытеснят вполне татарское учение, но все же будут служить противовесом ему и рассадником, так сказать, практических взглядов на вещи, отражающим предрассудки, вредящие народному развитию, а это в связи с не умершим еще и вполне бодрствующим киргизским народным обычаем, основанным на практических началах, притом вне всяких религиозных понятий, не допустит народ к нравственному разложению. Безотлагательное устройство русско-киргизских школ в среде киргиз тем более желательно, что и средства налицо, которые не обременяя никого, даются самими же киргизскими обществами, а со стороны начальствующих лиц требуется только утверждение приговоров об этом и принятие на себя труда устраивать и вести школьное дело» [1].

В справке указывается на нецелесообразность открытия технических, сельскохозяйственных и женских училищ из-за дороговизны их содержания, «непосильной киргизскому населению», а также «по положительному еще непониманию пользы, напр. женского образования». При этом обращается внимание на то, что «киргизский народ только что начинает учиться, а потому и учение его должно начать прежде всего с азбуки, и этой азбукой для него должны служить начальные русско-киргизские училища». «В видах устройства будущности киргизов, а равно и в видах самого правительства сближать друг с другом отдельные части империи», предлагается «прежде всего позаботиться введением в киргизскую степь об-

[1] См.: ЦГИАЛ, ф. 733, д. 1398, лл. 51 об.—52 об.

щеотечественного языка русского и русской же грамоты», проводником которых «могут служить только народные русско-киргизские училища, учрежденные в среде самих же киргизов». Автор записки подчеркивает, что «живые непосредственные связи с народом» могут иметь только те училища, которые будут находиться в среде самого народа и будут «устроены на несложных, простых, общепонятных началах». Преимуществом таких народных училищ будет то, что учащиеся будут находиться в среде своего народа «и, как ни мало получаемое ими образование, но полезное влияние их на экономический и нравственный быт окружающего населения все же будет существовать и оградит народ, чем дальше, тем больше, от бесчисленных эксплуатаций и неблагонадежных грамотеев. Молодое поколение киргиз будет смотреть на язык и грамоту русскую, как на единственное орудие культуры и занятий, пристрастится к ним и будет развиваться в русском, более или менее духе» [1]. Далее указывается на то, что для казахов уже открыты пути для поступления в высшие школы, не только потому, что они обладают «общими правами на поступление во все высшие и средние учебные заведения», но и учреждены для них особые стипендии в Оренбургской и Троицкой гимназиях, а также в Казанском университете. Но наряду с этим автор заявляет: «Едва ли предстоит неотложная надобность» в учреждении для казахов отдельных высших учебных заведений, которые не только будут стоить дорого, но и будут «непонятными для народа».

Из архивных источников, в которых содержатся годовые отчеты военных губернаторов Тургайской области, отчеты инспекторов народных училищ области, переписка между Оренбургским учебным округом и Министерством народного просвещения, а также другие документы, мы находим данные о числе школ и учащихся Тургайской области за разные годы. Эти цифровые данные мы обобщили в таблице 8.

Как видно из этой таблицы, число школ в Тургайской области росло более интенсивно по сравнению с ростом школ в других областях Казахстана. Заметный рост числа школ и учащихся начался после 1886 года в связи с учреждением волостных школ и особенно в 1891—1892

[1] См.: ЦГИАЛ, ф. 733, д. 1398, л. 53 об.

Сведения о подведомственных Министерству народного

№ № пп	Наименование учебных заведений	Годы									
		1879	1882	1883	1884	1885	1886	1887	1888	1889	1890
1	Городское двухклассное училище по Положению 31 мая 1872 г.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2	Двухклассное русско-казахское училище по Положению 4 июня 1875 г.	3	3	3	3	4	4	4	4	4	4
3	Русско-казахская женская прогимназия	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
4	Двухклассное русско-казахское женское училище	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
5	Одноклассное мужское начальное училище	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
6	Одноклассное женское начальное училище	—	—	—	—	—	—	1	1	1	1
7	Одноклассное русско-казахское волостное училище	—	—	—	—	—	—	—	4	4	5
8	Одноклассное русско-казахское женское училище	—	—	—	—	—	—	—	1*	—	—
9	Русско-казахское ремесленное училище	—	—	1	1	1	1	1	1	1	1
10	Русско-казахские аульные школы	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
11	Педагогические классы	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
12	Вечерние школы для взрослых	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1*
	Всего учебных заведений										

Таблица

просвещения школах Тургайской области за 1879—1898 гг.

1891	1891/92	1892/93	1893/94	1894/95	1895/96	1896/97	1897/98	Примечания
—	1	—	—	—	1	1	1	
4	4	4	5	5	5	5	5	
—	—	—	—	1*	1	1	1	* При Кустанайском двухклассном русско-казахском женском училище
—	—	1*	1	1	1	1	1	В г. Кустанае
2	2	2	3	3	—	9	10	
1	1	1	1	2	2	2	2	
5	7	7	6	6	6	6	6	
2	2	3	3	4	4	4	4	* Интернат для казахских девочек при Иргизском одноклассном женском училище
1	1	1	1	—	—	41	63	
1	18	25	—	—	—	1	1	
—	—	—	—	2	2	2	2	* Русс. веч. школа в г. Верном
1	2	2	2					* В г. Иргизе (Казахская)
							97	

годах, когда начали открываться аульные школы. Проф. всеобщей истории Казанского университета Н. А. Осокин, описывая участие русско-казахских школ на Казанской научно-промышленной выставке в 1890 году, указывал, что к началу 1890 года в Тургайской области было 15 русско-казахских школ, в которых обучалось более 500 детей и работало 45 учителей, а ежегодное содержание всех школ, включая и содержание интернатов, составляло 33 291 рубль 51 копейку.

Отмечая, что 15 школ на всю Тургайскую область с ее более трехсоттысячным населением крайне недостаточно, он, между тем, писал: «Но, если принять во внимание сравнительно быстрое возникновение этих школ, хороший успех в них обучающихся, благодаря богатым умственным способностям, выносливости и трудолюбию киргизских детей, то и эта горсть школ составляет отрадное явление на юго-востоке России»[1].

И все же школ в области было совершенно недостаточно. В 1890 году одна школа приходилась более чем на 24 тысячи жителей, а в 1891 году на одно училище области в среднем приходилось по 43 ученика и одна русско-казахская школа на 22 790 казахов. Один учащийся приходился примерно на 500 жителей. Но если иметь в виду, что казахского населения в области насчитывалось 321 000 человек, а русского около 20 000 человек, то один русский ученик приходился на 61 русского жителя, тогда как один ученик казах приходился на 1 089 казахов. Несмотря на то, что в 1897/98 учебном году учащиеся казахи во всех школах Министерства народного просвещения составляли 55,4 процента, и их было больше, чем учащихся других национальностей, вместе взятых, по сравнению с численностью казахского населения области это число было незначительным.

Школ не хватало не только для казахского населения, их не хватало и для русских крестьян-переселенцев, в среде которых, как отмечал инспектор народных училищ Тургайской области А. В. Васильев в 1890 году, не было ни одной школы.

До этого, 20 октября 1884 года, инспектор школ Тургайской области И. Алтынсарин в письме на имя попе-

---

[1] *Н. А. Осокин.* Каталог Казанской научно-промышленной выставки. 1890 г., Казань, 1890.

чителя Оренбургского учебного округа, отмечая трудности обучения детей русских переселенцев в казахских школах Ак-Тюбы и Кустаная, ввиду отсутствия средств, учебных пособий и мебели, сообщал: «Имея в виду, что основное назначение существующих теперь училищ Тургайской области исключительно для киргизских детей, а дети русских поселян принимались более по личной моей инициативе, основанной на желании духовного объединения киргизских детей с русскими в тех еще видах, чтобы эти последние независимо от приобретения грамотности служили и для первых живою практикой в разговорном русском языке,— я находил бы с своей стороны достаточным допускать прием вообще в киргизские училища русских детей до 15 в каждом, но не более 20, если позволят этого, впрочем, школьные помещения» и возможность иметь двух учителей [1].

Это мнение Алтынсарина было поддержано инспектором татарских, башкирских и казахских школ Оренбургского учебного округа В. В. Катаринским [2] и попечителем учебного округа [3].

Согласно переписке учебных заведений всех ведомств, проведенной в Оренбургском учебном округе, на 31 декабря 1894 года в Тургайской области было 59 учебных заведений (без мусульманских школ): 5 двухклассных русско-казахских училищ, 11 одноклассных русско-казахских школ (в т. ч. 4 женских), 22 аульных, 8 русских начальных, 4 церковно-приходские школы и 9 школ грамоты с 440 учащимися (в т. ч. 98 девочек). Во всех учебных заведениях обучалось русских — 924 мальчика и 339 девочек, казахов — 603 мальчика и 58 девочек, а всего — 1 924 учащихся.

В 1895 году в 59 учебных заведениях обучалось 1 664 учащихся, в том числе 1 343 мальчика и 321 девочка; русских 53,3 процента, казахов — 46,4 процента.

Всего преподавателей было 113, в том числе законоучителей — 18, магометанских вероучителей — 12, учителей —71, учительниц —12. 61 преподаватель имел специальную педагогическую подготовку, окончивших средние учебные заведения было 25, низшие — 27 преподавателей.

К концу прошлого века в Тургайской области сущест-

[1] Госархив БашАССР, ф. 109, оп. 1, 1884, д. 59, лл. 2—3.
[2] Там же, л. 4.
[3] Там же, лл. 5—6.

вовали следующие подведомственные Министерству народного просвещения типы школ: уездные двухклассные русско-казахские училища (по положению 4 июня 1875 года), волостные одноклассные русско-казахские школы, аульные передвижные школы, городское училище (по положению 31 мая 1872 года), русское одноклассное женское училище, ремесленные училища и вечерние школы для взрослых.

Кроме того, в области существовали также мусульманские, церковно-приходские, миссионерские школы, а также школы грамоты.

В 1898 году в Тургайской области действовало 95 учебных заведений, в которых обучалось 2 302 ученика, в том числе мальчиков — 1 987, или 86,3 процента, девочек — 315, или 13,6 процента. Среди учащихся было 1 364 казаха, или 59,2 процента.

В 1898 году окончило школы 273 учащихся; выбыло из школы до окончания 487 учащихся, или 21 процент.

«Принимая в расчет,— говорит А. Е. Алекторов,— 364 647 жителей и полагая 12 процентов детей школьного возраста, мы должны бы иметь в учебных заведениях 43 157 детей; следовательно, 41 455 человек лишены теперь возможности получить русское образование; для них потребовалось бы еще не менее 976 школ с ежегодным расходом около 390 400 рублей» (из «Отчета о состоянии учебных заведений Тургайской области за 1898 гражданский год»)[1].

Интернаты имелись при всех женских и 11 мужских русско-казахских школах, в которых находилось от 10 до 20 воспитанников казахов, а в интернате при Кустанайском двухклассном русско-казахском училище с педагогическим классом — более 60 воспитанников. При Кустанайском третьем одноклассном училище имелся интернат на 20 русских мальчиков, детей переселенцев, живших одиночными семьями среди казахского населения.

Всего преподавателей в Тургайской области числилось 166, в том числе законоучителей — 28, учителей — 109, учительниц — 13, магометанских вероучителей — 16; 83 человека имели специальное педагогическое образование, в том числе 10 законоучителей, 63 учителя, 1 учи-

[1] *А. Е. Алекторов.* Очерк народного образования в Тургайской области. Летопись. 1744—1898. Оренбург, 1900, стр. 243.

тельница, 9 магометанских вероучителей; окончили средние учебные заведения — 21; не имеющих прав на преподавание — 35, мулл, получивших образование в медресе,— 2.

На содержание школ было ассигновано всего 84 680 рублей 15 копеек (от государства 28 888 рублей 50 копеек, или 31,7 процента, от земского сбора — 43 175 рублей 50 копеек, или 50,9 процента, от городских обществ — 6 768 рублей 50 копеек, или 8,1 процента, от сельских обществ — 428 рублей 16 копеек, или 0,5 процента, единовременных частных пожертвований — 6 651 рубль 11 копеек, или 7,8 процента, плата за обучение — 750 рублей 38 копеек, или 0,8 процента).

*Таблица 9**

Сведения о численности населения, школ, учащихся и числе жителей на одну школу по уездам Тургайской области за 1890 и 1898 годы

Уезды	Численность населения		Число школ		Число учащихся		Число жителей на 1 школу	
	1890 г.	1898 г.	1890 г.	1898 г.	1890 г.	1898 г.	1890 г.	1898 г.
Актюбинский	75 803	85 120	3	19	118	387	25 267	4 480
Иргизский	79 276	80 484	4	19	149	426	15 855	4 276,6
Кустанайский	117 699	129 722	5	42	243	1 205	23 540	3 088,6
Тургайский	68 870	69 321	3	15	72	284	23 000	4 621,4
	341 648	364 647	15	95	582	2 302	22 776,5	3 838,3

Как видно из данных сборника «Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи» (вып. III, Спб. 1902), данных правительственных учреждений и в том числе директоров народных училищ в 1898 году в Тургайской области было 128 низших учебных заведений (в т. ч. 95 школ, подведомственных Министерству народного просвещения) с 3 204 учащимися. Одна начальная школа приходилась на 3 596 человек населения, один ученик — на 143 человека населения. При

* В данной таблице имеются незначительные отклонения от показателей таблицы № 1. Но мы сочли целесообразным привести эту таблицу, так как в ней даются сведения по школам Министерства народного просвещения в разрезе уездов Тургайской области.

наличии 40 781 ребенка школьного возраста (в том числе 21 385 мальчиков и 19 396 девочек) в школах обучалось только 8 процентов всех детей школьного возраста, в том числе 12 процентов мальчиков и 3 процента девочек. Не училось 37 613 детей, или 92 процента, в том числе 18 756 девочек, или 97 процентов.

Как видно, число школ Министерства народного просвещения с 1890 по 1898 год увеличилось с 15 до 95, то есть почти в 6,5 раза, а число учащихся — с 582 до 2 302, то есть в 4 раза. Если в 1890 году на одну школу в Тургайской области приходилось 22 776 жителей, то в 1898 году приходилось уже 3 838 жителей.

В Кустанайском уезде и главным образом в его центре, городе Кустанае, находилось наибольшее число русского населения. Это обстоятельство, а также тесное общение казахского населения с русским населением уезда не могли не отразиться благотворно на быте и культуре казахов. Но и здесь имевшихся школ было совершенно недостаточно.

В 1890 году в уезде было всего пять школ: Кустанайское двухклассное русско-казахское училище, Кустанайское одноклассное мужское училище, одноклассное женское училище, а также два одноклассных русско-казахских училища в Убаганской и Чубарской волостях.

Среди 243 учащихся казахских мальчиков было 101, русских мальчиков — 118 и девочек — 24. На одного учащегося казаха приходилось около 1 000 человек казахского населения, а на одного учащегося русского — 118 человек русского населения.

Инспектор школ Тургайской области А. В. Васильев в своей «Записке» о развитии школьного образования в Тургайской области в 1890 году предлагал открыть еще два одноклассных училища (в том числе одно женское), Кустанайское русско-казахское двухклассное училище преобразовать в трехклассное городское училище с сохранением интерната при нем на 50 воспитанников-казахов, открыть две новые волостные школы второго разряда, учредить в Кустанае женское русско-казахское училище с интернатом на 20 девочек казашек, а также построить школьные здания для двух волостных школ (Убаганской и Чубарской).

В 1891 году были открыты второе Кустанайское русское одноклассное начальное училище с 60 учащимися,

Кустанайское русское одноклассное женское училище и Аулиекульская волостная школа, в которой 25 вакансий для казахов были полностью заполнены и, кроме того, было четверо приходящих русских детей.

В 1892 году в уезде уже было 20 школ, в которых обучались 1 104 учащихся, в том числе только 156 казахов.

В 1900 году в уезде было три волостные школы: Аулиекульская с 46 учащимися, в том числе 31 казах, Джетыгаринско-Чубарская с 39 учащимися, в том числе 31 казах, и Мендыгаринская с 41 учащимся, в том числе 26 казахов.

15 июля 1892 года в ауле № 4 Кенаральской волости была открыта первая в Николаевском уезде аульная школа, ежегодное содержание которой составляло 324 рубля. Школа была приспособлена к бытовым условиям казахского населения и поэтому она встретила одобрение со стороны последнего. В «Тургайских областных ведомостях» были опубликованы утвержденные попечителем Оренбургского учебного округа правила приема в аульные школы с переводом их на казахский язык.

В № 3 «Оренбургского листка» за 1899 год была опубликована интересная корреспонденция, в которой сообщалось о хороших взаимоотношениях между казахским и русским населением Кустанайского уезда, о большом стремлении казахов к образованию, о росте казахских школ. «Киргизы Кустанайского уезда,— пишет корреспондент,— живут ладно и с переселенцами русскими не ссорятся; например, соревнуют русской образованности (культурности), начали пахать землю, сеют, мельницы строят, особенно же налегли на грамоту русскую. Может показаться невероятным, что с 1 ноября по 1 января прошлого года в киргизских аулах открыто 23 русско-киргизских училища да с 1 января 1899 года будет открыто еще 20 таких же училищ. Мы, русские, здесь в клуб смотрим, а киргиз-степняк не любит бражничать, трудится и в русскую книжку смотрит. Работы по части просвещения киргизов — гора. Нива просторная, да сеятелей мало».

Видимо, корреспондент несколько преувеличил количество открытых и предполагаемых к открытию школ, так как по сообщению «Киргизской степной газеты» (12/XI — 1900) в области на 1 января 1900 года было

23 аульные школы на 111 465 жителей области. В этих школах училось 356 учащихся, что составляло всего лишь 5,2 процента всех детей школьного возраста (6 684 ребенка). Газета опубликовала перечень всех 23 школ.

В Тургайском уезде в 1890 году было 3 школы, в которых обучалось 72 мальчика, из них 60 казахов и 12 русских. При наличии в уезде 68 398 человек казахского населения и 472 русских и незначительного числа жителей других национальностей одна школа в уезде приходилась в среднем почти на 23 000 жителей, а на одного учащегося-казаха приходилось 1 140 казахов и на одного русского ученика — 40 человек русских жителей [1].

Инспектор школ Тургайской области А. В. Васильев в 1890 году в своих «Записках о мерах, какие необходимо предпринять к развитию школьного образования в Тургайской области» предложил открыть в первой Наурузкумской волости одну волостную школу, указывая на то, что единственной Каратургайской волостной школы совершенно недостаточно на весь уезд, организовать женское русско-казахское училище с интернатом на 20 казахских девочек, а также в Яковлевском ремесленном училище открыть кузнечно-слесарное отделение, увеличив число пансионеров до 12.

В 1892 году в уезде было 4 школы, в том числе Тургайское двухклассное русско-казахское училище с 40 учениками, Тургайское Яковлевское ремесленное училище с 13 учениками, Тургайское русско-казахское женское училище, открытое в 1891 году, с 15 ученицами, а также учрежденная 9 ноября 1888 года Каратургайская волостная школа с 25 учениками.

Первая казахская школа в Тургайском уезде была открыта в 1864 году. Учителем этой школы был назначен выпускник казахской школы при областном правлении Ибрай Алтынсарин, который с большим интересом и энергией взялся за обучение казахских детей и в течение непродолжительного времени добился хороших успехов в обучении.

Начальник Оренбургского укрепления Я. П. Яковлев в своем рапорте на имя Оренбургского и Самарского генерал-губернатора 5 июня 1864 года, сообщая о хороших успехах учеников казахской школы, ходатайствовал

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, д. 2412.

о присвоении И. Алтынсарину за его усердие и заслуги звания хорунжего. В рапорте говорилось: «28 мая все наличные офицеры и священник были приглашены в училище, в присутствии моем сделан экзамен всем киргизским мальчикам; судя по времени, в которое преподавались им науки, успехи воспитанников весьма хорошие. В продолжение 4,5 месяца все они весьма удовлетворительно, а некоторые даже и хорошо читают русские печатные книги, 9 мальчиков начали уже писать по-русски, около тысячи слов выучили правильно называть также по-русски и 6 воспитанников пишут и читают по-татарски» [1].

В рапорте, представленном генерал-губернатору 4 июня 1865 года, Я. П. Яковлев сообщал, что при испытании учащихся школы их успехи, достигнутые в течение одного года и двух месяцев, «были очень хорошими» и превзошли его ожидания. Отмечая хорошие успехи воспитанников и «свидетельствуя об отличном усердии, попечении и заботливости в преподавании наук и содержании киргизских воспитанников» учителя и смотрителя школы И. Алтынсарина, Яковлев возбуждал ходатайство о награждении лучших учеников книгами и другими предметами.

Областное управление оренбургскими казахами направило в школу четыре хорошо переплетенные книги для награждения лучших учеников школы: Беремжанова Курманбека, Апезова Нургалия, Жангалина Жалмухамеда и Ташенева Ибрагима.

Следует заметить, что для награждения учащихся были подобраны книги естественнонаучного характера и по животноводству, а именно: «Рассказы о природе и явлениях», «Альбом любителей скотоводства», «Картины из быта диких зверей» и «Рассказы о солнце, луне и звездах».

В 1890 году в четырех школах Иргизского уезда учились 149 учащихся, в том числе казахов 72: 52 мальчика и 20 девочек, и русских 77: 54 мальчика и 23 девочки. Если учесть, что в уезде было 78 335 человек казахского населения и 941 русский и незначительное число людей других национальностей, то одна школа уезда в среднем приходилась на 15 855 человек, а один ученик-казах

---

[1] Госархив Оренбургской обл., ф. 6, д. 7846, л. 237.

приходился на 1 088 казахов и один русский ученик на 12 русских [1].

Инспектор школ Тургайской области А. В. Васильев в 1890 году предложил разделить руководство женским русским и женским русско-казахским училищами, а также, учитывая то, что основные средства в сумме 24 700 рублей были предназначены на постройку здания для двухклассного русско-казахского училища, открыть в уезде только одну волостную школу второго разряда.

В 1892 году в Иргизском уезде действовали 4 учебных заведения: Иргизское двухклассное русско-казахское училище, в котором обучались 55 учащихся (казахов — 26, русских — 24, татар — 2), Иргизская городская одноклассная женская школа с 26 ученицами, Иргизский казахский женский интернат на 20 девочек, в числе которых были 5 русских девочек, Карабутакская волостная одноклассная русско-казахская школа, в которой было 28 учащихся (казахов — 23, русских — 5). Всего в четырех школах уезда учились 129 учащихся, в том числе 83 мальчика и 46 девочек [2].

На содержание двухклассного мужского училища и одноклассного женского училища ежегодно отпускалось из казны 1 137 рублей 10 копеек, а остальные школы содержались на городские и земские суммы [3].

Первая русско-казахская школа в Илецком (Актюбинском) уезде была учреждена в степной Буртинской волости И. Алтынсариным 23 октября 1881 года, в школу было принято 25 воспитанников и 8 приходящих учеников. Школа ютилась в тесном помещении; кроме того, пришлось в спешном порядке при школе строить баню, так как в ближайшем окружении бань не было. Ввиду того, что поблизости не было также ни больниц, ни докторов, помощнику заведующего училищем Кейкину, имевшему звание фельдшера, были отпущены необходимые медикаменты для лечения больных учеников, а серьезно заболевших он должен был отправлять в ближайшую больницу или сообщать о них илецкому уездному врачу, который находился в г. Оренбурге.

Занятия в школе начались при наличии 6 казенно-коштных и 8 своекоштных казахских мальчиков. Ввиду

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, д. 2412.
[2] ЦГИА КазССР, ф. 318, оп. 1, св. 1, д. 1., лл. 205—206.
[3] Там же, л. 186.

того, что желающих поступить в школу было очень много, инспектор школ Тургайской области И. Алтынсарин обещал сверх 25 казеннокоштных учеников, положенных по штату, принять еще 10 своекоштных учеников. Остальные ученики, отсутствовавшие в начале учебных занятий, должны были прибыть из дальних аулов. Но, как видно из рапорта И. Алтынсарина военному губернатору Тургайской области от 19 декабря 1881 года, к 9 декабря в школу дополнительно прибыли только два ученика.

Школа не имела своего собственного помещения: она находилась в здании казахского мусульманского медресе. Но несмотря на это, как указывал И. Алтынсарин, «благодаря выдающимся способностям, благонравию и старательности учителя этой школы Мозохина, эти неблагоприятные для русских школ условия нисколько не послужили препятствием к успешному ведению учебной части в школе. Вместо ожидаемого соперничества и интриг со стороны мулл и даже шакирдов, последние сами стали поступать в русско-киргизскую школу» [1].

В отчете за 1882 год И. Алтынсарин писал: «В первом отделении этой школы идет в настоящее время начальное преподавание русского языка, грамоты и арифметики; второе отделение пишет весьма правильно под диктовку, понятно уже объясняет прочитанное и уже знакомо с основными грамматическими правилами русского языка» [2].

В 1890 году в Илецком уезде числилось 3 школы. В них обучалось 112 учащихся (казахов 52, русских — 60). На одного учащегося-казаха приходилось казахского населения 1 414 человек и на одного русского ученика — 34 человека русского населения [3].

Инспектор школ Тургайской области А. В. Васильев в 1890 году предложил преобразовать Актюбинское двухклассное русско-казахское училище в трехклассное городское училище, открыть две новые волостные школы, одно русско-казахское женское училище, а также одну русскую школу для русских крестьян-переселенцев.

В 1892 году в уезде было 4 учебных заведения: Ак-

[1] *И. Алтынсарин.* Избранные произведения. Алма-Ата, 1957, стр. 248.

[2] Там же, стр. 248—249.

[3] ЦГИАЛ, ф. 733, д. 2412.

тюбинское двухклассное русско-казахское училище (преобразовано из одноклассного училища) с интернатом для казахских детей, одноклассное русское училище, Буртинская волостная школа (открыта 17 октября 1887 года). В этих учебных заведениях обучалось 157 детей (142 мальчика и 15 девочек).

В 1894 году в г. Актюбинске была открыта русско-казахская женская школа.

Теперь несколько подробнее остановимся на типах школ в Тургайской области.

Уездные двухклассные русско-казахские училища

И. Алтынсарин в своих предложениях о развитии народного образования в Тургайской области, представленных попечителю Оренбургского учебного округа в 1879 году при вступлении на должность инспектора школ Тургайской области, рекомендовал отложить организацию волостных школ до учреждения казахской учительской школы, которая могла бы готовить для этих школ казахских учителей и, на первое время, вместо волостных школ учредить в каждом уезде по одному центральному двухклассному русско-казахскому училищу.

Отсутствие подготовленных учителей, пожалуй, было основной причиной тому, что И. Алтынсарин пришел к выводу временно отложить создание волостных школ и немедленно приступить к учреждению уездных двухклассных училищ. Он писал: «Одним из главных оснований к такого рода заключению послужило неимение и невозможность даже приискания учителей, приспособленных к ведению учебного дела с киргизскими детьми и могущих согласиться жить в глубине киргизской степи за небольшое сравнительно содержание; почему предполагалось, что когда в вышеупомянутых четырех училищах киргизские дети окончат курс учения и окажется возможным способнейших из них избрать на должность учителей и другие общественные должности, то приступать, если позволят средства, и к устройству местных, например, волостных школ. Несколько позднее, когда откроется учительская школа и она будет выпускать подготовленных уже людей, то и вовсе не окажется, полагалось, недостатка в учителях из природных же киргиз» [1].

[1] *И. Алтынсарин.* Избранные произведения, стр. 243—244.

Предлагалось открыть эти училища в среде казахского населения с интернатом на 50 казахских мальчиков в каждом и рассчитанных на неопределенное число приходящих детей местных русских поселян. Он предлагал в качестве учителей на первое время использовать выпускников Казанской учительской семинарии, среди которых имелись крещеные татары, знающие казахский язык или татарский.

Предполагалось, что эти уездные центральные училища во всех отношениях будут образцовыми для организуемых в далеких от оседлых населенных пунктов кочевых аулах начальных казахских школ, которые будут иметь «возможность пользоваться живыми в них примерами лучших учебных приемов, школьной дисциплины и хозяйственного порядка» [1].

И. Алтынсарин возлагал большие надежды на русско-казахские школы не только в овладении казахскими детьми русской грамотой, но и в переделке всей жизни казахов. «На степные школы,— говорил он,— не следует в настоящее время смотреть как на заведение, обучающее только русскому языку и грамотности, а нужно, чтобы в них ученики приобретали еще привычки к оседлости, опрятности и здравому взгляду на вещи, что, словом, нужно обратить большее внимание на воспитательную сторону учеников, имея в виду ту цель, чтобы эти ученики, получив более или менее основательное знание и проникнутые известным направлением, могли повлиять на окружающий народ своими свежими и здоровыми мыслями».

Он предлагал средства, собираемые на организацию волостных школ, направить на постройку прочных каменных домов для уездных центральных училищ и на приобретение приличной школьной обстановки для них.

С одобрения попечителя Оренбургского учебного округа Лавровского, инспектора «инородческих» школ Катаринского и военного губернатора Тургайской области генерал-майора Константиновича Алтынсарин приступил к организации таких училищ.

Несмотря на большие трудности, он с жаром взялся за организацию школ. В письме к Н. И. Ильминскому 4 октября 1881 года он писал: «Я крепко задался мыс-

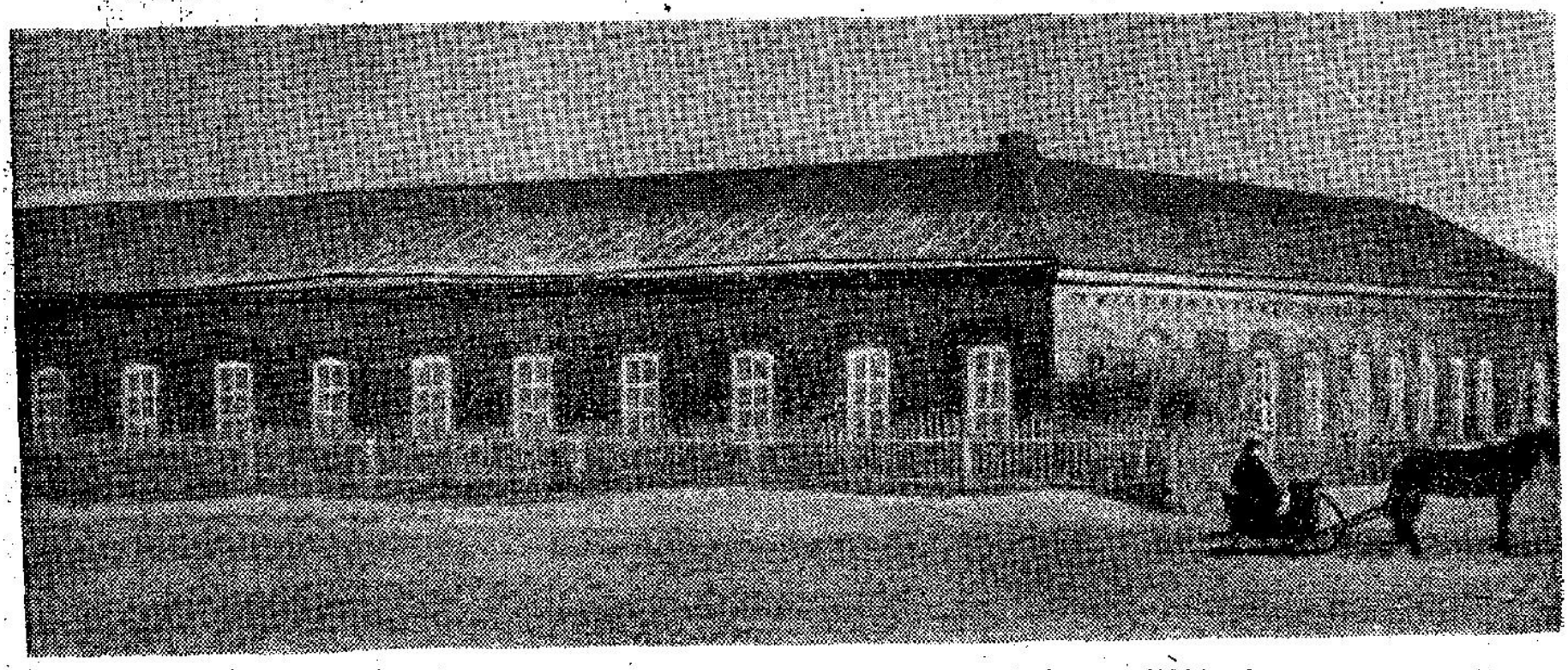
[1] ЦГИАЛ, ф. 733, 1885, д. 1398, л. 46.

лью учредить как можно скорее по центральному двухклассному училищу в среде самого киргизского уезда, поставить его на прочное основание: обставить его прилично и опрятно так, чтобы задуманное воспитание киргизских детей не встречало в нем таких препятствий, как грязь, сырость, теснота, угар, голод, холод, недостаток учебников и неграмотные еще учителя, как это бывает в большинстве народных школ» [1].

Говоря о препятствиях, чинимых со стороны царской администрации, И. Алтынсарин возмущался: «Народ киргизский сам по себе представляет благородную почву для образования, но грустно иногда бывает, как подумаешь о несочувственном отношении к делу образованных-то людей» [2].

В письме к Катаринскому И. Алтынсарин с негодованием сообщал, что Троицкое двухклассное училище в угоду уездному начальнику ютится в одной маленькой комнатке с передней, что учащиеся находятся в «конуре», а учитель — в прихожей. За отпускаемые школе на наем помещения 300 рублей можно было бы в Троицке нанять дом со всеми удобствами, но этого сделать было нельзя, так как нанимаемая школой «конура» принадлежала уездному начальнику. «В Иргизе поступили, пожалуй, еще хуже,— писал он далее.— Р. в школьном помещении не только остался сам квартировать, но поставил уездное управление; мало того, пустил еще торговца под постой, поместив учеников положительно в чулане. Это меня на первых порах ужасно взбесило; и я тотчас же прогнал прежде всего, конечно, торговца пущенного Р-м, но сделать то же с уездным начальником не мог, ограничился только предложением перейти на другую квартиру раннею же весною» [3]. «Вот, дорогой Василий Владимирович,— заключил И. Алтынсарин,— заботы степных администраторов о народном образовании, администраторов, на которых полагалось столько надежды правительством, замещая ими власть прежних киргизских властей. Грустно даже говорить кому-либо о подобных мелких интересах людей, которые соблюдаются в ущерб великому общественному делу, топча почти в грязь это последнее. Не знаю, что еще будет

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, 1885, д. 1398, стр. 357.
[2] Там же, стр. 359.
[3] Там же, стр. 348.



Двухклассное русско-казахское училище в г. Кустанае (1896 г.).

дальше, а кажется, нельзя ожидать ничего хорошего со стороны местных администраторов: много, вероятно, придется переносить и неприятности, а что всего хуже, вести борьбу не с народным невежеством, а с людьми же образованными, поставленными правительством для содействия общественному благосостоянию»[1].

Начиная с 1879 года, в течение пяти лет, во всех четырех уездах области были созданы по одному центральному двухклассному русско-казахскому училищу. Тургайское, Иргизское и Троицкое училища были двухклассными, а Актюбинское — одноклассным.

Кустанайское русско-казахское училище сначала находилось в г. Троицке как одноклассное училище. Оно стало двухклассным в 1884 году после перевода его в центр Николаевского уезда — Кустанай. В 1896 году в училище было 50 казахских мальчиков-пансионеров и более 30 приходящих русских учеников, а в 1900 году на 50 пансионных местах обучалось 57 казахов, а также 30 приходящих русских детей.

Училище пользовалось хорошей репутацией среди казахского населения. Но оно не могло принять всех желающих учиться. Как видно из отчета инспектора училищ Тургайской области, в 1892/93 учебном году было отказано в приеме в училище 45 мальчикам-казахам за неимением вакантных мест. Поэтому попечитель Оренбургского учебного округа И. Я. Ростовцев в 1892 году разрешил принимать в училище дополнительно до 10 своекоштных казахских мальчиков.

В 1885 году попечитель учебного округа Д. С. Михайлов дал подробное описание этого училища.

Училище помещалось в просторном и удобном одноэтажном каменном доме. Оно было рассчитано на 50 воспитанников, но учились в нем 30 детей, так как военный губернатор Проценко, как указывает Михайлов, из общественного фонда отпускал средства лишь на 30 воспитанников. В доме имелись две обширные комнаты под классы, зал совета училища, библиотека, столовая, две большие спальные комнаты. Кроме того, имелись кухня, баня, две квартиры для учителей, каждая из трех комнат, и комнаты для прислуги. Весь дом содержался в чистоте и порядке.

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, 1885, д. 1398, стр. 348—349.

Ежегодно на содержание училища отпускалось 3 581 рубль 40 копеек, из них 2 731 рубль 40 копеек из государственного бюджета и 850 рублей из общественных средств. На содержание дома и его отопление предусматривалось 822 рубля в год, на приобретение учебных пособий — 100 рублей, на заработную плату учителей — 1 020 рублей. На содержание 30 пансионеров отпускалось 1 276 рублей 10 копеек. Все пансионеры ежедневно утром получали чай с хлебом, в 1 час дня — обед из двух блюд, в 6 часов вечера — чай с хлебом и в 9 часов — ужин из одного блюда. «Ученики имеют здоровый вид,— писал Михайлов,— по которому можно заключить, что их хорошо содержат, отведанная мною пища была вкусна и из свежих материалов, хлеб пшеничный, платье у киргиз-интернов свое и весьма приличное, большею частью черные казакины из шерстяной материи, похожей на люстерин».

Всего в училище было 53 ученика (казахов — 35, русских — 16 и евреев — 2). В первом классе училось 29 учеников, во втором — 24; в самом училище проживало 35 казахских воспитанников; 16 русских и 2 еврейских мальчика были приходящими.

«Успехи учеников найдены мною вообще хорошими»,— отмечал попечитель учебного округа. Ученикам старшего отделения второго класса он предложил написать одно из выученных ими стихотворений, которое они помнят лучше других. «При рассмотрении этих письменных ответов,— писал он,— в большей части их оказалось орфографических ошибок весьма немного, что доказывает старательное и успешное усвоение русской грамматики; сравнительно в русских приходских училищах писали менее правильно, когда я предлагал лучшему ученику или лучшей ученице написать на доске выученное стихотворение. Если принять во внимание, что эти киргизские мальчики три года тому назад, при поступлении в училище, ни слова не понимали по-русски, то успехи их по грамматике и правописанию следует признать весьма хорошими. Причем заслуживает внимания, что обучающиеся в том же отделении мальчики русского происхождения оказываются, как видно из письменных ответов, сведущими по русской грамоте не более своих киргизских сверстников» [1].

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 175, д. 1398, 1885, л. 12 об.—12.

В младшем отделении этого класса ученики удовлетворительно рассказывали прочитанное и хорошо произносили выученные наизусть стихотворения. Попечитель учебного округа также положительно отзывался об успехах учащихся по арифметике, но наряду с этим отмечал, что учащиеся «не имеют достаточного навыка к умственному решению задач». История усвоена учениками «отчетливо и обстоятельно». Также по географии «первоначальные понятия о странах и частях света усвоены достаточно. Местности, упоминаемые в рассказах о первых русских князях, показывали на карте верно» [1].

Д. С. Михайлов хорошо отзывался о работе учителей, которые по вечерам около двух часов проводили время с учениками, помогая им в приготовлении уроков. «Хорошим успехам учеников,— писал он,— способствует не только их природная способность к непрерывному и сосредоточенному труду, но и особенное усердие обоих учителей этого училища» [2].

Попечитель учебного округа, обревизовав училище в 1888 году, также нашел удовлетворительное состояние учебно-воспитательной работы и своим распоряжением увеличил число пансионеров с 30 до 50. Удовлетворительное состояние училища отметил в 1893 году и преемник Михайлова по оренбургскому учебному округу И. Я. Ростовцев.

Как было сказано выше, Министерство народного просвещения в 1890 году отказало в преобразовании Кустанайского двухклассного русско-казахского училища в трехклассное городское училище. Но вопрос о создании в области училища повышенного типа не был снят.

1 июля 1895 года в г. Кустанае было открыто двухклассное городское училище по Положению 31 мая 1872 года, в котором для казахских детей было установлено 5 стипендий. Целью городских училищ согласно Положению было «доставление начального умственного и религиозно-нравственного образования».

Кроме того, учитывая острую нужду в подготовке учителей для аульных школ, Министерство народного просвещения 22 марта 1897 года разрешило при Кустанайском двухклассном русско-казахском училище

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 175, д. 1398, 1885, л. 12 об.— 12.
[2] Там же, л. 13.

открыть педагогический класс на следующих основаниях:

«1. Педагогический класс открывается с целью подготовления учителей для аульных школ и предназначается для окончивших курс, при отличных способностях и поведении, учеников двухклассного училища.

2. В педагогический класс принимаются 10 киргизских мальчиков полными пансионерами и 10 русских мальчиков приходящими.

3. Окончившие курс в педагогическом классе киргизы из состоящих на полном казенном содержании обязаны прослужить за год казенного содержания два года в должности учителя аульной школы или же возвратить затраченное на них содержание.

4. Курс обучения в педагогическом классе однолетний, не удовлетворившие и после сего требованиям экзаменационной комиссии воспитанники могут быть, по уважительным причинам, оставлены в классе еще на полгода или на год» [1].

Педагогический класс открылся 15 августа 1897 года при наличии 14 учащихся. При нем существовала начальная школа для прохождения воспитанниками педагогической практики.

В целях предоставления возможности выпускникам училища поступать в фельдшерские школы было разрешено желающим казахам по окончании двухклассных училищ поступать во второй класс Кустанайского двухклассного городского училища, при котором было открыто пять земских стипендий по 100 рублей каждая.

Пять казахских детей, получавших эти стипендии, являлись пансионерами и находились на полном содержании училища.

«Иргизское двухклассное русско-казахское училище было открыто 1 ноября 1879 года. При нем находился интернат для казахских детей. Как отмечается в «Отчете по Тургайской области» за 1879 год, они содержались на «средства города, киргизских обществ и средства народного просвещения». За счет пожертвований казахского населения для школы был куплен дом. В первом году обучения в училище поступило 15 казахских и 26 русских детей» [2].

[1] «Киргизская степная газета», 1901, 4 февраля.

[2] Госархив Оренбургской обл., ф. 6, д. 8570, 1880, л. 6.

Для Иргизского училища был приобретен новый дом за 4 000 рублей, а для остальных трех училищ были построены каменные дома стоимостью от 20 до 40 тысяч рублей. За счет общественных средств или за счет частных пожертвований для училищ были также приобретены приличная школьная обстановка и учебные пособия.

Попечитель Оренбургского учебного округа, представляя министру народного просвещения отчет инспектора татарских, башкирских и казахских школ В. В. Катаринского, 20 декабря 1889 года указывал, что Иргизское двухклассное русско-казахское училище работало плохо, так как руководство училищем было поставлено неудовлетворительно и происходила частая смена учителей.

Двухклассные русско-казахские училища, соответствовавшие двухклассным сельским училищам по Положению 4 июня 1875 года, являлись местными учебными заведениями, которые предназначались для завершения образования казахов. Они имели шестилетний курс обучения.

Несмотря на то, что первоначально в каждом двухклассном училище был установлен контингент в 50 воспитанников, ввиду недостатка «общественных средств», которые «всецело» шли на постройку школьных зданий, каждому училищу отпускались средства на 25 воспитанников. Но уже в 1882 году в Тургайском училище обучалось 29 учеников, Троицком — 33, Иргизском — 24. Кроме того, в каждом училище учились своекоштные казахи и приходящие русские дети: в Тургайском — 2 казаха и 13 русских, Троицком — 3 казаха и в Иргизском — 26 русских детей. В 1883 году в Тургайском уезде обучались 32 казаха и 9 русских, Иргизском — 26 казахов и 23 русских, в Троицком — 33 казаха. В Актюбинском училище, которое в то время еще было одноклассным, в 1882 году учились 36 казеннокоштных и 11 своекоштных казахских детей, а также 3 русских приходящих детей. В 1883 году в этом училище было 30 учеников, в том числе 27 казахов.

Наряду с этим следует также отметить, что в результате недостаточного осознания отдельными родителями большой значимости обучения своих детей, неорганизованности подвоза детей из дальних аулов, а также не-

удовлетворительной подготовки учебно-воспитательной работы в некоторых школах имелся большой отсев учащихся. Например, до окончания курса обучения выбыли из школ в 1880 году 21 ученик, в 1881 — 18, в 1882 — 19, а в 1883 году — 37 учеников, в том числе из трех двухклассных училищ — 32 ученика.

Учителями в этих училищах преимущественно работали выпускники Казанской учительской семинарии, как это было предусмотрено заранее. Одновременно в 1881 году в г. Орске была учреждена казахская учительская школа, которая в 1885 году дала уже первый выпуск учителей, среди которых 10 выпускников были из Тургайской области и 2 из Уральской области. В течение трех лет в казахскую учительскую школу из уездных центральных школ Тургайской области поступило более 50 выпускников.

Как видно из отчетов инспектора школ Тургайской области, в учебный план двухклассных училищ входили русский язык и правописание, арифметика до дробей включительно, география, история, естествознание и черчение. Кроме того, в Иргизской школе преподавалось пение, а в Тургайской — оспопрививание.

Обучение русской грамоте и правописанию являлось основной задачей всех двухклассных училищ. «С грамматикой русского языка,— писал И. Алтынсарин,— киргизские ученики начинают знакомиться с первого же года поступления в школу, одновременно с обучением русским словам сначала по составленному мною «Руководству» (а впоследствии по грамматикам Ушинского или Кирпичникова). Говоря же вообще, согласно основному убеждению, что киргизским детям прежде всяких других знаний необходимо основательное, насколько возможно, знание русского языка и умение правильно писать,— главной задачей во вверенных мне школах поставлено обучение киргизских мальчиков русскому языку и правописанию; почему все преподаваемые предметы, например, история, география и т. п. и поставлены в зависимость от главной, упомянутой сейчас цели, т. е. предметы эти, будучи проходимы в виде объяснительного чтения, требующего объяснения на словах прочитанного и затем письменного (иногда) изложения прочитанного, служат пособием, вместе с увеличением в учениках запаса знания по данным предметам, и к умению ими объясняться

по-русски, а также и к изложению словесных вообще объяснений и мыслей своих на письме» [1].

И. Алтынсарин отмечал, что успехи учащихся двухклассных училищ по русскому языку и правописанию дают надежду, что казахские дети по окончании курса обучения в этих школах «могли бы быть годны к самостоятельному ведению дел на русском языке».

По сообщению Алтынсарина школы области были обеспечены всеми необходимыми учебниками и учебными пособиями, но так как все они были предназначены для русских детей, уже владеющих своим родным языком, имелись определенные трудности в использовании этих учебников и учебных пособий при обучении казахских детей, не знающих ни единого русского слова при поступлении в русско-казахские училища.

Поэтому каждому учителю было предоставлено право по своему усмотрению выбирать характер учебника или учебного пособия для прохождения того или иного предмета. Но инспектор школ Тургайской области считал, что такой порядок нарушает определенную систему преподавания и поэтому следует заранее определить, какими учебниками и учебными пособиями должны руководствоваться учителя. Он писал: «Но мне всегда казалось, что так или иначе необходимо сделать выбор между учебниками на предварительном совещании как с учителями, так и с другими компетентными лицами; иначе не может установиться система преподавания и ведения вообще учебного дела, а без системы и дело не может идти успешно, так как не все учителя одинаково способны самостоятельно и без данного направления вести обучение инородческих детей» [2].

В своих указаниях по данному вопросу заведующему Актюбинского училища И. Алтынсарин дал более подробные пояснения. «Обучение же русскому языку, естествознанию, географии и истории,— писал он,— должно быть введено в каждой школе по одной предвзятой системе и руководствам, так как дознано на опыте, что некоторые молодые учителя, у которых не установился еще твердый взгляд на дело воспитания и обучения, то и дело переменяют не только учебники, но и самые спо-

[1] *И. Алтынсарин.* Избранные произведения. Алма-Ата, 1957, стр. 246.

[2] Там же, стр. 246.

собы и порядок преподавания предметов, проходимых в народных школах; и таким образом, заставляя учеников изучать предметы то по одному, то по другому способу и руководства или же, вернее сказать, начиная, но никогда не проходя целостью и по порядку ни один предмет,— подобные учителя положительно сбивают учеников с толку и затем сами же сердятся и доходят до злобных даже обращений с учащимися, досадуя, что последние не умеют отвечать на задаваемые вопросы; а это, в свою очередь, еще более сбивает с толку и запугивает учеников до того, что они не в состоянии уже ничего отвечать. Конечно, заранее можно сказать, что от подобного порядка ведения дела ничего хорошего ожидать нельзя, и, понятно, что такие учителя сильно заблуждаются, относя непонятливость учеников к невнимательности или тупости их, а не к собственной своей вине» [1].

После обмена мнениями с учителями И. Алтынсарин пришел к заключению, что в первых классах двухклассных русско-казахских училищ целесообразно использовать «Азбуку» и книги для чтения Н. Бунакова «В школе и дома» (1882), а во вторых классах использовать специальные учебники по грамматике, истории, географии и естествознанию.

В 1883 году в качестве учебников и учебных пособий были использованы: в первых классах — «Азбука» Бунакова, «Руководство к обучению русскому языку киргизов» и «Киргизская хрестоматия» И. Алтынсарина, первая книга для объяснительного чтения Бунакова, а для более успевающих по русскому языку — «Грамматика» Тихомирова; по арифметике — учебники Лубенца и Евтушевского. «Сообразно же с развитием способностей и знанием русского языка,— писал в своем отчете Алтынсарин,— производятся с учениками самостоятельные работы вроде письменных, а иногда устных переводов с киргизского языка на русский и обратно». Во вторых классах использовались книги для чтения Бунакова, учебник по географии Пуцыковича, краткая русская история Острогорского, а в некоторых случаях — всеобщая история Беллярминова; для младшего отделения — грамматика Тихомирова, а для старшего — Кир-

[1] *И. Алтынсарин.* Избранные произведения. Алма-Ата, 1957, стр. 256—257.

пичникова. Для проведения вечерних устных бесед с учениками и объяснительного чтения И. Алтынсарин также рекомендовал «Беседы о природе» Зобова, «Химические беседы» Константиновича, «Важнейшие открытия и изобретения» Фигье, «Элементарный курс физики» Крюгера и «Физическую географию» Реклю.

По заявлению Алтынсарина во всех школах в достаточном количестве имелись учебники и учебные пособия, в том числе и наглядные пособия. В каждой школе для учителей выписывались педагогические журналы «Семья и школа» или «Народная школа».

Кроме указанной литературы, И. Алтынсарин в своих наставлениях заведующему актюбинским одноклассным училищем от 12 февраля 1883 года рекомендовал использовать «Басни» Крылова для заучивания наизусть, «Зоологию» Сент-Илера, «Ботанику» Оливера, учебный атлас естественной истории, «Историю России» Фармаковского, историческую хрестоматию Гурьевича. Учителям рекомендовались учебник педагогики Бобровского, «Великая дидактика» А. Коменского, «Родной язык» Бунакова, «Наш друг» Корфа, «Земля, суша и океан» Реклю, «Земледелие и скотоводство» Советова, а также предлагалось проводить систематический обзор «народно-учебной» литературы...

Учитывая хозяйственную запущенность школ, И. Алтынсарин 2 ноября 1884 года в своем письме на имя попечителя Оренбургского учебного округа поставил вопрос об учреждении в центральных уездных училищах должности эконома. Он исходил из того, что ведение хозяйства училищ настолько усложнилось, что учителя не могут одновременно заниматься учебной и хозяйственной деятельностью без ущерба для той и другой.

И. Алтынсарин просил учредить должности экономов при Тургайском, Кустанайском, Актюбинском и Иргизском центральных училищах с содержанием их за счет общественных сумм, хотя бы с оплатой жалования экономам по 200 рублей в год. Предполагалось, что эти экономы будут «вести хозяйство и отчетность по местным школам и местного инспектора» [1].

По мнению И. Алтынсарина, экономами должны были назначаться лица из честных и надежных местных

[1] Госархив БашАССР, ф. 109, д. 60, л. 8.

граждан. На полях письма И. Алтынсарина В. В. Катаринский написал: «По моему мнению, ходатайство инспектора Алтынсарина вполне заслуживает удовлетворения; при этом было бы желательно оставить учителям, заведующим училищами, по 60 рублей, а экономам дать по 200 рублей из нового кредита».

Попечитель Оренбургского учебного округа также поддержал предложение Алтынсарина об учреждении в уездных центральных училищах должности эконома. В своем письме военному губернатору Тургайской области от 23 ноября 1884 года он отмечал, что учреждение должности эконома может «содействовать лучшей постановке в названных школах и учебной и хозяйственной части». При этом он ссылался на положительный опыт в школах Уральской области.

Но уже через год попечитель учебного округа Д. С. Михайлов выступил против учреждения в школах должности эконома. В отчете о народном образовании в Тургайской области за 1885 год он утверждал, что опыт ведения экономов в школах Уральской области показал «бесполезность учреждения этой должности». При этом он также ссылался на бывшего директора народных училищ Фармаковского, который, по словам Михайлова, заявлял, что «экономы нисколько не способствуют экономии училищ, а некоторые из них только пьянствуют. Еще замечено в Уральской области,— писал он далее,— что в тех училищах, где экономами состоят татары, число учеников в училищах уменьшается: они убеждают родителей не отдавать детей в русские училища, а мальчиков подговаривают оставлять русско-киргизское учебное заведение» [1].

Д. С. Михайлов был прав, когда говорил, что на проектируемое жалование экономам в пяти училищах «можно содержать если не 3, то с избытком 2 начальных училища, в которых так нуждается Тургайская область».

А. В. Васильев, ставший инспектором школ Тургайской области после смерти И. Алтынсарина, а впоследствии — советником Тургайского областного правления, в 1890 году представил попечителю Оренбургского учебного округа «Записку о мерах, какие необходимо предпринять к развитию школьного образования в Тургай-

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 171, 1885, д. 1398, л. 9—9 об.

ской области»[1]. В «Записке» излагается состояние школьного образования в Тургайской области и намечаются конкретные мероприятия по его развитию.

Отмечая, что одна школа приходится на 21 353 жителя области, а один учащийся — на 1 168 человек, что один русский ученик приходится примерно на 7 русских жителей, а один казахский ученик — на 378 казахских жителей, автор «Записки» заявлял, что «школьное дело в Тургайской области, несмотря на свыше десятилетия своего существования, находится как бы в зачаточном еще состоянии»[2]. Указывая на то, что слабое развитие школьного дела в области не зависит ни от руководства школьным делом, ни от недостатка средств, ни от отношения казахов к образованию, он видел причину этого в «нежелательной в данном случае постановке самого дела».

А. В. Васильев указывал на большое стремление казахского населения к образованию, подтверждая это тем фактом, что при открытии каждой новой школы в нее набиралось полное число учеников-пансионеров, «которые во время пребывания своего в школе с особым прилежанием относятся к изучению русской грамотности и к усвоению преподаваемых предметов». В тс же время он отмечал, что в степи обучение казахских детей «возможно лишь при условии полного обеспечения содержания их на общественный счет во все время учения».

Васильев писал: «Более целесообразным при данных условиях следует признать учреждение таких школ, которые, не нуждаясь в громадных затратах на возведение зданий, были бы согласованы с кочевым образом жизни киргизов без ущерба тем интересам, которые должна преследовать школа. Только при такой постановке может распространиться то образование, проводником которого служит наша школа в степи, и иметь в себе достаточно средств для борьбы с магометанскими школами, являющимися для киргизов чуть не единственными источниками знаний». Отмечая, что указания министра народного просвещения о внедрении «евангельских понятий» явля-

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 171. 1890—1892, д. 2412. «О преобразовании двухклассных русско-киргизских училищ в Кустанае, Николаевского уезда и Ак-Тюбе, Илецкого уезда, в трехклассные городские училища».

[2] Там же.

ются конечной целью, автор «Записки» утверждал, что «...в настоящее время под этими понятиями следует разуметь те дорогие общечеловеческие принципы, которые даны христианством и вне которых невозможно представить культурной жизни, каковы, например, честное, правдивое отношение ко всем людям, сострадание к бедным, трудолюбие и другие понятия, малоизвестные, хотя и необходимые полудикому кочевнику для подъема его узкого настоящего миросозерцания.

Сообразно с указанной целью,— писал он далее,— должно быть строго объединено направление всех школ в степи; направление это должно быть русское не по названию, не потому, что во главе школы стоит русский учитель с русскими приемами и учебниками, но русское по понятиям, которые необходимо проводить в темную, блуждающую без твердых основ массу.

Ввиду этого школа должна подготовлять таких людей, которые бы разумно усвоили указанные понятия, хотя бы даже в ущерб чистоте и правильности русской речи. Пусть киргизское юношество сроднится с этими понятиями, воплотит их в жизнь и передаст другим, хотя бы эта передача происходила на их родном языке»[1].

Указывая на трудности осуществления цели, автор «Записки» считал целесообразным, чтобы казахские дети поступали в русско-казахские школы с более раннего возраста, «когда детская натура более восприимчива и когда этой натуры не коснулось еще безотчетное и бессмысленное усвоение магометанского учения, при той системе, которая практикуется муллами и которая затуманивает голову ребенка и делает его малоспособным к разумному и сердечному усвоению необходимых понятий»[2].

По этим же соображениям инспектор считал правильным, чтобы дети как можно больше оставались бы под «попечением и постоянным воздействием школы». Поэтому в дополнение существовавшей тогда системе школьного образования он предлагал учредить в степи более повышенные типы школ, то есть типа городских училищ.

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 171, 1890—1892, д. 2412. «О преобразовании двухклассных русско-киргизских училищ в Кустанае, Николаевского уезда и Ак-Тюбе, Илецкого уезда в трехклассные городские училища».

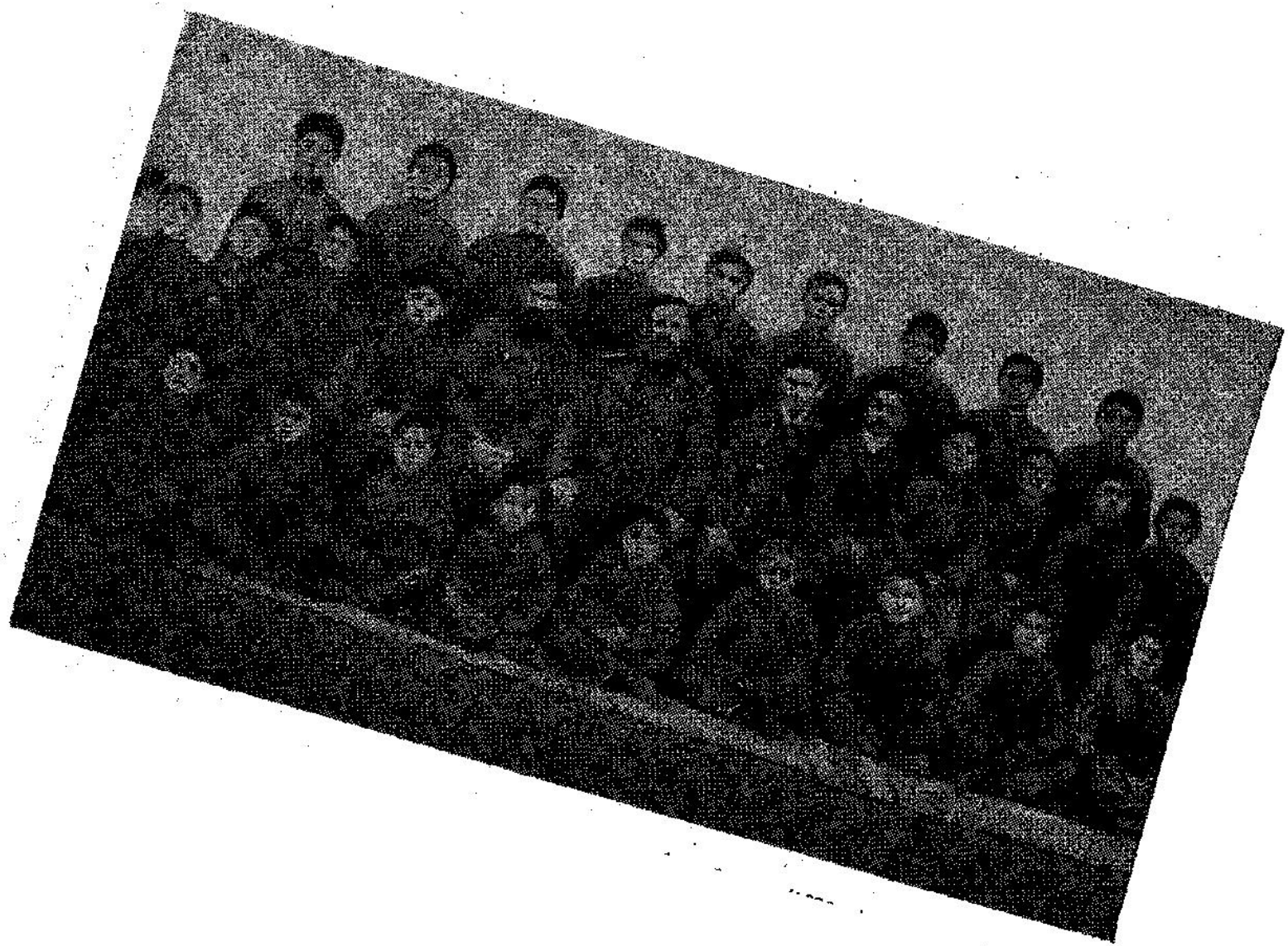
[2] Там же.

Но, по его мнению, «во главе школ с указанным выше направлением должны стоять лица русского происхождения, проникнутые сознанием важности возложенного на них святого дела просвещения темных инородцев и притом лица, условия жизни которых сложились так, что им хорошо известны язык, быт и нравы киргизов.

Всецелое ведение школьного дела можно представить и самим киргизам, но после того, как из среды их выделяются люди, твердо усвоившие те начала, которые лежат в основе намеченного направления школ, отрешившиеся вполне от узких привычек степняка; до тех же пор роль учителей из киргизов должна быть лишь «пособнической» [1].

Следует отметить, что И. Алтынсарин, будучи инспектором школ Тургайской области, еще в 1882 году ставил вопрос о преобразовании двухклассных училищ и Актюбинского одноклассного училища, находившихся в уездных центрах, в уездные или городские училища, с предоставлением им соответствующих прав. Но И. Алтынсарину в годы его жизни не удалось добиться такого преобразования училищ. Он писал: «Засим, на благоусмотрение окружного начальства, считаю долгом заявить, что если каждая из упомянутых здесь школ учреждается на целый уезд и устраивается в степном уездном городе, то они сами уже по себе принимают характер как бы уездных училищ; да и самое вышепоясненное назначение этих школ представляет нечто высшее, нежели это можно ожидать от сельских училищ; а потому и в видах упрочения и придания им еще большей, нежели теперь, основательности не признается ли за более соответственное преобразовать Тургайское, Актюбинское, Иргизское и Троицкое (Николаевское) училища в уездные или городские с присвоением им и соответствующих прав. К этому считаю нужным добавить, что строящиеся ныне для центральных училищ здания могут, по мнению моему, соответствовать для городских или уездных училищ, разве потребуются самые незначительные приспособления. Во всяком же случае подобное преобразование нынешних центральных школ имело бы и поощряющее

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 171, 1890—1892, д. 2412. «О преобразовании двухклассных русско-киргизских училищ в Кустанае, Николаевского уезда и Ак-Тюбе, Илецкого уезда в трехклассные городские училища».



значение для учащих и учащихся, присваивая им некоторые права и преимущества, без которых киргизы не могут даже представить себе русское образование и сравнительно более основательное значение по отношению к самому распространению образования между киргизами» [1].

Как видно, вопрос о преобразовании центральных уездных училищ был настолько актуальным, что новый инспектор школ Тургайской области А. В. Васильев вновь возбудил ходатайство о преобразовании этих училищ в городские. Но если И. Алтынсарин своим предложением о преобразовании училищ главным образом преследовал цель — повысить уровень образования казахов, то нового инспектора школ главным образом интересовала русификаторская сторона преобразования школ, внедрение в сознание казахских юношей «евангельских понятий». В этом, очевидно, не могла не сказаться миссионерская деятельность А. В. Васильева, то, что он кончал Казанскую духовную академию и работал преподавателем Оренбургской духовной семинарии.

Попечитель Оренбургского учебного округа Ростовцев одобрил выдвинутые Васильевым предложения по развитию школьного образования в Тургайской области и письмом от 8 июня 1890 года просил министра народного просвещения утвердить преобразование двухклассных училищ в трехклассные с интернатами при них.

Но министр в письме к попечителю учебного округа от 18 сентября 1890 года отказал в преобразовании Кустанайского и Актюбинского двухклассных училищ в трехклассные городские училища, мотивируя тем, что эти училища вполне соответствуют курсу двухклассных сельских училищ Министерства народного просвещения и «должны быть признаны дающими ученикам законченное и вполне достаточное, по их общественному положению, начальное образование в русском духе» [2].

Далее указывалось, что нет никакой необходимости «облегчать ученикам низших учебных заведений переход в чиновники, и тем выделять их из первоначальной среды» [3].

---

[1] *И. Алтынсарин.* Избранные произведения. Алма-Ата, 1957, стр. 244—245.

[2] ЦГИАЛ, ф. 733, оп 171, 1890—1892, д. 2412, л. 57.

[3] Там же.

В письме далее указывалось, что двухклассные училища Тургайской области дают знания не ниже того, что требуется для поступления в Красноуфимскую низшую сельскохозяйственную школу, и выше требований для поступления в Казанскую учительскую школу»[1].

Не трудно заметить — письмо министра народного просвещения отражает русификаторскую политику царского правительства, ставившую в неравноправное положение образование «инородцев». Царизм не мог допустить, чтобы любой казах, окончив трехклассное городское училище, мог бы вступить на государственную должность.

7 мая 1891 года в г. Кустанае был торжественно заложен фундамент здания школы-церкви. В январе 1893 года Карабутакское одноклассное училище преобразовано в двухклассное по Положению 4 июля 1875 года; в нем обучалось 26 казахских и 8 русских детей.

В 1895 году в г. Кустанае учреждено двухклассное русское городское училище по Положению 31 мая 1872 года. Двухклассным и трехклассным русско-казахским городским училищам так и не суждено было появиться.

По распоряжению попечителя Оренбургского учебного округа в 1897 году в Кустанайском городском училище плата за обучение была повышена с 5 до 8 рублей, чтобы учредить должность помощника учителя.

Кустанайское двухклассное женское русско-казахское училище открыто 10 марта 1893 года. Под училище было выделено каменное здание на главной городской площади. При училище имелся интернат на 20 девочек казашек. Кроме того, в училище находилось 5 русских девочек-пансионерок «для лучшего ознакомления киргизок-учениц с разговорной русской речью и освоения с русскими понятиями».

Девочки обучались рукоделию, они «штопали и вязали чулки, шили через край и вперед иголку, вязали кружева, вышивали простые и более или менее сложные узоры крестом и гладью, затем шитье и кройка дамского белья, а также простого женского платья. Старшие девочки умели обращаться со швейной машиной»[2].

8 октября 1895 года при Кустанайском двухклассном

---

[1] Окончившие 6-летний курс трехклассного городского училища без испытаний приобретали первый классный чин при поступлении на государственную службу.

[2] «Киргизская степная газета», 1901, 21 января.

русско-казахском женском училище была открыта женская русско-казахская прогимназия, на учреждение которой в 1894 году казахами Кустанайского уезда было пожертвовано 12 000 рублей.

Русские одноклассные и русско-казахские волостные школы

К типу одноклассных училищ по Положению 4 июня 1875 года относились одноклассные мужские и женские русские начальные училища, одноклассные русско-казахские волостные училища, одноклассные русско-казахские женские училища и русско-казахское ремесленное училище.

Первое одноклассное женское начальное училище открыто в 1887 году в г. Иргизе. В училище было принято 15 девочек.

Открытию училища предшествовали приговор, принятый иргизским городским обществом, который обязался выделять единовременно и ежегодно средства на содержание школы, а затем ходатайство военного губернатора Тургайской области и попечителя Оренбургского учебного округа перед Министерством народного просвещения.

13 октября 1888 года по инициативе И. Алтынсарина при Иргизском одноклассном женском училище в виде опыта был открыт интернат на 10 казахских девочек. В результате положительного отношения казахского населения к этому интернату и многочисленных ходатайств, через некоторое время число воспитанниц было увеличено до 20. Интернат содержался полностью за счет общественных средств казахского населения.

Воспитанницы казахского женского интерната, кроме приобретения практических знаний и навыков по рукоделию и домоводству, изучали русский язык и арифметику. На первых порах главными предметами учебных занятий были ручное шитье, шитье на машинке и по канве, разное вышивание и вязание (тамбурное, филе). Рукодельные работы учениц в 1890 году были представлены на выставке в г. Казани.

К концу 1889/90 учебного года в казахском интернате было уже три отделения. Ученицы старшего отделения (6 человек) свободно читали по-русски, понятливо рассказывали прочитанное, отчетливо писали и умело решали арифметические задачи на четыре действия.

В 1888 году открыто Кустанайское мужское одноклассное училище при 33 учениках. 17 октября 1890 года в г. Кустанае открыто второе одноклассное мужское училище, куда поступило 60 учащихся, а в 1893 году там же было открыто третье одноклассное русское мужское училище и интернат при нем на 15 мальчиков.

В 1894 году в селе Карабутак была открыта вторая в уезде одноклассная русская женская школа.

Попечитель Оренбургского учебного округа И. Я. Ростовцев в 1893 году отметил удовлетворительные успехи учащихся первого Кустанайского одноклассного русского училища. Во втором Кустанайском одноклассном русском училище он обнаружил слабые знания учащихся. Признав удовлетворительными успехи учащихся Кустанайского русско-казахского одноклассного женского училища, он обратил внимание на то, что это училище «требует на первых порах особенно внимательного отношения к нему».

В «Отчете о народном образовании в Тургайской области» за 1885 год Д. С. Михайлов указывал, что инспектор «инородческих» школ В. В. Катаринский и инспектор школ Тургайской области И. Алтынсарин предложили в центре каждой области, применительно к бытовым условиям казахского населения, создать волостные школы. Помещения таких школ должны были строиться из местных материалов, быть прочными и теплыми, с одной классной комнатой, общежитием для учеников, квартирой для учителя и кухней. Устанавливалось, что казахские дети будут учиться в школе с 15 сентября по 1 мая, то есть до откочевок аулов на летние пастбища, а с 1 мая они кочуют вместе с родителями и учителями и занимаются в кибитках. «В этом отношении,— говорится в Отчете,— мы не должны отставать от наших соперников татарских мулл»[1].

Постройка школы, по определению И. Алтынсарина, должна была стоить примерно 1 000—1 500 рублей.

Как мы уже отмечали, еще в 1879 году И. Алтынсарин в своих предложениях, представленных попечителю Оренбургского учебного округа, указывал на преждевременность организации волостных школ ввиду отсутствия подготовленных учителей, знающих казахский и рус-

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 171, 1885, д. 1398, лл. 3—4.

ский языки. Устройство волостных школ тогда он считал целесообразным отложить до организации учительской школы для казахов.

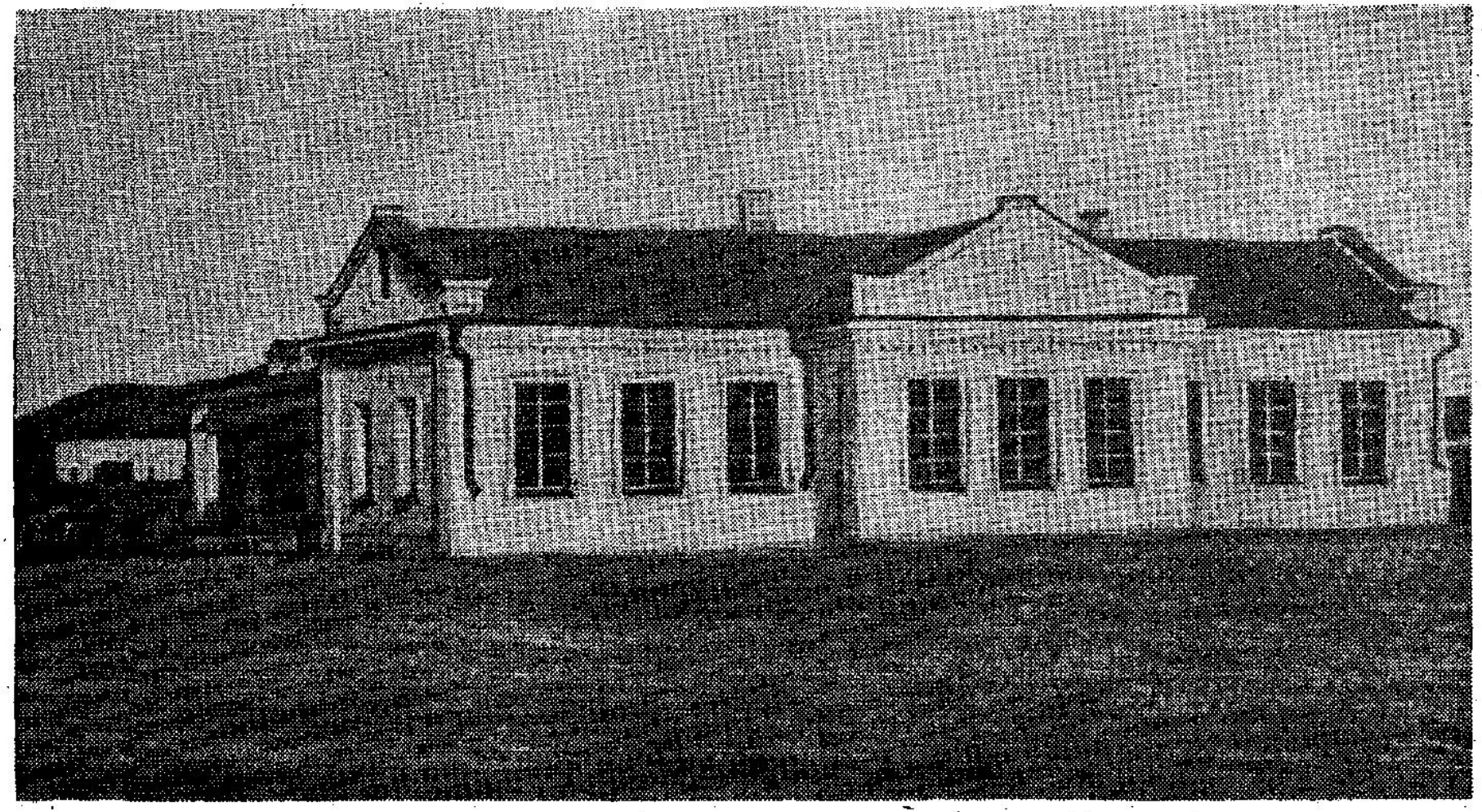
Но уже в 1883 году в докладной записке на имя военного губернатора Тургайской области, указывая на крайнюю недостаточность четырех уездных школ с 120 учениками на трехсоттысячное население области, Алтынсарин предлагал приступить к учреждению запроектированных ранее к открытию волостных школ. Он предлагал, чтобы эти школы организовывались сообразно с местными бытовыми условиями казахов, чтобы они кочевали и зимовали вместе с самим населением.

С согласия и. о. губернатора области действительного статского советника Ильина И. Алтынсарин разъезжал по области, убеждая влиятельных казахов установить для развития народного образования среди казахов денежный сбор с каждой кибитки: с богатой кибитки по одному рублю, с небогатой по 30—40 копеек. В результате казахские общества всех волостей Тургайской области представили приговоры об установлении предложенного И. Алтынсариным денежного сбора.

Таким образом, не с помощью царского правительства, а с помощью жаждущего образования казахского населения были изысканы средства на постройку волостных школьных зданий, приобретение кибиток для летних передвижных школ, хозяйственного инвентаря и учебных принадлежностей, а также на постоянное содержание всех волостных школ. В общей сложности сбор на цели создания волостных школ составил около 35—40 тысяч рублей.

Но когда дело дошло до организации волостных школ, хотя бы на первых порах одной на 3—4 волости, военный губернатор Тургайской области Проценко предложил уездным начальникам уменьшить покибиточный сбор на устройство волостных школ, а всю сумму, собранную на эти цели, использовать на постройку здания центрального уездного училища в Иргизском уезде, для которого ранее был приобретен за 4 тысячи рублей готовый дом.

Считая нецелесообразным спешить с постройкой центрального училища в Иргизском уезде, попечитель Оренбургского учебного округа Д. С. Михайлов писал: «Во всяком случае, казалось бы не практичным отнимать средства других уездов, именно Тургайского, Николаев-



Русско-казахская женская школа в г. Актюбинске (1896 г.).

ского и Илецкого, средства, составившиеся из собственных их вкладов на постройку школы в чужом для них уезде, не имеющим с ними никаких материальных связей и из-за одной Иргизской школы останавливать учреждение нескольких волостных школ; тем более, что киргизские волости, составляя приговоры об установлении кибиточного сбора на школы, имели в виду устройство именно волостных школ и только для своих детей, а не для детей чужого для них уезда»[1].

В соответствии с распоряжением военного губернатора за счет собранных на организацию волостных школ средств были отнесены расходы на содержание и ремонт центральных уездных училищ, содержание четырех стипендиатов в Красноуфимском реальном училище и другие цели. Таким образом, волостные школы, открытие которых уже было подготовлено, повисли в воздухе.

Д. С. Михайлов поддержал предложение И. Алтынсарина об открытии волостных школ. Он писал: «Чтобы сообщаемым школами образованием могли пользоваться по возможности все киргизские волости», «чтобы русское образование через посредство грамотных и знающих русский язык киргиз могло распространяться во всех слоях киргизских обществ, он (Алтынсарин. — *Т. Т.*) находит, что открытие русско-киргизских волостных школ прежде всего необходимо в тех киргизских волостях Тургайской области, которые, находясь в отдалении от существующих центральных училищ, не могут ими пользоваться, а которые в то же время были бы центральными по отношению к волостям соседним, чтобы открытые школы могли посещать дети киргиз этих волостей»[2].

Попечитель учебного округа просил министра народного просвещения дать согласие на открытие волостных русско-казахских школ в указанных Алтынсариным пунктах.

Н. И. Ильминский также поддержал открытие в Тургайской области восьми волостных русско-казахских начальных школ. Он отмечал, что управляющий областью В. В. Григорьев, признав Оренбургскую школу при Пограничной комиссии «очень дорогой, роскошной, изысканной», «придумал самый простой и дешевый тип

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 171, 1885, д. 1398, лл. 49—50.
[2] Там же.

школы, который бы ближе подходил к кочевому быту» [1].

Но открытые Григорьевым в 60-х годах три маленькие школы в городах Иргизе (Уральское укрепление), Тургае (Оренбургское укрепление) и Троицке, в которых учителями были воспитанники первого выпуска Оренбургской пограничной школы, говорит Н. И. Ильминский, ввиду отрицательного отношения к ним казахского населения не получили широкого распространения и начали распадаться. Поэтому настала потребность в организации новых школ. Такими школами стали четыре уездных центральных училища, созданные по предложению И. Алтынсарина. Все они помещались в собственных каменных зданиях, построенных на пожертвования казахов. «Близко зная киргизский характер,— писал Ильминский,— Алтынсарин сообразил, что новый опыт училищ должен быть удачен и очевиден, чтобы народ получил расположение и доверие к школам. Поэтому и было открыто на первых порах немного школ, но только, чтобы они были возможно лучше поставлены и в материальном и учебном отношении» [2].

Директор Казанской учительской семинарии Н. И. Ильминский в письме на имя министра народного просвещения горячо поддержал дополнительное открытие школ в Тургайской области. Необходимость этого он аргументировал усилением деятельности мулл в казахской степи, ростом магометанской пропаганды. «Магометанские школы,— писал он,— при своем религиозном миссионерском направлении действуют численностью подобно саранче. Четырех русско-киргизских училищ на целую область, как бы эти училища ни были хорошо поставлены и многолюдны далеко не достаточно, чтобы сколько-нибудь сдерживать напор магометанства. Необходимо прибавить к ним много еще начальных школ меньшего калибра, которые способны были бы проникать в мелкие степные центры — волости» [3].

Но восьми школ, предполагаемых к открытию, Ильминский считал совершенно недостаточно.

Касаясь предложения военного губернатора Проценко об открытии в области ремесленных школ, Ильминский

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 171, 1885, д. 1398, лл. 49—50.
[2] Там же, л. 28.
[3] Там же, л. 33.

указывал, что эти школы «легко могут уживаться и с магометанством, потому что ремесло безразлично в отношении к религии. Понятиям можно противопоставлять только понятия; мусульманскому фанатизму следует противопоставлять евангельские понятия нравственности и общежития. Такие понятия могут быть проводимы не ремесленными школами, а именно общеобразовательными народными училищами». «...Против ремесленных школ, которые генерал-майор Проценко мечтает открыть в киргизской степи, присовокуплю здесь, что наши ремесла вовсе не соответствуют кочевому быту киргиз, а какая для них нужна утварь, они отлично работают сами и не нуждаются в особом тому обучении» [1].

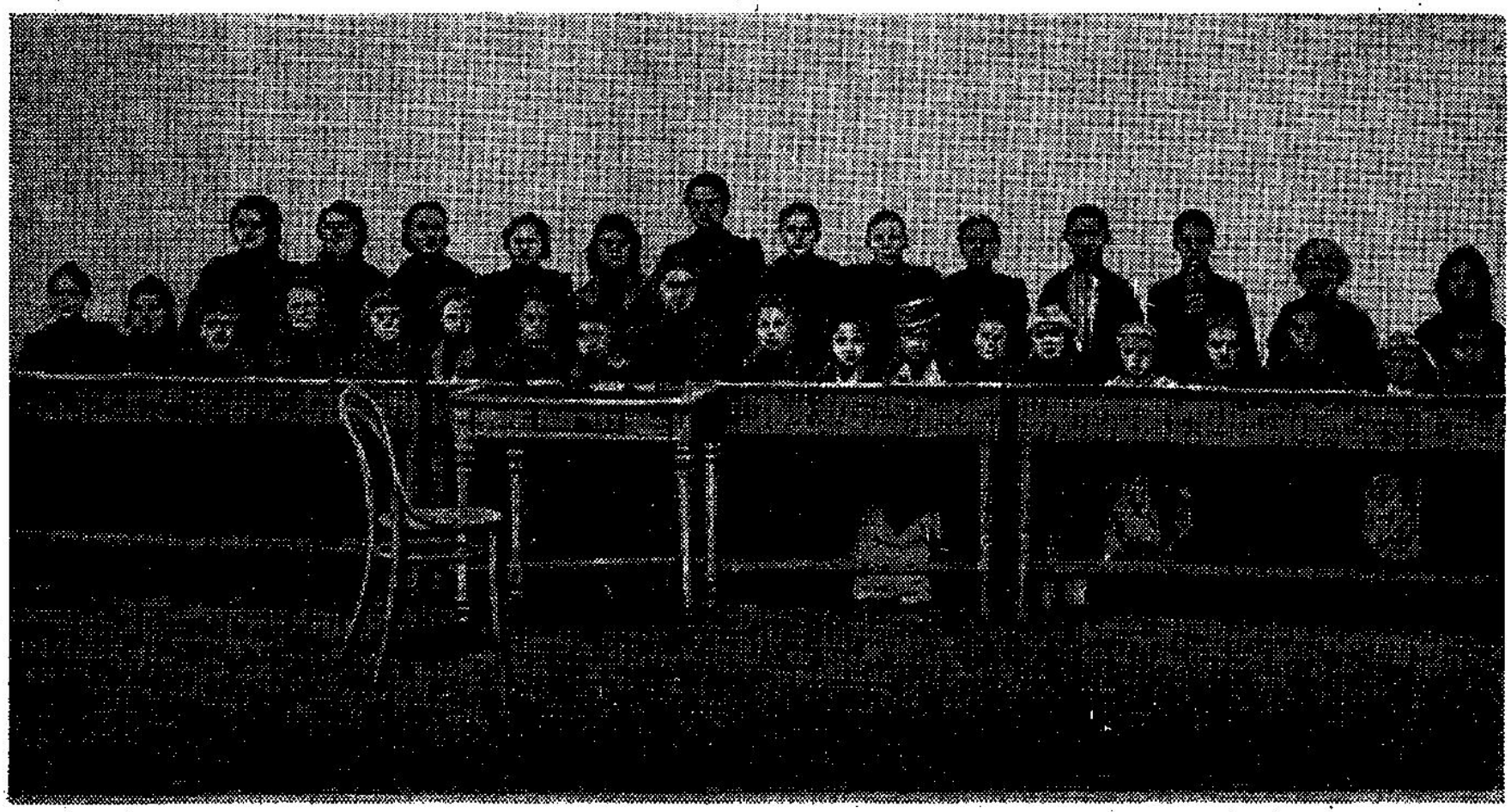
Неодобрительно высказываясь в отношении мнения Проценко о том, что якобы четырех уездных русско-казахских школ вполне достаточно для области, Ильминский писал: «Он даже в эти училища не отпускает полной суммы для содержания штатного числа киргизских пансионеров»[2] (средства отпускались на 30 человек вместо установленных по штату 50 человек в каждом училище).

Министр народного просвещения Делянов в своем письме на имя военного губернатора Тургайской области от 28 марта 1886 года, соглашаясь с представлением попечителя Оренбургского учебного округа и с содержанием записки Ильминского, а также доказывая необходимость открытия в области восьми русско-казахских волостных школ, просил военного губернатора оказать содействие в строительстве учебных зданий; если к августу месяцу 1886 года эти здания не будут построены, то открыть эти школы «в помещениях более зажиточных киргиз».

Военный губернатор 28 апреля того же года ответил, что он вполне сочувствует открытию волостных школ, но за неимением средств в текущем году может отпустить деньги только для открытия двух школ: в Буртинской волости Илецкого уезда, в Аракарагайской волости Николаевского уезда.

11 октября 1886 года Ильминский послал министру Делянову записку Алтынсарина о состоянии открытия волостных школ в Тургайской области. Записка Алтынсарина, как отмечает Ильминский, была составлена по

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 171, 1885, д. 1398, л. 21.
[2] Там же, л. 31.



Группа казахских и русских учениц Актюбинской женской школы (1896 г.).

его просьбе и «отличается основательностью и фактичностью. Я долго задержал ее собственно потому,— говорил он,— что не хотел ее представить раньше своей записки о наблюдении за медресами, которую надеюсь завтра отправить в департамент».

Упоминаемая «противляющаяся сторона»,— писал он далее,— есть, очевидно, генерал-майор Проценко, а Д. С. Михайлов желает, чтобы волостные школы нынче же были открыты» [1]. «Я без ходатайственного умысла,— заключал Ильминский,— решился представить упомянутую записку».

После получения «Записки» Алтынсарина Делянов опять поставил перед военным губернатором Тургайской области вопрос об открытии всех намеченных раньше восьми волостных школ.

Отмечая, что ежегодный покибиточный сбор на устройство и содержание волостных школ составлял 35—40 тысяч рублей, чего вполне достаточно для открытия всех намеченных волостных школ, министр указывал на уменьшение военным губернатором покибиточного сбора, а также на его решение обратить значительную часть покибиточного сбора на постройку нового здания для Иргизского двухклассного центрального уездного училища, а также на постройку дома для школы в Карабутаке и лишь оставшуюся сумму использовать на открытие только двух волостных школ. Он также отмечал, что из этих же средств ведутся расходы на содержание существующих городских школ и четырех стипендиатов-казахов в Красноуфимском реальном училище. Он указывал на то, что 12 учителей, окончивших Орскую учительскую школу, не имели постоянной работы, ввиду отсутствия волостных школ. А так как за первым выпуском учительской школы последуют другие выпуски, число безработных учителей увеличится, возникала опасность закрытия самой учительской школы.

Министр обращал внимание на то, что «киргизское население, простирающееся в Тургайской области до 300 тыс. душ, отличается от природы любознательностью и обнаруживает ныне стремление к образованию, но при крайнем малом числе в той области русских школ легко может обратиться и, по-видимому, обращается уже за

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 171, 1885, д. 1398, л. 43.

удовлетворением этого стремления к соседним магометанствующим народным племенам, подпадая, таким образом, под влияние мусульманского фанатизма. Устранить такое влияние можно лишь безотлагательным устройством русско-киргизских волостных школ,— потому было бы весьма прискорбно и противно видам правительства, если бы средства, представляемые на сие самими киргизскими обществами, не получили вполне целесообразного назначения» [1].

Исходя из вышеизложенного, министр просил военного губернатора оказать содействие в открытии остальных шести школ.

Очевидно, многочисленные ходатайства об открытии волостных школ, а также обращения министра народного просвещения и его предупреждения не могли не оказать известного влияния на военного губернатора Проценко.

Фактически русско-казахские волостные школы в Тургайской области начали открываться с 1887 года. Окружной инспектор Оренбургского учебного округа К. Чехович 6 октября 1887 года сообщал министру народного просвещения, что по представлению инспектора казахских школ Тургайской области ему же предложено открыть 4 одноклассные казахские школы. Ежегодный отпуск из общественных сумм на содержание каждой школы определялся по 2 000 рублей.

В том же году были открыты волостные школы в Буртинске, в форте Карабутак, в Буртинской, Убаганской и Джетыгаринской волостях.

Буртинская школа помещалась в специально приспособленном для школы здании, а Карабутакская, Убаганская и Джетыгаринско-Чубарская — в частных квартирах.

При открытии школ состоялись большие торжества.

Попечитель Оренбургского учебного округа И. Я. Ростовцев после осмотра Буртинской волостной школы в 1893 году отметил, что «в среднем отделении дети мало понимают по-русски и еще хуже говорят», и предложил, чтобы учитель больше говорил по-русски с учащимися и заставлял их «упражняться в русском разговоре». С этой же целью он считал весьма полезным принимать

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 171, 1885, д. 1398, лл. 58—59.

в казахские школы несколько русских мальчиков приходящими. Попечитель указал также на необходимость привлекать учащихся к практическим занятиям по огородничеству.

19 февраля 1888 года Проценко сообщал министру народного просвещения, что, кроме открытых в области русско-казахских школ, «в нынешнем году будут открыты одна или две школы в Тургайском уезде и другая, где потребуется, например, под Орском»[1].

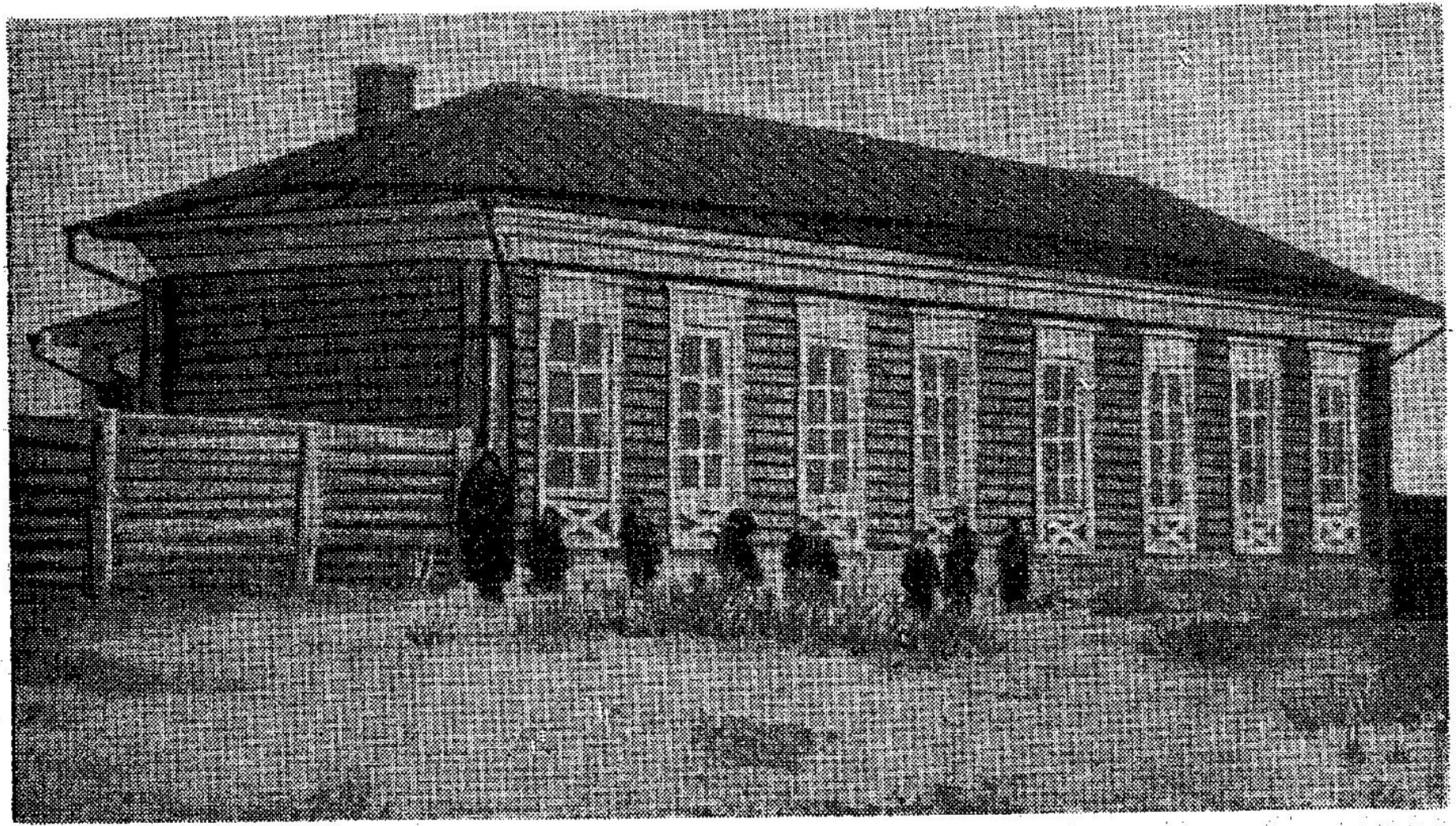
В сентябре 1888 года в письме Н. И. Ильминскому Алтынсарин сообщал: «До начала настоящего года, в течение двух с половиной месяцев, я устроил и открыл предположенные шесть школ». Он писал, что уже в 1888 году им открыты одноклассная русская школа для кустанайских русских поселян, женское училище в Ак-Тюбе, две волостные школы в Тургайском и Илецком уездах, а также открывает пансион для казахских девочек при Иргизском женском училище. Аулискульская волостная школа (Кустанайский уезд) открыта в сентябре 1891 года.

Волостные школы были учреждены с курсом начальных одноклассных училищ применительно к параграфу 13 Инструкции от 4 июня 1875 года. Школы были смешанными по национальному составу. Дети казахов проживали в пансионах, а русские дети были приходящими. Во всех школах было положено по 25 пансионеров-казахов, а сверх этого комплекта могли быть лишь своекоштные учащиеся.

Курс обучения в волостных школах был четырехлетним. Совершенно неграмотные дети должны были учиться четыре года, а окончившие аульные школы — два года. Ввиду того, что в волостные школы принимались казахские и русские дети, при первоначальном обучении грамоте учащиеся младшего отделения делились на две группы: в одной группе казахские дети обучались на казахском языке с постепенным переходом на русский язык, как и в аульной школе, в другой — прямо на русском языке. Эта особенность волостных русско-казахских школ вызывала необходимость учреждения должности помощника учителя, не предусмотренной первоначальным проектом 1887 года.

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 171, 1885, д. 1398, л. 93.



Аулиекульская волостная школа Тургайской области (1896 г.).

Аульные школы

Уездные центральные и волостные русско-казахские школы ввиду их малочисленности и ограниченного контингента учащихся, а также в связи с тем, что они находились в местах, отдаленных от основной массы разбросанного по степи казахского населения, не могли удовлетворить быстрорастущей потребности казахов в обучении своих детей. Поэтому на повестку дня встал вопрос об организации в степи такой школы, которая находилась бы в гуще кочующего казахского населения.

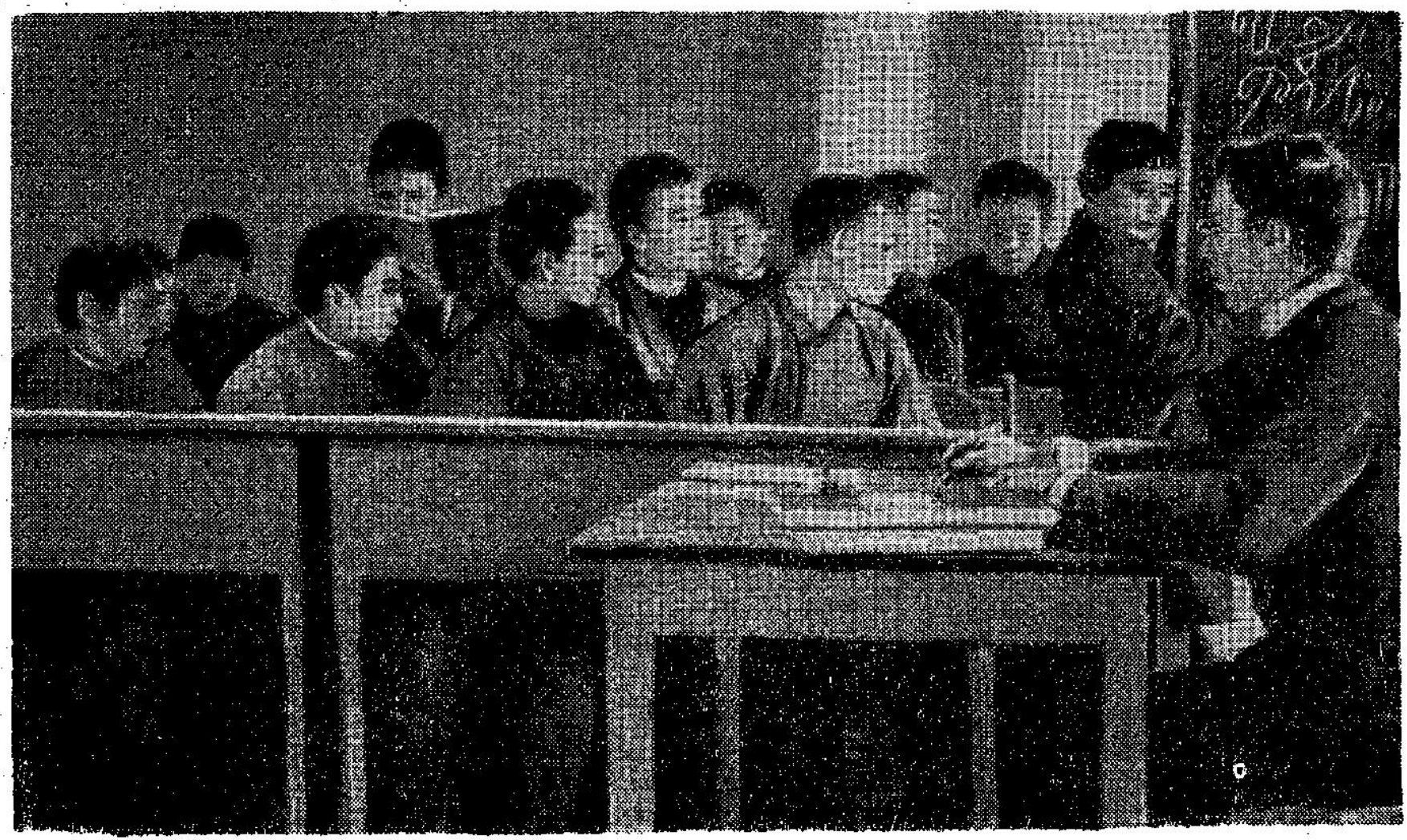
Такими школами стали аульные школы, которые главным образом были предназначены для подготовки учащихся в волостные школы.

Аульные школы могли быть открыты при наличии определенных условий: сначала группа юртовладельцев составляла приговор об учреждении школы (с указанием места пребывания), о выделении средств на ее содержание, затем приговор представлялся инспектору школ области, который делал соответствующее представление попечителю учебного округа. Школа могла открыться только по разрешению последнего.

Первая аульная школа в области была открыта 15 июня 1892 года в ауле № 4 Кеньаральской волости Николаевского уезда. В 1892/93 учебном году было открыто 17 аульных школ, а в 1894 году их насчитывалось уже 25.

Аульные школы были весьма портативными. Они помещались в разборных палатках, которые делались из «кистяного камыша» и тальниковых гнутых палок и прутьев. Парты и книжные шкафы были разборными, все сооружение школы со всей обстановкой складывалось в два вьюка и навьючивалось на одного верблюда. Одна из таких палаток в 1896 году экспонировалась на Нижегородской выставке. В аульной школе обучались от 10 до 15 детей.

Содержание школы обходилось недорого: в первый год со всем обзаведением она стоила около 350—400 рублей, из которых на постройку палатки приходилось 70 рублей. Учитель находился на всем готовом содержании и получал жалованье 240 рублей в год. В последующие годы, кроме жалованья учителя и незначительных



Учащиеся Аулиекульской волостной школы (1896 г.).

текущих расходов, особых средств для школы не требовалось.

Преподавание в аульных школах первоначально велось на казахском языке, а затем осуществлялся постепенный переход к обучению на русском языке. Поэтому в аульные школы, как правило, назначались учителя, знающие казахский язык.

«Киргизская степная газета» 21 июля 1896 года поместила интересную статью Н. Л. под названием «Аульные школы на выставке». В ней указывается, что «в прежние времена, когда дети киргизов Тургайской области, оторванные от семьи и аула, обучались только в интернатах оседлых пунктов области — пунктов же этих имеется только 3, а область равна пяти Франциям,— киргизы враждебно смотрели на школу. Еще более подстрекали к этой вражде их муллы, боявшиеся обращения юных киргизов в православие, при воспитании детей так далеко от влияния народа. Но когда по желанию киргиз были основаны 5 лет тому назад кочующие школы, обучение населения Тургайской области быстрыми шагами пошло вперед. Киргизские общества охотно обеспечивают и постройку и содержание школ, и частные лица делают на них крупные пожертвования. Теперь в редком ауле нет кочевой школы. Они были уже основаны во всех аулах без исключения и всеобшее обучение — заветная цель многих европейских стран,— было бы уже достигнуто, если бы дело стояло только за материальными средствами; все аулы готовы содержать по школе, и средства на всеобщее обучение уже есть; но препятствие в том, что не хватает еще преподавательских сил; школы основываются только по мере выпуска учителей из Оренбургской русско-киргизской семинарии. В последней учатся и русские, и киргизы, но правительство посылает учителями в аулы почти только первых в тех видах, что они лучше могут выполнить свою просветительную роль, чем киргизы, рискующие снова одичать среди родной обстановки».

Как указывал автор, открытие аульных школ дало возможность обучать в них и казахских девочек. Девочек, писал он, «в интернаты родители ни за что не отдавали добровольно, т. к. это противоречит всем киргизским обычаям. Девочек брали в учение чуть не насильно, иногда пользуясь для этого влиянием местных султанов. Теперь

девочка может учиться на глазах родителей, и многие аульные школы смешанные».

Аульные школы были встречены казахским населением с удовлетворением. «Сами киргизы настолько сознали пользу русского образования, даваемого их детям в Тургайской области, без всяких затрат со стороны родителей или обществ, что возбуждают постоянные ходатайства об открытии новых аульных школ»,— писал И. Стецкий в статье «Начальное образование киргизов Кустанайского уезда Тургайской области» [1].

Он считал, что «из применяемых в Тургайской области типов школ самой целесообразной, практичной и дешевой является подвижная аульная школа, выпускающая, как показывает Кустанайский уезд, в жизнь киргизских детей с необходимым запасом знаний по русской грамотности, письму, счислению и с достаточным для обыкновенного селянина усвоением русских понятий». И автор приходил к заключению, что «аульная школа безошибочно может быть признана первой ступенью начального образования киргизов и в областях Степного края» [2].

Автор статьи предлагал:

1) открыть аульные школы на урочищах, где имеются до 30 юртовладельцев: чтобы контингент детей школьного возраста был бы не менее десяти;

2) помещения для школ «выбирать у влиятельных и пользующихся доверием народа» казахов;

3) для расположения казахов к аульным школам избирать почетных блюстителей школ (согласно положению 8 октября 1894 года для аульных школ Тургайской области);

4) в волостях, в которых имеются аульные школы, учредить «особые попечительства», состоящие из лиц, могущих на свои средства, а также на средства, собранные путем добровольных пожертвований, устроить школьные помещения и создать фонд для оказания детям бедняков и детям, прибывающим в школы из дальних аулов, помощи одеждой и продовольствием;

5) для расположения казахского населения к начальному образованию на должности волостных управителей

---

[1] «Киргизская степная газета», 1901, 25 марта.
[2] Там же.

и народных судей допускать лиц, знающих русский язык, а в приеме в сельскохозяйственные школы делать предпочтение оканчивающим аульные школы перед другими;

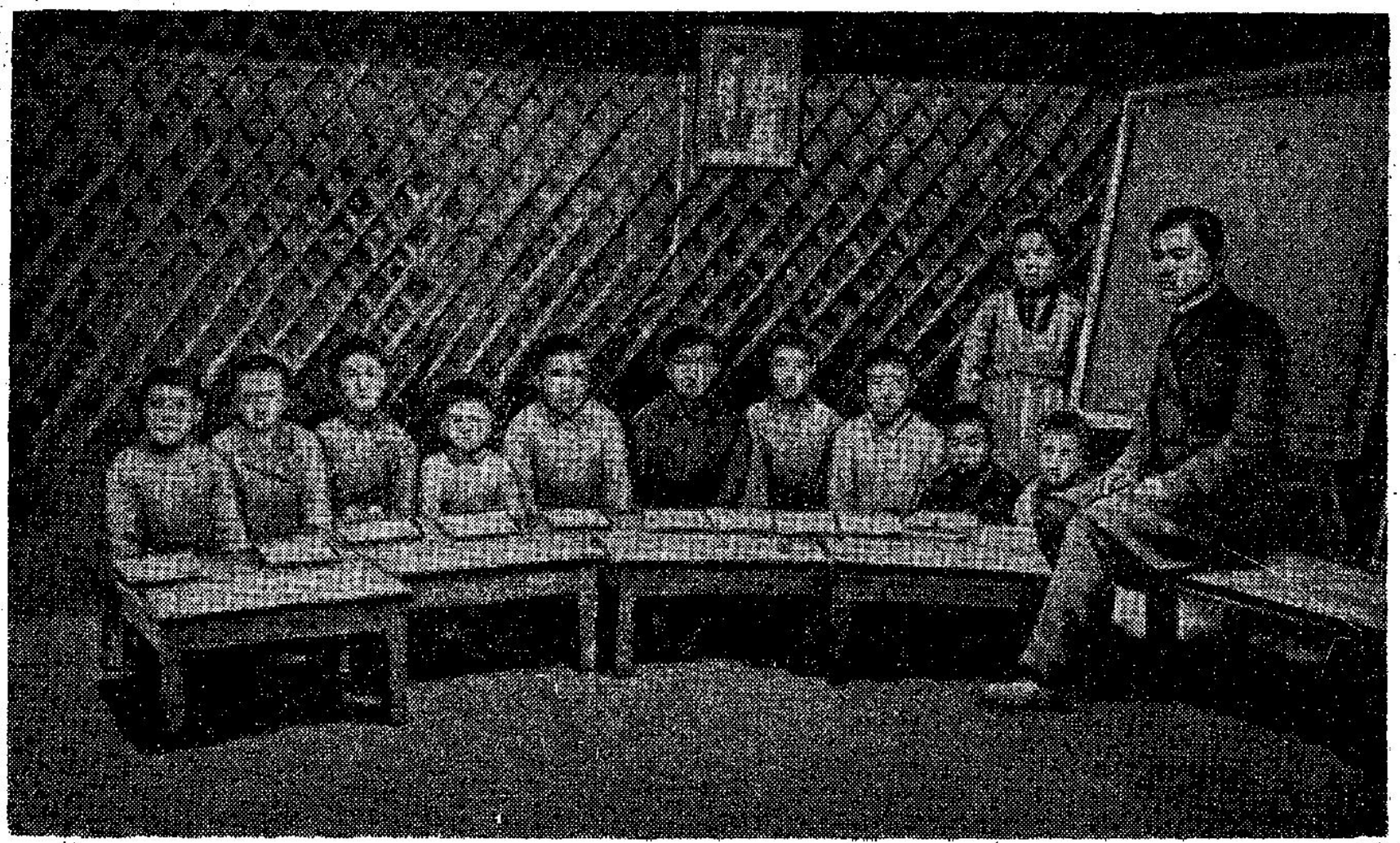
6) учителями в аульные школы преимущественно назначать казахов с соответствующим знанием, для чего в обязательном порядке привлекать к учительской работе стипендиатов Омской учительской семинарии. Для подготовки учителей учредить несколько стипендий при педагогическом классе Кустанайского училища для оканчивающих уездные училища, воспитанников Омского казахского пансиона и других лиц, желающих быть учителями;

7) в целях правильной постановки и организации дела по начальному образованию среди казахского населения учредить должность особого инспектора «инородческих» школ для Акмолинской и Семипалатинской областей.

Как отмечал один из авторов в статье «Передвижные аульные школы», помещенной в «Киргизской степной газете» 27 марта 1902 года, в аульных школах Тургайской области «идет звуковое обучение русской грамоте, чтению, письму и арифметике. Читают и пишут дети на киргизском языке, но при помощи русской транскрипции, так что всякий, например, родитель вполне понимает все то, что прочитает ему в школе или дома его сын-ученик, научившийся весьма скоро разбирать по-киргизски печатное киргизское слово, изображенное только русскими буквами.

Волостные школы с более широкой программой, большими средствами и с лучшей обстановкой учебного дела,— писал далее автор,— предоставляют оканчивающим в них курс возможность усовершенствовать приобретенные в аульных школах познания по русской грамотности, так как они служат продолжением этих школ и обучение в них производится в курсе, соответствующем курсу начальных одноклассных училищ».

Автор говорил о громадном значении этих школ в сближении казахского и русского народов. Он писал: «Распространяющаяся в степи русская школа, прививая киргизам государственный язык, дает полную возможность к сближению туземцев с коренным русским народом и знакомство с его обычаями и взглядами, а это служит главным залогом взаимности добрых отношений



Передвижная аульная школа в Тургайской области (1903 г.).

и преуспеяний на поприще общеэкономических интересов двух народностей, исторической необходимостью столкнувшихся на территории Средней Азии».

Государственный совет в 1895 году принял решение об отпуске 2 260 рублей ежегодно, начиная с 1896 года, на содержание вновь открываемых в Тургайской области аульных школ.

Положительным явлением было преобразование отдельных лучших аульных школ в правительственные начальные училища. Так, например, в 1898 году в такие училища были преобразованы аульные школы в селах Александровка и Жуково Тургайской области. Училища содержались на проценты пожертвованного тайным советником Масловым капитала по 10 тысяч рублей на каждое [1].

Наряду с этим следует отметить, что часто аульные школы организовывались без достаточного учета детей школьного возраста. Поэтому некоторые аульные школы, не имея достаточного числа учащихся, распадались. Попечитель Оренбургского учебного округа И. Я. Ростовцев после инспектирования им школ Тургайской области в 1893 году указал на необходимость более тщательного выбора мест для учреждения аульных школ. Он предлагал, чтобы в аульной школе было не менее 10 детей. Он также предупредил учителей аульных школ, что если по истечении трех лет они представят менее 10 учеников, знающих русскую грамоту в пределах, указанных в брошюре Тарнавского, то они не получат установленной премии за каждого ученика [2].

Обучение казахов в других учебных заведениях

Согласно «Временному положению» 1868 года казахские дети могли поступать и в русские учебные заведения. В этих целях для детей казахов был установлен ряд стипендий в учебных заведениях как в пределах самой Тургайской области, так и за ее пределами.

---

[1] *А. Е. Алекторов.* Очерк народного образования в Тургайской области. Летопись. 1844—1898 гг. вып. 3. Оренбург, 1900, стр. 234.

[2] Там же, стр. 168.

В 1878 году учреждены стипендии имени Н. А. Крыжановского — 2 при Казанском и 1 при С.-Петербургском университетах (последняя в 1881 году переведена в Казанский университет). Эти стипендии были учреждены на проценты с капитала 19 200 рублей, пожертвованных казахским населением Тургайской области специально для установления трех стипендий при указанных университетах для бедных студентов казахов (каждая в сумме 320 рублей в год).

В положении о стипендиях имени Крыжановского отмечалось, что если в продолжение нескольких лет эти стипендии не будут использованы, то на образовавшуюся экономию будет учреждена четвертая стипендия «для уроженцев Оренбургского края».

В 1882 году на добровольные пожертвования казахских обществ Тургайского, Иргизского и Николаевского уездов по желанию жертвователей при Троицкой мужской гимназии были учреждены две стипендии имени Л. Ф. Баллюзека (бывший военный губернатор Тургайской области). Ежегодные проценты от основного капитала, собранного от пожертвований, должны были обеспечивать «вечное содержание означенных стипендий». Правом получения стипендий могли пользоваться только дети беднейших казахов преимущественно Тургайского, Иргизского и Николаевского уездов. Было установлено, что «остатки от наросших процентов» будут выдаваться лицам, успешно окончившим курс в местных учебных заведениях и пожелавшим продолжать учение в Казанском или Петербургском университетах.

В 1887 году на средства, пожертвованные казахскими обществами Тургайской области, были установлены еще две дополнительные стипендии для казахских детей в пансионе Троицкой мужской гимназии.

В 90-х годах прошлого века казахская молодежь Тургайской области начинает поступать в учительские семинарии, институты и университеты. Например, в 1894 году Бисенгали Джарылгасынов из Буртинской волости и Сатбаев из Таунской волости были первыми стипендиатами из Тургайской области, поступившими по экзамену в Казанскую «инородческую» семинарию.

В 1896 году Тургайская область имела до 50 стипендий в высших и средних учебных заведениях России.

Но следует отметить, что эти стипендии зачастую не использовались казахами. Кроме того, под разными предлогами число установленных для казахских детей стипендий сокращалось. Например, по представлению Министерства народного просвещения Государственный совет разрешил министерству, начиная с 1885 года, уменьшить число казенных стипендий в Орской казахской учительской школе с 60 до 35 и начального при ней училища с 15 до 10, а образующуюся экономию в сумме 2 550 рублей использовать на наем помещения для этих учебных заведений. Но, как было сказано выше, в 1897 году число стипендий в учительской школе было увеличено на 17 для детей казахов Тургайской области.

В 1894 году состоялось решение правительства о том, что из Оренбургской гимназии передается во вновь открытое реальное училище 6 стипендий из числа 12 стипендий, установленных для детей казахов Тургайской области. Такое решение было мотивировано тем, что «для инородцев, не знающих русского языка, изучение древних языков очень обременительно, а для многих совершенно невозможно, и 25-летний опыт показал, что из киргизских стипендиатов оканчивают курс весьма немногие, более способные, остальные же не идут далее четвертого класса; реальное же училище дает возможность киргизам получать законченное общее образование, приспособленное к практическим потребностям и к приобретению технических познаний» [1].

В 1887 году в Неплюевском кадетском корпусе была установлена для воспитанников-казахов одна стипендия имени Н. И. Неплюева на средства, пожертвованные бывшими воспитанниками кадетского корпуса и другими казахами Тургайской области. Стипендиатами могли избираться «сыновья тех киргизов Тургайской области, которые по службе, через пожалование их соответственными чинами и орденами, приобрели права и преимущества, присвоенные дворянству Российской империи» [2].

В 1894 году в Казанскую «инородческую» семинарию на 2 стипендии Тургайской области поступили 2 казаха.

---

[1] «Киргизская степная газета», 1894, № 43.

[2] *А. Е. Алекторов.* Очерк народного образования в Тургайской области. Летопись. 1844—1898 гг. Оренбург, 1900, стр. 85.

Казахи Актюбинского (Илецкого) уезда в 1895—1896 годах пожертвовали более 18 тысяч рублей для учреждения двух стипендий для казахских мальчиков в одном из сельскохозяйственных учебных заведений. В 1896 году эти стипендии были установлены в Московском сельскохозяйственном институте. Кроме того, им же пожертвовано 8 тысяч рублей на учреждение при Петербургском университете стипендии имени военного губернатора области Я. Ф. Барабаш. Казахи Кустанайского уезда пожертвовали 12 тысяч рублей на увеличение фонда, предназначенного для открытия в г. Кустанае русско-казахской женской прогимназии. Казахи Иргизского уезда к 1897 году внесли 20 тысяч рублей на открытие в г. Иргизе казахской сельскохозяйственной школы. В том же году было установлено 5 стипендий для казахских детей при Кустанайском городском училище.

Об учительских кадрах области

Развитие сети школ и успехи школьного образования в Тургайской области во многом зависели от наличия подготовленных учительских кадров. Хорошо осознавал это первый инспектор школ области И. Алтынсарин. В письме к Н. И. Ильминскому 24 июля 1882 года он писал: «Для народных школ учителя составляют все; с ними не могут сравниться ни прекраснейшие педагогические руководства, ни благодетельнейшие правительственные распоряжения, ни тщательный инспекторский надзор» [1].

Данные таблицы 10, взятые из ведомостей, приложенных к инспекторским отчетам И. Алтынсарина за 1882 и 1883 годы, дают некоторую характеристику об учительских кадрах Тургайской области за 1882 и 1883 годы.

Отмечая трудности преподавания в русско-казахских школах ввиду отсутствия специально предназначенных для них учебников, И. Алтынсарин считал, что успех обучения казахских детей русскому языку зависит от способностей учителей. Но, как заявлял он, его хлопоты по привлечению в школы области образованных и опытных учителей не увенчались успехом, так как «в отдаленную киргизскую степь никто из опытных и способных людей ехать не желает, тем более ввиду ограниченности, во-пер-

[1] *И. Алтынсарин.* Избранные произведения, стр. 369.

Таблица 10

Сведения об учителях Тургайской области за 1882 и 1883 годы

	Всех учителей	В том числе		По вероисповеданию	
		учителей	законоучителей	православных	прочих
В двухклассных училищах	11/11	6/6	5/5	6/6	5/5
В одноклассных училищах	3/5	2/4	1/1	1/2	2/3
Всего . . .	14/16	8/10	6/6	7/8	7/8
Окончивших учительские семинарии и имеющих педагогическую подготовку	7/8	5/6	2/2	7/8	—
Окончивших средние учебные заведения	1/1	1/1	—	0/1	1/0
Не имеющих прав на преподавание	6/7	2/3	4/4	—	6/7
Получали заработную плату:					
от 50 до 100 рублей . . .	5/5	—	5/5	1/1	4/4
от 100 до 150 рублей . . .	2/3	1/2	1/1	1/1	1/2
от 200 до 300 рублей и выше	7/8	7/8	—	5/6	2/2

Примечания: 1) В числителе даны показатели за 1882 год, а в знаменателе — за 1883 год. 2) Среди преподавателей учительниц не было.

вых, определенного учителям содержания, а во-вторых, и ввиду неимения на должностях учителей двухклассных школ прав даже государственной службы»[1].

Алтынсарина радовало то, что в области имеются старательные и в моральном отношении неиспорченные молодые учителя, окончившие специальные учительские школы. «Ревизии школ в отчетном году особенно показали утешительный факт,— писал он,— что большая часть учителей в течение предыдущих двух лет успела уже приноровиться к киргизским детям и практическим уже путем усвоила приемы обучения киргизских детей; поэтому и ученики оказали весьма удовлетворительные успехи по всем преподаваемым предметам»[2].

Часто инспектируя школы области, Алтынсарин хорошо знал всех учителей, их положительные стороны

[1] *И. Алтынсарин.* Избранные произведения, стр. 245.
[2] Там же, стр. 246.

и слабости, подолгу беседовал с ними, давая дружеские советы и наставления. Он требовал от них глубоко вникать «в общий характер и умственный склад учащихся», обращать особое внимание на обучение казахских детей русскому языку. Он требовал от учителей соблюдения определенного педагогического такта. Его высказывания по этому вопросу ярко выражены в его замечаниях одному из молодых учителей. Учитель, писал Алтынсарин, «имеет дело с детьми, которые, если не понимают что-либо, то учитель должен пенять не на учеников, а на самого себя, что не может довести их до понимания. Должен он обращаться с детьми кротко, не раздражительно, терпеливо объяснять каждый предмет охотно и простым языком, без вычурных фраз и ненужных терминов, кои не только непонятны ученикам, но неприятны для слушания даже посторонним присутствующим лицам, которые видят только, что данный учитель желает рисоваться учеными терминами или рассуждениями, не истекающими при этом из каких-либо глубоких знаний или убеждений, а о педагогических и учительских приемах или имеет весьма ограниченное, поверхностное понятие, или смотрит на последние, как на второстепенный предмет, забывая, что все вообще наглядное обучение основано именно на простоте учебных приемов и удобопонятности учительских объяснений» [1].

В 1890 году в школах Тургайской области было 45 учителей, включая учителей ремесел и законоучителей. Как отмечается в отчете инспектора школ области за 1890 год, все учителя русско-казахских и русских школ имели соответствующее педагогическое образование: учителя-казахи являлись выпускниками Оренбургской казахской учительской школы, а русские учителя — выпускниками Казанской учительской семинарии.

По сообщению И. Алтынсарина, в русско-казахских школах Тургайской области в 1885 году числилось три учителя, не имеющих звания народного учителя. Из этих учителей один работал помощником учителя в актюбинской школе в качестве переводчика для русского учителя, так как последний недостаточно владел казахским языком. Этот помощник учителя подлежал замене одним из выпускников-казахов Орской казахской учительской шко-

[1] *И. Алтынсарин.* Избранные произведения, стр. 257.

лы. Другим учителем был Султан Бабин, который, как указывал Михайлов, окончил Неплюевский кадетский корпус и «за отличные успехи в науках был произведен при выпуске в сотники, занимая более 15 лет должность учителя, он приобрел такую опытность в обучении детей киргизов, что инспектор считает его незаменимым в этом отношении» [1]. О третьем учителе, работавшем в кустанайской школе, Байжиенове, который окончил Троицкую школу и там же работал учителем, попечитель учебного округа писал, что «как я лично убедился, человек способный и вполне знающий свое дело».

В первое время, когда начали открываться русско-казахские волостные школы, в Тургайской области действительно ощущался недостаток в учителях. Но после того, как Орская учительская школа начала выпускать казахских учителей, этот недостаток был ликвидирован. Но затем учителей снова стало не хватать в связи с открытием аульных русско-казахских школ.

«Киргизская степная газета» в статье «Подготовка учителей для народных школ Тургайской области» (№ 34 за 1897 год) отмечала, что быстрый рост числа школ в Тургайской области обнаружил большой недостаток в квалифицированных учительских кадрах. Поэтому учительские должности представлялись недостаточно подготовленным или совершенно неподготовленным людям. Например, в 1896 году из 135 учителей школ области 69 учителей не имели соответствующего образования, из них 20 человек не имели права на преподавание в школах.

Учитывая такое неудовлетворительное состояние с учительскими кадрами, в 1897 году в Оренбургской казахской учительской школе было дополнительно установлено 17 стипендий для Тургайской области за счет остатков земских сборов по смете Тургайской области за 1897 год.

После изложения фактического материала об истории школьного образования в Тургайской области во второй половине XIX века, мы можем сделать некоторые общие выводы.

А. В. Васильев в 1896 году выпустил книгу под названием «Исторический очерк русского образования

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, д. 1398, л. 8.

в Тургайской области и современное его состояние» (Оренбург). Историю «русского» образования в ней он делит на три периода.

Первый период относится к 1824—1868 годам, когда имели место отдельные и случайные поступления казахских детей в русские учебные заведения. Второй период связан с введением «Временного положения об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях» от 21 октября 1868 года, когда начинается «более или менее прочная выработка системы начального образования киргизов Тургайской области и устройство школ внутри области с предоставлением некоторым из киргизских детей возможности продолжать свое образование в сельскохозяйственных школах, гимназиях и даже в университетах». Третий период начинается с момента действия нового «Положения» об управлении областями Казахстана от 25 марта 1891 года, когда начинают приниматься меры для «повсеместного» распространения начального образования казахов, открываются школы повышенного типа—городские двухклассные училища и русско-казахские прогимназии.

Эта периодизация в основном правильна.

Нельзя также не согласиться в принципе с выводами И. Стецкого о пользе русско-казахских школ в казахской степи. «Начальное образование киргизов Кустанайского уезда Тургайской области», «Киргизская степная газета» за 1900—1901 годы. Он подчеркивает, что школа в казахской степи, «кроме своих общеобразовательных задач, играет роль политическую: она связывает киргизский народ с коренным русским народом, прививая киргизам государственный язык; она знакомит с обычаями и взглядами русского народа и хотя медленно, но систематично вводит киргизов в семью русских, противоборствуя началам мусульманской исключительности и ослабляя мусульманский фанатизм, привитый киргизам выходцами из Бухары и других мест процветания ислама»[1].

Автор указывает на положительную роль введения в русско-казахских школах русского алфавита. «Русская транскрипция,— говорит он,— вытесняя арабскую письменность из практики киргизов, тем самым преграждает путь к распространению в степи нежелательных и вред-

[1] «Киргизская степная газета», 1901, 18 февраля.

ных изданий на мусульманском языке и открывает простор господству русских книг...» [1]

Согласно автору, русско-казахские школы открывают путь к «однородному начальному образованию», одинаковому как для русских, так и для казахских детей. Они способствуют «объединению» казахского и русского народов..

Несомненно, русско-казахские школы сыграли определенную роль в сближении между русским и казахским народами, в перенятии казахами русской культуры.

Первые правительственные казахские школы на территории Казахстана, казахские школы при Ханской Ставке в 1841 Пограничной комиссии, перед которыми ставились ограниченные цели и в них принимались только дети казахской знати, не могли служить образцом школ, который следовало бы создавать для обучения казахских детей.

Поэтому в 60-х годах прошлого века царская администрация Оренбургского края задалась целью создать небольшие и недорогостоящие школы для казахских детей в г. Троицке в четырех военных укреплениях, в том числе в Тургае и Иргизе. Но эти школы, как показал опыт, оказались безжизненными: они впоследствии распались или были преобразованы в другие типы школ. Тогда встал вопрос о создании такого типа школ, который отвечал бы не только русификаторским целям царизма, но и интересам казахского населения в приобщении подрастающего поколения к русской грамоте и культуре. Такими школами стали русско-казахские школы, созданные по плану первого инспектора школ Тургайской области И. Алтынсарина. Сначала, с 1879 года, в центрах уездов Тургайской области были созданы центральные уездные двухклассные русско-казахские училища. Затем, начиная с 1887 года, после того как Орская учительская школа стала выпускать казахских учителей, стали организовываться одноклассные русско-казахские волостные школы.

После введения в действие «Положения» от 25 марта 1891 года об управлении областями Казахстана в Тургайской области начали открываться русско-казахские

[1] «Киргизская степная газета», 1901, 18 февраля.

аульные школы, число которых к концу прошлого века достигло нескольких десятков.

Казахское население области не только положительно отнеслось к организации русско-казахских школ, но и активно помогало в устройстве их материальными средствами.

Аульные школы в Тургайской области послужили примером создания таких же школ и в других областях Казахстана.

В начале XX века в Тургайской области наблюдается заметный рост двухклассных русско-казахских училищ, как более перспективных, и особенно аульных школ, являвшихся тогда массовыми начальными учебными заведениями, находившимися в среде казахского населения. Однако русско-казахские волостные школы, которые как бы служили связующим звеном между аульными школами и русско-казахскими двухклассными училищами, не получили дальнейшего развития.

В Тургайской области в сравнении с другими областями Казахстана заметное развитие получило образование казахских девушек;

Тургайская область является пионером и в отношении профессионально-технического образования в Казахстане (см. гл. V).

Развитию школьного образования в Тургайской области во многом способствовало учреждение в 1879 году специального инспектора школ области и назначение на эту должность выдающегося казахского педагога И. Алтынсарина, а также учреждение должностей почетных блюстителей при школах и создание обществ попечения о начальном образовании.

В 1888 году должность почетных блюстителей была распространена на женские «инородческие» училища, а затем и на волостные и аульные школы. (1896 год.)

В 1891 году в г. Кустанае открыто общество попечения о начальном образовании в Кустанайском и Актюбинском уездах. Общество ставило целью «распространение начального образования», изыскание средств для открытия начальных школ, устройство при школах народных библиотек, оказание материальной помощи нуждающимся ученикам и учителям.

Члены общества в зависимости от размера взноса обществу делились на три категории: 1) действитель-

ми членами считались лица, вносящие в год 1 рубль; 2) членами-ревнителями — лица, которые, кроме взноса в 1 рубль, заботились «о распространении круга деятельности общества и увеличении его средств»; 3) почетными членами — лица, которые одновременно вносили не менее 100 рублей или оказывали «важные услуги обществу».

Несмотря на более интенсивный рост школьного образования в Тургайской области в последней четверти прошлого столетия, школьная сеть далеко не удовлетворяла потребностям казахского населения в обучении своих детей. Кроме того, школьное образование в области не поднялось выше двухклассных русско-казахских училищ, то есть выше начальных училищ, несмотря на то, что имелась полная возможность для создания вышеначальных и средних училищ (для этого имелись материальные средства, контингент казахских учащихся, а также на первое время и учительские кадры).

Как было отмечено выше, ходатайства казахского населения, учебного руководства области и Оренбургского учебного округа о преобразовании двухклассных русско-казахских училищ в двухклассные городские, или двухклассные уездные, или трехклассные городские училища остались без удовлетворения.

Организация вышеначальных и средних учебных заведений была связана не только с определенными затратами от казны, но и с предоставлением оканчивающим эти учебные заведения казахам соответствующих гражданских прав по государственной службе, чего упорно не хотело царское правительство.

2. ШКОЛЫ УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Уральская область с центром в городе Уральске была образована согласно «Временному положению об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях» от 1868 года. В ее состав вошли земли Уральского казачьего войска, а также земли западной и средней части «области оренбургских киргиз», то есть Младшего жуза. Область состояла из четырех уездов: Гурьевского, Уральского, Калмыковского и Эмбенского; полуостров Мангышлак был выделен в отдельное «Мангышлакское приставство».

В 1894 году в Уральской области было 545 388 человек жителей, в том числе казахов более 400 тысяч человек.

Первая в области правительственная школа для казахских детей была открыта 25 октября 1864 года в Уральском укреплении при 6 учениках. Но до официального открытия школы учитель Куламбаев вел частные занятия с учениками. В 1869 году ввиду ухода учителя, который не смог обеспечить нормальную работу школы, последняя была закрыта, а здание школы продано с аукциона.

«Временное положение» 1868 года предусматривало учреждение за счет государства «для первоначального образования общей школы для всех без различия народностей». При этом устанавливалось, что программа обучения в этих школах определяется генерал-губернаторами по соглашению с Министерством народного просвещения.

Первые правительственные двухклассные русско-казахские школы открыты в 1871 году в городах Уральске и Гурьеве. Но эти школы не имели своих приспособленных помещений, а ютились в тесных и неприспособленных зданиях. Сама царская администрация признавала, что отсутствие школьных помещений является одним из главных препятствий увеличения контингента учащихся. В связи с этим указывалось на то, что существующие школы не могут охватить даже незначительной части детей, желающих учиться.

В докладной записке о состоянии Уральской области, представленной 23 января 1873 года генерал-губернатору по случаю посещения им Уральской области, военный губернатор Веревкин писал: «Опыт показал, что киргизские школы могли бы получить значительное развитие, если бы тому не препятствовали недостаток вообще помещений и теснота тех, кои ныне уже наняты под школы. До тех пор, пока не будут устроены просторные и соответственные училищным требованиям здания для школ и пока не будут усилены самые средства на их содержание, нельзя рассчитывать на увеличение числа учащихся, хотя охотников учиться нашлось бы очень много. Нынешний небольшой комплект учащихся есть самая малая доля тех, кои желали бы поступить в школу, и потому такое обучение не может быть названо

имеющим влияние на распространение русского образования в массе киргизского населения» [1].

Казахское население Уральской области, как и других частей Казахстана, прозябавшее в бескультурье и невежестве, жаждало просвещения, оно добровольно организовало сборы средств на открытие школ. Говоря о том, что казахи Гурьевского уезда сами возбудили ходатайство об открытии подписки для сбора средств на строительство школьного помещения, военный губернатор писал, что все это «несомненно убеждает, что в понятиях киргизского населения происходит видимая перемена к лучшему и, конечно, теперь самое благоприятное время воспользоваться подобным настроением, дабы упрочить существование и развитие школы» [2].

Предупреждая о том, что «всякое промедление» в использовании пожертвований населения для строительства школы «может охладить усердие жертвователей» и даже может «поселить некоторое недоверие к правительственным намерениям» и чтобы «предупредить такой вовсе нежелательный результат», он предлагал сразу же по окончании подписки и сбора денег приступить к немедленному строительству в городе Гурьеве школьного здания для казахской школы на 60 мальчиков, с устройством двух классов, а также помещений для жилья учащихся и учителей, с соответствующими служебными помещениями. Далее он предупреждал, что «если возбужденный Министерством народного просвещения вопрос об устройстве киргизских школ замедлится в своем разрешении, то весьма вероятно, что пожертвования прекратятся и впоследствии трудно уже будет возбудить в киргизах расположение к только что возникающим русским школам для киргизских детей». Он возлагал надежду на то, что «по примеру гурьевских киргизов, быть может, киргизы и других уездов пожелают оказать содействие добровольным пожертвованием средств на устройство зданий под школы, если увидят, что желание гурьевских киргизов приведено в исполнение тотчас по доставлении нужных для того средств» [3].

Казахи Гурьевского уезда на строительство или по-

---

[1] Госархив Оренбургской обл., ф. 6, д. 8391, лл. 7—8.
[2] Там же.
[3] Там же.

купку помещения для казахской школы в г. Гурьеве собрали 11 тысяч рублей, на эту же цель обратили образовавшиеся остатки от земского сбора. За счет этих средств в г. Гурьеве в 1877 году был приобретен подходящий под школу большой каменный дом за 20 тысяч рублей, куда была переведена казахская школа.

По свидетельству В. В. Катаринского, Гурьевская казахская школа помещалась в хорошем помещении, в бывшем купеческом доме. Школа имела два класса. Учителю школы Машакову он дает следующую характеристику: «Учитель младшего класса Машаков, киргиз, вышедший в 1876 году из седьмого класса Оренбургской гражданской гимназии, очень усерден к своему делу, но, к сожалению, не видел современных приемов обучения, а потому ведет свое дело неудовлетворительно. При начальном обучении грамоте он употребляет буквослагательный способ, и от этого дело идет медленно, по арифметике мало обращает внимания на практические задачи и на выяснение арифметических действий, также на письменные упражнения учеников по русскому языку»[1]. Но Катаринский отметил, что «при руководстве учителя Скворцова можно надеяться, что Машаков будет хорошим учителем, особенно при его усердном отношении к делу».

Лев Скворцов, которого Катаринский характеризовал как «человеком во всех отношениях удовлетворительным», имел право учителя городского приходского училища.

Уральская казахская школа имела также два класса. В старшем классе училось 18 учеников (13 казахов и 5 русских), в младшем — 25 учеников. Учителем старшего класса работал Макар Юдин, а младшего — Бектемиров. Так как младший класс имел три отделения, учителю поочередно помогали выпускники этой школы Рахмбердин и Сарткараев, которые готовились стать учителями.

О работе школы, учителях и успехах учащихся Катаринский отзывался хорошо. В школе, отмечал он, имеется «очень хорошая учительская библиотека, а для учеников имеются все необходимые учебные книги и пособия, а также и книги для чтения. Кроме утренних занятий

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 170, д. 156893, 1877—1881, л. 13.

во время уроков, занятия бывают и вечером — учителя и помощники их помогают ученикам приготовлять уроки или задают ученикам письменные упражнения, а также беседуют с ними по-русски о чем-нибудь, приучая их через это к разговорному русскому языку»[1].

Двухклассных русско-казахских училищ для полумиллионного населения области, конечно, было совершенно недостаточно. В отчете военного губернатора Уральской области за 1877 год указывалось, что «80 киргизских мальчиков, учащихся в этих школах, составляют самую незначительную долю того огромного контингента киргизских детей, которые обучаются в киргизских медресе в местах своих кочевок и большинство которых, как показывает опыт, весьма охотно поступили бы на казенное обучение в русско-киргизские школы, если бы они могли принять всю массу желающих учиться»[2].

Указывая на то, что правительство не может тратить большие средства на открытие потребного количества школ с бесплатным обучением и полным содержанием учащихся за счет правительства, военный губернатор считал необходимым участие в этом деле самого казахского населения. Учреждение школ за счет населения может быть более успешным, по его мнению, если они будут открываться в самой степи при центральных волостных ставках, для которых казахи предполагают построить специальные помещения. «Не имея надобности отсылать детей на линию в русские города для обучения,— говорит он,— киргиз охотно будет помещать их в волостные школы, на содержание которых общества дадут необходимые средства по особым приговорам»[3].

Главное затруднение он видит не в средствах, которые могут дать казахи, а в подыскании подготовленных учителей, знающих казахский и русский языки.

По мнению областного начальства, предполагалось открыть по одной русско-казахской школе в каждой волости, то есть до 30 школ примерно по 50 учеников в каждой. Только тогда, по его мнению, можно будет сказать, что «распространение в киргизском населении русской грамотности и языка поставлено на твердую

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 170, д. 156893, 1877—1881, л. 13.
[2] Госархив Оренбургской обл., ф. 6, д. 8257.
[3] Там же.

почву и даст желаемые результаты». Для этого дела «следует отдать лучшие силы, чтобы заохотить киргиз к умственному труду и скорее приблизить понятия их к русскому взгляду и русским стремлениям, и прогрессу»[1].

В 80-е годы было открыто несколько волостных русско-казахских школ. В дальнейшем их открытие затормозилось из-за отсутствия подходящих помещений, недостатка подготовленных учителей и необходимых учебников и учебных пособий. Например, в 1891/92 учебном году таких школ всего насчитывалось 10: Гурьевская (1879), Симбертинская (1881), Караобинская (1882), Уруктикульская, Карасуйская, Испульская, Калмак-Кырганская (1883), Карачаганская, Индерская (1884) и Уильская (1885).

Темирская волостная русско-казахская школа с интернатом и ремесленными отделениями (столярным и слесарно-ружейным) была открыта в начале 1886/87 учебного года.

В отчете инспектора Уральско-Оренбургского учебного района Бессонова за 1890 год выражалось сожаление, что на весь Эмбенский уезд с населением почти в 100 тысяч человек имеется только одна волостная русско-казахская школа.

Состояние волостных русско-казахских школ было плачевным. Большинство их помещалось в неприспособленных тесных помещениях, учителя были мало подготовлены, не хватало учебников и учебных пособий, учебно-воспитательная работа была поставлена слабо. В результате интерес казахского населения к этим школам начал постепенно падать.

В корреспонденции из Уральска, опубликованной в «С.-Петербургских ведомостях» (1899, № 136), указывается на такой факт: родители учащихся Джамбейтинской волостной школы для устранения антисанитарного состояния в общежитии при школе собрали 57 рублей на приобретение кроватей для детей, чтобы заменить нары и кошмы, которыми обыкновенно пользовались ученики школ вместо постелей.

Состояние частных мусульманских школ (мектебов и медресе) было еще худшим.

В своем отчете за 1877 год военный губернатор

[1] Госархив Оренбургской обл., ф. 6, д. 8257.

Уральской области обратил особое внимание на неудовлетворительное состояние школ Уральского казачьего войска, которые находились в ведении военного ведомства и предложил передать их Министерству народного просвещения. В 1877 году в Уральском казачьем войске было 47 школ (в том числе 5 женских) с 2 250 учащимися (мальчиков — 1 899, девочек — 351), что составляло 2,3 процента всего русского казачьего населения в области.

По данным военного губернатора, в 1877 году в русско-казахских училищах в Уральске и Гурьеве было 78 мальчиков, в частных русских школах — 3 660, а в мусульманских школах — 2 593 учащихся. В 19 высших и средних учебных заведениях России, в том числе в Казанском университете, С.-Петербургском технологическом и горном институтах, было установлено 93 войсковые и частные стипендии для детей Уральского казачества.

В 1888 году, по данным попечителя Оренбургского учебного округа Д. С. Михайлова, в области было всего лишь 5 государственных учебных заведений. В Уральской мужской войсковой гимназии, преобразованной из военного училища, было 198 учеников, в том числе детей казаков — 142, дворян — 12, мещан и купцов — 28, крестьян — 11, духовного звания — 3, почетных граждан — 2.

В Уральском русско-казахском училище училось 122 ученика, в том числе 27 казахов. В интернате училища было 27 казахов и 4 русских. В ремесленном отделении (по столярному, слесарному, сапожному и кузнечному делу), открытом в 1866 году, обучались мастерству все воспитанники, жившие в интернате. По каждому ремеслу имелся особый мастер с окладом 240 рублей в год, а кузнец получал 300 рублей.

В 1887 году на Екатеринбургской выставке демонстрировались изготовленные воспитанниками казахами изделия (сеялки, шкатулки, чайный столик), за что была присуждена бронзовая медаль.

Попечитель указал на существенные недостатки преподавания ремесел в училище, на то, что обучение ремеслам не преследует учебно-воспитательной цели.

В отношении преподавания он отметил, что при всех русско-казахских школах, включая волостные, существо-

вали ремесленные отделения, которые, за исключением ремесленного отделения Уральского двухклассного русско-казахского училища, согласно отчету о работе школ инспектора Уральско-Оренбургского района за 1890 год, работали удовлетворительно. Позднее, в 1895 году, было принято решение правительства о преобразовании с 1 июля 1896 года Уральского русско-казахского училища в «школу ремесленных учеников» с начальным при ней училищем и общежитием на 35 казахских мальчиков.

Как видно из письма военного губернатора Уральской области попечителю Оренбургского учебного округа, в 1888 году, кроме подведомственных Министерству народного просвещения школ, в области насчитывалось до 80 частных мусульманских мектебов и медресе.

В русском классе при татарском медресе обучались 16 учеников татар, которые показали удовлетворительные успехи в знании русского языка.

Михайлов отметил хорошую постановку учебного дела в Илекском русско-казахском одноклассном училище, «вполне удовлетворительные успехи» учащихся, их хорошую дисциплину и поведение.

Даже незначительное количество школ царская администрация не могла обеспечить учителями. Областное начальство считало возможным, пока недавно открывшаяся Оренбургская учительская семинария не будет обеспечивать народные казахские школы подготовленными учителями, использовать в качестве учителей «отличных учеников» Уральского и Гурьевского двухклассных русско-казахских училищ.

«Нужно при этом иметь в виду и то,— говорил в своем письме попечитель Оренбургского округа Ростовцев 7 октября 1892 года,— что почти все учителя волостных школ, поставленные... в неблагоприятные условия во многих отношениях, имеют каждый в своем распоряжении по 4—5 отделений и учащихся нередко по 40—50» [1].

По представлению попечителя Оренбургского учебного округа министр народного просвещения Делянов 13 января 1884 года разрешил «включить Уральскую область в отношении наблюдения за находящимися в ней русско-киргизскими школами, в состав дирекции народных училищ Оренбургской губернии и поручить заведо-

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 171, 1892—1893. Дело Департамента народного просвещения, № 2336, л. 173.

вание сими школами одному из инспекторов народных училищ названной губернии с назначением для его местопребывания в г. Уральске»[1].

Через несколько лет, 19 ноября 1888 года, военный губернатор Уральской области, указывая на наличие в области 17 русско-казахских школ Министерства народного просвещения с ремесленными классами при них, а также около 80 частных мусульманских мектебов и медресе, возбудил ходатайство перед Министерством народного просвещения об учреждении в области «особой инспекции школ на тех же основаниях, как в соседней Тургайской области и во Внутренней киргизской орде»[2]. Он обратился к попечителю Оренбургского учебного округа с просьбой поддержать его ходатайство. Но Министерство народного просвещения ограничилось направлением 18 декабря 1888 года письма военного губернатора на заключение попечителю Оренбургского учебного округа и этот вопрос не получил положительного разрешения[3].

В Уральской области на 31 декабря 1894 года числились следующие учебные заведения[4]:

Уральская женская гимназия (150 учащихся), Уральское реальное училище (137 учащихся), 6, 7 и 8 классы гимназии при Уральском реальном училище (23 учащихся), 2 двухклассных русско-казахских училища (259 учащихся, в т. ч. казахов — 79), Илекское русско-казахское начальное училище (94 учащихся, в т. ч. казахов — 22), 10 волостных русско-казахских школ (400 учащихся, в т. ч. казахов — 354); мужское духовное училище (145 учащихся), 37 церковных школ (мужских — 17, женских — 1, смешанных — 19) с 879 учащимися (из них 283 девочки). Кроме того, 77 небольших школ (мужских — 33, женских — 7, смешанных — 37) обслуживали детей Уральского казачьего войска. В этих школах обучалось 2 984 ребенка, то есть в среднем на од-

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 171, д. 805, 1883—1884, л. 3.

[2] Там же, лл. 1—2.

[3] Госархив Башкирской АССР, ф. 109, оп. 1, д. 83. Переписка об учреждении в Уральской обл. особого инспектора народных училищ, 1888—1889.

[4] Учебные заведения всех ведомств и наименований, находящиеся на территории Оренбургского учебного округа по переписи 31 декабря 1894 года. Оренбург, 1896. См. также: ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 171, д. 2334, 2336, 156, 551.

ну школу приходилось 38 учащихся. В г. Гурьеве существовал мореходный класс, в котором находилось 13 учеников казахов, и в г. Уральске — русский класс при татарском медресе.

Во всех школах, подведомственных Министерству народного просвещения, было 1 063 ученика, в том числе казахов — 455.

Уральское шестиклассное реальное училище в 1890/91 учебном году преобразовано из Уральской воинской гимназии. Военный губернатор Уральской области в своем ходатайстве о таком преобразовании в 1886 году писал о том, что реальное училище в г. Уральске «могло бы открыть свои двери детям киргизского населения Уральской области, получившим предварительную подготовку в двухклассных киргизских училищах в Уральске и Гурьеве» и могло бы привлечь больше казахских детей, чем гимназия. Для детей казахов, желающих получить среднее образование, он предложил учредить несколько стипендий в Самарской гимназии.

Указ о преобразовании гимназии в реальное училище был принят 29 мая 1890 года. В нем предусматривалось также учреждение в г. Уральске среднего сельскохозяйственного технического училища. Последнее, однако, не было создано из-за отказа войскового начальства передать под училище сельскохозяйственную ферму, что было обещано бывшим войсковым атаманом генералом Шиповым.

В 1898 году на 644 тысячи жителей Уральской области было 177 учебных заведений с 6 683 учащимися (в 15 школах Министерства народного просвещения обучалось 1 117 детей).

Одно училище приходилось на 3 723 жителя. В городах насчитывалось 29 школ на 56 646 жителей и в сельской местности 144 школы на 587 355 жителей. Один ученик приходился на 99 жителей, что составляет около одного процента. В области было 57 960 детей школьного возраста, из них обучалось лишь 11 процентов [1].

Следует учесть, что школы Уральского казачьего войска и церковно-приходские школы составляли 92 процен-

[1] См.: Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи, вып. III. Опыт сравнительного обозрения успехов начального народного образования в разных местностях Российской империи. Спб., 1902.

та всех школ области, в них обучалось 83 процента всех учащихся.

Как видно, народное образование в Уральской области во второй половине XIX века еще не получило сколько-нибудь заметного развития. Населения в области было больше почти в 2 раза, чем во Внутренней орде, и в 1,5 раза, чем в Тургайской области, а школ было гораздо меньше.

Волостные одноклассные русско-казахские школы начали открываться на два года позже, чем в Тургайской области, а аульные здесь не были организованы до конца прошлого века. Не было создано ни одной школы и для девочек.

В области не было также ни городских училищ, ни педагогических классов, которые имелись в некоторых других областях Казахстана.

Ввиду малочисленности школ, наполняемость последних была несколько выше, чем во многих других областях Казахстана. Например, если в 1891/92 учебном году в Тургайской области в 38 школах Министерства народного просвещения обучалось 1 180 учащихся, то в 17 школах Уральской области — 724 учащихся. Попечитель Оренбургского учебного округа Д. С. Михайлов в своем докладе министру народного просвещения писал, что в Уральской русско-казахской школе было отказано в приеме 100 русским и 20 казахским детям.

Ремесленные классы имелись при всех школах области, а специальная школа ремесленных учеников, которая по своему уровню стояла ниже ремесленных училищ, готовила рабочих для частных мастеров.

3. КАЗАХСКАЯ ШКОЛА ПРИ ОРЕНБУРГСКОЙ ПОГРАНИЧНОЙ КОМИССИИ

«Положение об управлении оренбургскими киргизами» от 14 июня 1844 года предусматривало учреждение «школы для киргизских детей», которая должна была явиться первым учебным заведением для населения зауральской степи. Однако организация такой школы затянулась, и только 22 августа 1850 года она была открыта при Оренбургской Пограничной комиссии.

Школа была открыта в торжественной обстановке при участии «всех почтеннейших» казахов, родителей учащих-

ся и других родственников, «... их угощали обедом в школе, на котором присутствовала вся знать г. Оренбурга. 23 было устроено народное увеселение для киргизов за городом, сопровождавшееся скачками, борьбою, бегом и разными угощениями; к ночи зажжен был фейерверк, на который степняки смотрели с изумлением» [1].

Казахская школа была учреждена на 30 воспитанников, принятых на полное казенное иждивение. В школу могли быть зачислены также дети казахов на родительском иждивении. Годовое содержание школы в сумме 3 940 рублей относилось за счет кибиточного сбора с казахского населения.

Школа имела четыре класса с семилетним курсом обучения: по два года обучения в первых трех классах и один год — в четвертом классе.

Согласно «Положению» в школу могли приниматься «дети вообще киргизов и преимущественно оказавших услуги правительству и известных по своей преданности». Главная цель школы, «кроме распространения между киргизами знания русского языка и грамотности, состоит в приготовлении способных людей к занятию по пограничному управлению мест письмоводителей при султанах-правителях и дистаночных начальниках в Орде, а также к исправлению и других должностей, в которые исключительно назначаются киргизы» [2].

Пограничная комиссия еще задолго до открытия школы, 16 апреля 1847 года, представила Оренбургскому военному губернатору генералу от инфантерии генерал-лейтенанту Обручеву «Проект устава школы для киргизских детей при Оренбургской пограничной комиссии» [3]. В объяснительной записке к Проекту устава говорится, что цель казахской школы заключается в том, чтобы из воспитанников «могли бы быть выпускаемы на службу ордынцы, способные впоследствии не только занимать (по «Положению») места письмоводителей при султанах-правителях или дистаночных начальниках, но и быть с доверенностью допускаемы сами к должностям

---

[1] *А. В. Васильев.* Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние. Оренбург, 1896, стр. 37—38.

[2] Полное собрание законов Российской империи, собрание второе, т. XIX, № 17999.

[3] ЦГИА КазССР, ф. 4, св. 277, д. 3107, лл. 65—81.

начальников дистанции в степи, а в случае необходимости и помощников правителей» [1].

В «Положении» говорится и о другой цели казахской школы — о посылке с караванами в Хиву и Бухару отличившихся в учебе воспитанников школы для «приобретения топографических о тех странах сведений с соответственными чертежами».

Но, наряду с этим, как видно из объяснительной записки к Проекту устава, а также из самого Проекта устава, школа должна была предоставить казахским детям более широкие демократические и общеобразовательные знания. Указывалось на необходимость дать учащимся энциклопедические знания и понятия из «математической, физической и политической географии, в особенности сообразно с их назначением относительно России, а также соседственных с нею среднеазиатских владений».

Воспитанники должны иметь также некоторую подготовку в области законоведения «посредством указания им хотя на главнейшие государственные постановления, формы, следственный порядок». Кроме того, ставилась задача «сверх положенного курса наук» познакомить учащихся, «хотя наглядно, с нужнейшими в степном быту мастерствами и ремеслами, как-то: слесарным, токарным, переплетным и т. п. легкими и вместе опрятными занятиями, могущими сколько-нибудь послужить к возвышению и упрощению народной ордынской мануфактуры, а также дать понятие (по крайней мере общее воспитанникам 3 и 4 классов) о земледелии в степи, лесоводстве и улучшении скотоводства, а также ветеринарном искусстве и умении действовать ланцетом, поскольку это может быть применено к настоящему быту киргиз, в особенности прилинейных» [2].

На седьмом году обучения учащийся «под наблюдением переводчиков-секретарей упражняется в первоначальных канцелярских занятиях», занимается «перепиской служебных бумаг русских и татарских более важных, относящихся собственно до частного управления орды», а также «чтением и объяснением свода законов, рассмотрением сложных следственных и исковых дел,

[1] ЦГИА КазССР, ф. 4, св. 277, д. 3107, лл. 49—64.
[2] Там же, л. 68 об.

замечательных по важности случаев, из которых они возникли» [1].

Курс обучения в казахской школе должен соответствовать «низшей ступени учебных заведений, уравнивать ее отчасти с училищами приходскими и уездными».

По общеобразовательным предметам используются те же учебники, что и в уездных училищах.

В отношении методики преподавания отмечалось, что «хотя известная метода Ленкастера (или способ взаимного обучения) была успешна для первоначального приготовления киргизских мальчиков, потому что учение по наглядности как самое значимое для детского возраста вполне сообразуется с дикими привычками малолетних ордынцев», этот метод не применим к казахскому языку и потому следует ограничиться его использованием только в отношении русского языка в течение первого года.

Для преподавания русского и казахского языков рекомендовалось назначать таких учителей, которые одновременно знали бы оба эти языка. При этом подчеркивалось, что обучение учащихся современному казахскому и русскому языкам, «неразлучно необходимо в будущей их службе», является главной целью учреждения казахской школы при Пограничной комиссии.

В области физического воспитания учащихся Пограничная комиссия полагала «необходимым дать свободное развитие их организму посредством гимнастики, маршировки, фронтовой выправки, верховой езды и т. п. телесных упражнений, как средств самых натуральных и самых действительных».

Гимнастику, верховую езду и другие физические упражнения рекомендовалось проводить, «соображаясь с естественными привычками» казахских детей. Отмечалась польза фронтовой выправки и маршировки, особенно в исправлении физических недостатков.

Военный губернатор Оренбургского края Обручев, рассмотрев Проект устава, признал его «во многих отношениях несообразным» с «Положением» от 14 июня 1844 года, не соответствующим цели учреждения казахской школы. Он нашел «более излишним» преподавание в казахской школе таких дисциплин, как «география, то-

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 4, св. 277, д. 3107, л. 76 об.

пография со съемкой и черчением планов и география — математическая, физическая и политическая», так как, по его мнению, они не отвечают «главной цели воспитания в школе киргизских детей». Он отверг выдвинутое Пограничной комиссией положение, что выпускники казахской школы могут занимать также должности дистаночных начальников, а в случае необходимости — и помощников султанов-правителей, так как, по его мнению, «все эти виды, без затруднения могут быть достигнуты посредством замещения сих должностей воспитанниками из детей почетных ордынцев, выпускаемыми из Неплюевского кадетского корпуса, которым преподаются упомянутые науки в корпусе и для которых назначено там тридцать вакансий».

Обручев одобрял введение упражнений по гимнастике и верховой езде. «...Но,— писал он,— не могу изъявлять согласия на обучение воспитанников школы маршировке и фронтовой выправке по тем, в особенности, соображениям, что упражнение киргизских детей в маршировке и выправке, составляющих принадлежность воспитания малолетних, приготовляемых к военной службе, для кочевого народа вовсе не нужно и притом это подало бы повод легкомысленным киргизам думать, что их детей приготовляют в солдаты, а через то легко могли произойти разные неблаговидные недоразумения между ордынцами, подобно тому, как случилось это при опубликовании в 1844 году дополнительных постановлений о Неплюевском корпусе».

Обручев считал необходимым обучение учащихся «прививанию оспы, кровопусканию и ветеринарным наукам только в мере необходимой, именно наглядному распознаванию и лечению главнейших заразительных болезней, существующих на скот...»

Он стоял на той точке зрения, что обучение казахских детей различным ремеслам «есть уклонение от цели воспитания киргизских детей в школе, где предназначено образовать из ордынцев письмоводителей. Кроме того, обучение воспитанников мастерствам и ремеслам необходимо потребовало бы особых немаловажных издержек»[1].

В соответствии с указанными замечаниями 24 августа

[1] ЦГИА КазССР, ф. 4, св. 277, д. 3107, лл. 166—170.

1848 года было поручено коллежскому секретарю В. М. Лазаревскому, который впоследствии стал председателем Временного Совета по управлению Внутренней казахской ордой (1891 г.), составить новый проект устава школы.

В письме в Пограничную комиссию от 16 октября 1848 года генерал Обручев, ссылаясь на согласие с его мнением действительного тайного советника графа Нессельроде (Министерство иностранных дел), еще раз отмечал, что «некоторые предметы учения (географию, геометрию и т. п.) нет надобности включать в программу учения для киргизских детей, тем более, что главная наша цель (выраженная в самом Положении о сей школе) состоит в образовании из воспитанников ее письмоводителей для султанов-правителей и дистаночных начальников, в коих киргизское начальство нуждается. Поэтому само обучение их маршировке также совершенно излишне и может сверх того подать повод к разным превратным толкам со стороны киргизов; но гимнастика и верховая езда могут быть полезны для поддержания здоровья воспитанников» [1].

Царская администрация ставила перед казахской школой весьма ограниченные цели — подготовку письмоводителей. Она не была заинтересована в том, чтобы воспитанникам школы дать определенный круг общеобразовательных и, прежде всего, естественно-научных знаний. В постановлении областного правления оренбургскими казахами от 4 января 1863 года так прямо и говорилось, что «не к высшему умственному развитию должно быть направлено обучение в киргизской школе». Поэтому неудивительно, что генерал Обручев открыто выступил против обучения детей казахской школы географии, геометрии и другим естественно-научным дисциплинам.

Царская администрация не стремилась обеспечить связь обучения с жизнью, подготовить учащихся к практической жизни в широком смысле этого слова. В школе предполагалось ввести лишь элементарное обучение практическим знаниям, не обучая их различным ремеслам. Что касается обучения маршировке и фронтовой выправке, то это не только могло быть причиной непра-

[1] ЦГИА КазССР, ф. 4, св. 277, д. 3107 лл. 273—274.

вильных толков среди казахского населения, как об этом справедливо заметил Обручев, но и не вызывалось никакой необходимостью.

Новый проект устава школы, составленный В. М. Лазаревским в соответствии с положением о школе и замечаниями Оренбургского военного губернатора, был представлен им 20 декабря 1848 года. Однако, как видно из письма военного губернатора Пограничной комиссии от 16 августа 1849 года, новый проект устава школы не был утвержден [1]. По совету Азиатского департамента Министерства иностранных дел генерал Обручев вместо устава послал в Пограничную комиссию «Инструкцию» по осуществлению «Положения о школе». Ссылаясь на то, что министр иностранных дел тайный советник Л. Г. Сенявин просит поспешить с открытием казахской школы и что Азиатский департамент Министерства иностранных дел представляет на его усмотрение «распределение классов в школе, часов учения, подробности хозяйственные и т. п.», военный губернатор просил Пограничную комиссию сообщить, имеются ли у нее какие-либо дополнения или изменения к этой «Инструкции».

В «Инструкции» [2] были определены задачи казахской школы, предметы обучения и программы по ним, то, каким должен быть учитель, а также организационные вопросы.

В учебном плане школы предусматривалось преподавание следующих предметов: 1) Закон магометанский, 2) Русский язык: чтение, чистописание и грамматика, 3) Арифметика и способ счисления на счетах, 4) Татарский язык [3], 5) Порядок производства следствий и составление деловых бумаг на русском и татарском языках, 6) Гимнастика.

В отношении гимнастики в специальном примечании было сказано: гимнастические упражнения должны быть полезными для здоровья детей, чтобы «сидячая жизнь не могла иметь слишком вредного влияния на молодых людей, с малолетства привыкших к кочевой жизни и движению», что гимнастику, согласно желанию Мини-

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 4, 1847, д. 3107, св. 277, лл. 436—437.
[2] Там же, лл. 438—446.
[3] Под «татарским» языком подразумевается казахский язык.

стерства иностранных дел, следует «ввести не вдруг, а спустя несколько времени и удовлетворившись наперед, что киргизы не будут слишком ее чуждаться, во всяком же случае не приневоливать их к сего рода занятиям, а скорее приохачивать и чтобы оные были для них приятным развлечением».

В «Инструкции» приводится программа обучения.

«В первом классе преподается: первый год — русская и татарская азбука, чтение и чистописание на обоих языках; второй год — краткий катехизис (иман шарты), чтение Афтиака — седьмой части Корана, начало арифметики (нумерация).

Во втором классе: первый год — начальные правила магометанской веры, окончательное чтение седьмой части Корана, начальные основания русской и татарской грамматик и письмо под диктовку на обоих языках; первые четыре правила арифметики, способ решения задач, правила класть на счетах, чистописание по-русски и татарски; второй год — начальное толкование Корана, чистописание по-русски и татарски, продолжение русской и татарской грамматик до синтаксиса, легкие переводы, приспособленные к пройденному по грамматике, с русского языка на татарский и обратно (под руководством переводчика Пограничной комиссии), простые дроби и именованные числа.

В третьем классе: первый год — продолжение толкования Корана, окончание русской и татарской грамматик, окончание арифметики, способ решения задач, переводы с русского языка на татарский и обратно, чистописание под диктовку по-русски и татарски; второй год — окончание толкования Корана, практическое повторение русской и татарской грамматик, составление несложных деловых бумаг, производство следственных дел и повторение арифметики.

В четвертом классе, где воспитанники находятся только один год,— упражнение в легких сочинениях на обоих языках, составление более сложных деловых бумаг и рассмотрение таковых же следственных дел с практическим повторением пройденного, составление из следственных дел выписок. Кроме этого, врач и ветеринарный лекарь Пограничной комиссии обучают воспитанников прививанию оспы, кровопусканию и ветеринарной науке,

только в мере необходимой, именно, по наглядному распознаванию и лечению главнейших заразительных болезней, существующих на скот в Оренбургском крае.

Примечание. Объяснение законов, а также следственного порядка для воспитанников полезно потому, что они могут быть назначаемы депутатами к следствиям по делам между ордынцами и линейными жителями, а в Орде могут сами, по назначению правителей, производить следствия»[1].

Что касается учителей школы, то устанавливался порядок, согласно которому «законоучитель магометанского исповедания» должен был назначаться из числа мулл с одобрения Оренбургского духовного магометанского собрания и утверждаться военным губернатором. Учителя других дисциплин должны утверждаться военным губернатором из числа учителей и выпускников Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса или Казанского университета, а преподаватель «производства следственных дел и составления деловых бумаг» — приглашаться из числа чиновников, преимущественно из секретарей Пограничной комиссии, без особого денежного вознаграждения. Учитель русского языка одновременно должен был также знать и казахский язык, так как считалось, что без знания последнего «он не может с должным успехом правильно преподавать свой предмет».

Прием учащихся в школу планировался через каждые два года — 22 августа. Срок обучения устанавливался в 7 лет — по два года в первых трех классах и один — в четвертом. Учебные занятия намечалось проводить ежедневно, «исключая табельные дни, пятницы и главные магометанские праздники». В табельные дни все воспитанники должны повторять уроки, а по пятницам и магометанским праздникам — идти в мечеть «для слушания соборного богослужения»; в воскресные дни должен преподаваться «магометанский закон» и казахский язык. Порядок ежедневных учебных занятий и отдыха воспитанников определялся расписанием, составляемым товарищем председателя и утверждаемым председателем Пограничной комиссии. Учащиеся второго, третьего и четвертого классов, кроме уроков по рас-

[1] ЦГИА КазССР, ф. 4, 1847, д. 3107, св. 277, лл. 438—446.

писанию, ежедневно, под наблюдением надзирателя, по два часа должны повторять и готовить уроки.

Летние каникулы воспитанники должны были проводить у своих родителей. Тех же воспитанников, которых по каким-либо причинам нельзя было отправить к родственникам на каникулы, предлагалось отправлять «на кочевку в одно из ближайших и удобных для сего мест».

Учебные занятия намечалось проводить до 1 мая, с 1 по 20 мая — повторение пройденного курса обучения, а с 25 мая по 10 июня — испытания. Каникулы устанавливались с 15 июня по 15 августа.

Испытания проводятся в присутствии товарища председателя Пограничной комиссии и надзирателя школы; разрешалось присутствовать и родителям учащихся. В четвертом классе проводились выпускные испытания.

Для оценки знаний учащихся по каждому предмету устанавливалось 12 баллов, а всего по всем предметам, включая поведение, 72 балла.

Воспитанники, «оказавшиеся вовсе не способными к умственному образованию по тупости и нерадению или замеченные в дурном поведении», а также по состоянию здоровья должны были исключаться из школы и отправляться к родителям.

Эти положения «Инструкции» легли в основу всей деятельности казахской школы, организованной при Пограничной комиссии 22 августа 1850 года.

В первое время обучение в школе проходило с большими трудностями; успеваемость учащихся была низкой.

Согласно ведомости об успеваемости за сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь месяцы 1850 года, среди 30 учеников «очень хорошие способности» были отмечены только у трех учеников, «очень хорошее прилежание» — у двух; по русскому языку два ученика имели по 9 баллов (самый высший балл — 12), по казахскому языку два ученика имели по 10 баллов. Ибрай Алтынсарин, который впоследствии стал выдающимся казахским просветителем и первым казахским педагогом, был одним из наиболее талантливых и отлично успевающих учеников. Из ведомостей по успеваемости учащихся школы видно, что в 1851 году только у него были отмечены «очень хорошие способности»; по поведению он имел 12 баллов, по русскому языку — 10, казахскому — 11.

На экзаменах, которые проводились в 1852 году, 6 учеников показали «отличные» успехи, в том числе Ибрай Алтынсарин, «хорошие» — 9 учеников, «весьма порядочные» — 7, «посредственные» — 4 и «слабые» — 3.

Как видно из этих данных, после двух лет обучения успеваемость учащихся повысилась. Экзаменационная комиссия пришла к заключению, что «для двухлетнего времени, которое находятся воспитанники в школе, с поступлением в нее они оказали успехи весьма замечательные» [1]. 6 учеников, в том числе и И. Алтынсарин, были награждены похвальными грамотами. Кроме того, Ибрай Алтынсарин и Исмагил Хисамутдинов, «как лучшие по успеваемости», были произведены в «старшие воспитанники», а 9 ученикам была объявлена благодарность. В результате экзаменов 23 ученика были переведены во второй класс, 3 ученика оставлены в нижнем классе еще на два года ввиду их слабой успеваемости, а 3 малолетних неуспевающих ученика исключены из числа воспитанников школы.

В 1856 году в школе было 28 учащихся, из них в третьем классе — 22, во втором — 6. «Отличные способности» были отмечены у 3 учеников, «весьма хорошие» — у 2, «очень хорошие» — у 7, «хорошие» — у 9, «довольно хорошие» — у 1 ученика.

Общую успеваемость учащихся по отдельным учебным предметам можно видеть из таблицы 11 [2].

На 1 января 1857 года штат школы состоял из 30 воспитанников, 1 надзирателя, 7 преподавателей (на 2 человека больше, чем было определено штатным расписанием), 2 унтер-офицера для присмотра за воспитанниками, 12 человек технического персонала (его численность не была определена штатным расписанием).

В 1863 году в школе было 46 учащихся, в том числе в верхнем классе 17, в среднем — 11, в нижнем — 18. В верхнем классе 7 мальчиков по поведению имели по 12 баллов, 6 — по 11 и 4 — по 10; по «способностям» —

---

[1] Госархив Оренбургской обл., ф. 7, д. 6559, л. 43.

[2] Госархив Оренбургской обл., ф. 6, д. 71—92, 1856—1857. О состоянии киргизской школы, учрежденной при Оренбургской пограничной комиссии за 1856 год.

Родина мила сердцу не мѣстными
красотами, неяснымъ небомъ, не
пріятнымъ климатомъ, а плѣнитель-
ными воспоминаніями, окружающими,
такъ сказать, утро и колыбель человѣчества.

Истинная молитва должна
быть довѣрчива, исполнена
твердой надежды и упованій,
и слѣдовательно ограждена отъ
всѣхъ сомнѣній, недоумѣній и
мнительности.

Прописи учащихся казахской школы при Пограничной комиссии в г. Оренбурге.

Таблица 11

Успеваемость учащихся казахской школы при Оренбургской Пограничной комиссии в 1856/57 учебном году

Предметы	Баллы										Не аттестовано
	12	11	10	9	8	7	6	5	4	3	
Производство следственных дел	3	4	7	—	1	4	1	—	1	—	1
Русский язык	5/0	2/1	4/1	1/0	4/2	4/0	2/0	—	0/1	—	0/1 по болезни
Татарский язык	5/1	5/1	4/0	2/0	4/2	4/1	0/1	—	—	—	0/1
Арифметика	4/0	2/2	3/0	7/0	1/1	—	—	—	—	1/1	0/1

Примечание. В числителе указано число учащихся третьего класса, а в знаменателе — число учащихся второго класса.

отлично хорошие способности имели 3 ученика, весьма хорошие — 1, очень хорошие — 3, хорошие — 5 и довольно хорошие — 5. По русскому языку 3 ученика имели по 12 баллов, 1 — 10, 2 — по 9, 4 — по 8, 4 — по 7 и 3 — по 6. По казахскому языку успеваемость учащихся была лучше: 3 ученика имели по 12 баллов, 7 — по 11, 4 — по 10, 2 — по 9 и 1 — 7. По истории два ученика не успевали.

Как видно из «Отчета Оренбургской пограничной комиссии» пища для воспитанников школы приготавливалась с учетом их привычек к национальным блюдам, в свободное от учения время часто устраивались прогулки и игры на открытом воздухе. Весной и летом дети находились в кочевьях в окрестностях г. Оренбурга.

«Развитие добрых нравственных начал в питомцах,— как отмечается в отчете,— составляет также всегдашний предмет заботливости школьного начальства, и они вели себя хорошо.

Детям вкоренялся постоянно страх божий и чувства

неизменной любви и преданности к августейшему монарху и правительству русскому»[1].

Контингент учащихся был незначительный. Первый выпуск учащихся ожидался только через семь лет после организации школы, то есть в 1857 году. Ясно, что таким путем нельзя было обеспечить более или менее серьезное распространение русской грамоты среди казахского населения, а также удовлетворить потребности местных органов власти в достаточно подготовленных казахских кадрах административных работников. Кроме того, пребывание в школе одних только казахских детей не могло способствовать успешному изучению ими русского языка.

Поэтому вскоре встал вопрос об увеличении контингента учащихся, как за счет дополнительного приема в школу казахских детей, так и за счет приема приходящих русских детей.

В своей «Записке об увеличении числа воспитанников в школе киргизских детей при Оренбургской пограничной комиссии»[2], посланной в Министерство народного просвещения, оренбургский генерал-губернатор Катенин писал: «С осуществлением этого предложения можно надеяться достигнуть скорейшего, чем при настоящих средствах школы, распространения между киргизами знания русского языка и некоторой грамотности, т. е. подготовить большее число полезных людей для занятия должностей по пограничному управлению, представленных киргизам».

Как указывалось в «Записке», при одновременном приеме всех 30 учащихся в течение 7 лет прием учащихся в школу не производится. Прием новых учащихся мог состояться только после первого выпуска, который был в июле 1857 года. Два ученика, отставшие в учебе от своих сверстников, должны были окончить школу в 1859 году. Но затем следующий выпуск должен был состояться только в 1864 году.

Генерал-губернатор отмечал, что большая часть выпускников школы училась «при бойких способностях весьма успешно и замечательно знает русский письменный язык и язык татарский». Но, наряду с этим, он указывал на то, что казахская школа при пограничной

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 4, св. 132, д. 4629, лл. 40—41.
[2] ЦГИА КазССР, ф. 78, д. 186, лл. 68—73, 1865.

комиссии не выполняет поставленных перед ней правительством целей. «Семилетний опыт показывает,— говорится в «Записке»,— что школа, несмотря на эти весьма утешительные, на первый взгляд, результаты, не в состоянии достигнуть вполне указанных ей правительством целей — подготовление людей, способных к распространению знаний русского языка и разумной грамотности между киргизами и особенно к занятию в Орде письмоводительских и других должностей, требующих более или менее основательного навыка в русском языке от тех, которые поступают в сии обязанности, не говоря уже о том, что при нынешних условиях своего существования школа не может пополнить насущного недостатка в Орде в подобных людях без значительных промежутков времени».

В «Записке» также указывалось на то, что казахские дети приходят в школу, не зная ни одного русского слова, и поэтому, несмотря на проведение с ними дополнительных внеклассных занятий, неудовлетворительно владеют русской разговорной речью. Одна из основных причин этого «ограниченность проходимых предметов сравнительно с семилетним курсом» обучения. По этой же причине недостаточно развиваются «умственные понятия питомцев», несмотря на то, что «большая часть киргизов одарена с природы замечательно бойкими способностями».

Для устранения указанных недостатков предлагалось число казеннокоштных воспитанников казахов увеличить хотя бы еще на 10 и, кроме того, принять в школу 10 вольноприходящих русских мальчиков. Имелось в виду, что при тесном контакте с русскими детьми казахские учащиеся будут приобретать навыки русской разговорной речи, что, в свою очередь, окажет благотворное влияние на успешное изучение ими русского языка.

Далее, в целях «большего развития понятий» учащихся, рекомендовалось в учебный план школы ввести некоторые предметы, которые преподавались в уездных училищах, а именно: «православный катехизис и краткую священную историю» (для русских воспитанников), математическую, всеобщую и русскую географию (краткую) всеобщую и русскую историю (главнейшие исторические факты и события в общей связи), начальное основание геометрии, черчение и рисование.

Курс обучения предлагалось сократить с семи до шести лет, вместо четырехклассного обучения ввести трехклассное (по два года на каждый класс).

Практика показала, насколько были не правы генерал Обручев и другие царские чиновники, которые отвергали необходимость преподавания в казахской школе общеобразовательных дисциплин.

Министр иностранных дел Д. М. Толстой 18 января 1859 года сообщил Оренбургскому военному генерал-губернатору об удовлетворении ходатайства об увеличении числа учащихся и других предложений» о казахской школе.

В 1859 году Комитет министров принял постановление: увеличить число воспитанников казахской школы до 40, несколько расширить программу учебного курса и допустить к бесплатному слушанию учебного курса до 10 русских мальчиков «с целью дать киргизским детям больше средств к упражнению в разговорном русском языке» [1].

Был установлен следующий учебный план:

Предметы преподавания	Число уроков в неделю на каждый предмет			
	нижний класс	средний класс	верхний класс	итого уроков
Русский язык	5	4	3	12
Киргизско-татарский язык	4	2	2	8
Чистописание	2	—	—	2
Рисование и черчение	1	1	1	3
Арифметика	3	3	—	6
Геометрия и межевание	—	—	4	4
География	—	3	—	3
История	—	2	3	5
Делопроизводство и следственный процесс	—	—	2	2
Закон божий	—	2	2	4
Магометанское вероучение	—	2	2	4
Всего:	15	19	19	53

Примечание. Продолжительность каждого урока равнялась 1,5 часа.

[1] Госархив Оренбургской обл., ф. 6, д. 14146, лл. 23—25.

Областное правление оренбургскими казахами[1] 4 января 1863 года приняло специальное постановление и 14 января того же года представило оренбургскому и самарскому генерал-губернатору свои соображения об учебном плане и программах обучения в казахской школе в соответствии с утвержденными 31 марта и 14 апреля 1859 года Положениями комитета министров[2].

В постановлении сказано, что в соответствии с вышеуказанными положениями в сентябре 1862 года в школе введен шестилетний курс обучения и начато преподавание по новым учебному плану и программе.

Программа предусматривала:

«1) По русскому языку: а) в первом классе обучить чтению и письму, упражняя в последнем под диктовку; ознакомить воспитанников из киргизов с наивозможно большим числом русских слов и приучить обращаться с этим запасом посредством составления фраз; б) во втором классе пройти этимологические и синтаксические правила языка, упражнения в грамматическом разборе; в) в третьем классе приучить к правильному и ясному изложению мыслей на словах и на письме, объяснить главные роды сочинений и познакомить, в отрывках, с лучшими русскими писателями в каждом роде.

2) По «киргизско-татарскому» языку: а) в первом классе приучить чтению и письму, упражняя в последнем под диктовку; ознакомить русских воспитанников с наивозможно большим числом киргизских слов и приучить обращаться с этим запасом посредством составления фраз; б) во втором классе пройти грамматику киргизского языка, упражняя в этимологическом и синтаксическом разборе; в) в третьем классе приучить к правильному и ясному изложению на словах и на письме, занимать переводами с русского на казахский и обратно, ознакомить, в отрывках, с важнейшими восточно-тюркскими писателями (каковы Бабер-падишах, Абулгазихан и т. д.), объясняя при этом отличительные черты татарского, шагатайского и других наречий.

3) По чистописанию: стараться не столько о краси-

---

[1] Оренбургская пограничная комиссия в 1859 году была переименована в «Областное правление оренбургскими киргизами».

[2] ЦГИА КазССР, ф. 78, д. 186, лл. 81—91, 1865.

вом письме по прописям, сколько о приучении к четкой скорописи.

4) По рисованию и черчению: вести обучение преимущественно в приложении к практическим целям межевому и строительному делу и, вообще, приучать к рисованию с натуры.

5) По арифметике: а) в первом классе — на первый год ограничиться основательным обучением счислению на счетах и сложению и вычитанию в уме малых чисел; во втором году познакомить с цифрами и приучить к первым четырем действиям над ними; б) во втором классе — в первый год пройти именованные числа и дроби, во второй год — пропорции, насколько все это может иметь приложение к практической деятельности, ожидающей воспитанников и упражняя их в решении арифметических задач, преимущественно имеющих отношение к межевому делу.

6) По геометрии и геодезии: преподавание обоих предметов вести параллельно и первую проходить лишь насколько она необходима для последней; вследствие чего в первый год третьего класса обучить лонгиметрии, занимать копировкой планов и практически ознакомить с геодезическими инструментами, а во втором году преподавать планиметрию и межевую съемку с выводом в поле на практические занятия.

7) По географии: в первом году второго класса сообщить существенно важное из математической и физической географии о племенах и народах из этнографии, а во втором году того же класса ознакомить в главных чертах с важнейшими государствами земного шара и преимущественно Россией.

8) По истории: а) во втором классе — ознакомить хронологически и топографически (при помощи карты) с важнейшими событиями и деятелями древних и новых времен; б) в третьем классе пройти, в главных чертах, историю России (преимущественно территориального ее распространения), управления киргизами со времени принятия ими русского подданства и соседних стран Средней Азии.

9) По делопроизводству и следственному процессу: а) в первом году третьего класса ознакомить с правительственной организацией России, с канцелярским порядком одноличного и коллегиального управления и

важнейшими формами деловых бумаг; б) во втором году того же класса пройти подробно следственный процесс с практическими упражнениями относительно допросов, очных ставок, обысков и других действий по производству гражданских и уголовных следствий.

10) По закону божию: а) в первом году второго класса преподавать краткую историю ветхого и нового завета, во втором году того же класса — краткий катехизис; б) в первом году третьего класса — объяснение литургии, во втором году того же класса — об отличительных чертах православия от других христианских исповеданий и опровержение главнейших старообрядческих и раскольничьих заблуждений.

11) По магометанскому вероучению: а) во втором классе обучать магометанскому катехизису (иман шарты); б) в третьем классе толковать Коран [1].

Несмотря на то, что школа имела религиозное направление и в ней «закон божий» и «магометанское вероучение» являлись специальными предметами преподавания, новая программа предусматривала усвоение учащимися известного объема реальных знаний в результате преподавания таких дисциплин, как русский язык, киргизско-татарский язык, рисование и черчение, арифметика, геометрия и геодезия, география, история, делопроизводство и следственный процесс. Новая программа также предусматривала, чтобы преподавание в школе велось до некоторой степени с учетом возможности практического применения изучаемых предметов в жизни. Например, преподавание «киргизско-татарского языка» предусматривало знакомство учащихся с виднейшими восточно-тюркскими писателями; преподавание черчения и рисования должно было вестись «преимущественно в приложении к практическим целям, а также с целью приучить детей к рисованию с натуры. Изучение арифметики должно было найти «приложение к практической деятельности, ожидающей воспитанников»; учащимся предлагалось упражняться в решении арифметических задач, «преимущественно имеющих отношение к межевому делу». По геометрии и геодезии предусматривалось «копировка планов», практическое знакомство с геодезическими приборами, а изучение плани-

[1] ЦГИА КазССР, ф. 78, д. 186, лл. 81—91.

метрии и межевой съемки должно было сопровождаться практическими занятиями в поле. По географии ставилась задача практического ознакомления с географией и этнографией России и важнейших стран мира.

В постановлении областного правления оренбургскими казахами также говорилось, что практика показала «неудобноисполнимым с пользой для детей» преподавание русского языка совершенно не знающим его преподавателем, не владеющим казахским языком.

В связи с замечаниями генерал-губернатора Безака о недостаточности уроков по чистописанию и о желательности предварительного ознакомления учащихся с общими понятиями по географии до начала преподавания истории, областное правление нашло целесообразным увеличить число уроков по чистописанию в нижнем классе до четырех в неделю и, кроме того, ввести два урока по чистописанию в среднем классе. Чтобы предварительное изучение географии предшествовало изучению истории, было предложено преподавателю истории, чтобы учащиеся в первый год обучения в среднем классе в его присутствии прочитывали и пересказывали руководство по русской истории, для детей «самого раннего возраста». Областное правление полагало, что так учащиеся ознакомятся с «важнейшими событиями и деятелями отечественной истории» и, «вместе с тем, повторением прочитанного будут упражняться в русском языке» [1].

Штат школы и ее бюджет были определены согласно положению о школе от 14 июня 1844 года и постановлению Комитета министров от 14 апреля 1859 года. На пищу 50 ученикам (в т. ч. 10 русским вольноприходящим) предусматривалось 1 800 рублей, т. е. по 36 рублей на каждого ученика, на одежду 40 ученикам — 1 000 рублей, или по 25 рублей на каждого ученика, по 80 рублей каждому из трех унтер-офицеров, присматривающих за воспитанниками, на приобретение учебных пособий 100 рублей.

Весь бюджет составлял 6 900 рублей в год, в том числе на жалованье учителям и учебные пособия 2 220 рублей. Остальные 4 680 рублей относились на содержа-

---

[1] Госархив Оренбургской обл., ф. 6, д. 7493, лл. 26—29.

ние воспитанников (93 руб. 60 коп. в год на каждого воспитанника).

Фактические расходы школы выражались в следующем: жалованье учителю географии и геометрии — 250 рублей, учителю казахского языка — 200 рублей, законоучителю православному — 150 рублей, законоучителю магометанскому — 100 рублей, учителю черчения и рисования — 100 рублей, преподавателю делопроизводства — 100 рублей, учителю арифметики — 200 рублей, учителю русского языка в среднем и верхнем классах — 250 рублей, учителю казахского языка в среднем и верхнем классах и русского языка в нижнем классе — 300 рублей в год. С согласия учителя истории, которому штатным расписанием было положено 230 рублей, было изъято из его жалованья 50 рублей на оплату преподавателю гимнастики (5 уроков в неделю), преподавание которой не было предусмотрено учебным планом и штатным расписанием [1].

Учителями в школе работали: по русскому языку — Бекчурин и Борецкий, арифметике — Арцишевский, истории — Пискунов (учитель Оренбургского военного училища), геометрии — Орловский, рисованию — Кутерин, по казахскому языку — Субханкулов и Бекчурин, гимнастике — Конохов, делопроизводству — Умнов.

К указанному постановлению была приложена подробная объяснительная записка, в которой отмечались следующие важные моменты:

1. Казахская школа при областном правлении имеет, согласно «действующему ныне уставу, характер общеобразовательного заведения для киргизов». Объем программы обучения в казахской школе хоть и меньше, чем в гимназии, но больше, чем в уездных училищах, а срок обучения в ней в два раза больше, чем в этих училищах. Однако «киргизская школа не дает никаких особенных прав своим воспитанникам ни при определении в государственную службу, ни в общественном быту: так, аттестат об окончании курса киргизской школы не избавляет воспитанника от экзамена, если бы он с этим аттестатом поступал на службу, не избавляет даже и от телесного наказания, тогда как освобождаются от оного

[1] Госархив Оренбургской обл., ф. 6, д. 7493, лл. 26—29.

лица податных сословий, имеющие аттестаты уездных училищ»[1].

2. Ввиду того, что казахские дети, поступающие в школу, совершенно не знали русского языка, они не успевали пройти программу обучения. Поэтому они не получали того минимального объема общеобразовательных знаний, которые определены программой. «Дети, как видно из опыта, заучивают бессознательно фразы, но умственно редкие могут развиваться; цель школы, как заведения общеобразовательного, очевидно, не достигается»[2].

3. Несмотря на недостатки, школа сделалась «популярной» среди казахов, которые «весьма охотно готовы отдать своих детей», так как «хорошее содержание детей» обходится недорого; кроме того, «дети киргизские, обучаясь при областном правлении, знакомятся с начальством, под ведением которого предназначено им, по выпуске из заведения, действовать на службе или частном быту».

4. Выражая неудовлетворенность некоторым изменением цели и направленности обучения казахских детей в школе, предлагается возвратиться к восстановлению изначально установленных целей учреждения школы. «Если бы учение в киргизской школе устроить на других основаниях, а именно: возвратиться к тому устройству заведения, которое недавно отменено, то приносимая школой польза может значительно увеличиться. По мнению областного правления, состоящая при нем киргизская школа не должна быть ни общеобразовательным, ни специальным заведением для ордынских детей; не нужно в ней сообщать воспитанникам познаний о таких науках, например, как география, история, геометрия, словесность, которые в будущей деятельности воспитанников не будут иметь практического применения. Цель киргизской школы должна состоять в том, чтобы между ордынцами распространять **знания русского языка и русской грамотности, с раннего возраста знакомить их с нашими обычаями и, с детства усвоив им сии последние, отторгнуть их от грубого и невежественного быта,**

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 78, оп. 7, доп. св. 6, д. 186, лл. 81—91 об., 1865.

[2] Там же.

свойственного кочевникам. К этой собственно цели, а не к высшему умственному развитию, должно быть направлено обучение в киргизской школе» [1].

5. В соответствии с указанной целью предлагалось изменить программу. «Чтобы школа удовлетворяла такому истинному ее назначению, достаточно в ней обучать: русскому чтению и письму, упражняя в последнем под диктовку. Довести воспитанников, посредством постоянного упражнения в разговорах до того, чтобы в течение двух и наиболее трех лет они могли свободно объясняться по-русски и излагать письменно свои мысли, с соблюдением лишь одних главных правил грамматики и правописания, которые могли быть усвоены путем практическим. По чистописанию стараться не столько о красивом письме по прописям, сколько к приучению к четкой скорописи. Татарскую грамоту и начало магометанского вероучения. По арифметике — счислению на счетах и четырем арифметическим действиям с простыми числами, упражняя, сверх того, воспитанников в решении доступных их понятиям арифметических задач. Кроме того, число надзирателей за учащимися должно быть увеличено до 5 человек, и они под руководством учителя должны учить детей чтению по букварям и началам счисления, а главное быть с детьми неотлучно, упражняя их в русском разговорном языке» [2].

6. Рекомендовалось срок обучения в школе не устанавливать, а выпуск оканчивающих школу производить «по удостоянию попечителя заведения, тогда когда дети успеют пройти все, что должно здесь изучать». Предлагалось сократить число учителей. Рекомендовалось иметь одного учителя, одного помощника учителя, муллу для преподавания магометанского вероучения, выделить на приобретение учебного пособия 100 рублей.

Если данную объяснительную записку сравнить с постановлением от 4 января 1863 года, легко заметить, что постановление было более прогрессивным. Составители справки намеренно тянули школу назад, суживая учебный план и программу школы. Можно полагать, что вокруг определения цели, учебных планов и программ

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 78, оп. 7, доп. св. 6, д. 186, лл. 81—91 об., 1865.

[2] Там же.

казахской школы при областном правлении среди представителей царской администрации были большие споры и все же в постановлении областного правления одержали верх более здравые и прогрессивные идеи. Если в объяснительной записке и в предложенной ее авторами программе обучения в казахской школе предусматривается лишь преподавание элементарного курса русского языка, казахского языка и арифметики и исключается преподавание естественно-научных и других дисциплин, то в учебном плане и программе, утвержденных областным правлением, предусматривается овладение учащимися более широкими общеобразовательными знаниями, связанными с будущей практической деятельностью учащихся. Если авторы объяснительной записки выступают за то, чтобы обучение в школе было направлено против «высшего умственного развития» учащихся, то программа предусматривает умственное развитие учащихся, расширение их естественно-научного кругозора. Если в записке предлагается не устанавливать определенного срока обучения и выпуск учащихся производить по усмотрению попечителя школы в зависимости от успеваемости, то постановление областного правления устанавливает определенный, шестилетний срок обучения и усвоение учащимися определенного объема учебного материала по годам обучения.

Предложения областного правления, как было указано выше, были представлены на усмотрение оренбургского и самарского генерал-губернатора, который поддержал их. 21 января 1863 года он писал министру внутренних дел: «При внимательном рассмотрении этих предложений нахожу, что «ходатайство областного правления заслуживает не только полного уважения, но что приведение оного в исполнение в настоящее время крайне необходимо» [1].

Ввиду незаинтересованности царского правительства в расширении преподавания общеобразовательных дисциплин в казахской школе новый учебный план и новая программа, предложенные областным правлением и даже одобренные генерал-губернатором, не были полностью осуществлены. Об этом свидетельствуют выводы, сделанные директором училищ Оренбургской губер-

[1] Госархив Оренбургской обл., ф. 6, д. 7493, лл. 52—60.

нии по результатам испытаний учащихся казахской школы.

Царская администрация ревностно следила за работой школы. Организация при Пограничной комиссии казахской школы являлась своего рода экспериментом, успешный результат которого, очевидно, должен был послужить примером для организации подобных школ.

Однако школа, созданная с целью подготовки из казахских детей преданных царизму слуг, не оправдала возложенных на нее правительством надежд. Об этом свидетельствуют данные, приведенные Л. Мейером. Отмечая, что казахскую школу при Пограничной комиссии окончили в 1857 году 20 учеников, а в 1858 году два ученика, он писал: «Ученики этих двух выпусков имели следующую судьбу: без особой причины оставлены без должностей 7 человек, 1 оставлен за дурное поведение, 1 содержится под стражей за кражу лошадей, 3 человека служат переводчиками при укреплениях, 5 — начальниками дистанций, 3 находятся при киргизских школах в степи, 1 — фельдшер, 1 состоит в канцелярии генерал-губернатора. Из этого перечня видно, что почти половина воспитанников не приносит степи никакой пользы, что нельзя не приписать отчасти несовершенству заведения, давшего им воспитание»[1].

Такое неблагополучное положение с использованием на работе выпускников, а также низкий уровень знаний большинства их, естественно, не могли не беспокоить царскую администрацию. Появились предложения о закрытии казахской школы при областном правлении и изыскании других путей подготовки покорных слуг царизма из числа казахов.

Поводом для этого послужило предстоящее открытие в 1868 году гражданской гимназии в городе Оренбурге. Областное правление поддержало предложение генерал-губернатора Н. А. Крыжановского, сделанное 12 сентября 1867 года, о необходимости закрытия казахской школы и передачи ее функций гимназии.

Было представлено соответствующее заключение[2], в котором говорилось о необходимости содержания в пансионе гимназии 33 казахских стипендиатов за счет

[1] *Л. Мейер.* Материалы для географии и статистики России. Киргизская степь Оренбургского ведомства. С.-Петербург, 1865.

[2] Госархив Оренбургской обл., ф. 6, д. 14146, лл. 3—6.

средств в сумме 6 678 рублей, ассигнованных на содержание школы вне зависимости от того, имеется ли возможность увеличить число стипендий за счет образования особого капитала от пожертвования казахским населением на содержание гимназии значительных сумм. При этом областное правление поставило вопрос о том, чтобы ему было предоставлено право комплектования открывающихся в гимназии вакансий для учащихся казахов по заслугам их отцов, а при равенстве прав последних — по старшинству зачисления в кандидаты. Такой порядок, по мнению областного правления, должен был «обеспечить влияние областной администрации на подведомственное население».

Областное правление высказалось за то, чтобы не устанавливать определенного лимита вакансий в подготовительном классе гимназии. Учащиеся в зависимости от их успеваемости и способностей могут поступить по экзамену в первый, второй или третий классы открывающейся гимназии и только те учащиеся школы, которые не выдержат экзамена в соответствующие классы гимназии, могут быть определены в подготовительный класс. Но в последний могут быть приняты учащиеся только на такое количество мест из 33 установленных вакансий, которое останется за вычетом количества мест, занятых учащимися, поступившими в основные классы гимназии.

По мнению областного правления, гимназия, где одновременно с русскими должны были учиться казахские дети, должна была стать очагом распространения среди казахского населения «полезных знаний и начал истинной цивилизации», а также способствовать «обрусению» казахов. «Гимназия эта,— говорилось в заключении областного правления,— удовлетворяя потребностям края как общеобразовательное учебное заведение, должна в среде здешнего многочисленного инородческого населения распространять полезные знания и начала истинной цивилизации, посредством которой племенные особенности должны сгладиться и слиться в общей массе населения империи»[1]. Для этой цели при гимназии предусматривалось открытие реального отделения, главным образом, для казахских детей. Правда, еще до этого

[1] Госархив Оренбургской обл., ф. 6, д. 14146, лл. 3—6.

особый комитет по учреждению гражданской гимназии в г. Оренбурге, имея в виду, что гимназия «должна давать образование преимущественно инородцам Оренбургского края с тем, чтобы они, не отторгаясь впоследствии от своей среды, могли в сию последнюю вносить просвещение посредством распространения полезных знаний в хозяйственном и промышленном быту», а также, принимая во внимание ходатайство местного купечества, признавал необходимым учреждение при классической гимназии отделения реальных наук.

Так как выпускники гимназии — казахи — должны были оставаться в области на частной или государственной службе как «надежные агенты областной администрации» среди казахского населения, то считалось необходимым знание «татарской грамоты»[1] всеми оканчивающими гимназию казахами. Областное правление считало, что выпускники гимназии, не знающие «татарской грамоты», будут «менее полезными, чем знающие ее, как в частном быту, так и на службе», они «будут поставлены в крайне неловкое положение в отношении к киргизам, которые со своей точки зрения всякого самоучку-киргиза будут считать более образованным, чем кончившего курс гимназии». В качестве примера «пользы знания татарской письменности» областное правление приводит окончивших курс обучения в кадетском корпусе султанов Сейдалиных, «которые без этого знания долго не могли бы быть столь полезными на службе, как ныне».

Необходимость знания «татарского языка» казахскими учащимися гимназии — будущими чиновниками царской администрации объяснялась также материальными соображениями и желанием иметь «добросовестных» переводчиков.

Исходя из того, что «еще далеко то время, когда миллионное население области обрусеет до такой степени, чтобы живущему в этой среде можно было обойтись без знания татарской грамоты», и что «на каждом шагу почувствуется в ней неизбежная потребность», областное правление возбудило перед генерал-губернатором ходатайство о том, чтобы в подготовительном классе

[1] В то время царская администрация не признавала казахский язык как самостоятельный язык казахского народа или смешивала его с татарским языком.

гимназии был бы учрежден «особый учитель, у которого киргизские дети могли бы выучиться читать и писать по-татарски в продолжение дальнейшего курса, хотя один час в неделю занимались бы с ним и переводили с русского языка на татарский и обратно». Вместе с тем указывалось, что «в изучении грамматики и литературы татарского языка нет никакой надобности».

По получении обстоятельного мнения областного правления оренбургский генерал-губернатор вошел с ходатайством в Министерство внутренних дел «о закрытии киргизской школы и об учреждении взамен ее при пансионе оренбургской гимназии вакансий для киргизских мальчиков с устройством, преимущественно для них же, приготовительного при гимназии класса и с обращением на расходы по сему предмету всей суммы, отпускаемой ежегодно на содержание киргизской школы» [1].

В письме Министерства внутренних дел в адрес Департамента экономии от 17 сентября 1863 года говорится, что Министерство народного просвещения не возражает против учреждения при пансионе оренбургской гимназии вакансий для казахских детей и устройства для них приготовительного класса при гимназии. Желание закрыть казахскую школу при областном правлении оно объясняло тем, что она «не вполне удовлетворяет местным потребностям», так как, по мнению Министерства просвещения, курс обучения в ней соответствует лишь курсу обучения в уездных училищах и, кроме того, однородный национальный состав учащихся не дает последним возможности достаточно упражняться в разговорном русском языке.

«Оба эти неудобства,— говорится в письме,— устранятся, когда киргизские мальчики будут поступать в оренбургскую гимназию после предварительного, кому понадобится, обучения в приготовительном классе» [2].

Министерство внутренних дел поддержало предложение оренбургского генерал-губернатора об учреждении для казахских детей казеннокоштных вакансий с приготовительным классом и ликвидации казахской школы при областном правлении. Оно признало, что с учреждением гимназии, то есть общеобразовательного

[1] Госархив Оренбургской обл., ф. 6, д. 14146, лл. 23—25.
[2] Там же.

учебного заведения, казахская школа, «курс которой лишь несколько превышает курс уездного училища, потеряет уже всякое значение в смысле развития народного образования между ордынцами, а с предстоящим преобразованием местного управления в области оренбургских киргизов утратится и главная цель учреждения этой школы — подготовление молодых киргизов к замещению письмоводительских и других должностей по местному управлению области, представленных теперь исключительно ордынцам» [1].

Министерство внутренних дел признало полезным «в видах облегчения киргизам способов отдавать детей своих в гимназию» освободить их от внесения установленной платы за обучение в гимназии.

Государственный комитет в ноябре 1868 года принял следующее постановление о закрытии казахской школы при областном правлении:

«1. Учредить при имеющем открыться пансионе при губернской гимназии в г. Оренбурге 30 казеннокоштных вакансий исключительно для киргизов Оренбургского края и открыть при ней преимущественно для киргизов приготовительный класс с назначением в оный особого учителя и муллы для преподавания воспитанникам из магометан как в приготовительном, так и в прочих классах гимназии, мусульманского вероучения.

2. На киргизские вакансии в пансионе оренбургской гимназии назначить детей киргизов как Зауральского края, так и Внутренней киргизской Орды, без различия, с освобождением их от платы за учение в гимназии, независимо от того числа гимназических учеников, которое представлено освобождать от платы за учение, согласно параграфу 60 Устава гимназии и прогимназии, высочайше утвержденного 19 ноября 1864 года. Самый же выбор кандидатов для замещения киргизских вакансий предоставить распоряжению оренбургского генерал-губернатора.

3. За открытием губернской гимназии в г. Оренбурге прекратить учебный курс в школе киргизских детей при областном правлении оренбургскими киргизами, разместив учеников оной, для слушания гимназического курса, по вновь открытым классам гимназии, сообразно

[1] Госархив Оренбургской обл., ф. 6, д. 14146, лл. 23—25.

возрасту и познаниям, которые они окажут на приемном в гимназию испытании, с устройством и приготовительного для киргизских пансионеров класса, если это окажется необходимым. Все распоряжения по сему предмету возложить на директора оренбургской гимназии, по сношении и соглашении с местным начальством оренбургских киргизов.

4. Впредь до устройства и открытия помещения для пансиона при оренбургской гимназии оставить киргизских пансионеров в ныне занимаемом ими здании киргизской школы на полном казенном содержании, которое они получают в настоящее время, с устройством же помещения для пансиона и с переводом туда киргизских пансионеров школу сию окончательно закрыть, оставив здание школы по-прежнему в ведении того же начальства, которое заведывает оною доселе» [1].

Постановление Государственного совета было утверждено царем 2 декабря 1868 года.

При закрытии школы директор училищ Оренбургской губернии провел испытания учащихся. О результатах испытаний он сообщил в письме к попечителю Казанского учебного округа от 15 января 1869 года. Здесь же он высказывает свои соображения о поступлении воспитанников школы в гимназию и об организации для них пансиона.

Он писал: «По экзамену нашел, что они довольно успели в тех предметах, которые им преподавались. Но самое преподавание несогласно с программами, введенными в училищах Министерства народного просвещения, некоторые из преподанных предметов оказываются лишними, а некоторые не проходились, например, география России и Европы, а общее обозрение прочих частей света опущено. Вообще преподавание, как выразились сами учителя, во всех предметах было популярно.

Действительно, такое учение поверхностно ознакомило детей с некоторыми предметами, необходимыми в жизни. Основательного же учения незаметно. В русском языке, как видно, успехи по навыку. Некоторые могут дать отчет о разных видах предложений и пишут правильно. Вообще заметна охота к письму и черчению,

[1] Госархив Оренбургской обл., ф. 6, д. 14146, лл. 26—28.

успехи в которых очень удовлетворительны, особенно черчение географических карт.

Заметно, что дети учатся охотно, преимущественно их занимают искусства, к чему они должны учиться хорошо и прочим предметам — если поймут их, что по незнанию хорошо русского языка довольно трудно»[1].

Испытаниям были подвергнуты 36 учеников из 40, в том числе 6 учеников из верхнего класса, 11 — из среднего и 19 из низшего. «Ученики верхнего класса,— писал директор училищ,— хорошо развиты, русский язык понимают; достаточно подготовлены в арифметике, географии, отчасти истории. В среднем классе — слабее, хотя пишут под диктовку довольно правильно, но грамматические формы ими не усвоены, исключая одного, который отчетливо ответил на все вопросы. В нижнем классе читают, знают даже наизусть несколько басен и стихотворений, но значения многих слов не понимают, некоторые не понимают даже ни слова»[2].

Учащиеся казахской школы хорошо овладели навыками письма по русскому языку. Об этом могут свидетельствовать замечательно исполненные прописи учеников, приложенные к рапорту коменданта оренбургского укрепления подполковника Яковлева[3].

Директор училищ также писал, что им было предложено тургайскому губернатору «прекратить учение так, как оно ведется», открыть приготовительный класс по подготовке казахских детей для поступления в гимназию, а также учредить постоянный воспитательный надзор за детьми со стороны двух опытных воспитателей, которые постоянно находились бы с детьми и «способствовали скорейшему их развитию и обучению русскому языку».

В отношении возможности поступления учащихся казахской школы в гимназию, «сообразно их возрасту и успехам», он указал, что «без особенных льготных правил, исключительно для инородцев, они, согласно требованиям программ, вступить не могут»[4].

Сообщая мнение оренбургского генерал-губернатора о том, что обучение казахских детей латинскому языку

---

[1] Госархив Оренбургской обл., ф. 73, д. 5а, лл. 2—5.
[2] Там же.
[3] Там же, ф. 6, д. 8031, л. 5.
[4] Там же.

излишне, а изучение французского языка имеет преимущество перед другими иностранными языками, директор писал: «Если бы можно было поместить некоторых из означенных учеников в классы гимназии с предоставлением им свободы заниматься обучением языков латинского и немецкого, то они могли бы учиться очень хорошо и полагаю, что с развитием способностей и охоты к учению многие из них, поняв пользу, начали бы сами обучаться языкам и, вероятно, догнали бы прочих своих классных товарищей».

Далее он предлагал немедленно приступить к открытию при гимназии пансиона на 50 воспитанников, сначала на 30 казахских мальчиков, а затем на 20 детей русских казаков.

Вопрос о целесообразности обучения казахских детей классическим языкам в гимназии занимал умы не только деятелей просвещения, но и официальных представителей царской власти. Управляющий Оренбургской областью генерал-майор Баллюзек в своем письме от 5 сентября 1868 года на имя и. о. оренбургского генерал-губернатора просил последнего снестись с Министерством народного просвещения по вопросу о том, чтобы «изучение латинского языка в Оренбургской гимназии для киргизских детей было не обязательным, как это разрешено калмыкским детям в Астраханской гимназии» [1].

Свою просьбу он мотивировал следующим: во-первых, несмотря на то, что казахские дети обязаны держать вступительные экзамены по латинскому языку при вступлении в высшие классы гимназии и изучать его на общих основаниях вместе со всеми другими учащимися, этот язык будет нужен только для тех немногих казахских детей, которые по окончании гимназии будут в состоянии поступить в университеты; во-вторых, значительное большинство казахских детей по окончании гимназии останется в среде своего народа, где «нужно не столько знание латинского языка, а та степень умственного и нравственного развития, которая может быть ими приобретена добросовестным изучением прочих предметов гимназического курса», в-третьих, «при том условии обязательное изучение киргизами латинского языка со-

[1] Госархив Оренбургской обл., ф. 6, д. 14146, лл. 15—16.

ставит только тормоз в успешном изучении ими русского языка и других предметов, могущих принести им впоследствии практическую пользу»; в-четвертых, «за невозможностью выдержать экзамен в высшие классы гимназии большая часть учеников киргизской школы должна быть возвращена к родителям, на которых это произведет невыгодное впечатление, так как киргизы сделали в пользу гимназии весьма значительные денежные пожертвования именно с той целью, чтобы нынешние воспитанники школы могли в гимназии продолжать дальнейшее образование» [1].

В письме указывалось, что окончившие казахскую школу «легко могли бы выдержать экзамен» для поступления в третий класс открывающейся мужской гимназии, а ученики, окончившие второй класс, могли бы поступить во второй класс гимназии.

Главнейшим препятствием для поступления казахских детей в высшие классы гимназии, как говорится далее в письме, является отсутствие у них необходимого объема знаний по французскому, немецкому и латинскому языкам. Если учащиеся без затруднений овладевают французским и немецким языками, необходимыми для сдачи экзаменов во второй и третий классы гимназии, а также для продолжения курса обучения, то «изучение латинского языка по обширности требуемых в оных познаний для киргизских мальчиков за весьма немногим исключением представят почти неодолимые препятствия. Киргизские дети, будучи обязаны изучить русский язык, как язык чуждый, с весьма большими затруднениями, и в то же время обязанные изучить по обширной программе язык латинский, не успеют ни в том, ни в другом, и за слабые успехи во всех предметах будут подлежать исключению из заведения по совершенно не зависящим от них причинам. Только немногие воспитанники, составляющие счастливое исключение, окажутся способными пройти с успехом полный курс гимназии, остальные же будут поступать в гимназию и потом выбывать из оной без пользы для них в ущерб общегосударственным интересам, для которых тем выгоднее, чем большее число инородцев будет оканчивать образование в наших учебных заведениях» [2].

[1] Госархив Оренбургской обл., ф. 6, д. 14146, лл. 15—16.
[2] Там же.

Письмо заканчивается тем, что если казахские дети не будут освобождены от изучения латинского языка в гимназии, «то необходимость прибегать к исключению киргизских детей из гимназии за неуспехи будет неизбежна, киргизы, потеряв, по этой причине сочувствие к гимназии, не будут в оную отдавать своих детей, и, таким образом, надежды, которые государство вправе возлагать на здешнюю гимназию в отношении влияния ее на инородцев, окажутся неосуществленными» [1].

Министр внутренних дел 15 декабря 1868 года уведомлял оренбургского генерал-губернатора, принимая во внимание, что «изучение латинского языка, а также и некоторых других предметов, проходимых в гимназии, могло бы слишком затруднить их (казахских детей.— *Т. Т.)* без соответственной для их образования пользы, Государственный совет признал полезным облегчить в этом отношении детям из киргизов прохождение гимназического курса» и постановил, в целях облегчения воспитанникам казахам Оренбургской губернской гимназии прохождения гимназического курса, предоставить право министру народного просвещения с согласия министра внутренних дел освобождать учащихся-казахов от обязательного прохождения тех учебных предметов, «знание которых, по роду избираемой ими деятельности и особенностям быта киргизов, не представляется для них необходимым» [2].

Сообщая оренбургскому генерал-губернатору о решении Государственного совета о закрытии казахской школы при Оренбургском областном правлении и о том, что казахские дети в дальнейшем будут получать образование во вновь открываемой в г. Оренбурге гимназии, министр народного просвещения граф Д. Толстой сообщил, что он считает возможным предоставить некоторые льготы для успешного прохождения казахскими детьми гимназического курса, которые уже были предоставлены 21 октября 1866 года детям калмыков, обучающимся в Астраханской гимназии, а именно: освобождать учащихся-казахов от обязательного изучения немецкого и церковно-славянского языков и при приемных и переводных испытаниях в первых трех классах гимназии

[1] Госархив Оренбургской обл., ф. 6, д. 14146, лл. 15—16.
[2] Там же.

«оказывать им всевозможные снисхождения относительно значения и правильности выговора русского языка»[1].

В то же время Д. Толстой считал, что освобождение казахских детей от обязательного обучения латинского языка в гимназии будет нарушением учебного плана гимназии, устроенной по типу классических гимназий с изучением одного или двух классических языков, согласно уставу гимназии от 19 ноября 1864 года «...нарушение же системы в обучении... лишило бы киргизских детей возможности приобресть путем образования в Оренбургской гимназии «ту степень умственного и нравственного развития», которую само областное правление признает столь желательной и необходимой для подчиненных ему инородцев»[2]. По мнению министра, главная цель школы заключается не в сообщении учащимся знаний, а в «развитии всех сил и душевных способностей воспитанников», что достигается исключительно «определенной системой в воспитании». На этом основании он исключал возможность освобождения учащихся-казахов от обязательного прохождения латинского языка в Оренбургской гимназии. Он отвергал опасение областного правления в том, что обязательное изучение латинского языка в гимназии будет не по силам казахским учащимся. Указывая, что при осмотре Астраханской гимназии многие учащиеся-калмыки показали весьма удовлетворительные успехи, он не нашел целесообразным освобождать от обязательного обучения классическим языкам и учащихся-татар в Симферопольской гимназии, Д. Толстой писал: «Предполагать же, что киргизские мальчики по умственным способностям поставлены природой ниже калмыцких и татарских детей не представляется никаких оснований»[3].

По-иному подходили к обязательному обучению казахских детей классическим языкам начальники Тургайской области и Оренбургского края, которые, проживая в среде казахского населения, видели бесполезность принуждения казахских детей обязательно изучать классические языки.

Отвечая на вопрос оренбургского генерал-губернато-

---

[1] Госархив Оренбургской обл., ф. 6, оп. 6, д. 14146, лл. 31—34.
[2] Там же.
[3] Там же.

ра о целесообразности освобождения казахских детей от обязательного изучения латинского языка в гимназии, тургайский военный губернатор Баллюзек 25 января 1869 года писал, что он не находит казахских детей по своим способностям стоящим ниже калмыцких или татарских детей, но он считает, что «последние находятся в более выгодных условиях, чем киргизы». По его мнению, «калмыки и крымские татары, проживая в местностях, населенных русскими, и имея постоянные сношения с ними последними, далеко не находятся в такой замкнутой среде, как киргизы, дети которых поступают в киргизскую школу, буквально не зная ни одного русского слова». И дальше он писал: «Совокупное же изучение латинского, французского и русского языков с другими предметами, преподаваемыми также на русском, т. е. иностранном для киргизов языке, составит для киргизских мальчиков почти непреодолимое препятствие и образует в головах воспитанников такой хаос, который едва ли будет способствовать успешному развитию умственных сил и душевных способностей воспитанников. Кончится тем, что большую часть воспитанников придется исключить из гимназии и, таким образом, киргизы будут обмануты в своих надеждах и одна из целей учреждения в Оренбурге гимназии не будет достигнута» [1].

Связывая классическое образование с возможностью «высокого умственного развития инородцев» Баллюзек предостерегает от того, что это может привести казахов к «сознанию своей национальности и стремлению к политической самостоятельности». Последнее, главным образом, и беспокоило военного губернатора.

Оренбургский генерал-губернатор Крыжановский 25 февраля 1869 года вторично обратился к министру народного просвещения с просьбой об освобождении казахских детей от обязательного изучения латинского языка в гимназии.

Соглашаясь с мнением министра, что «в классической гимназии, где внимание преимущественно устремлено на изучение древних языков, составляющих, так сказать, гимнастику ума», и приводя доводы Баллюзека, Крыжановский подчеркивал, что «важнее всего вышеуказан-

[1] Госархив Оренбургской обл., ф. 6, оп. 6, д. 14146, лл. 46—48.

ного, по мнению моему, есть сторона политическая этого вопроса» [1].

28 февраля 1862 года Крыжановский послал Д. Толстому еще одно письмо, где высказывал политические соображения о необходимости освобождения казахских детей от обязательного изучения латинского языка в гимназии. Он писал, что если российские «полудикие» магометане и так «вредны» для России, то, будучи более грамотными, они будут еще «вреднее».

1 февраля 1869 года учение в казахской школе при областном правлении было прекращено и начата организация приготовительного класса. В приготовительный класс был определен один учитель и два надзирателя, «для большего развития киргизских мальчиков и лучшего приготовления в языке русском», которые «как бы репетиторы, поочередно упражняются с детьми каждый день по 3 часа после обеда» [2].

Директор училищ просил попечителя Казанского учебного округа согласиться с таким порядком приготовления учащихся бывшей казахской школы при областном правлении для поступления во вверенную ему гимназию. «При чем,— писал он,— долгом считаю донести, что киргизские мальчики очень способны и склонны к учению, особенно если уметь заинтересовать их, что по мнению моему, будет достигнуто. Так что к августу большая часть из них достаточно будут приготовлены» [3].

Согласно постановлению Государственного совета, пансион и приготовительный класс при Оренбургской гимназии были открыты в августе 1869 года, куда были определены 30 учеников казахской школы. При этом был поставлен вопрос о некотором облегчении для казахских детей прохождения гимназического курса. Исходя из того, что изучение латинского языка, а также некоторых других предметов затрудняет прохождение казахскими детьми гимназического курса, что это не имеет «соответственной для их образования пользы», Государственный совет предоставил право Министерству народного просвещения по договоренности с оренбургским генерал-губернатором освобождать детей «от изучения тех предметов, знание которых, по особенностям их быта, не

[1] Госархив Оренбургской обл., ф. 6, оп. 6, д. 14146, лл. 58—60.
[2] Там же, ф. 73, д. 5, лл. 7—8.
[3] Там же.

составляет для них необходимости». Это предложение и было утверждено царем.

В результате переписки между Министерством народного просвещения и генерал-губернатором учащиеся-казахи были освобождены от обязательного изучения в гимназии немецкого и церковно-славянского языков. Было также решено при приемных и переводных экзаменах в трех низших классах гимназии оказывать казахским детям «возможное снисхождение относительно знания и правильности выговора русского языка». Однако казахские учащиеся, несмотря на ходатайство оренбургского генерал-губернатора Крыжановского, в результате возражения министра народного просвещения не были освобождены от обязательного изучения латинского языка.

Позднее указом царя от 26 мая 1876 года учащиеся «из инородцев нехристиан» были освобождены от обязательного изучения в гимназиях греческого языка. На основании этого указа при преобразовании Оренбургской гимназии в классическую гимназию с двумя древними языками по Уставу 30 июля 1871 года казахские дети были тоже освобождены от обязательного изучения греческого языка.

Приготовительный класс, в котором преподавание должно было вести лицо, знающее русский и казахский языки, предназначался для детей, не могущих поступить в первые классы гимназии вследствие незнания русского языка. Было решено обязательно иметь в гимназии муллу, «присутствие» которого «должно было привлечь в гимназию многих детей из башкир, киргизов и бухарцев».

Педагогический совет Оренбургской гимназии 9 августа 1869 года, рассмотрев результаты приемных испытаний и найдя недостаточной подготовку некоторых детей для поступления в гимназию, постановил испросить разрешения попечителя Казанского учебного округа на прием в приготовительный класс при гимназии казахских детей «всех сословий» 8—10-летнего возраста с платой за обучение по 25 рублей в год, исходя из расчета годичного или двухгодичного обучения.

Совет решил установить для учеников приготовительного класса специальную экипировку: куртку из синего сукна с неметаллическими пуговицами, темно-серые брюки, серое пальто гимназического покроя без петлиц

на воротнике, а также шапку гимназического типа, но без выпушки и знака. Летом учащимся рекомендовано носить гимназические блузы и свои шапки.

Директор училищ Оренбургского края поддержал мнение педагогического совета гимназии в отношении порядка обучения, содержания и экипировки казахских детей — учащихся гимназии и приготовительного класса при ней,— считая их полезными.

В связи с закрытием казахской школы при областном правлении встал вопрос об определении на работу шести учащихся верхнего класса школы в возрасте старше 15 лет, которые по возрасту не могли поступить в старшие классы гимназии, а вследствие незнания латинского языка не могли поступить в высшие классы. Оренбургский генерал-губернатор запросил мнение тургайского военного губернатора о возможности использования на работе этих учащихся. Баллюзек в своем письме от 10 февраля 1869 года ответил, что нет никаких препятствий для использования шести мальчиков бывшей казахской школы переводчиками в школах Министерства народного просвещения, но что ввиду недостаточного знания учащимися русского языка они не могут быть использованы переводчиками в уездных правлениях.

По предложению военного губернатора, по 3—4 часа в день в течение четырех месяцев с ними проводились дополнительные занятия, чтобы они могли завершить курс обучения бывшей казахской школы. В июне 1869 года все воспитанники успешно выдержали экзамены и были выпущены из школы, как окончившие ее полный курс. Таким образом, если учесть предыдущие выпуски (в 1857 году — 20 человек, 1858 году — 2, в 1864 году — 14 и в 1869 году — 6 человек), то в течение 19-летнего существования школа выпустила всего лишь 48 человек.

Закрытие казахской школы при областном правлении вызвало неодобрительную реакцию со стороны педагогической общественности. Один из видных деятелей народного образования «туземцев», в том числе казахов, Н. И. Ильминский выступил против упразднения казахской школы при областном правлении. Будучи директором Казанской учительской семинарии, 14 февраля 1886 года он представил министру народного просвещения свои замечания по поводу отчета попечителя Оренбургского учебного округа Д. Михайлова об Оренбург-

ской пограничной казахской школе, где указывал: «Киргизская школа была старательно приспособлена к действительным и предполагаемым потребностям и обычаям киргиз. Русское начальство особенно постаралось обеспечить мнимое мусульманство киргизского народа» [1].

Ильминский дает подробное описание школы, особенно в период ее «татарской» направленности, которой, как он указывает, был положен конец, когда вместо татарина начальником школы стал «русский человек» Дынков.

Еще в 1869 году в записке «Несколько слов об образовании киргизов» [2] Ильминский писал: «В видах большого расположения к ней киргизов, школа была поставлена совершенно на магометанский лад: начальник — татарин, хотя цивилизованный чиновник, вся прислуга татарская, кушанья татарские, законоучитель — татарский ахун, все приборы для омовений в самой школе, тюбетейки на бритых головах киргизят, недельный праздник не в воскресенье, а в пятницу, словом, все по-татарски. В художественном листке Тимма, в пятидесятых годах, была напечатана интересная картинка этой школы: класс, воспитанники в два ряда сидят за учебными столами, и все в тюбетейках, на кафедре восседает мулла в чалме и с длинным посохом в руках, а перед ним киргизенок в тюбетейке отвечает урок, вероятно, по алкорану. По такому порядку дело шло пять лет...» Но «осенью 1858 года,— пишет далее он,— когда я перешел в оренбургскую службу по киргизскому управлению, я не застал уже в школе сильного магометанского преобладания. Я уже застал школу в обновленном, обруселом виде...» Здесь же он пишет, что Дынков «своим русским чутьем и здоровым смыслом оценил всю неуместность в киргизской школе магометанской татарщины и постепенно выжил из нее бритье голов, тазы с кумганами, ежедневные намазы и даже уразу... Первым делом Дынков сказал киргизским ученикам, что если кому неудобно бриться, может носить волосы: все отрастили волосы и бросили тюбетейки. Затем он нашел, что тазы и кумганы для омовения держать в школе неудобно, ибо начальство строго требует чистоплотности, и назначил

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, д. 1398, л. 23, 1885—1888.
[2] Госархив Оренбургской обл., ф. 6, д. 8481, лл. 105—112.

для омовения место в бане; омовения прекратились. Настал рамазан: Дынков велел готовить обед в обыкновенное время, потому что мальчикам трудно терпеть без пищи до ночи, а кому угодно поститься, для того оставлять обед холодный; все бросили уразу. Мулла возражал ему, но он его успокоил какими-то своими резонами. Не удалось только отменить ему пятницу».

В том же 1869 году Н. И. Ильминский в письме к министру народного просвещения высказал свои мысли в отношении характера образования казахов и в частности о казахской школе при областном правлении [1]. Говоря о необходимости развития «не татарского», а «собственно киргизского» образования с «направлением в русских интересах», Н. И. Ильминский писал, что Министерство внутренних дел сделало «поспешный шаг, уничтожив оренбургскую школу киргизских детей и помещая воспитанников ее в особом пансионе и приготовительном классе при оренбургской гимназии». Он выступил против гимназического образования казахов так же, как он выступал против гимназического образования башкирских детей. Он считал неправильным, «если киргизов поведут через гимназию в университет». При этом он ссылался на опыт обучения башкирских детей в гимназиях. Начиная с 1836 года, то есть в течение более 30 лет, башкирские дети обучались в пансионате I Казанской гимназии и оттуда поступали в университет. С 1843 по 1866 гг. гимназию окончило лишь около 25 башкирских детей. «Уже несколько поколений есть башкирских воспитанников с университетским образованием,— говорит он.— Но люди, непосредственно знающие положение инородцев Уфимской губернии, мне сообщили, что эти ученые башкиры только увеличили собой класс чиновников и лично для себя, конечно, приобрели некоторое положение, но для народного дела, для изменения и направления к лучшему образования и мировоззрения своего племени они не сделали ничего. Факт поразительный и многолетний. Значит, еще может пройти триста лет и все будет то же, только, разумеется, прибавится число башкирских чиновников, а народ башкирский сохранит вековые свои понятия...» [2]

---

[1] Госархив Оренбургской обл., ф. 6, д. 8481, лл. 105—112.
[2] Там же.

Конечно, Ильминский глубоко ошибался в отношении будущности башкирского народа. Но он был прав в том, что образование, которое давал тогда царизм башкирским детям, преследовало их «обрусение» и не приносило необходимой пользы широким слоям башкирского народа.

Далее он писал: «То же самое должно повториться и с киргизским образованием, если киргизов поведут через гимназии и университеты. Вот устроят для них при гимназии особый пансион с назначением на каждого... по 200 рублей в год. Это явное приучение к удобствам и комфорту уже нестепной жизни, и они будут прямо готовиться в чиновники». Он считал, что раз приготовительный класс организуют преимущественно для казахских детей, то в нем обязательно будут татарские дети, а это, при наличии татарского муллы, обязательно приведет к тому, что они «именем русского правительства обтатарят киргизят». Преподавание в гимназии «массы» древних и новых языков, «совершенно бесполезных для степи», по мнению Ильминского, «отупит киргизские головы, внушившее, впрочем, им претензию на ученость. Перспективы довольно жалкие». Он полагал совершенно ненужным организовывать особые приготовительные классы при гимназиях для казахских детей. Вместо них он предлагал «развить постепенно в степи систему маленьких школ, по скромной обстановке подобно тем, которые В. В. Григорьев основал в Троицком и нескольких других укреплениях, а по педагогическому направлению примененных к тем началам, на которых основана казанская школа». Из таких школ лучшие и даровитейшие ученики могли бы поступить в гимназию, где они, однако, должны быть освобождены от обязательного изучения древних и новых иностранных языков, чтобы хорошо «усвоить» русский язык и словесность, географию, историю, математику, физику и другие общеобразовательные предметы.

Ликвидация казахской школы при областном правлении была отрицательно воспринята и той частью казахского населения Оренбургской губернии, которая предпочитала иметь специальную казахскую школу, вроде школы при областном правлении, к которой они уже привыкли, куда можно было бы свободно отдавать своих детей, не опасаясь последствий. Назначение гимназии,

куда казахи теперь должны были отдавать своих детей, для них не было достаточно известным. Поэтому на первых порах они с некоторой опаской и подозрением смотрели на обучение их детей в гимназиях, так как обучение небольшого числа казахских детей в среде большой массы русских детей не могло не вызвать у них уверенности в том, что их дети подвергаются «обрусению».

Какие же действительные причины привели к ликвидации казахской школы при областном правлении, на которую при организации царская администрация возлагала такие большие надежды?

По нашему мнению, эти причины следующие:

Во-первых, как было сказано выше, царизм пытался подвергнуть «обрусению» казахов, подготовить из них покорных слуг. Эта цель, по мнению царской администрации, могла быть достигнута, прежде всего, при условии совместного обучения казахских детей с русскими детьми и, главным образом, в гимназиях. Царские власти опасались того, что обучение казахских детей в специальных казахских школах могло способствовать развитию у них национального самосознания, стремления к «политической самостоятельности». Их беспокоила некоторая обособленность казахской школы при областном правлении, находившаяся, по их мнению, вне достаточного «русского влияния».

О том, что царское правительство придавало большое значение казахской школе, говорит тот факт, что три важных министерства царского правительства (Министерство внутренних дел, Министерство иностранных дел, Министерство просвещения) постоянно следили за работой школы и принимали согласованные решения о ее направлении.

Во-вторых, цели учреждения специальной казахской школы при Пограничной комиссии не были достигнуты полностью. Школу оканчивало совершенно незначительное число людей, могущих быть использованными в качестве преданных чиновников для царской администрации. Кроме того, некоторые из оканчивающих школу казахов не становились распространителями «русской грамоты», «письмоводителями» и переводчиками. Одни из них стремились продолжить ученье дальше, другие избирали такой род деятельности, который не входил в расчеты царской администрации.

В-третьих, казахская школа при областном правлении была отлична от существовавших тогда учебных заведений, которые являлись определенным звеном соответствующей системы образования. Она не имела твердо установленных программ и учебного плана. Определение целей и задач школы было предметом постоянной дискуссии не только в кругу царской администрации Оренбургского края, но и в Министерствах народного просвещения и внутренних дел. Отличие казахской школы от других учебных заведений затрудняло руководство ею со стороны царской администрации. Поэтому ее ликвидация и создание пансиона и приготовительного класса для казахских детей при Оренбургской губернской гимназии до некоторой степени избавляло краевую царскую администрацию и Министерство внутренних дел от «излишних» забот, связанных с существованием казахской школы. После закрытия школы Министерство народного просвещения должно было на общих основаниях руководить подведомственными ему гимназиями, в том числе заниматься вопросами обучения «киргизов» в пансионе и приготовительном классе при оренбургской гимназии.

В-четвертых, во второй половине XIX века «русско-туземные школы» становились основным типом государственных учебных заведений в национальных окраинах России, а «русско-киргизские» школы — в Казахстане. Такой тип учебных заведений, как показала практика, устраивал как правительство, так и местное население окраин, которое охотно отдавало своих детей в эти школы.

Гимназии не являлись «русско-туземными» учебными заведениями, но те гимназии, в которых более или менее компактно обучались дети нерусских национальностей и для них создавались специальные пансионы и приготовительные классы, до некоторой степени напоминали их.

Из сказанного в отношении казахской школы при Оренбургской Пограничной комиссии, а затем при областном правлении можно сделать следующие выводы:

1. Казахская школа, несмотря на ее ограниченные цели (распространение «русской грамоты» среди казахского населения и подготовку «письмоводителей» и пере-

водчиков), сыграла известную положительную роль в обучении казахских детей и в приобщении казахов к «русскому образованию».

2. Несмотря на то, что ликвидация самостоятельной казахской школы была нежелательным явлением, все же официальное разрешение правительства обучать казахских детей в гимназии с организацией для них особого пансиона и приготовительного класса объективно имело положительное значение. Такой факт был тем более положительным, если иметь в виду, что правительство в 60—70 годах запрещало прием казахских детей в кадетские корпуса.

ГЛАВА IV

ШКОЛЫ АКМОЛИНСКОЙ И СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

1. ШКОЛЫ АКМОЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Акмолинская область была образована по «Временному положению» 1868 года об управлении казахскими областями Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств. В состав области вошли Акмолинский, Атбасарский и Кокчетавский округа «Области сибирских киргизов», часть округов Сибирского казачьего войска, а также города Омск и Петропавловск. В область входило четыре уезда: Акмолинский, Кокчетавский, Омский и Петропавловский, а впоследствии, по «Положению» 25 марта 1891 года, был образован пятый уезд— Атбасарский. Центр области временно находился в городе Омске. В административном отношении она оставалась в ведении Западно-Сибирского генерал-губернаторства.

В отношении развития народного образования Акмолинская область по сравнению с другими областями Казахстана находилась на одном из последних мест.

Еще в «Уставе о сибирских киргизах», изданном в 1822 году, казахскому населению предоставлялось право отдавать своих детей в русские школы, окружным приказам вменялось в обязанность оказывать содействие в организации школ в казахских аулах, а согласно «Временному положению» 1868 года в уездных городах разрешалось открытие русско-казахских школ. Однако народное образование в области развивалось очень медленно.

Царская администрация не была заинтересована в широком развитии народного образования среди казахского населения. Она открывала в первую очередь лишь

такие школы, которые готовили бы для царизма услужливых чиновников. Такой, например, была «Омская азиатская школа» — первое русское правительственное учебное заведение на территории Казахстана, куда принимались казахские дети. Школа, открытая еще в 1779 году, предназначалась для подготовки переводчиков и письмоводителей для «всего пограничного управления Сибирской линии» [1]. 20 учеников школы учились по казахскому языку, 5 учеников по маньчжурскому и монгольскому языкам; преподавание вели два учителя.

Казахским детям разрешалось поступать в военные училища, в том числе в Омский и Оренбургский кадетские корпуса.

О состоянии народного образования в области в начале второй половины XIX века можно судить по «Отчету по управлению Западной Сибирью за 1853 год».

«Школы для обучения детей грамоте, устроенные с некоторой правильностью, т. е. с надлежащими училищными пособиями и надзором,— говорится в «Отчете»,— находятся только у водворенных в степи казаков; у киргизов же таких заведений, не считая содержимых в некоторых селениях частными лицами, нет; но дети их большей частью обучаются татарской грамоте домашними учителями, из мулл и из простых татар и киргизов».

В «Области сибирских киргизов», которая тогда охватывала еще территорию Семипалатинской области, выделенной из нее в 1854 году, и территорию впоследствии созданной Акмолинской области, было всего лишь 12 школ, включая русские казачьи школы, а также частные казахские мусульманские школы. В этих школах обучались 372 ученика; на каждого учащегося приходилось 977 жителей [2].

Мало что изменилось и через 8 лет. В «Отчете по области сибирских киргизов» за 1861 год [3] указывалось, что в казахской степи было только 5 врачей, то есть по одному врачу на округ, а больниц совершенно не было. В области имелось всего 14 карликовых школ для обучения детей русских казаков, в которых обучалось незначительное число учащихся. Кроме того, в Омске была

[1] Журнал Министерства народного просвещения, № XI—XII, ноябрь, 1836, стр. 607—608.

[2] Госархив Омской области, ф. 3, ед. хр. 3712.

[3] Там же, лл. 1—18.

открыта одна школа для казахских детей (очевидно, речь шла о мусульманской школе, так как в последующие годы эта школа нигде не упоминалась).

Тогдашний генерал-губернатор Западной Сибири Дюгамель, ссылаясь на то, что его предшественник еще в 1857 году делал представление в Министерство народного просвещения об учреждении казахской школы в г. Омске для «образования должностных лиц из среды ордынцев», 8 ноября 1863 года обратился к министру народного просвещения с ходатайством об учреждении в г. Омске школы для казахских детей и просил утвердить «Положение» и штат школы, проекты которых были составлены по типу штата и «Положения» казахской школы при Оренбургской пограничной комиссии.

В проекте «Положения» говорилось: «Главная цель учреждения состоит в приготовлении способных людей к занятию в областях сибирских киргизов и семипалатинской должностей султанских письмоводителей и толмачей при волостных управлениях и других должностей, в которые исключительно назначаются киргизы» [1].

Ученый комитет Министерства народного просвещения 11 февраля 1864 года одобрил проект «Положения» с некоторыми изменениями согласно с замечаниями профессора С.-Петербургского университета Березина.

Государственный совет своим общим собранием 4 октября 1865 года принял решение об учреждении в г. Омске, при областном правлении сибирских казахов, школы для обучения детей казахского населения [2]. «Положение» и штат школы вводились на 3 года в порядке опыта, лишь затем они могли окончательно утверждаться. Решение совета было утверждено указом царя 25 октября 1865 года. Вскоре была открыта и сама школа.

Комиссия по выработке проекта положения об управлении в казахских степях в своей объяснительной записке (1867 год) указывала на крайнюю отсталость постановки народного образования в области сибирских казахов. «Еще в двадцатых годах, при устройстве управления сибирскими киргизами,— говорилось в объяснительной записке,— определено было, по мере дви-

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 170, 1863—1872, д. 87 — «Об учреждении в Омске киргизской школы для образования должностных лиц из среды ордынцев», л. 5.

[2] Там же, л. 45.

жения нашего в глубь степи, по мере устройства приказов, открывать там школы для киргизов, на что была ассигнована некоторая сумма по 500 руб. асс. (142 руб. 85 коп. сер.) на каждый приказ. Но мера эта так и осталась на бумаге, вероятно, по крайней недостаточности суммы; а все дело ограничилось до сих пор устройством одной центральной школы для киргизов в г. Омске»[1].

Омская казахская школа была учреждена на 20 казеннокоштных учеников: 10 вакансий для области сибирских казахов и 10 для Семипалатинской области. Устанавливалось, что кроме казеннокоштных в школу могут приниматься и своекоштные с платой 75 руб. в год и вольноприходящие с платой 5 руб. на учебные пособия. В учебный план школы входили: русский и казахский языки, чистописание, география, арифметика, магометанское вероучение и делопроизводство на русском языке.

В школу принимались дети от 8 до 14 лет; срок обучения — 6—7 лет в зависимости от успеваемости учащихся. На содержание школы отпускалось 3 500 рублей в год.

Кроме того, для казахских детей было установлено несколько вакансий в Омской военной гимназии (бывшем Сибирском кадетском корпусе), в которой с 1846 по 1865 год, то есть со времени приема туда детей казахов, обучались только 13 казахских детей, в том числе и Чокан Валиханов, который впоследствии стал одним из выдающихся ученых и просветителей Казахстана. Но затем в кадетский корпус начали принимать из числа казахов только детей султанов и казахов, имевших чины, а с 1868 года вовсе был отменен доступ казахских детей в военную гимназию.

«Внутри степи,— отмечалось в объяснительной записке,— никаких казенных школ нет; в общественные казачьи станичные школы киргизы не принимаются, и в городах степи учащееся киргизское юношество можно встретить только у мулл, в школах при мечетях»[2].

Таким образом, к моменту введения в действие «Временного положения» в Области сибирских казахов с казахским населением в 271 715 человек (всего в области

[1] Материалы по истории политического строя Казахстана, т. I. Алма-Ата, 1860, стр. 276.

[2] Там же, стр. 277.

насчитывалось 293 533 жителя) и Семипалатинской области с казахским населением в 177 414 человек (всего 211 596 человек) имелась лишь одна Омская казахская школа с контингентом 20 учащихся, куда принимались только дети султанов и правительственных чиновников.

После введения в действие «Временного положения» в Акмолинской области, как и в других областях Казахстана, сеть учебных заведений начинает несколько расти. Но это относится к русским школам, главным образом, к школам для обучения детей сибирского казачества, а образование среди казахского населения не развивалось.

В ведомости, приложенной к отчету военного губернатора Акмолинской области за 1872 год можно видеть подробные данные о количестве учебных заведений области и числе учащихся в них (см. табл. 12).

В 1872 году в Акмолинской области было 76 школ, в которых обучались 2 767 учащихся, в том числе 463 девочки. В числе школ было 53 войсковых станичных и поселковых, в которых обучались 1 017 мальчиков, а также войсковое окружное училище с 28 учащимися.

Общее число учащихся в существовавших тогда школах относилось к оседлым жителям, указывается в отчете, как 1 к 39.

Учебные заведения принадлежали различным ведомствам и частным лицам. В числе этих школ были: в г. Омске — школа «для приготовления крестьянских мальчиков на должности волостных писарей», казахская школа для «приготовления толмачей и переводчиков киргизского языка» и «Крестовоздвиженская женская школа № 2 Смольяна; в Петропавловске — 7 мусульманских школ, в том числе 4 мужские и 3 женские, а также 2 еврейские мужские школы; в Кокчетаве — частная женская и 2 мужские мусульманские школы, одна из которых находилась в уезде; в Акмолинске — одна мусульманская мужская школа. «Сверх этих учебных заведений в степи,— говорится в отчете,— есть много частных школ, в которых малограмотные муллы и хаджи обучают киргизских детей татарской грамоте. Школы эти не имеют никакой организации и потому находятся

[1] Госархив Омской области, ф. 3, ед. хр. 11285, лл. 197—198.

Таблица 12

Число учебных заведений и учащихся в Акмолинской области в 1872 году[1]

Название учебных заведений	В областном городе			В уездных городах			В уездах			Всего в области			
	число учебных заведений	число учащихся		число учебных заведений	число учащихся		число учебных заведений	число учащихся		число учебных заведений	число учащихся		
		м. п.	ж. п.		м. п.	ж. п.		м. п.	ж. п.		м. п.	ж. п.	об. п.
Гимназия мужская	—	—	—	1	311	—	—	—	—	1	311	—	311
Гимназия женская	—	—	—	1	—	260	—	—	—	1	—	260	260
Прогимназия мужская	—	—	—	1	193	—	—	—	—	1	193	—	193
Прогимназия женская	—	—	—	1	—	95	—	—	—	1	—	95	95
Учительская семинария	—	—	—	1	21	—	—	—	—	1	21	—	21
Уездные приходские училища для мужчин	—	—	—	3	341	—	—	—	—	3	341	—	341
Войсковое окружное училище	—	—	—	—	—	—	1	28	—	1	28	—	28
Войсковые станичные и поселковые школы	1	20	—	—	—	—	52	997	—	53	1 017	—	1 017

Фельдшерская школа при госпитале	—	—	.
Школа ведомства государственных имуществ	—	—	.
Казахская школа	—	—	.
Частное учебное заведение действ. советника Смольяна, женское	—	—	.
Частное учебное заведение на счет благотворителей, женское . . .	—	—	.
Татарские: мужское	1	30	.
женское	—	—	.
Еврейские: мужское и женское	—	—	.
Итого . . .	2	50	.

[1] Госархив Омской обл., ф. 3, ед. хр. 11285,

—	1	10	—	—	—	—	1	10	—	10
—	1	30	—	—	—	—	1	30	—	30
—	1	27	—	—	—	—	1	27	—	27
—	1	—	36	—	—	—	1	—	36	36
—	—	—	—	1	—	16	1	—	16	16
—	2	240	—	1	42	—	4	321	—	321
—	3	—	44	—	—	—	3	—	44	44
—	2	15	2	—	—	—	2	15	2	17
—	19	1 197	437	55	1 067	16	76	2 314	453	2767

лл. 197—198.

вне административного надзора, обучение в них идет очень слабо».

В 1872 году в области еще не было русско-казахских школ за исключением единственной школы, предназначенной для подготовки переводчиков казахского языка.

Как отмечается в отчете, преподавание в школах проводилось по-разному, так как многие учителя являлись не вполне грамотными. Это обстоятельство, а также отсутствие подготовленных учителей для учреждения правительственных русско-казахских школ не могло до некоторой степени не беспокоить царскую администрацию. Поэтому для подготовки учительских кадров 1 декабря 1872 года в г. Омске был открыт первый класс учительской семинарии, в которой находился 21 слушатель вместо 60, установленных по штату.

Разноведомственность школ отрицательно отражалась на постановке учебно-воспитательной работы. Особенно страдали школы, подчиненные уездным начальникам. Военный губернатор Акмолинской области в своем отчете за 1872 год писал: «Во всех учебных заведениях Министерства народного просвещения нравственное воспитание очень хорошо». «Учебная часть в казачьих училищах еще не установилась, не будучи она подчинена Министерству народного просвещения и не имея своего центрального училищного начальства, состоит в заведовании уездных начальников, имеющих свои сложные обязанности по управлению уездом, а потому преподавание в школах разнообразное и вполне зависит от учителей (иногда и не вполне грамотных)»[1].

Учителя казачьих училищ получали жалование по приговорам станичных и поселковых обществ до 40 рублей в год. Во всех станичных училищах закон божий преподавался местными священниками без получения каких-либо вознаграждений.

Русско-казахские школы для казахских детей в области начали открываться только с 1879 года, то есть через 11 лет после введения в действие «Временного положения» 1868 года. Такими школами в Акмолинской области были так называемые интернаты. На первых порах в каждом уезде области были открыты по две такие школы (мужская и женская), в которые волостные упра-

[1] Госархив Омской обл., ф. 3, ед. хр. 11285, лл. 161—163.

вители должны были доставлять по два воспитанника, так как в эти интернаты никто не отдавал добровольно своих детей. На содержание интернатов каждая волость была обложена сбором по 250 рублей на каждого воспитанника в год. Эти сборы были обременительными для трудящихся казахов. Поэтому они относились к интернатам «не совсем сочувственно».

В школах-интернатах преподавалась русская грамота и, кроме того, ремесла — в мужских и шитье — в женских школах.

Интернаты находились в крайне тяжелом положении, о чем убедительно рассказывалось в письме, адресованном в редакцию газеты «Новое время» и опубликованном в № 1180 газеты за 1879 год под названием «Еще о киргизских интернатах».

Автор указывал, что Петропавловский интернат для казахских детей, где учился сын волостного управителя и дети других зажиточных казахов, может служить примером для других интернатов. Но «в других же школах, т. е. в интернатах, учредителями которых явились чиновники старого закала,— писал он,— вы не найдете почти ни одного воспитанника, отданного в школу родителями добровольно. Бедные волости, не говоря уже о большом сборе на содержание воспитанников, должны были истратить немало денег и для покупки у бедных родителей детей в школу. К разряду таких, наполненных покупными учениками школ, относится и Акмолинская, которая даже в этом отношении стоит на первом месте». Интернаты являлись закрытыми учебными заведениями, дети изолированы от родителей, для свидания с которыми выделен только один день в неделю, когда дети могли встречаться с родителями с особого разрешения. «Со дня поступления в интернат,— писал автор письма,— они должны забыть и о кумысе, и о баранине, и о вольном воздухе, и о своей одежде, и даже о своих родителях. Вместо обычных киргизских кушаний их кормят разными супами и похлебками. Понятно, что дитя, родившееся и подросшее на вольном воздухе, питавшееся исключительно мясной пищей, при подобной перемене обстановки начинает падать здоровьем. Все дети бледны, имеют чрезвычайно истомленный вид; несмотря на старания присматривающих за ними, головы усеяны вшами и покрыты струпьями... По этому поводу

киргизы рассуждают правильно: отдать в интернат мальчика — это все равно, что лишиться сына».

Говоря о бесправном положении казахской женщины, автор отмечал нежелание казахов отдавать в интернаты своих девочек. Он говорил о том ужасе, который может охватить казахов, если они узнали бы, что их девочек забирают куда-то без уплаты калыма. Поэтому, имея в виду, что никто из казахов не отдавал добровольно в интернат своих девочек, за всех их, помещаемых в интернат, пришлось платить лошадьми и баранами. Но скот часто не попадал в руки родителей девочек. Например, автор рассказывал об одном скандале, имевшем место в Акмолинске, когда «лошади, предназначенные в уплату за одну девочку, как-то не попали к ее родителям, а где-то застряли... и вот мать бегает по городу с громкими протестами и слезами, что начальство не дает ей калыма».

Совершенно неудовлетворительное состояние народного образования в Акмолинской области все чаще и чаще беспокоило прогрессивную общественность, особенно немногочисленную прогрессивную казахскую интеллигенцию.

Эти вопросы начали освещаться в «Киргизской степной газете», особенно в конце прошлого века, начиная с 1895 года. Например, 1 октября 1895 года в № 37 этой газеты автор статьи «К вопросу о киргизском народном образовании», подписавшийся псевдонимом «Омский киргиз», отмечал, что в последнее время часто появлялись в «Киргизской степной газете» статьи, указывавшие на невежество казахов и необходимость их просвещения, но не говоривших о том, как же следовало бы просветить казахский народ. Он писал, что дело не в каком-то «равнодушии» казахов к образованию, а в трудностях дать школьное образование своим детям.

Он отмечал, что в Акмолинской области нет приспособленных к нуждам казахского населения школ, какие имелись для нерусских народностей в Казанской, Астраханской, Уфимской и Оренбургской губерниях, а также в Тургайской области, и с горечью заявлял: «Будут ли когда-нибудь такие школы, неизвестно».

Автор также отмечал, что громадному большинству казахского населения не под силу отдавать своих детей в общие школы, ввиду дороговизны содержания и обуче-

ния детей. Поэтому казах, который желает обучить своего сына русской грамоте, везет его в станицу к русскому казаку на обучение, который ввиду своей малограмотности «не может ничему обучить мальчика».

В городе же за квартиру, учение и учебные пособия приходилось платить очень дорого. Как правило, дети бедных казахов терпели большую нужду: ютились в тесных конурах, питались плохо, часто подвергались различного рода заболеваниям.

«Таким образом,— приходил автор к совершенно правильному выводу,— волей-неволей приходится прийти к заключению, что широко открытый по закону киргизам путь к образованию в русских школах превращается в жизни в узкую малодоступную тропинку».

В статье «По вопросу об образовании киргизов» 5 октября 1895 года «Киргизская степная газета» отмечала, что в то время как в областях, входивших в Оренбургский учебный округ, народное образование казахов было «поставлено довольно правильно и хорошо» в Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областях оно «остается в прежнем положении, в каком было в 60-х годах».

Перечисляя количество русско-казахских школ и учащихся казахов в Тургайской и Уральской областях и сравнивая это со школами Акмолинской и других областей, статья подчеркивала, что по числу жителей одно учебное заведение приходится в Тургайской области на 6 422 человека, а в Акмолинской области на 25 575 человек.

В целях успешного развития народного образования автор предлагал в этих областях учредить должности инспекторов народных училищ, подготовить грамотных учителей из числа русских и казахов, открыть как можно большее количество аульных одноклассных русско-казахских школ. Он рекомендовал на должности инспекторов народных училищ назначать русских людей, которые были бы хорошо знакомы с бытом и языком казахского народа, а также с системой образования нерусских народностей. Для того, чтобы иметь подготовленных учителей, предлагалось как можно быстрее учредить несколько стипендий для казахов в Омской учительской семинарии, а для русских слушателей семинарии ввести преподавание казахского языка. Исходя из того, что со-

держание аульных одноклассных русско-казахских школ обходится дешевле, он рекомендовал открыть их в русских селениях, где казахские дети могли бы учиться вместе с русскими детьми.

В статье также высказывалось мнение о необходимости «временного приостановления специальных образований в роде сельского хозяйства и пр., когда народ всегда прежде нуждается в общем образовании и развитии».

В «Киргизской степной газете» от 12 ноября 1895 года была помещена статья под названием «Какие школы полезнее в Степном крае?» Автор статьи (без подписи), отмечая, что Степной край вообще не богат учебными заведениями, а чем глубже в степь, тем их становится все меньше и меньше, указывал на настоятельную необходимость увеличения числа школ для казахского населения. Он предлагал не только увеличить число школ, но и «учредить такие школы, которые могли бы выполнить то, что не в состоянии сделать существующие школы». Такие школы, по его мнению, «должны носить особый характер», то есть их устройство должно соответствовать образу жизни казахского населения — «они должны быть кочующими, как и само население». Это дало бы возможность как можно больше охватить школой детей, а также дать возможность взрослым без отрыва от их личного хозяйства посещать такие школы.

Такой тип школы походил на аульные школы, созданные по плану И. Алтынсарина в Тургайской области. Он считал, что эти «странствующие» школы по объему учебных планов и программ, по продолжительности курса обучения и материальных расходов на них должны быть трех родов. Одни с «сельскохозяйственной окраской», с программой обычной начальной школы или даже несколько меньшей, так как в учебный план включается несколько специальных дисциплин по сельскому хозяйству (земледелие, скотоводство и «еще хотя бы один из таких предметов, который бы имел местное значение»). Курс обучения — три года. Каникул для учащихся не должно быть или они не должны превышать одного месяца. Другие — некоторое видоизменение обычных начальных школ, с той лишь разницей, что продолжительность каникул должна быть минимальной, так как в них не будет большой надобности. Третьи — подобие

школ грамотности, но в отличие от последних они должны быть «странствующими». Срок обучения в них может быть даже при наличии непродолжительных каникул два года, так как основной целью этих школ будет «учить только читать, писать и считать».

Автор статьи считал, что было бы «не лишним» во всех этих школах ввести преподавание казахского языка, но тогда пришлось бы несколько увеличить курс обучения. «Кроме того,— писал он,— было бы весьма полезным иметь киргизам странствующих домашних учителей, которые могли бы сообщить своим ученикам самые элементарные сведения или несколько больше, смотря по познаниям учителя». Он допускал, что учителя таких школ могут обладать и «небольшими сравнительно знаниями», но они должны иметь соответствующую педагогическую подготовку, полученную на временных педагогических курсах, организуемых специально для них при городских и даже приходских училищах. Предполагалось, что на курсы будут поступать как окончившие начальные школы, так и лица, не получившие образования в учебных заведениях, но выдержавшие соответствующие испытания на педагогических курсах. Преподавание на курсах должны были вести учителя училищ, при которых открываются педагогические курсы. Через один или два года, «смотря по надобности», слушатели должны держать экзамены и стать учителями после получения соответствующего свидетельства от педагогического совета училища. Слушателям педагогических курсов рекомендовалось выдавать небольшие стипендии, чтобы они не «отвлекались от занятий в школе заботой о добывании себе куска хлеба».

Х. Бекхожин в статье «К вопросу об учреждении школ в степи» [1], говоря о необходимости образования для казахов, отмечал, что в казахских степях совершенно нет школ, куда казахи могли бы отдавать учиться своих детей. Он также указывал на то, что, когда существовали интернаты, они были переполнены и многие казахские дети, желавшие там учиться, не могли туда попасть. После окончания интерната дети ехали в г. Омск и поступали в фельдшерскую школу или в другие учебные заведения. Но «с закрытием интерната в степи,— писал

[1] «Киргизская степная газета», 1895, 10 декабря.

он,— русское образование почти прекратилось. Теперь киргизы совершенно не знают, куда отдавать своих детей», так как в конце прошлого века интернаты преобразовались в низшие сельскохозяйственные школы.

Выражая стремление казахского населения к русскому образованию, автор писал: «Киргизско-русские школы грамоты — насущнейшая потребность для нашей страны. Если бы устроить такие школы, они быстро наполнятся киргизскими детьми. И дело пошло бы еще лучше, если бы учителями в школах грамотности были бы сами киргизы, получившие образование в русских училищах». Он также указывал на то, что за неимением школ для казахских детей некоторые богатые казахи отдавали своих детей на обучение случайным педагогам, казакам-письмоводителям.

О. Альджанов в статье «О необходимости иметь киргизам своих специальных подготовленных учителей» [1] указывал на преимущества школ, в которых детей обучали выпускники Оренбургской казахской учительской школы, писал о большом значении этой школы для казахов, о правилах приема в нее, о том, что оренбургские и тургайские казахи могли обучать своих детей, а казахи Степного края из-за отсутствия таких школ не имели такой возможности.

Автор призывал казахов открывать русско-казахские школы и отдавать туда своих детей. «Пора нам,— писал он,— стремиться к свету и предать забвению всякое недоверие к русскому образованию». «Итак, киргизы, будемте стараться устроить в степи школы, отдавать своих детей в русские училища».

В другой статье — «Учреждение киргизских школ», опубликованной через полгода в той же газете [2], О. Альджанов уже сообщает о хорошем начале казахов пяти волостей Омского уезда, которые составили приговоры об учреждении в центре каждой волости по одной школе грамоты, в которых дети будут обучаться русскому и казахскому языкам. На каждую школу предполагалось ежегодно отпускать по 120 рублей из общественных средств с расчетом, чтобы при каждой школе открыть интернат.

В 1898 году в «Киргизской степной газете» уже пуб-

[1] «Киргизская степная газета», 1895, 10 июня.
[2] Там же, 3 декабря.

ликуется ряд статей и заметок («Нужды народного образования в киргизской степи» и другие), в которых указывается на то, что казахи, видя пользу русского образования, проводят сбор пожертвований на открытие школ.

Но эта же газета в редакционной статье «К вопросу о школьном образовании киргизов Акмолинской области»[1] указывала, что «три киргизских пансиона — в Омске, в Петропавловске и в Акмолинске, с десятью медресе на все население области ни в каком случае не могут, конечно, считаться достаточными для более широкого распространения образования в киргизской степи». В статье делается ссылка на официальный отчет, в котором отмечалось, что до сих пор «народное образование среди киргизов не имело никакой организации».

В статье поддерживается высказанная в одном из номеров газеты «Степной край» за 1897 год мысль о том, что русский язык, учитывая трудности его изучения казахами, следует сделать одним из предметов преподавания в казахской школе, а само преподавание вести на казахском языке. «В течение нескольких лет обучения в школах этого типа с программой предметов русских сельско-приходских школ,— указывалось в статье,— ученик киргиз получит настолько хорошее знание русского языка, что уже затем может продолжать образование в школах высшего типа, с более широкой программой, в которых преподавание должно будет вестись уже на русском языке. Таким образом, продолжая общее свое развитие, ученик в этих школах уже практически приступает к изучению русского языка».

Далее говорилось о необходимости организации учительской семинарии для подготовки казахских учителей и организации инспектирования школ.

Газета «Волжский вестник» сообщала о том, что в Акмолинской области по примеру Тургайской области создаются русско-казахские школы. Указывалось на то, что специально созданная комиссия из представителей администрации и педагогического персонала города Омска выработала систему школьного образования для казахов Акмолинской области, согласно которой было предложено открыть в области два типа школ:

---

[1] «Киргизская степная газета», 1898, 3 мая.

1) аульные передвижные школы, программа которых должна была соответствовать программе сельских начальных училищ и 2) двухклассные русско-казахские школы, программа которых соответствовала бы программе двухклассных сельских школ, согласно Положению 1875 года.

Аульные школы предназначались для того, чтобы давать учащимся самое необходимое элементарное образование. Они должны были открываться в среде самого народа и носить передвижной характер, сообразно кочевому образу жизни казахского населения. В этих школах обучение предполагалось вести на казахском языке, а русский язык должен был составить главный предмет преподавания.

Предполагалось открыть аульные школы и для девочек, в которых преподавание должны были вести учительницы-казашки. Но ввиду отсутствия последних, отмечалось в статье, на первое время намечено открыть 25 аульных передвижных школ для мальчиков, пропорционально количеству аулов в пяти уездах области.

Двухклассные русско-казахские школы должны были явиться как бы продолжением аульных передвижных школ. При двухклассных школах предполагалось создать педагогические классы для подготовки аульных учителей, а также ремесленные классы для обучения учащихся различного рода «кустарным производствам в зависимости от местных условий и потребностей».

На содержание 25 аульных школ был определен расход в сумме 23 800 рублей ежегодно. Ввиду отсутствия средств было возбуждено ходатайство об увеличении областного земского сбора с 1 рубля 50 копеек до 2 рублей с кибитки.

Эти же данные более подробно приводятся в статье В. Парина «Начальное образование среди киргизов», опубликованной в педагогическом журнале «Городской и сельский учитель» (1899, вып. 1). В добавление к тому, что было сказано выше, автор этой статьи отмечал следующие моменты. Ввиду того, что русский язык будет главным предметом преподавания в аульных школах, курс обучения в последних следует продлить на один год. Учреждение специальных школ для девочек обусловливается тем, что «в руках женщины находится великая задача подготовления к жизни молодого поко-

ления». Ссылаясь на то, что якобы по казахским обычаям совместное обучение девочек с мальчиками не допускалось и что школы для девочек должны быть устроены отдельно от мужских школ, автор статьи считал целесообразным отложить на неопределенный срок учреждение женских школ ввиду отсутствия учительниц-казашек.

Автор здесь серьезно ошибался. К этому времени уже имелся положительный опыт работы русско-казахских школ для казахских девочек в Тургайской области.

Пропорционально количеству аулов в уездах имелось в виду открыть аульных школ: в Омском уезде — 2, Петропавловском — 5, Кокчетавском — 5, Атбасарском — 4 и Акмолинском 9. Двухклассные училища предполагалось открыть к моменту первого выпуска учеников аульных школ, то есть через три года. По числу кибиток в области земский сбор должен был составить 36 515 рублей.

Таким образом, если в Тургайской области в конце прошлого века сеть аульных школ уже получила развитие, в Акмолинской области шла лишь подготовка к их организации.

Министерство народного просвещения лишь 11 октября 1901 года утвердило правила для аульных русско-казахских школ Акмолинской и Семипалатинской областей.

Правила предусматривали следующее:

1) Аульные школы открываются с целью наиболее широкого распространения грамотности среди казахского населения Акмолинской и Семипалатинской областей.

2) Они, по возможности, должны отвечать условиям быта казахов, школьное оборудование должно быть не громоздким и удобным для перевозок.

3) Учебный год продолжается с октября до апреля в наемных землянках, а с мая до сентября — в наемных кибитках; апрель и сентябрь являются каникулярными месяцами.

4) Аульная школа содержится на местные средства, а в случае их недостатка — за счет средств казны; на ежегодное содержание школы отпускается 540 рублей, из них 360 рублей на жалование учителю.

5) Аульные школы в Акмолинской и Семипалатинской областях организуются по типу аульных школ Тургайской области.

В 1898 году в Акмолинской области было всего 160 низших учебных заведений (в том числе подведомственных Министерству народного просвещения 22), в которых учился 7 381 учащийся, из них в школах Министерства народного просвещения 2 282 ученика. 28 городских школ приходилось на 75 тысяч жителей, а 132 школы в сельской местности — на 603 888 жителей. При наличии в области 678 957 человек населения одна школа приходилась на 243 и один учащийся на 99 жителей, что составляет лишь 1 процент населения. Если иметь в виду, что в области было 61 106 детей школьного возраста, то из них обучалось в школах лишь 12 процентов. 54 047 детей (88 процентов) не учились, в том числе не учились 27 434 девочки, или 94 процента [1].

На 1 января 1898 года в Акмолинской области было 3 городских училища (с 735 учащимися) — Петропавловское пятиклассное, Акмолинское и Кокчетавское трехклассные; 1 уездное училище в г. Омске, 12 приходских училищ (с 1 464 учащимися), в том числе Акмолинское мужское, Акмолинское женское, Атбасарское, Петропавловское и Кокчетавское училища, 1 начальное народное училище с 83 учащимися, 3 частные школы, 2 вечерние школы с 97 учащимися, учительская семинария в г. Омске, существовавшая с 1872 года, несколько казахских интернатов и сельскохозяйственных школ, войсковые и церковно-приходские училища.

Петропавловское трехклассное училище было преобразовано в пятиклассное в 1882 году в соответствии с ходатайством Городской думы г. Петропавловска, которая обязалась принять содержание дополнительно открываемых двух классов за счет города [2].

В 1900 году открылось Мариинское женское училище в Акмолинске.

Для детей чиновников в 1889 году были установлены 10 казенных стипендий (по 2 стипендии на каждый уезд) в мужских и женских гимназиях Степного края.

Как видно из вышеизложенного, Акмолинская область в развитии просвещения среди казахского населения намного отставала даже от Тургайской и Ураль-

---

[1] Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи, вып. III, Спб., 1902.

[2] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 174, д. 217, л. 1.

ской областей. Некоторые «благоприятные» средние показатели по сравнению с другими областями не являются характерными. Школы сибирского казачьего войска, церковно-приходские и частные школы, в которых не было казахских детей, составляли 87 процентов всех школ области. В интернатах и сельскохозяйственных школах, а также в русских школах училось совершенно незначительное число казахских детей.

Царское правительство в течение полуторавекового управления территорией Акмолинской области не предприняло никаких существенных мер к развитию народного образования среди казахского населения.

Первыми русско-казахскими школами в области явились интернаты для казахских детей, в которых велось обучение русской грамоте. Но эти интернаты имели жалкий вид; они не имели соответствующей материальной базы, а учебно-воспитательная работа была поставлена исключительно плохо.

Аульные школы, которые являлись своеобразным типом массовых начальных школ в Казахстане, начали открываться только к началу XX века, когда они получили более широкое развитие в Тургайской области.

Одноклассные русско-казахские волостные школы и двухклассные русско-казахские уездные школы, которые были учреждены в Тургайской и Уральской областях, так и не были открыты в Акмолинской области до конца прошлого века.

Под разными необоснованными предлогами также не были учреждены женские школы для казахских девочек.

2. ШКОЛЫ СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Семипалатинская область, как и Акмолинская, была выделена из «области сибирских киргизов» в 1854 году, когда казахское население, ранее подчинявшееся пограничным властям, начало подчиняться Семипалатинскому губернатору. В области были учреждены военные окружные начальники.

По «Временному положению» 1868 года в состав Семипалатинской области вошли Баян-Аульский, Каркаралинский, Кокпектинский и Семипалатинский округа, часть Сергиопольского округа, Зайсанский край и

некоторые земли полковых округов Сибирского казачьего войска. Область оставалась в подчинении Западно-Сибирского генерал-губернаторства.

Семипалатинская область делилась на четыре уезда: Семипалатинский, Каркаралинский, Кокпектинский и Павлодарский; бывший Зайсанский край был выделен в особое Зайсанское приставство, которое впоследствии было переименовано в уезд. По положению 25 марта 1891 года вместо Кокпектинского был образован Усть-Каменогорский уезд.

В культурном отношении область находилась в крайне отсталом состоянии, трудно было говорить о каком-либо народном образовании местного казахского населения. Только в 80-х годах начали появляться первые русско-казахские школы.

Военный губернатор Семипалатинской области в своем отчете за 1872 год писал: «Народное образование области стоит на весьма низкой ступени». «Всякое улучшение по учебной части народонаселение способно встретить весьма сочувственно». «Никаких учебных обществ, музеев и прочих в области нет. При Семипалатинском благородном собрании имеется одна библиотека, устроенная на суммы добровольных подписчиков. Библиотека эта располагает ныне 12 периодическими изданиями и 20 названиями разных сочинений» [1].

Как видно из ведомости, приложенной к отчету военного губернатора (см. табл. 13), в 1872 году в Семипалатинской области числилось 68 учебных заведений, в которых обучалось 2 107 учащихся, в том числе 438 девочек. В числе учебных заведений значилось 48 «училищ-пансионов, школ частных лиц городов и при молитвенных зданиях иностранных исповеданий», в которых обучался 1 221 ученик, в том числе 318 девочек. Школ не хватало не только для казахского населения, но и для русского, особенно для обучения детей русских казаков. Поэтому для обслуживания последних открывались не требующие значительных затрат примитивные школы первоначальной грамоты.

«Сибирская газета» 2 августа 1881 года сообщала, что генерал-губернатор 16 июля 1881 года утвердил инструкцию об устройстве первой школы в четырех по-

[1] Госархив Омской обл., ф. 3, ед. хр. 11285, л. 107.

Таблица 13

О числе учебных заведений и учащихся в Семипалатинской области за 1872 год[1]

Название учебных заведений	В областном городе				В уездном городе				В уездах				Всего в области			
	число учеб. заведений	муж.	жен.	обоего пола	число учеб. заведений	муж.	жен.	обоего пола	число учеб. заведений	муж.	жен.	обоего пола	число учеб. заведений	муж.	жен.	обоего пола
Женская прогимназия	1	—	74	74	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	74	74
Мужские приходские училища	2	172	—	172	2	55	—	55	1	13	—	13	5	240	—	240
Приходские училища для детей обоего пола	—	—	—	—	2	92	46	138	—	—	—	—	2	92	46	138
Училища—пансионов школы частных лиц																
для мальчиков	—	—	—	—	1	60	—	60	—	—	—	—	1	60	—	60
для девочек	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
для детей обоего пола . . .	8	563	183	746	—	—	—	—	40	340	135	475	48	903	318	1221
Народные школы.																
Волостные станичные сельские школы и выселковые школы:																
для мальчиков	—	—	—	—	—	—	—	—	11	374	—	374	11	374	—	374
для девочек	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
для детей обоего пола . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего в области . .	11	735	257	992	5	207	46	253	52	727	135	862	68	1 669	438	2 107

[1] Госархив Омской области, ф. 3, ед. хр. 11285, лл. 139—140.

селках сибирского казачьего войска. «Учреждение этой школы,— писала газета,— имеет целью по примеру шведских школ такого же рода способствовать быстрому развитию грамотности среди населения казачьего войска — до устройства в нем постоянных школ».

Непосредственные занятия учителя с учащимися в такой школе продолжались 8 недель в учебном году, а в остальное время учащиеся «подвигались вперед собственными силами» под надзором старших в семье.

О бескультурье и невежестве, царящих в области, о большой тяге казахского народа к образованию много писалось в периодической печати в 80—90-х годах.

Даже Семипалатинск — центр области, который к концу прошлого века уже являлся одним из крупных городов Казахстана, с русским населением более 10 тысяч человек был отсталым в культурном отношении.

«Театра у нас нет,— писал А. Б. в статье «Библиотека и музей в Семипалатинске»,— если не считать сценическими представлениями случайное гаерство различных «заезжих артистов», которые даже в нашей непритязательной публике возбудили негодование бесцеремонной профанацией искусства. Концертов не бывает... сплетни, ссоры, скандалы и прочие атрибуты нашего «благородства», рассадником которых является собрание, уподобили это место отдыха от одуряющего однообразия будничной жизни, усовершенствованной Авгиевой конюшне с той лишь существенной разницей, что подвиг очищения ее от всякой грязи не под силу никакому Геркулесу. Очень понятно после этого-то искреннее сочувствие, с которым общество встретило новое учреждение» [1]. (Речь идет об учреждении в г. Семипалатинске библиотеки и музея).

Критикуя тех, кто так много говорит о цивилизаторской роли русских «среди диких, необразованных инородцев», автор писал: «Но при этом не любим задумываться над привычками и оригинальной вековой культурой инородца, над его экономической жизнью, его умственным складом, не пробуем, посредством взаимного понимания, по возможности смягчить силу трения разнохарактерных культур, хотя именно на нас, как на «высшей» из сталкивающихся рас, должна лежать эта зада-

[1] «Сибирская газета», 1884, 10 июля.

ча». Он отмечал, что пренебрежительное отношение к «племенным особенностям» и «вековым привычкам социальной жизни» казахов «чрезвычайно метко охарактеризовано нашими киргизами выразительным словом «каскыр».

С. Марусин в статье «Народная школа в киргизской степи» писал: «На стремление киргизов выйти из теперешнего положения и завести у себя настоящие школы указывает ходатайство двух киргизских обществ Усть-Каменогорского уезда об открытии у них русских школ. Просьба их не была уважена «за трудностью найти учителя, знающего русскую и татарскую грамоту». Основание не совсем достаточное для отказа в таком огромной важности деле, как постоянная русская школа среди кочевников: пятисоттысячное население вправе ожидать, чтобы для него были подготовлены нужные учителя, раз потребность в них возникла. Не имея настоящей школы, кочевники стремятся заменить ее домашними средствами — отдают ребят в выучку к своим грамотеям-кочевникам, проживающим тут же в ауле и вместе с ними кочующим по степи: таким образом возникло нечто вроде частных школ. Что такое обучение может дать населению и что оно действительно дает, ему догадаться нетрудно» [1].

Такое положение с народным образованием в области оставалось в течение долгого времени. Через 9 лет в «Сибирском вестнике» (1898, № 67) появилась статья под названием «Народное образование в Усть-Каменогорском уезде Семипалатинской области», в которой отмечалось, что «киргизское население Усть-Каменогорского уезда в отношении образования брошено на произвол судьбы. Одиннадцать киргизских волостей, собственно и составляющих Усть-Каменогорский уезд, имели на бумаге одну сельскохозяйственную школу, в которую набирали силою учеников. Осенью 1897 года начальство признало эту затею неудачной и прекратило эту комедию, ибо почти 100-тысячное население уезда давало этой сельскохозяйственной школе 8—10 учеников и упорно отказывалось посылать туда своих детей. «Пахать, говорили киргизы, мы учимся у крестьян, косить тоже и сеять, а нам нужна грамота. Дети наши воспи-

[1] «Сибирский вестник», 1889, № 5.

тываются по-русски, вера наша в загоне, дети наши наги и босы, балуются и в лучшем случае научатся мыть полы и стирать, а подчас и голодают. В силу всего этого, а тем более, что мы любим детей и дорожим ими, мы предпочитаем их посылать в гимназии и т. д. в Омск, кому позволяют средства, а у кого нет — учим у муллы, плата за каждый день 2 копейки».

В 1883 году в четырех уездных городах (Семипалатинске, Усть-Каменогорске, Павлодаре и Каркаралах), а также в Зайсане было по одному казахскому мужскому интернату, а в гг. Семипалатинске, Павлодаре и Каркаралах, кроме того, имелось по одному интернату для казахских девочек.

Наиболее распространенным типом учебных заведений в Семипалатинской области в конце прошлого столетия были так называемые интернаты-пансионы. Даже Омская казахская школа по подготовке переводчиков была преобразована в пансион для казахских и русских детей.

В 1886 году в области были те же 5 мужских интернатов, в которых обучались 152 воспитанника. Из этого числа только 39 воспитанников учились непосредственно в самих интернатах, а остальные — в различных городских училищах; 37 девочек, находившихся в трех женских интернатах, учились в самих интернатах. Помимо общеобразовательных учебных предметов в мужских интернатах, воспитанники обучались разному ремеслу: столярному, сапожному или шорному делу, а в женских интернатах девочки обучались рукоделию. Все интернаты содержались за счет общественных средств волостей. В 1886 году на них было израсходовано 25,5 тысячи рублей, или по 128 рублей в год на каждого воспитанника и 167 рублей — на каждую воспитанницу. Положение интернатов было крайне тяжелым: большая скученность и антисанитария в общежитиях, неудовлетворительная пища и одежда, плохая постановка учебно-воспитательной работы.

Такое состояние в интернатах отмечалось в целом ряде статей и корреспонденций, опубликованных в периодической печати в 1883—1887 годах.

«Из Семипалатинска пишут,— сообщала «Сибирская газета»,— о крайне дурном состоянии интерната, во главе которого стоит невежественное в деле воспитания

лицо. Душная атмосфера комнат, плохое питание, дурная одежда, недостаток движений и воздуха — спутники интернатской жизни. Катары желудка, хронические воспаления легких, кожные болезни — чесотка и парша — обыкновенные и постоянные болезни интерната. Видя перед собой питомца 16—17 лет, с трудом веришь, что это киргиз, сын природы, выросший на просторе. Удивляться только надо той смелости и самозванству, с какими мы взялись за просветительную миссию в среде кочевников» [1].

В другой корреспонденции отмечалось, что в г. Семипалатинске для казахских детей имелись мужской и женский интернаты. Мальчики учились в пятиклассном городском училище и подчинялись училищному совету, а живя в интернатах, они еще подчинялись уездному начальнику. Такое двойное подчинение приводило к различным недоразумениям и противоречиям в учебно-воспитательной работе. Смотритель интерната был слишком груб с воспитанниками и применял физические наказания, а уездный начальник потворствовал ему.

В корреспонденции сообщается о таком случае: «Смотритель интерната Желнов слишком грубо обходится с учениками, полагая, что такие педагогические приемы, как выдерживание киргизят по целым часам на коленях (что, впрочем, разрешает и инструкция), пинки и обзывание киргиз «собаками», составляют сущность воспитания. Пища ученикам дается плохая и в малом количестве, так что все ученики в конце августа явились к губернатору с жалобой на Желнова. Какие последствия этой жалобы, читатель увидит ниже. Желнов, узнав о жалобе на него, тотчас телеграфировал уездному начальнику на Аркат (там был съезд), прося его уволить, но уездный начальник ответил: «Не кипятитесь, сам приеду и разберу».

16 декабря, действительно, приехал, а 17 стал разбирать жалобы. «Как вы смеете жаловаться, подлецы! Вас здесь кормят! ...а вы недовольны! Всех вон выгоню!»,— кричал уездный начальник во время обеда учеников. Один из них Султан-Гали, ничего не понимая по-русски, видя смешную физиономию уездного начальника, улыбнулся, за что и получил пощечину, да такую,

[1] «Сибирская газета», 1883, 18 декабря.

что с ног свалился. Результат разбирательства был таков, что ученика Кулумбаева, как первого из жаловавшихся губернатору, исключили из интерната.

Вот они просветители инородцев, столь смело взявшие сами на себя такую миссию и ничто кроме презрения не заслужившие от опекаемых ими «собак».

В корреспонденции из Атбасара под названием «Развлечение на киргизский счет» рассказывается о правах «воспитателей» атбасарского интерната. «На киргизский счет у нас для киргизских детей устраивают ежегодно детские вечера,— говорится в корреспонденции. Никаких детских развлечений тут не полагается, а просто, для очищения совести, собирают часа на два (и то вечером) учеников киргиз и учениц киргизок, поят их чаем, затем заставляют плясать польки и кадрили, а так как эти танцы им незнакомы, то дети разыгрывают роль паяцев, над которыми присутствующие потешаются, подают плов и «детский вечер» заканчивается. Ребята уходят, уступая место великорослым, которые и веселятся иногда даже далеко за полночь. Веселясь, эти господа совсем забывают, что они в школе, на глазах ребят киргиз, которые в смежной комнате спят. Давно бы следовало запретить все подобные сборища в интернатах, так как интернат есть школа»[1].

О мусульманских школах области мы не располагаем подробными данными.

Комиссия по составлению проекта положения об управлении областями Казахстана в своей объяснительной записке отмечала, что в тогдашнем Каркаралинском округе, по сообщению мулл, в 15 волостях округа было 23 мусульманские школы, в которых обучались 412 учеников, в среднем на каждую школу приходилось по 18 учеников.

Некоторые казахские дети учились в Петропавловске и Семипалатинске, а богатые казахи посылали своих детей в Ташкент и даже Бухару. В этих школах преподавали указные и обычные муллы из казахов «ташкентцев» и татар.

В мусульманских школах преподавались чтение, письмо, молитвы, чтение и толкование отрывков алкорана, а также арифметика. За редким исключением

[1] «Сибирская газета», 1887, 22 марта.

обучение русскому языку в мусульманских школах не проводилось.

В Семипалатинске имелись школы при 8 мечетях. В этих школах в 1865 году учились 420 мальчиков и 280 девочек; последние учились главным образом в домах у грамотных женщин.

Недостаток русских школ для казахских детей, неудовлетворительная постановка учебно-воспитательной работы в интернатах вынуждали многих казахов отдавать своих детей в мусульманские школы. Мусульманские мектебы и медресе обычно открывались при мечетях. Учителями являлись муллы. Эти школы содержались за счет пожертвований или какого-нибудь бая. Определенной платы за обучение не устанавливалось: родители платили мулле деньгами, скотом, вещами, продуктами питания и т. п. Мектебы не имели определенной программы, не определялся также срок обучения, в мектебах не было никаких классов или отделений. В этих школах детей обычно обучали татарской, казахской грамоте и письму, толкованию Корана и заучиванию духовных стихов. Такая школа не давала никаких серьезных знаний учащимся.

В Семипалатинске проживало много татар, имелось много мечетей, в которых муллами служили татары, оказывавшие известное влияние на казахов как непосредственно, так и через мектебы и медресе.

«Сибирская газета» отмечала, что в г. Семипалатинске «более половины населения — татары и киргизы; здесь 12 мечетей и 2 церкви» [1]. Естественно, за неимением правительственных казахских школ казахские интеллигенты получали образование главным образом в мусульманских мектебах и медресе. Как известно, великий казахский просветитель, поэт и мыслитель Абай Кунанбаев в течение пяти лет также учился в Семипалатинском медресе Ахмета Ризы.

18 октября 1894 года в Семипалатинске была открыта четырехклассная прогимназия. По этому поводу «Киргизская степная газета» 9 октября 1894 года в статье «Успехи просвещения в степи» писала, что прогимназия «будет иметь существенное значение в деле распространения образования в области как для рус-

[1] «Сибирская газета», 1885, 6 сентября.

ского, так и особенно для туземного населения». В статье указывалось, что из 50 тысяч рублей, собранных населением Семипалатинской области на учреждение прогимназии, больше половины было пожертвовано казахами. Отметив, что в Семипалатинске проживало до 6 тысяч казахов и большое число татар, газета выражала надежду, что «прогимназия наполнится не только русскими, но и инородцами. Таким образом, к детям киргиз, обучающихся в гимназиях Омской, Верненской и Оренбургской, прибавится новая группа, семипалатинская».

С 1896 года в печати начинают появляться сообщения об открытии первых казахских школ и о первых успехах образования среди казахского населения.

О. Альджанов в заметке «Еще шаг к просвещению»[1] сообщал о том, что казахское и татарское население Аккульско-Қзылагачского селения в Семипалатинском уезде открыли первую в Семипалатинской области «магометанскую» школу, где преподается русский язык, что в школе дети будут учиться «тюркскому наречию и русскому языку». Учителем был назначен казах Г. Абишев, окончивший в 1893 году Омскую учительскую семинарию и работавший переводчиком податного инспектора Семипалатинского уезда. Но уже через 2,5 месяца Дала Баласы в статье «Первый луч просвещения»[2] указывал, что в результате недовольства и противодействия татар открытая в декабре 1895 года Аккульско-Қзылагачская школа переведена в находящийся в трех верстах от Аккульско-Қзылагачского селения Кузембаевский аул, где проживало около 60 казахских семей. Как отмечал автор, сначала казахи тоже с подозрением смотрели на эту школу, но потом «привыкли к ней и с полным удовольствием слушали объяснения учителя о необходимости просвещения». Школа находилась в частном доме, не было необходимой обстановки, учебных пособий недоставало, имелось всего-навсего 15 букварей Бунакова. В школе было 15 учащихся, в том числе и взрослых до 30 лет. Автор статьи сообщал, что занятия в школе шли успешно, между учащимися было «сильно развито соревнование».

---

[1] «Киргизская степная газета», 1896, № 3.
[2] Там же, № 10.

В конце прошлого века интернаты для казахских детей, созданные в Семипалатинской области, начинают преобразовываться в сельскохозяйственные школы. В 1899 году преобразован Павлодарский интернат. За три года, как сообщала «Киргизская степная газета» (1901, 14 октября), эта сельскохозяйственная школа успела приобрести среди казахского населения достаточную известность. Все учителя были русскими. Казахские дети благодаря постоянному общению с русскими детьми, которые обучались вместе с ними, а также в результате того, что преподавание велось на русском языке быстро научились по-русски говорить, читать и писать.

В сельскохозяйственной школе, помимо обучения грамоте и счету, давались некоторые сведения по истории и естествознанию. При школе имелись столярная и сапожная мастерские. Ученики старшего класса могли выделывать различные предметы домашнего обихода. На пришкольном участке учащиеся занимались на практике изучением земледелия, а также знакомились с различными сельскохозяйственными машинами.

В 1896 году в Семипалатинской области было 105 учебных заведений: мужская четырехклассная прогимназия (74) [1], женская пятиклассная прогимназия (209), четыре сельскохозяйственные школы (74), пятиклассное городское училище (191), 3 городских трехклассных училища (455), мужское начальное училище Министерства народного просвещения (49), мужское городское приходское училище (78), 5 женских городских приходских училищ (280), женское приходское училище Министерства внутренних дел (21), 3 сельские школы (72), 10 церковно-приходских школ (578), 56 войсковых школ (1 164), русско-магометанская сельская школа (22), 16 мусульманских школ при мечетях (1 164), частная еврейская школа (9). Во всех учебных заведениях области обучалось 4 440 учащихся, в том числе 3 241 мальчик и 1 199 девочек. Мы не располагаем точными данными о национальном составе учащихся, особенно о численности казахов (за исключением казахских интернатов), но можно уверенно сказать, что последних было не более нескольких десятков. По данным обзора

[1] В скобках указано число учащихся.

Семипалатинской области видно, что в 1904 году в мужской гимназии среди 291 ученика было всего 10 магометан (но кто они по национальности, неизвестно, видимо, большинство их были татары), в низших учебных заведениях Министерства народного просвещения магометан было 63, в том числе 45 детей «инородцев». В числе 86 учащихся трех сельскохозяйственных школ (Каркаралинская, Семипалатинская, Зайсанская) казахов было 33.

В городах находилось 31 учебное заведение (в том числе в Семипалатинске — 16), в уездах — 14. Женская прогимназия существовала с 1871 года, а мужская — с 1894 года. В женской прогимназии имелось пять основных классов и два приготовительных отделения. При Семипалатинском пятиклассном городском училище имелся класс ручного труда. При каждой сельскохозяйственной школе имелись ферма, огород и мастерские. В школах наблюдался большой отсев учащихся. В 1896 году окончило школу всего лишь 5 человек, а выбыло 45 человек. В связи с недостатком средств школы испытывали большие трудности. Помещения многих школ, особенно войсковых, были ветхими и не отвечали санитарно-гигиеническим требованиям. «Помещения почти всех мусульманских школ,— отмечалось в обзоре Семипалатинской области за 1896 год,— далеко не удовлетворяют требованиям школьной гигиены» [1].

Заработная плата учителей в городских училищах колебалась от 450 до 680 рублей в год, в приходских — от 180 до 420, учителя войсковых школ получали всего лишь 120 рублей. В гг. Семипалатинске и Усть-Каменогорске имелись общества попечения о начальном образовании, которые оказывали материальную помощь школам и бедным ученикам. Семипалатинское общество, кроме того, отпускало ежегодную дотацию открытым в 1883 году областному музею и общественной библиотеке. Библиотеки имелись также в Павлодаре, Каркаралинске, Усть-Каменогорске и Зайсане.

В 1898 году были открыты приходские училища: женское в Зайсане, мужские в Усть-Каменогорске, Заречном, Павлодаре, Зайсане и Семипалатинске. Вечер-

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 174, д. 1158.

ние школы существовали в Павлодаре и Больше-Владимирске.

В 1899 году Семипалатинское мужское приходское училище и Зайсанское начальное училище переименованы в городские трехклассные училища.

По статистическим данным, в 1898 году в Семипалатинской области было 82 начальных учебных заведения с 3 279 учащимися. Войсковые училища и церковно-приходские школы составляли 85 процентов всех учебных заведений; в них обучалось 2 010 учащихся, или 62 процента всех учащихся области. Одна школа приходилась на 8 459 человек населения и один учащийся — на 213 жителей, что составляет только 0,5 процента населения. Из 61 668 детей школьного возраста обучалось только 3 процента. За пределами школы оставалось 58 449 детей школьного возраста (95 процентов), в том числе 28 212 девочек (98 процентов).

Для детей русских чиновников области было установлено 10 казенных стипендий, в гимназиях Степного края — по 2 стипендии на каждый уезд.

ГЛАВА V

ШКОЛЫ СЫР-ДАРЬИНСКОЙ И СЕМИРЕЧЕНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

1. ШКОЛЫ СЫР-ДАРЬИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Крупная кокандская крепость Ак-Мечеть (ныне г. Кзыл-Орда) была взята русскими войсками еще в 1853 году, а после принятия казахами Старшего жуза и киргизским народом русского подданства в 1854 году было построено укрепление Верное (ныне г. Алма-Ата). Однако по целому ряду причин дальнейшее продвижение русских войск в Среднюю Азию задерживалось. Новое наступление началось в 1864 году. В том же году были заняты гг. Аулие-Ата, Туркестан и Чимкент, а 17 июля 1865 года был занят г. Ташкент. Только через два года после занятия г. Ташкента «Указом об учреждении Туркестанского генерал-губернаторства» от 11 июля 1867 года была образована Сыр-Дарьинская область. В состав области сначала входили Казалинский, Перовский, Туркестанский, Чимкентский и Аулие-Атинский уезды, находившиеся на нынешней территории Казахстана, а также Ходжентский, Джизакский, Ташкентский (частично), находившиеся на нынешней территории Узбекистана. По «Положению об управлении Туркестанским краем» от 2 июня 1886 года Сыр-Дарьинская область уже включала в себя Аму-Дарьинский отдел и пять уездов: Казалинский, Перовский, Чимкентский, Аулие-Атинский и Ташкентский.

В объемистых положениях о Туркестанском крае от 11 июля 1867 года и 2 июня 1886 года ничего не говорилось об организации школ и обучении как детей местного населения, так и русских поселенцев. В «Проекте положения об управлении Семиреченской и Сыр-Дарь-

инской областей» от 11 июля 1867 года[1] лишь было сказано: «Для облегчения служащим в Семипалатинской и Сыр-Дарьинской областях способов к воспитанию и обучению детей обоего пола назначается по сношению генерал-губернатора с подлежащими министрами, несколько вакансий на казенный счет в учебных заведениях министерств военного и народного просвещения». «Назначение детей для помещения в учебные заведения предоставляется усмотрению главного начальника края».

Но по мере продвижения русских войск в глубь Средней Азии и заселения присоединенных к России новых земель переселенцами-колонистами из России начали постепенно организовываться школы сначала для детей русских поселенцев, а затем для детей местного населения.

Первыми русскими школами в Сыр-Дарьинской области были церковно-приходские, открытые священниками в гг. Казалинске и Перовске.

Школа в форте № 1 (Казалинск) была открыта 22 января 1860 года, а в форте Перовском — 14 апреля того же года. На содержание школы отпускалось по 30 рублей в год, а на жалование священникам — по 100 рублей в год. В феврале 1861 года священником форта № 1 на собранные им из добровольных пожертвований 40 рублей в Казалинске была открыта женская школа, куда поступило 15 девочек местных русских жителей. В программу этих школ входило обучение чтению, письму, четырем правилам арифметики, а также закону божию. В женской школе, кроме того, девочки обучались шитью, вязанию и вышиванию.

Школы размещались в квартирах священников, в материальном отношении они не были устроены, учебных пособий не хватало. В течение двух лет оренбургское начальство отпустило на их содержание, включая жалование священникам, всего лишь 582 рубля.

В целях усиления влияния на казахское население и подготовки преданных царизму чиновников из числа казахов царская администрация начала учреждать школы для обучения казахских детей. Первые казахские

---

[1] Материалы по истории политического строя Казахстана, т. I, Алма-Ата, 1960, стр. 316.

школы были открыты в г. Казалинске (форт № 1) в 1863 году и в г. Перовске (форт № 2) в 1865 году.

Командующий Сыр-Дарьинской линией еще 7 мая 1860 года в своем письме надворному советнику Осмоловскому писал, что контингент каждой предполагаемой к открытию школы для казахских детей определяется в 25 воспитанников с одним учителем, который в то же время будет являться смотрителем школы. Дети должны помещаться в самой школе на полном государственном обеспечении на все время их четырехлетней учебы. В письме также указывалось, что в качестве приходящих детей могут быть допущены «дети поселян и вообще русских».

Курс обучения в этих школах ограничивался чтением и письмом на русском и казахском языках, первыми четырьмя правилами арифметики, переводами с казахского языка на русский и обратно, с объяснением грамматических форм обоих языков [1].

В качестве учителей в эти школы должны были определяться исключительно казахи из числа выпускников Оренбургского кадетского корпуса или казахской школы при областном правлении оренбургскими казахами.

В школы принимались дети казахского населения, «состоящего на службе по Степному управлению». При наличии вакансий разрешалось также на первых порах принимать в школы и взрослых. Русские дети могли приниматься в школы только приходящими. Для них изучение казахского языка было не обязательным.

В результате незнания казахским населением назначения этих школ и характера обучения в них и, следовательно, некоторого недоверия к этим школам при открытии последних было принято незначительное число казахских детей: в Казалинскую школу 6, в Перовскую 16; в первой было 17, а во второй — 13 русских детей.

Некоторые данные о первой в Сыр-Дарьинской области русско-казахской школе в г. Казалинске (форт № 1) мы находим в протоколе заседания «Комитета по устройству русско-киргизской школы и девичьего училища» от 18 сентября 1866 года [2]. В протоколе говорится: «В форте № 1 открыта с 1 сентября 1863 года школа

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 383, оп. 1, д. 134, лл. 1—2.

[2] Госархив Оренбургской обл., ф. 6, д. 8095.

для киргизских мальчиков. В настоящее время учеников в этой школе всего 14 человек. Обучаются они русской и татарской грамоте, письму на том и другом языках и закону божию. Все без исключения читают по-русски с большим трудом, неправильно выговаривают слова и вовсе почти не понимают русского языка, так что самая грамотность остается для них бесполезным знанием, успехи в письме тоже весьма неудовлетворительны, судя по времени, которое употреблено было мальчиками на обучение.

Причина малого числа учеников — недостаток сочувствия в среде киргизов к делу образования детей, непонимание ими пользы и наглядных выгод образования и некоторое предубеждение против школы; причина затем слабых успехов учеников в русском языке — крайняя затруднительность усваивать вообще всякий иностранный язык при одном лишь теоретическом изучении его и притом через посредство лица, для которого точно так же преподаваемый им самим язык чужд».

В связи с открытием казахской школы русская школа существовала в качестве особого класса, в котором обучалось 25 русских мальчиков. Поэтому по указанию командующего Сыр-Дарьинской линией все учебные пособия, высланные для русской школы, были переданы казахской школе. Предполагалось, что учитель казахской школы одновременно будет также преподавать и в русском классе.

В протоколе отмечалось, что «ввиду более успешного развития как русских, так и киргизских детей и легчайшего изучения последними русского языка через наслышку и постоянную практику священник и вошел с ходатайством о соединении обеих школ в одну, с устройством последней на наиболее прочных, чем ныне существующая, началах»[1]. Но слияние казахской и русской школ не состоялось. Тогда местные власти предложили закрыть казахскую школу, чтобы лучше устроить русскую школу. Как видно из протокола заседания комитета, «заведующий туземным населением правого фланга Туркестанской области» Груздь предложил «по незначительному числу учеников казахскую школу в форте № 1 закрыть и перевести ее в форт Пе-

[1] Госархив Оренбургской обл., ф. 6, д. 8095.

ровский, а здание, занимаемое школой, передать «под устройство» русской школы.

Комендант форта согласился с таким предложением, «выразив, что киргизская школа существует лишь номинально, между тем как в русской школе чувствуется положительная необходимость, помещения же для нее нет и постройка нового здания потребует значительных расходов».

Комитет по устройству русско-казахской школы не согласился с вышеуказанными мнениями. В своем заключении он указал, что «хотя наличное число воспитанников киргизской школы действительно незначительно, но одно это не может служить достаточным основанием к закрытию в форте № 1 заведения, откуда в киргизское население может проникнуть некоторое образование, а вместе с ним и развитость понятий. Чем более мест для обучения детей, тем более выгоды в общем результате, ожидаемом правительством от учреждения в степи школ, и тем более парализуется вредное влияние невежественных мулл, выходцев из Средней Азии, которые, несмотря на строгие меры, проживают в аулах, захватили в свои руки обучение детей и проводят в молодое поколение невежественные проникнутые фанатизмом понятия, все же образование заключают лишь в слабых занятиях татарской грамоты.

Ввиду этого, по мнению комитета, не только не следует закрывать в форте киргизскую школу, но, напротив того, изыскать способ и меры к лучшему устройству и развитию с тем, чтобы киргизские мальчики выносили из школы хорошие знания русского языка, грамотности, усвоили себе некоторые познания и понятия, расширяющие умственный кругозор и вошли бы в ближайшее соприкосновение с русскими».

Наряду с этим комитет признал необходимым соответствующим образом устроить русскую школу. «Имея в виду,— говорится далее в протоколе,— значительное народонаселение форта, ежегодный прилив постоянных торговцев в здешнюю местность, принимая во внимание, кроме того, пользы и важности подготовки хотя некоторого процента из лиц молодого поколения в форте, которые бы кроме существенной пользы образования для них самих непосредственно через ежедневные сношения с киргизским населением, в среде которого проживают,

могли по своему умственному и нравственному развитию благотворно влиять на киргизский народ — Комитет признал не только полезным, но и положительно необходимым устройство русской школы».

Исходя из этого, а также учитывая, что строительство специального здания для русской школы привело бы к соответствующим расходам, Комитет решил, что казахские и русские дети будут обучаться в одном помещении, но первые будут жить в школе постоянно, кроме каникулярного времени, а последние будут обучаться в качестве приходящих. Решено было ввести одинаковую программу, кроме закона божия и казахского языка, как для казахских, так и для русских детей.

Преподавание русского языка (чтение, письмо, грамматика), арифметики и «элементарных познаний о явлениях природы, географии и русской истории» было возложено на священника, который, кроме того, должен был преподавать русским мальчикам «начало истории ветхой, знакомить с жизнью, делами и учением спасителя, объяснять кратко символ веры и заповедь, учить детей молитвам на разные случаи и вообще обращать особенное внимание на религиозную сторону образования».

В помощь священнику назначались учитель казахской школы и два «грамотных» унтер-офицера, работавших в обсерватории форта. В обязанность учителя казахской школы вменялось обучение казахских детей «татарской грамоте и письму», «молитвам, установленным исповедуемым киргизам учением». Кроме того, он должен был обучать казахских детей «под руководством священника» русской грамоте, письму и другим предметам.

По усмотрению коменданта «для надзора за детьми» к школе приставлялись четыре «благонадежных» унтер-офицера, которые по очереди отбывали дежурство. Право «наблюдения, главного надзора и попечение о школе» предоставлялось коменданту форта. «Хозяйственная часть и наблюдение за содержанием киргизских мальчиков» было возложено на русского чиновника, «заведовавшего в форте № 1 киргизским населением», а подбор и приобретение учебных пособий и классных принадлежностей возлагались на священника.

Учителю казахских детей оставлялось прежде получаемое им вознаграждение, унтер-офицер, занимавшийся

обучением детей, по усмотрению священника и коменданта форта мог получать от двух до трех рублей в месяц в зависимости от их усердия, а дежурным была установлена плата по одному рублю в месяц.

По решению Комитета ученики, по усмотрению священника, могли быть разделены на классы или отделения в зависимости от их успехов. Комитет принял также решение — отличных учеников в учебе и поведении поощрять «для возбуждения похвального соревнования между детьми, разного рода отличиями: запиской на почетную доску, назначением старшим в классе или отделении, подстаршим, выдачей при отпуске на каникулы похвальных листов за подписью коменданта, священника, а для киргизских мальчиков — киргизского учителя с переводом текста на татарский язык».

Было установлено, что учебные испытания производятся в заранее установленные сроки «около» нового года и перед отпуском учащихся на каникулы. На испытания разрешалось приглашать родителей учащихся, «как киргиз, так и русских». Отличившимся детям решено было выдавать похвальные листы и в подарок — книги для детского чтения.

Комитет признал необходимым обратить внимание, «кроме обучения в здании школы», на развитие интереса у мальчиков к чтению, для чего разрешено было выдавать учащимся на дом книги из библиотеки, устраиваемой на общественные средства.

Он обратил также особое внимание на привлечение в школу казахских детей. В целях большего привлечения казахских детей в школу Комитет предложил воспользоваться влиянием и услугами «почетных ордынцев». Он рекомендовал предложить Чикинскому, Турткаринскому и Чумекеевскому родам, кочевавшим вблизи форта, выбрать трех «почетнейших биев», по одному бию из каждого рода. «Из числа этих выборных,— говорится в протоколе Комитета,— по собрании сведений о благонадежности, преданности русскому правительству и о положении, занимаемом в среде однородцев, комендант обязан будет, по истребовании заключения заведующего киргизами, представить одного на утверждение военным губернатором области в качестве почетного попечителя школы, остальных же двух в кандидаты на эту долж-

ность, опять-таки по особому представлению коменданта с утверждением военного губернатора»[1].

Было признано, что в обязанности почетного попечителя казахских учащихся школы в форте № 1 преимущественно входит старание и забота о внушении казахам пользы образования и содействие к большему поступлению мальчиков в школу. Почетный попечитель за усердное выполнение возложенных на него обязанностей, по представлению коменданта форта, мог вознаграждаться подарками, хотя бы при выпускных экзаменах.

Первый выпуск был намечен через три года после поступления в школу, а в последующее время для учеников, которые приобретут необходимые познания,— через каждые два года.

Комитет решил после выпускных экзаменов ученикам выдавать аттестаты: русским детям за печатью и подписью коменданта форта и священника, казахским детям — за печатью и подписью коменданта форта, печатью или тамгою почетного попечителя, который должен был присутствовать и на полугодовых испытаниях и прикладывать свою подпись и печать к похвальным грамотам. Аттестаты для казахских детей должны были также подписываться «заведующим киргизским населением форта» и казахским учителем и переводиться на казахский язык.

Отличившимся учащимся решено было в виде награды выдавать книги, которые, «послужив средством для дальнейшего упражнения киргиза в языке, помогут ему избежать печальных результатов, замечаемых ныне, при возвращении кончившего курс в школе киргиза в свой аул, где он, не имея ни практики, ни книг, совершенно забывает русский язык».

При выпуске из школы казахских мальчиков, о лучших из них докладывалось военному губернатору Туркестанской области, чтобы эти лица имелись в виду при определении на должности по ордынскому управлению. Кроме того, «заведующий киргизским населением», почетный попечитель и кандидаты на эту должность обязывались проводить ту мысль, чтобы в тех аулах, где проживали окончившие школы при форте № 1 казахи, отдавали бы им своих детей для первоначального обуче-

[1] Госархив Оренбургской обл., ф. 6, д. 8095.

ния их грамоте и письму. Если выпускник школы действительно соберет для обучения несколько мальчиков и девочек, то предлагалось по его просьбе высылать ему необходимые учебные пособия и предоставить ему право через несколько лет представить обучившихся у него детей к испытаниям в школе форта № 1. Учащимся, успешно выдержавшим испытания, разрешалось выдавать после этого похвальные листы и книги, а «учителя же представлять, хотя к неценной, но многозначащей в глазах ордынцев, награде от русского правительства».

Коменданту и священнику поручалось внушать родителям русских мальчиков, выпускаемых из школы, отдавать своих детей в казенные мастерские для обучения их различным ремеслам.

Несмотря на такое хорошее решение «Комитета по устройству русско-киргизской школы и девичьего училища», учебно-воспитательная работа в школе оставалась неудовлетворительной, никто из учащихся школы в форте № 1 не смог окончить полный курс обучения. В одном из рапортов в Сыр-Дарьинское областное правление от 30 ноября 1889 года говорилось, что «учеников, окончивших курс в Казалинской киргизской школе не было, т. к. ни один из учеников вполне не усвоил себе знаний, требуемых программой, изложенной в инструкции для киргизских школ» [1].

На 1 января 1869 года в школе уже было русских детей в количестве 32 человек и казахских — 16 человек.

«Неподготовленность учителей, отсутствие подходящих руководств и учебных пособий были причинами ничтожных успехов обучения» в Казалинской и Перовской школах, отмечалось в статье «Народное образование в Туркестанском крае», помещенной в №№ 65, 66, 67, 68 и 69 «Туркестанских ведомостей» за 1889 год.

Ввиду того, что учитель только один, а успеваемость учащихся была разной, в учебной работе применялся ланкастерский метод: учитель обучал более успевающих детей, которые затем свои знания передавали другим учащимся. Учебные занятия проводились утром и после обеда по три часа. Летние каникулы длились с 1 июля по 1 сентября. Срок обучения не определялся, но учащийся мог находиться в школе не более четырех лет. Ученик,

[1] ЦАУ УзССР, ф. 17, д. 9743, л. 47.

который в этот срок не успевал проходить курс обучения, исключался из школы.

Воспитанники казахи жили в интернате, бесплатно пользовались отоплением и освещением, получали пищу, постель, одежду, белье, а также учебные принадлежности, но должны были иметь собственную обувь. Мебель и обстановка в школах были простыми.

Ряд дореволюционных авторов, а также ссылающиеся на них некоторые советские авторы считают, что первой правительственной школой для населения Сыр-Дарьинской области являлась казахская школа в форте Перовском, которая, по их мнению, была открыта в 1863 году, а казахская школа в Казалинске была открыта в 1865 году. Об этом говорится также и в «Проекте всеподданейшего отчета генерал-адъютанта К. П. фон Кауфмана I по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства» (Спб., 1885), составленного по указанию генерал-губернатора бывшим помощником правителя канцелярии титулярным советником П. Хомутовым.

Но мы склонны думать, что первой правительственной школой в Сыр-Дарьинской области, открытой в 1863 году, была Казалинская казахская школа, а не Перовская, что можно ясно видеть из протокола «Комитета по устройству русско-киргизской школы и девичьего училища» от 18 сентября 1866 года.

В Перовской казахской школе в 1869 году обучалось 25 казахских и 27 русских детей, в числе которых были также ученики упраздненной русской школы, открытой священником.

Туркестанский генерал-губернатор К. П. фон Кауфман в своем предписании [1] военному губернатору Сыр-Дарьинской области 1 сентября 1868 года писал: «Осмотрев по пути следования киргизские школы г. Перовска, я нашел, что успех преподавания в оных несмотря на усердие преподавателей, весьма незначителен. Киргизские мальчики, посещавшие школу в течение трех-четырех лет, не умеют свободно читать, не понимают прочитанного и даже не владеют разговорным языком, хотя и пишут, скопировывая с прописи».

Говоря о причинах такого неудовлетворительного со-

[1] ЦГИА КазССР, ф. 36, оп. 628, лл. 2—3.

стояния в казахских школах, генерал-губернатор выдвинул ряд мер, направленных на улучшение учебно-воспитательной работы в этих школах. «Основной причиной такой безуспешности,— писал он,— я считаю ту исключительность, которая принята в учреждении школ единственно для киргиз и схоластическим направлением этой школы». По его мнению, «если бы дети обеих национальностей воспитывались вместе», то казахские дети гораздо успешнее усваивали бы русскую грамоту, «ибо при совместной дружбе и учебе с русскими товарищами легко усваивался бы разговорный язык практически, а это вело бы к успеху классных занятий». Рассматривая «такое обособление мусульманских школ от христианских, вредным одинаково в экономическом и политическом отношениях», он считал, что «основанием в воспитании должно быть принято не религиозное различие, а одни и те же правила, способные сделать как православных, так и мусульман одинаково полезными гражданами России, точно так же в училищах не должно существовать подразделение классов по религии в тех видах, чтобы все русские дети без различия вероисповедания могли бы одинаково воспользоваться выгодами общего образования».

Кауфман предложил в программу классных занятий включить: «обучение чтению и письму под диктовку, преподавание закона божия, арифметику с устными упражнениями и основание русской истории и географии». При этом он указал, что во время преподавания закона божьего мулла дает уроки казахским учащимся.

Он предложил при воспитании детей обратить внимание и на их физическое развитие, на соблюдение санитарно-гигиенических правил в отношении помещений, пищи, одежды и моциона. В целях приучения учащихся к чистоте и опрятности он признал полезным уборку самими учащимися классных комнат и общежитий, сделать обязательным и соблюдать определенную очередь, от которой в отношении классных комнат не освобождать даже приходящих учеников.

Учебные занятия в классах он предложил установить непродолжительными, ограничив их тремя часами в день, «при этом внимание должно быть напряжено самым сильнейшим образом».

Генерал-губернатор обратил особое внимание на пре-

подавание различных ремесел, «которые по местным особенностям могут впоследствии обещать учащимся верные заработки». На первых порах, чтобы положить начало обучению в школах различным ремеслам, он предложил начать обучение мальчиков портняжному делу, чтобы под руководством портных они могли бы сшить для себя одежду.

К. П. фон Кауфман предложил также каждой школе выделить небольшие участки удобной земли, «возделывать которую должны сами ученики с целью добывания для улучшения своего продовольствия огородных овощей».

Главный начальник края пришел к заключению, что «как матерям, так и воспитательницам будущего поколения — девочкам, никак не менее мальчикам, необходимо давать соответствующее образование».

Изложив свои соображения по устройству народного образования в Туркестанском крае, генерал-губернатор указал на необходимость средств для организации школ и потребовал, чтобы уездные начальники представили свои соображения по этому вопросу.

Сознавая необходимость развития народного образования в Туркестанском крае, генерал-губернатор фон Кауфман в 1869 году консультировался по этому вопросу с министром народного просвещения и с Н. И. Ильминским, который считался знатоком «инородческого» образования. Он пришел к убеждению, что для изучения состояния народного образования в крае и выработки предложений по его развитию следует командировать в край крупного специалиста по народному образованию, особенно по «инородческому». Его выбор пал на Н. И. Ильминского. Но последний по разным причинам прибыть в край не смог. Тогда генерал-губернатор образовал специальную комиссию под председательством его помощника по особым поручениям Бродовского, куда вошел и главный инспектор училищ края титулярный советник Кун.

Перед комиссией была поставлена задача разработать мероприятия по совместному обучению детей русских и нерусских национальностей, определить типы учебных заведений, необходимые к учреждению в крае, составить учебные планы, программы и определить методы преподавания в разных учебных заведениях края,

наметить пути подготовки учителей, внести предложения о характере учебников и учебных пособий для школ, определить количество учебных заведений и последовательность их открытия, представить предложения о расходах на развитие народного образования и источниках их покрытия, а также об управлении и контроле за учебными заведениями.

В 1871 году комиссия представила проект «Основных положений устройства учебной части и народного образования в Туркестанском крае». В основу проекта было положено соблюдение «русских интересов», то есть колонизаторско-русификаторских интересов русского самодержавия. Отвергая всякое «посягательство» на религиозные убеждения местного населения, комиссия в то же время считала, что школы для казахского населения не должны иметь конфессионального характера.

Комиссия считала необходимым «поставить народное образование в такие условия, при которых оно могло бы широко развиться в массе инородческого населения и не ограничиваться единичными личностями». Полагая, что туземцы имеют «низкий уровень умственного развития», комиссия предлагала открыть школу грамотности и организовать «распространение среди народа книг для чтения, знаний и понятий».

Учитывая различия в «нравственной и общественной жизни» казахов и узбеков, комиссия сочла «нужным допускать обособление для тех и других».

Для русских детей рекомендовалось создать два типа школ: 1) школы «для детей простолюдинов» (с элементарным обучением), 2) училища, готовящие детей для гимназического образования.

Иными словами, комиссия узаконивала классово-сословный характер образования: одни, более низшие, школы для детей неимущих классов, «для простолюдинов», а другие, более высшие школы, для имущих классов.

Для местного населения также предлагалось учредить два типа школ: в оседлых пунктах — уездные народные училища с четырехлетним сроком обучения и ремесленными классами при них, среди кочевого населения — начальные школы грамотности, в которых обучение ограничивалось бы чтением и письмом на русском и туземных языках (казахском, узбекском), а также счислением.

Последние по своей программе соответствовали младшим отделениям уездных училищ. Учителями в них предназначались лица, окончившие уездные училища, а учителями уездных училищ — лица, окончившие семинарии.

В программу уездных училищ с четырехлетним обучением входили: закон божий (для русских детей), русский язык, землеописание, счисление цельных, простых, дробных и десятичных чисел, элементарное черчение в применении к ремеслам, некоторые ремесла и туземные языки. Преподавание последних как в уездных училищах, так и в школах грамотности должно было вестись с употреблением русской транскрипции. При уездных училищах предполагалось иметь по 20 казенных вакансий для детей кочевников, будущих учителей степных школ.

В соответствии с проектом устройства народного образования в крае, представленным вышеупомянутой комиссией, должны были открыться мужская гимназия в г. Ташкенте, с доступом туда наряду с русскими детьми детей местного населения, а также на «особых основаниях» — народные училища и учительская семинария на 20 вакансий с трехлетним сроком обучения и образцовой при ней школой. Последняя предназначалась выполнить роль приготовительных классов для семинарии, а также служить закрытым учебным заведением с 50 вакансиями (20 — для русских и 30 — для детей местного туземного населения), чтобы готовить учителей для начальных школ грамотности.

Как указывал инспектор народных училищ первого района Туркестанского края С. Граменицкий, эти основные положения комиссии были положены в основу народного образования Туркестанского края. Но, по его мнению, «предназначение комиссией для сартов (узбеков.— *Т. Т.)* высших школ — уездных и для киргизов — низших школ грамотности оказалось ошибочным, так как опыт показал, что киргизы в значительно большем количестве поступают в учебные заведения с более продолжительным курсом и более обширной программой, как например, в городские училища, семинарию и гимназию, чем сарты» [1].

---

[1] *С. Граменицкий.* Очерк развития народного образования в Туркестанском крае. Ташкент, 1896, стр. 9.

В соответствии с выработанными особой комиссией предложениями генерал-губернатор Кауфман в 1873 году представил правительству «План устройства учебной части и народного образования в Туркестанском крае», в котором говорилось: «Развитие народного образования в крае должно состояться в направлении русских интересов, которые заключаются в развитии экономической стороны населения, его гражданственности и солидарности, его слиянии с основами русской государственной жизни. Но при этом религиозные убеждения инородцев должны остаться вне всякого прямого посягательства со стороны школы,— она отнюдь не должна иметь конфессионального направления» [1].

В целях «сглаживания различий в основных понятиях детей инородческого населения» и «ассимилирования завоеванного края» генерал-губернатор считал целесообразным осуществить совместное обучение детей туземцев с русскими детьми.

Обращая особое внимание на то, что кочевники составляют 2/3 населения края и что они более склонны к сближению с русскими и восприятию русского образования, он предлагал «обособить» кочевое население от оседлого, открыть начальные школы грамотности в степях и, этим самым, распространяя среди него «русскую гражданственность» и русское образование, оградить его от растущего влияния мусульманства.

К моменту организации особого управления учебными заведениями края в 1876 году во всем Туркестанском крае было 10 школ (не включая мусульманских), в том числе Казалинская, Перовская и Чимкентская. К сожалению, мы не располагаем сведениями о состоянии этих школ к этому времени — о числе учащихся и успехах в обучении. В ведении управления учебными заведениями, помимо пяти других учебных заведений, вошли воскресная школа для девочек при Казалинском училище и отделение для девочек при Чимкентском училище, которое было открыто одним священником на свои средства в 1871 году и в 1876 году было передано в ведение Министерства народного просвещения. Кроме уже известных нам школ Сыр-Дарьинской области, следует также указать на открытие в 1869 году в г. Ташкенте частных

[1] ЦАУ УзССР, ф. 1, д. 1, 1875.

школ с субсидией от казны для приготовления чиновников в четвертый класс гимназии, а также на учрежденную в 1871 году в г. Ташкенте трехклассную «народную» школу с ремесленными классами.

Начиная с 1876—1877 годов, то есть после организации Особого управления учебными заведениями края и учреждения должностей инспекторов, отмечается заметный рост учебных заведений во всем крае и особенно в Сыр-Дарьинской области. Но школы Сыр-Дарьинской области в материальном отношении были гораздо беднее, чем школы Семиреченской области.

Открытие в 1879 годуТашкентской учительской семинарии явилось исключительным явлением, сыгравшим важную роль в развитии народного образования в Туркестанском крае. Большое значение имели также правительственные «русско-туземные школы», которые начали открываться с 1884 года, и приходские школы для обучения русских детей, которые начали функционировать, начиная с 1885 года.

В целях создания некоторых условий для детей туземного населения и русских детей-сирот учебная администрация края рекомендовала создавать «ученические квартиры» (общежития) при учебных заведениях.

В 1879 году в г. Ташкенте была открыта общая ученическая квартира для «подготовления детей туземцев к поступлению в ташкентские учебные заведения туземных воспитанников». Ученические квартиры создавались при городских училищах и других учебных заведениях. Однако общая квартира, существовавшая до 1886 года при Ташкентской мужской гимназии и с 1886 года — при учительской семинарии, в 1895 году была закрыта.

Для заведующих ученическими квартирами 29 декабря 1879 года была утверждена Туркестанским генерал-губернатором специальная инструкция. Введенная в виде опыта на два года, она являлась обязательной для всех учебных заведений. Она распространялась на ученические квартиры церковно-приходских училищ, а также на все другие учебные заведения Туркестанского края.

Наряду с Инструкцией были утверждены «Временное положение общих ученических квартир для инородческих детей, обучающихся в городских училищах Туркестанского края совместно с русскими детьми», «Временный штат ученических квартир для детей инородцев, обучаю-

щихся в городских училищах и подготовительных классах, открываемых при них для изучения русского языка» и «Инструкция попечительным советам общих ученических квартир для инородческих детей при городских училищах Туркестанского края и ремесленных классов».

Общие ученические квартиры для «инородческих» детей могли открываться на «особых основаниях» с разрешения генерал-губернатора для того, чтобы «дать возможность детям инородцев Туркестанского края, обучающимся в городских училищах совместно с русскими учениками, пройти курс наук, положенных для этих училищ».

В «Инструкции для заведующих ученическими квартирами» отмечалось, что «в целях учебно-воспитательных и правительственных заведующие заботятся не только об успешном прохождении инородческими воспитанниками квартир училищного курса и скорейшем усвоении русского разговорного языка, но и о развитии в них правильных понятий о русской государственной власти и о сближении их с русской народностью». В ней требовалось строгое соблюдение определенного такта в отношении к религиозным чувствам и национальным особенностям туземцев. «В этих видах,— говорится далее в Инструкции,— заведующий не допускает, с одной стороны, ничего оскорбляющего племенное и религиозное чувство инородцев, а с другой стороны, с крайней осторожностью устраняет из пансионных порядков все, что прямо или косвенно может поддерживать в инородцах их племенные особенности» [1].

Общие «инородческие» квартиры учреждались согласно Положению о городских училищах, утвержденному Указом от 31 мая 1872 года. Они были рассчитаны на 20 воспитанников из тех уездов, на средства которых содержались квартиры. В определении учащихся в ученические квартиры предпочтение отдавалось детям кочевников.

Все воспитанники содержались на полном пансионном содержании, они получали бесплатное питание и обмундирование. В интересах скорейшего усвоения инородцами русской разговорной речи в число стипендиатов, со-

[1] ЦГИА КазССР, ф. 44, оп. 3, д. 817.

держимых на местные средства, могли быть приняты русские дети, преимущественно сироты, число которых не должно было превышать 1/3 мест в ученических квартирах.

В ученические квартиры принимались дети от 7 до 10 лет. Дети нерусской национальности, жившие в ученических квартирах, должны были обучаться в городских училищах на общих основаниях вместе с русскими детьми.

Общие ученические квартиры находились в подчинении заведующего городским училищем. Непосредственно квартирами заведовал особый надзиратель, который вел практические занятия с детьми нерусской национальности по русскому языку. В целях «содействия материальному благосостоянию общих ученических квартир» учреждался попечительский совет под председательством уездного начальника. Уездный врач, прикрепленный к городскому училищу, обязан был следить за санитарно-гигиеническими условиями ученических квартир, а также «заботиться о сохранении здоровья воспитанников».

Положение о квартирах для детей нерусской национальности предусматривало приглашение на проводимые при ученических квартирах внеклассные спортивные игры русских учеников, живущих поблизости, чтобы «этим содействовать возможно более продолжительному ежедневному общению «инородческих» детей с русскими учениками училища». Перед заведующим училищем ставилась задача «всегда иметь в виду важное государственное значение обучения инородцев в правительственных училищах Туркестанского края» и «стараться постоянному сближению с русским духом и русской народностью».

По официальным данным [1], в Сыр-Дарьинской области на январь 1890 года существовало 7 городских училищ, из которых 5 (Казалинское, Перовское, Чимкентское, Туркестанское, Аулие-Атинское) находились на территории Казахстана, одно в г. Ташкенте, который одновременно являлся центром Туркестанского края и Сыр-Дарьинской области, и одно в Петро-Александровске — центре Аму-Дарьинского отдела. Во всех городских училищах обучались учащиеся в количестве

[1] ЦАУ УзССР, ф. 17, оп. 1, д. 9743, лл. 56—57.

423 человек, в том числе 79 казахов. Успеваемость учащихся колебалась от 70 до 89 процентов.

Женских приходских училищ в области было 7, в которых обучалась 251 девочка. Казашек в числе учащихся не было. Успеваемость учащихся колебалась от 58 до 83 процентов.

В четырех мужских приходских училищах обучались 78 учащихся, в том числе 22 казаха, успеваемость учащихся колебалась от 67 до 87 процентов. В трех сельских приходских училищах совместного обучения обоего пола обучались 133 учащихся, в том числе лишь один казах. Успеваемость учащихся колебалась от 56 до 92 процентов.

В восьми русско-туземных классах было 210 учащихся, в том числе 43 казаха. Успеваемость учащихся колебалась от 58 до 83 процентов.

Помимо школ Министерства народного просвещения, в Сыр-Дарьинской области находились несколько церковно-приходских школ и школ грамоты, а также большое количество мусульманских школ.

В целях усиления заинтересованности местного населения в изучении русской грамоты и посылки своих детей в русские и русско-туземные школы генерал-губернатор края Вревский в конце 1891 года в своем циркулярном письме военным губернаторам областей предлагал следить за тем, чтобы волостные управители, кази, аксакалы, а также другие должностные лица царской администрации при исполнении своих служебных обязанностей применяли русский язык и при подборе кандидатов на замещение вакансий по этим должностям делалось бы предпочтение тем, кто знает русский язык.

За последние 6 лет число школ значительно возросло. На 1 января 1896 года в ведении управления учебными заведениями Туркестанского края находилось 108 учебных заведений, в том числе 77 — в Сыр-Дарьинской области. Кроме того, с 1887 года вблизи Ташкента существовала церковно-приходская школа.

Следует отметить, что часть школ Сыр-Дарьинской области находилась на территории, которая во время национального размежевания в Средней Азии отошла к Узбекской ССР, в том числе 17 школ в г. Ташкенте, который стал столицей Узбекистана.

В Сыр-Дарьинской области и во всем Туркестанском

крае существовало два типа русско-туземных учебных заведений: русско-туземные училища, находившиеся в уездных городах и русско-туземные школы, находившиеся в оседлых населенных пунктах местного населения. В отличие от русско-туземных школ в русско-туземных училищах не было «мусульманского класса», магометанская религия и арабская грамота в них не преподавались.

В таблице 14 приводятся данные о сети учебных заведений и числе учащихся в Сыр-Дарьинской области на 1 января 1896 года.

К 1896 году по сравнению с 1877 годом, то есть в течение 19 лет количество учебных заведений в крае, не включая мусульманские школы, увеличилось с 11 до 109, а число учащихся — с 675 до 5 003, то есть почти в 8 раз, в том числе девочек почти в 11 раз, а число учащихся местного населения выросло более чем в 5 раз, то есть со 158 до 842.

Заметный рост числа учащихся имел место в 1884—1888 годах, когда в крае было открыто более 20 русско-туземных учебных заведений. Дети местного населения учились главным образом в низших учебных заведениях, а в средних учебных заведениях в течение 20 лет обучалось лишь 335 человек. За это же время в русских учебных заведениях училось только 180 девочек местного населения, в том числе в гимназиях — 117 и в приходских училищах — 63.

По таблице 15 можно конкретно проследить рост числа учебных заведений и учащихся в Туркестанском крае с 1877 по 1896 год.

На 1 января 1896 года в ремесленных классах обучалось: при учительской семинарии 46 человек, городских училищах 297, а всего 343 человека.

Несмотря на заметный рост учебных заведений и учащихся в них, следует отметить, что для такого большого края, как Туркестанский, этого количества учебных заведений было совершенно недостаточно, особенно для обучения детей местного населения. Инспектор народных училищ Первого района С. Граменицкий писал: «Дело образования инородцев в Туркестанском крае не стоит на должной высоте и число учащихся из них ничтожно в сравнении с общей массой инородческого населения в крае».

Выше мы привели некоторые показатели, характери-

Таблица 14

Данные о сети учебных заведений и числе учащихся в Сыр-Дарьинской области на 1 января 1896 года*

Название учебных заведений	Число учебных заведений	Законоучителей	Учителей	Учительниц	Учащихся				Местонахождение
					мальчиков	девочек	всего	туземцев	
Мужская гимназия . . .	1	1	13	—	327	—	327	10	г. Ташкент
Женская гимназия . . .	1	2	7	3	—	377	377	8	»
Реальное училище . . .	1	1	5	—	102	—	102	5	»
Учительская семинария..	1	1	5	—	46	—	46	6	»
	4	5	30	3	475	377	852	29	
Средние учебные заведения:									
Четырехклассное городское училище.	1	1	5	—	179	—	179	3	»
Женские приходские . .	2	2	—	6	—	214	214	1	»
Мужские приходские . .	2	2	3	—	124	—	124	3	»
Образцовое училище при семинарии	1	1	1	—	45	—	45	—	»
Частные школы 3 разряда	2	—	—	6	35	37	72	2	»
Церковно-приходские училища	1	1	1	—	30	2	32	—	»
Русско-туземные училища	4	—	8[1]	—	145	—	145	145	»
Всего в Ташкенте: .	17	12	48	15	1 033	630	1 663	183	

Трехклассные городские училища	2	2	8	—	204	—	204	55	в др. городах обл.
Двухклассные город. училища	3	3	9	—	142	—	142	46	»
Женские приходские. . .	5	5	—	6	—	117	117	—	»
Мужские приходские . .	1	—	1	—	27	—	27	—	»
Русско-туземные училища	4	—	8[2]	—	144	—	144	144	»
Всего в уездах . . .	15	10	26	6	517	117	634	245	
Женские приходские училища	1	1	—	1	—	29	29	—	в русских селениях
Мужские » училища	1	1	1	—	53	—	53	—	»
Приходские для совместного обучения	36	7	30	9	976	369	1 345	4	»
Церковно-приходское училище (в Чиназе) . . .	1	1	2	—	11	5	16	3	»
Всего в русских селениях	39	10	33	10	1 040	403	1 443	7	
Русско-туземных школ. .	7	—	13[3]	—	153	3	156	113	в кишлаках
Всего. . . .	78	32	120	31	2 743	1 153	3 896	548	

* «Туркестанские ведомости», 1899, № 66.

[1] в том числе 4 из местного коренного населения

[2] в том числе 4

[3] в том числе 6

Таблица 16

Рост числа учебных заведений и учащихся в Туркестанском крае с 1877 по 1896 год

Наименование учебных заведений	Число учебных заведений	Учащихся				Всего	Окончило в 1896 г.
		русских		туземцев			
		мальчиков	девочек	мальчиков	девочек		
Мужские гимназии	1 / 1	53 / 317	—	0 / 10	—	53 / 327	0 / 19
Женские гимназии	1 / 1	—	65 / 369	—	5 / 8	70 / 377	0 / 22
Реальное училище	0 / 1	0 / 97	—	0 / 5	—	0 / 102	—
Учительская семинария	0 / 1	0 / 40	—	0 / 6	—	0 / 46	0 / 16
Мариинское женское училище	2		152		2	154	14
Городские училища по положению 1872 года	0 / 10	0 / 740	0	0 / 138	0	0 / 878	0 / 40
Приходские училища	9 / 62	324 / 1 373	74 / 956	154 / 15	0 / 2	552 / 2 340	95
Русско-туземные училища	0 / 28	0 / 48	0 / 3	0 / 650	0	0 / 701	0 / 15
Частные начальные школы 3 разряда	0 / 2	0 / 35	0 / 35	0	0 / 2	0 / 72	0
Всего	11 / 108	377 / 2 650	139 / 1 575	154 / 828	5 / 14	675 / 5 003	221

Примечание. В числителе даны цифры на 1 января 1877 года, в знаменателе — на 1 января 1896 года.

зующие состояние народного образования во всем Туркестанском крае, чтобы наглядно представить состояние народного образования в Сыр-Дарьинской области, находящейся в пределах данного края.

В таблице 16 нами даются данные о начальных училищах и числе учащихся в Первом районе Туркестанского края, то есть в Сыр-Дарьинской области по состоянию на 1 ноября 1898 года, опубликованные в «Туркестанских ведомостях» (1899, 5 февраля).

Таблица 16

Учебные заведения и число учащихся в Сыр-Дарьинской области на 1 ноября 1898 года

Название училищ	Число учащихся			
	мальчиков	девочек	всего	в т. ч. туземцев
Городские училища				
Ташкентское четырехклассное	181	—	181	4
Казалинское трехклассное	96	—	96	20
Перовское трехклассное	96	—	96	33
Туркестанское двухклассное	37	—	37	22
Чимкентское двухклассное	60	—	60	19
Аулие-Атинское двухклассное	74	—	74	14
Всего	544	—	544	112
Приходские				
Ташкентское ремесленное училище	84	—	84	—
Женские училища				
1-ое Ташкентское	—	127	127	—
2-ое Ташкентское	—	155	155	—
Казалинское	—	42	42	—
Перовское	—	18	18	—
Туркестанское	—	8	8	—
Чимкентское	—	30	30	—
Аулие-Атинское	—	38	38	—
Никольское	—	3	3	—
Всего	—	421	421	—
Мужские приходские училища				
1-ое Ташкентское	62	—	62	—
2-ое Ташкентское	47	—	47	—
Аулие-Атинское	31	—	31	—
Никольское	58	—	58	—
Всего	198	—	198	—

Кроме того, имелось 41 приходское училище для совместного обучения мальчиков и девочек, в которых обучались 1 488 учащихся (мальчиков — 986, девочек — 502), в том числе 3 туземца, а также 18 русско-туземных училищ (по трем вновь организованным училищам не

было сведений), в которых обучались 504 мальчика, в том числе 491 туземец.

Среди русско-туземных училищ числились 4 ташкентских, а также находившиеся на территории Казахстана:

	Мальчиков	В т. ч. туземцев
Казалинское	42	42
Чимкентское	35	32
Джулекское	18	18
Туркестанское	31	31
Меркенское	48	48
Аулие-Атинское	32	30
Сауранское	19	18
Кармакчинское	29	22

Как видно, на территории Сыр-Дарьинской области на 1 ноября 1898 года было 78 учебных заведений, подведомственных Министерству народного просвещения, в которых обучались 3 279 учащихся (без трех русско-туземных школ), в том числе 2 326 мальчиков и 953 девочки. Среди учащихся было 517 туземцев или мусульман, как указывалось в соответствующих сводках того времени, что составляло около 15,8 процента от общего числа учащихся. Из 6 городских училищ Сыр-Дарьинской области на территории Казахстана находилось 5, из 8 женских приходских училищ — 5, из 4 мужских приходских училищ — 1, из 18 русско-туземных училищ — 8; из 504 учащихся русско-туземных училищ края на территории Казахстана обучались 354 учащихся. В русско-туземных училищах из 504 учащихся русских детей было всего лишь 13, в том числе в Чимкентском училище — 3, Аулие-Атинском — 2, Сауранском — 1 и Кармакчинском — 7.

По данным, приведенным в сборнике «Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи» (вып. 3, 1902), в Сыр-Дарьинской области в 1898 году было 119 начальных учебных заведений с 5 507 учащимися, в том числе в ведении Министерства народного просвещения — 82 учебных заведения, в кото-

рых обучались 3 811 учащихся и работали 88 учителей и 32 учительницы.

Если иметь в виду, что население Сыр-Дарьинской области в 1898 году составляло 1 479 848 человек, то одна школа (из 119) приходилась на 12 436 жителей. При этом на 206 322 человека городского населения приходилось 29 школ, а на 1 273 526 человек сельского населения — всего лишь 90 школ.

В 1898 году в Сыр-Дарьинской области числилось 133 186 детей школьного возраста, а обучались в школах 5 507 учащихся, или всего лишь 4 процента. По процентному отношению числа учащихся к общему числу населения и к числу детей школьного возраста Сыр-Дарьинская область среди 89 губерний и областей России занимала 85 место, а среди областей, находившихся на территории Казахстана,— предпоследнее место после Семиреченской области.

Инспектор народных училищ Первого района Туркестанского края С. Граменицкий в 1896 году издал книгу под названием «Очерк развития народного образования в Туркестанском крае» (Ташкент), которая, несмотря на ее существенные недостатки, представляет известный интерес для понимания истории народного образования в Сыр-Дарьинской области во второй половине XIX века.

В этой книге он дает краткий очерк истории народного образования в Туркестанском крае, начиная описание с первых школ, открытых священниками в форте № 1 (Казалинск) и форте № 2 (Перовск) в 1860 году, а затем казахских школ, открытых в этих фортах в 1863 и 1865 годах.

Граменицкий указывает на то, что «вследствие недостатков с материальной стороны, неподготовленности учителей и по исключительности назначения этих школ только для киргизов успехи обучения в них оказались незначительными» [1].

В целях дальнейшего развития народного образования в крае он выдвинул ряд практических предложений, а именно: при ташкентских гимназиях, обслуживающих

---

[1] *С. Граменицкий.* Очерк развития народного образования в Туркестанском крае. Ташкент, 1896, стр. 3.

весь край, организовать пансионы; ввиду роста тяги местного населения к образованию девочек в г. Ташкенте дополнительно открыть женские учебные заведения; расширить в крае внедрение сельскохозяйственных знаний; «озаботиться вопросом о нравственном и умственном развитии взрослого русского населения»; принять меры к открытию при училищах народных библиотек, книжных складов и народных чтений; ввести изучение русского языка в высших мусульманских школах — медресе, изыскать средства для организации начальных школ грамотности среди казахского населения степных уездов.

Вместе с этим автор пришел к заключению о «невозможности» распространять образование в «массы туземного населения», «пока не обнаружит больших потребностей с их стороны в этом образовании».

Указывая на отсталость народного образования среди местного населения, С. Граменицкий не мог дать правильного анализа действительных причин такого отставания, он даже пытался выгородить царскую администрацию края и во всем обвинить само нерусское население. «Что касается до инородческого населения,— писал он,— то с этой стороны русской администрацией края было сделано все возможное для того, чтобы привлечь в русские школы детей туземцев и дать им необходимое образование: открыты интернаты при городских училищах и при учительской семинарии с вакансиями для туземных воспитанников; существовала в Ташкенте ученическая квартира для подготовления их в учебные заведения и содержания во время обучения в них, открыто 28 русско-туземных школ с интернатами для туземных воспитанников при шести из них и при 23 училищах открыты вечерние курсы для взрослых туземцев. Если при всем этом дело образования инородцев в Туркестанском крае не стоит на должной высоте и число учащихся в них ничтожно в сравнении с общей массой инородческого населения в крае, то причины этому необходимо искать скорее в косности и неподготовленности самих туземцев, а не в распоряжениях администрации края, которая с самого занятия страны не оставляла забот об образовании туземцев».

В противоположность утверждениям С. Граменицк-

кого в печати того времени можно встретить совершенно другую характеристику народного образования в Туркестанском крае. Например, в большой статье под названием «Народное образование в Туркестанском крае (историко-статистический очерк)», опубликованной в нескольких номерах (65, 66, 67, 68, 69) газеты «Туркестанские ведомости» за 1899 год, автор статьи Х. писал: «Прошло 26 лет с тех пор, как высказаны эти скромные требования [1], но до выполнения их еще очень далеко». Он выступил против ошибочного утверждения инспектора народных училищ С. Граменицкого о том, что «дальнейший опыт жизни показал только преждевременность попытки распространения образования в массы туземного населения, которое оказалось совершенно к тому неподготовленным».

Х. на конкретных примерах доказывал о большом стремлении местного населения к образованию и что «умственное развитие их достаточно для усвоения по крайней мере элементов европейской науки». Неуспех образования среди нерусского населения «следует искать в практической неприложимости сведений, даваемых русской школой, в местах с исключительно туземным населением». По его мнению, «для успешной русификации края» недостаточно одного только образования, для этого нужно «усилить русскую колонизацию края».

Как указывает автор, учебные заведения в крае были расположены по областям весьма неравномерно. В 1896 году в Сыр-Дарьинской области было 78 учебных заведений, в Семипалатинской — 13, Ферганской — 14, Амударьинском отделе — 6. В Сыр-Дарьинской области было сосредоточено преобладающее большинство школ, в которых обучались 77,6 процента всех учащихся края, а в Ташкенте 15 процентов всех школ и 33,2 процента учащихся.

Это объясняется тем, что в Сыр-Дарьинской области русских переселенцев и русских школ было больше, чем в других областях Туркестанского края.

---

[1] Речь идет о предложениях Комиссии, созданной в 1870 году, по разработке проекта развития народного образования в Туркестанском крае.

Процентное отношение всех учащихся к общему числу населения края было совершенно незначительным, оно было гораздо меньше, чем в других областях Центральной России. Но если взять процент охвата учебой русских детей школьного возраста, а также процентное отношение русских учащихся к числу русского населения края, и в частности Сыр-Дарьинской области, то эти показатели выглядели намного лучше, чем в Европейской части России. В 1886 году одно училище в русских селениях Сыр-Дарьинской области приходилось на 418 человек русского населения, а в 1895 году — на 393 человека, тогда как в Европейской России одна школа приходилась на 2 700 человек. В 1895 году в 45 русских селениях области было 2 356 детей школьного возраста, из которых сельские приходские училища посещали 1 466 детей, или 62,2 процента. Девочек в сельских училищах земских губерний России было 18,6 процента, а в Сыр-Дарьинской области — 27,3 процента.

Автор приходит к выводу, что в основе осуществления всеобщего и обязательного обучения всех русских детей школьного возраста лежит «официальное признание необходимости для русских поселенцев образования для успешной русификации края». Но он отмечал, что туземное население края в 50 раз превышает число русского населения и платит значительно больше налогов, что русские школы содержатся главным образом за счет туземного населения. «Это,— писал он далее,— налагает на нас нравственную обязанность обратить особое внимание на распространение образования в среде туземцев, не отговариваясь мнимой неподготовленностью туземного населения, а работая над созданием наиболее подходящего для туземцев типа школы». Он правильно отмечал, что «то, что до сих пор сделано для распространения русского просвещения в туземной среде, носит до сих пор характер робких попыток, не всегда удачных, искания пути». Он считал, что русско-туземные школы с интернатами являются наиболее подходящими для местного населения.

Автор статьи предлагал открывать школы по подготовке специалистов для растущих промышленных предприятий, механических и химико-технических училищ, специальные учебные заведения для подготовки специа-

листов по шелководству, садоводству, виноградарству, виноделию и т. п. Он рекомендовал в русских селениях создавать сельскохозяйственные школы и опытные поля, а в одном из главных городов открыть высшее сельскохозяйственное учебное заведение для подготовки специалистов по более трудным отраслям сельского хозяйства и для теоретической разработки некоторых вопросов, имеющих значение только для Туркестанского края, например по хлопководству.

Нерусское население Туркестанского края, особенно Сыр-Дарьинской области, как правило, за отдельным исключением, положительно относилось к русскому образованию. Это можно подтвердить множеством фактов.

В одном из рапортов на имя начальника Чимкентского уезда 16 сентября 1897 года говорилось: «Посетив в последнюю поездку кочевья киргиз Кошкаратинской волости за Бурулдаевскими горами и местности Джувалы, Бищ и др., я убедился, что во всем округе очень мало киргизских аульных школ и дети почти не обучаются грамоте, даже на родном языке. При разговорах с киргизами я вывел заключение, что население весьма охотно воспользуется услугами русского учителя и учительницы для обучения русскому языку в летнее время и можно предполагать, что обучение это пошло бы весьма успешно, не встречая никаких препятствий со стороны туземных мулл и проповедников. Для осуществления этой идеи я полагал бы теперь же возбудить ходатайство о разрешении летом будущего 1897 года открыть в означенной местности одну кочевую школу для киргизских мальчиков» [1].

Летом 1897 года в Кочкаратинской волости действительно была открыта казахская передвижная школа.

«Киргизская степная газета» (1889, 9 октября) в корреспонденции «Кочкаратинская кочевая школа» писала о том, что это мероприятие казахи встретили радушно, которые давно хотели открытия русской школы, правда, не кочевой (передвижной), а оседлой и постоянной.

Занятия в школе были начаты 30 июня 1899 года при

[1] ЦАУ УзССР, ф. 17, д. 15501, л. 1.

16 учениках. Школа помещалась в казахской юрте, внутри которой имелись четыре парты, учительский стол и стул, по бокам юрты были развешаны картины; рядом с юртой-школой стояла юрта учителя.

«Санкт-Петербургские ведомости» (1898, № 287) указывали на то, что газета «Русский Туркестан» отмечает наблюдающееся за последнее время в киргизской степи отрадное явление — настойчивые домогательства кочевников иметь у себя русско-туземные школы с русскими учителями или помещать детей своих в подобные же учреждения, уже функционирующие. «По всем уездам области составляются приговоры, устанавливаются нормы самообложения и подаются просьбы об открытии школ с интернатами».

«Туркестанские ведомости» в статье «Народное образование в Туркестанском крае (историко-статистические очерки)» писали, что народное образование в крае за 26 лет русского управления совсем почти не продвинулось вперед. Причина этого «не в туземцах, а в руководителях дела».

«Руководители дела», конечно, не могли не видеть плачевного состояния народного образования в крае. Поэтому царская администрация начала задумываться над тем, чтобы, сохраняя «русские интересы» в крае, предпринять некоторые меры для развития образования среди местного туземного населения.

С. Ю. Южаков в статье «Итог 27-летнего управления Туркестанским краем» [1], говоря о том, что администрация края не уделяет никакого внимания туземным школам, в которых активно проповедуется мусульманство, направленное против русских и, задавая вопрос: «Какими средствами можно исправить зло?», пишет: «Нам кажется, что необходимо начать с того, чтобы узаконить в медресе и вообще в школах мусульманских преподавание наук по книгам, издаваемым в России и непременно под правительственной цензурой. Даже следует идти далее: необходимо заменить арабскую транскрипцию русской. Это в сущности не так страшно и не так трудно. Если же, однако, будет признано опасным ввести вдруг такое нововведение в мусульманских школах оседлого

[1] «Русский вестник», 1891, кн. 7, 8.

населения, то можно вводить это исподволь, а в киргизских школах необходимо сделать теперь же. Здесь нет ни мусульманской нетерпимости, никаких традиций, которые мешали бы этому нововведению, и дело, несомненно, привьется легко и быстро. Если же оставить образование туземцев как оно есть, в руках мударисов, ишанов, гуламов и мулл, без надлежащего правительственного контроля, то Туркестанский край навсегда останется мусульманской обособленной, замкнутой и политически неблагонадежной страной и киргизы со временем станут такими же мусульманами, как татары и сарты».

Редакция «Киргизской степной газеты» в №№ 8 и 9 за 1900 год перепечатала статью из «Туркестанских ведомостей» под заголовком «Народное образование в Туркестанском крае в связи с андижанской вспышкой в 1898 году». Редакция писала: «Нельзя не согласиться с мыслью автора, что русское влияние на окраинах должно держаться не штыками и полицейскими мерами, а той связью, которую кладет между людьми общечеловеческая культура».

Автор сравнил данные об образовании в Индии и Туркестанском крае, указал на ничтожное количество туземных школ и учащихся в крае (на 1 января 1896 г. из 46 700 детей школьного возраста училось только 836). Он также отмечал неудовлетворительные успехи учащихся по русскому языку.

Указывая на «материализм» туземцев, автор совершенно правильно отмечал: «Им необходимо иметь школу «хлебную», им нужна наука, которая их будет кормить впоследствии. На школы же в теперешней организации народ смотрит как на бесполезные для себя заведения, исключительно приспособленные для русификации. При устройстве народного образования в Туркестане мы окончательно должны отрешиться от идеала грамотного писаря и перейти к созданию школ, которые готовят людей к жизни: школ ремесленных, садоводства, огородничества, молочного хозяйства и т. п. Только в такие школы будут ломиться наши туземцы и только такая система принесет самые благие плоды: поднимет благосостояние населения, создаст гражданственность и заинтересует туземцев в осуществлении русской власти, ибо подобное благо нельзя не оценить».

Гимназии и реальное училище

До конца XIX века в Туркестанском крае имелись четыре средних учебных заведения: мужская и женская гимназии, реальное училище и учительская семинария. Все они находились в центре края — г. Ташкенте.

Ташкентская мужская гимназия, открытая в 1876 году, как и другие средние учебные заведения, была предназначена обслуживать весь край, в первую очередь Сыр-Дарьинскую область, так как гимназия находилась на ее территории. Гимназия состояла из восьми основных и одного приготовительного классов. В 1896 году в ней обучались 327 учащихся, в том числе только 10 учащихся-туземцев. Для последних из двух классических языков обязательным являлся латинский. При гимназии имелась частная ученическая квартира для приезжих из других городов. Кроме того, в 1879 году для подготовки детей нерусского населения к поступлению в ташкентские учебные заведения была открыта общая ученическая квартира, которая в 1886 году была переведена в учительскую семинарию, а в 1896 году вовсе закрыта.

Дети нерусского населения могли получить среднее образование через русские гимназии. Там представлялись им некоторые незначительные льготы. Например, по ходатайству генерал-губернатора Кауфмана они были освобождены от изучения латинского языка, а в 1882 году по решению Государственного совета они освобождались от изучения греческого и латинского языков. Заметим здесь, что в 1893 году Ташкентскую гимназию окончил сын казаха Перовского уезда Али Кутибаров, который имел «намерение поступить в медицинскую академию» [1].

Женская гимназия, основанная в 1876 году в г. Ташкенте, с 1882 года имела семь классов, восьмого педагогического класса не было. В 1896 году в женской гимназии обучались 377 девочек, в том числе 5 девочек туземцев.

Царская администрация Туркестанского края в учебных планах женских гимназий (Ташкентская и Верненская) ввела значительные отступления от «Положения о женских гимназиях и прогимназиях Министерства

[1] «Астраханский вестник», 1893, № 136.

народного просвещения», утвержденного в 1870 году. В 1880 году генерал-губернатор Туркестанского края утвердил новые «Правила для учениц женских гимназий и прогимназий МНП в Туркестанском крае» и «Правила о взысканиях для учениц женских средних учебных заведений Туркестанского края»[1].

Открытое в 1894 году реальное училище имело три класса. В нем в 1896 году было 102 ученика, в том числе 5 туземцев. Английский и французский языки были обязательными учебными дисциплинами.

Городские училища

Городские училища края с шестилетним курсом обучения были открыты по Положению 31 мая 1872 года. Они были пяти-, четырех-, трех- и двухклассными с бесплатным обучением.

Казалинское и Перовское училища с ремесленными классами, а также Чимкентское училище в 1877 году преобразованы в двухклассные городские училища по Положению 1872 года. В том же году открылось Аулие-Атинское городское двухклассное училище с ремесленными классами.

В 1877 году при Аулие-Атинском, Казалинском и Перовском училищах открыты ученические квартиры для детей местного населения.

Казалинское двухклассное училище в 1879 году преобразовано в трехклассное, а Перовское — в 1885 году.

В 1887 году при Туркестанском городском училище открыты «послеобеденная» смена для девочек, а также ремесленные классы по сапожному делу. Но в следующем же году «послеобеденная» смена для девочек ввиду малочисленности учащихся была закрыта. В 1890 году при Чимкентском городском училище открыты ремесленные классы, а при ремесленных классах Аулие-Атинского городского училища — отделение садоводства. В 1891 году ремесленный класс по столярному делу открыт при Перовском городском училище.

Таким образом, ремесленные классы существовали при всех городских училищах. В них обучали учащихся

---

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, Опись управления учебными заведениями Туркестанского края, 1880.

самостоятельно изготовлять некоторые несложные вещи (скамьи, табуретки, тумбочки, шкатулки и др.), шить сапоги, переплетать книжки, ухаживать за деревьями. Проводились занятия и по огородничеству. Например, при Аулие-Атинском городском училище имелись питомник молодых деревьев, сад и огород, в которых учащиеся обучались садоводству. Весной они занимались выкормкой и выращиванием шелковичных червей. В Перовском городском училище в 1895 году введено огородничество.

При всех городских училищах существовали интернаты, 2/3 вакансий в них предназначались для детей местного населения. Практика показала, что совместное пребывание последних в интернатах вместе с русскими детьми способствовало лучшему освоению ими русского языка.

Таблица 17 показывает численность учащихся, находившихся в 1896 году в интернатах при городских училищах, а также обучавшихся в ремесленных классах.

Таблица 17

Число пансионеров и обучавшихся в ремесленных классах в городских училищах Сыр-Дарьинской области в 1896 году

Название училищ	Число учащихся	В т. ч. туземцев	Число пансионеров			Число учащихся в ремесленных классах
			всего	русских	туземцев	
Казалинское трехклассное .	117	17	23	8	15	64
Перовское трехклассное . .	87	38	33	13	20	54
Туркестанское двухклассное	37	18	20	7	13	20
Чимкентское двухклассное .	41	13	20	7	13	20
Аулие-Атинское двухклассное	64	15	20	7	13	26

В 1878 году были открыты при всех городских училищах ученические квартиры по 20 воспитанников в каждой. Прием на квартиры производился с 1 августа по 1 ноября каждого года.

Аулие-Атинское училище открыто 1 июля 1878 года с ремесленным классом и ученической квартирой для детей местного населения. С 1884 по 1887 год при учи-

лище существовали вечерние курсы для взрослого нерусского населения. На 1 января 1901 года в училище преподавало 7 человек и, кроме того, числились столярный и сапожный мастера. Из 96 учащихся нерусских было 18. В ремесленных классах (столярный, сапожный и переплетный) обучались 50 учащихся. Все учащиеся весной и осенью занимались в садовом отделении и на огороде. При училище существовал интернат, в котором находилось 28 воспитанников, в том числе 20 казенно-коштных и 8 своекоштных. В 1900 году училище окончило 100 человек [1].

Казалинское трехклассное городское училище 1 января 1879 года было преобразовано из бывшей казахской школы, учрежденной в 1863 году. В училище работало 9 человек, в том числе учитель гимнастики и врач. На 1 января 1900 года в училище было 106 учащихся, в том числе 24 детей казахов и других туземцев. Училище состояло из подготовительного и шести основных отделений, то есть трех классов. При училище имелась общая ученическая квартира, в которой проживало 22 воспитанника, а двое проживали на частной квартире. Ученическая квартира была обставлена хорошо, питались дети удовлетворительно. В качестве мер воздействия на учащихся применялись: «наставления, замечания, увещания, выговоры, наиболее сильным наказанием было лишение отпуска домой в первый праздничный день» [2]. В основных ремесленных классах — столярном и сапожном, обучалось по 20 мальчиков; в середине учебного года были начаты занятия по переплетному делу, которому обучалось 15 учеников. В столярном классе имелось четыре группы, в которых занятия по столярному делу постепенно усложнялись. В первой группе учащиеся приучались владению простейшими инструментами (топор, долото, фуганок, молоток, пила), во второй — шло обучение обработке материалов и подготовке их к дальнейшему использованию, умению склеивать и связывать дерево, а также делать табуреты, в третьей группе учащиеся делали скамьи, столы, парты, в четвертой группе предыдущие изделия изготовлялись учащимися самостоятельно, а под руководством преподавателя делали

---

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 573, лл. 30—32.
[2] Там же, лл. 30—38, 45, 48.

более сложные вещи (шкафы, письменные и ломберные столы, буфеты, карнизы и пр.). Начиная со второй группы, учащиеся приучались, а в четвертой группе уже владели токарным станком и обучались вычерчиванию и вырезанию из дерева несложных предметов.

Перовское трехклассное городское училище преобразовано из казахской школы, учрежденной в 1865 году. При училище существовали вечерние курсы для взрослых, сапожная и столярная мастерские, а также ученические квартиры. В училище работало 6 человек, в том числе врач. На 1 января 1901 года в нем обучались 102 ученика, в том числе 33 казаха, 4 татарина. В училище отмечалась большая текучесть. За отчетный год выбыло 16 детей по «домашним обстоятельствам», 8 детей — по случаю выезда родителей из Перовска, 2 ученика исключены за плохое поведение и неуспеваемость. Училище окончило только два ученика (казах и русский). В учебно-воспитательной работе, как отмечается в отчете, «наибольшее внимание обращалось на усвоение русского языка, приучение детей к самостоятельности, на развитие в них начал нравственности, приучение к труду и довольству своим положением» [1].

Училище имело хорошие учебные помещения, необходимый инвентарь и оснащение мастерских. Мастера, обучавшие столярному и сапожному делу, хорошо обеспечивались в материальном отношении: они получали по 300 рублей в год, имели казенную квартиру с отоплением и освещением; кроме того, каждому отпускалось из интерната по 3 фунта хлеба ежедневно, 0,5 фунта чая и 3 фунта сахара ежемесячно. В сапожной мастерской обучались 31, а в столярной — 23 человека. Как видно из отчета, казахские дети сапожное ремесло предпочитали столярному. В течение нескольких лет мастерские училища изготовили изделий для самого училища, интерната, других училищ города, а также по частным заказам — на 981 рубль 4 копейки.

Туркестанское двухклассное городское училище открыто 1 июля 1879 года; при училище имелись ремесленные классы и ученическая квартира. В нем работало 4 учителя, включая заведующего училищем. Среди 42 учащихся было 27 туземцев. В училище имелась только

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 573, лл. 2—6.

сапожная мастерская, в которой занималось 20 человек. Училище имело ученическую и фундаментальную библиотеки, а также прилично оснащенные кабинеты физических и естественных наук. Учебные помещения соответствовали своему назначению.

Чимкентское двухклассное городское училище открыто 1 июля 1878 года. При училище имелись ремесленные классы и ученические квартиры. В нем работало 4 учителя; из 66 учащихся казахов было 20, узбеков — 5. В сапожной мастерской занимались 20 мальчиков. Среди учащихся часто наблюдались заболевания, особенно малярией. «Отношения между учащимися русскими и туземцами отличались дружественным характером» [1].

В училище использовались следующие учебники: в приготовительном отделении — азбука Бунакова, для туземцев — первая книга для чтения, составленная инспектором Граменицким; в первом отделении обучение чтению велось по второй книге Граменицкого, а в остальных отделениях — по хрестоматиям Барышникова; по арифметике — в первых четырех низших отделениях использовался «Сборник задач и примеров для обучения начальной арифметике» Граменицкого, а в старших двух отделениях — «Систематический сборник задач» Граменицкого, геометрия проходилась по учебнику Малинина для уездных училищ; естествознание проходилось по учебникам Ярошевского и Герасимова, история — по книгам Рождественского и Фармаковского, география — по руководствам Пуцыковича и Мостовского, физика — по учебнику Малинина. Кроме того, использовались по этимологии и синтаксису — учебник Кирпичникова, по правописанию — книга Грота, «Главные правила правописания» Граменицкого и «Сборник диктантов» Арзиереева.

Приходские училища

Русские приходские училища были учреждены по Уставу 8 декабря 1828 года и, по сути дела, являлись одноклассными.

Приходские училища в Сыр-Дарьинской области на-

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 573, лл. 18—21.

чали открываться в конце 70-х годов. Первая школа «для первоначального обучения грамоте детей русского происхождения», то есть для «переселенцев и других лиц русского населения» была открыта в Чимкенте 8 ноября 1876 года, в которую поступили 20 мальчиков и 4 девочки. За неимением специального помещения под училище была отведена «удобная комната» в помещении больницы, а священник Белозерский вел обучение детей без всякого вознаграждения»[1].

В 1877 году Чимкентское женское приходское училище было разделено на женское и мужское. В том же году открылось одноклассное женское приходское училище в г. Алма-Ате, в 1879 году открылось двухклассное в г. Казалинске и одноклассное — в г. Перовске, в 1890 году одноклассное — в г. Туркестане.

Приходские училища для совместного обучения детей обоего пола были открыты: в 1885 году — в селении Чалдавар Аулие-Атинского уезда, в 1888 году — в селе Дмитровка того же уезда, в 1890 году — в фортах Джулек и Кармакчи, в селах Покровка, Александровка, Михайловка и Николаевка Аулие-Атинского уезда, в 1891 году — в селах Беловодское, Высокинское и Корниловское Чимкентского уезда, в селе Каменское Аулие-Атинского уезда, в 1892 году — в селах Ванновское Чимкентского уезда, Бурное и Шаповаловка Аулие-Атинского уезда, в 1893 году — в селах Дорофеевское, Егорьевское, Чернореченское, Красноводское и Антоновское Чимкентского уезда, Гродековское, Грозненское, Ключевское, Кузьминское Аулие-Атинского уезда, в 1895 году — в селах Головачевка и Ровное Аулие-Атинского уезда. Предполагавшиеся к открытию в селах Каменная балка и Чубаровка Чимкентского уезда приходские училища не были открыты из-за недостатка средств.

На 1 ноября 1898 года на территории Сыр-Дарьинской области находилось 8 женских, 4 мужских и 41 для совместного обучения приходское училище, в которых обучалось 2 137 учащихся, в том числе 953 девочки. Среди учащихся было всего лишь 4 туземца.

Основная масса приходских училищ была расположена в Аулие-Атинском и Чимкентском уездах, в которых

---

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, оп. 1, Управление учебными заведениями Туркестанского края, д. 17, л. 4.

проживало преобладающее большинство русского переселенческого населения.

До 80-х годов приходские училища Туркестанского края не имели специальных программ и учебных планов. Лишь в 1880 году была создана особая комиссия по разработке учебных планов и программ. Комиссия нашла целесообразным ввести не трехлетний курс обучения, как это было в Европейской России, а четырехлетний. Она выработала соответствующие программы по закону божию, русскому языку (с вспомогательным к нему чтением из русской географии, истории, естествознания и упражнения в чистописании), арифметике, практическому знакомству с геометрией, рисованию и черчению, гимнастике и рукоделию.

В 1895 году эти программы заменены более краткими программами трехгодичных начальных училищ.

В 1896 году в приходских училищах Туркестанского края были введены новые учебные планы и программы, составленные особой комиссией. Всем сельским школам были выделены земельные участки для устройства садов и огородов, а для учителей этих школ выделялись участки пахотной земли от 2 до 5 десятин.

В женских училищах, а также сельских приходских училищах совместного обучения, в которых работали учительницы, девочки обучались рукоделию: шитью, кройке, вязанию, вышиванию и т. п.

Инспектор народных училищ Первого района Туркестанского края в своем отчете за 1898 год отмечал слабую постановку учебного дела в Казалинском и Туркестанском городских приходских женских училищах. Многие сельские приходские училища Сыр-Дарьинской области, отмечал он, находятся в «тесных и темных, совершенно не приспособленных для школьных занятий» наемных помещениях. В классных комнатах, рассчитанных на 40 учащихся, в зимнее время помещалось до 70 и более детей. «Зимой температура в классной комнате, перед началом занятий,— писал инспектор,— падает ниже нуля, так что чернила мерзнут; нередко топка печей соломой и кизяком дает больше дыму и угару, чем тепла» [1].

Он жаловался на безрезультатность ежегодных пред-

[1] «Туркестанские ведомости», 1899, 2 февраля.

ставлений, делавшихся с 1894 года, о необходимости постройки новых школьных помещений и расширении существующих.

Отсутствие хорошо приспособленных учебных помещений для школ явилось одним из основных недостатков, отрицательно влияющих на постановку учебно-воспитательной работы.

Как видно из его отчета за 1898 год, заведующие сельскими училищами первого разряда, в которых имелось свыше 50 учащихся, получали в год 500 рублей, заведующие училищами 2 и 3 разряда — по 400 рублей. Была установлена дополнительная плата за выслугу лет в этих училищах: 20 процентов за 5 лет и 40 процентов за 10 лет. Заведующему при училище отводился участок земли от 0,5 до 1 десятины для сада и огорода и до 5 десятин пахотной земли.

Заведующие городскими приходскими училищами получали от 460 до 500 рублей в год, надзиратели ученических квартир при городских училищах — 450 рублей, заведующие русско-туземными училищами — 600 рублей.

Как видно, руководящий состав училищ получал неплохое содержание, тогда как учителя, особенно учителя сельских приходских училищ, получали совершенно мизерную заработную плату, которой хватало лишь кое-как свести концы с концами.

В газете «Туркестанские ведомости» 26 января 1899 года опубликовано письмо крестьянина Маланьина из села Корниловки Чимкентского уезда, в котором он писал: «Скажу прямо: тяжела и неблагодарная учительская работа! Это единственный неблагодарный труд. Вечная дума о куске хлеба, о неосуществленном лучшем... о трудностях воспитывать детей, о необеспеченной старости и проч.».

Русско-туземные школы

Русско-туземные приходские училища и школы, специально предназначенные для обучения в них детей местной нерусской национальности, начали открываться в Туркестанском крае с 1885 года. Первое русско-туземное приходское училище грамотности было открыто в селе Каракульское Казалинского уезда в 1885 году.

В том же году русско-туземное училище открыто в г. Аулие-Ате. В 1886 году русско-туземные школы грамотности открыты в Сайраме Чимкентского уезда, Мерке Аулие-Атинского уезда, Сары-Чаганаке Перовского уезда. Каракульское русско-туземное училище в 1886 году было переведено в урочище Сары-Тугай, в том же Казалинском уезде, а в 1894 году — в г. Казалинск. По малочисленности учащихся Сайрамская русско-туземная школа была переведена в г. Чимкент, а Аблыкская русско-туземная школа — в г. Туркестан.

В русско-туземных школах занятия велись по программам, составленным согласно утвержденной в 1887 году Инструкции для заведующих русско-туземными училищами. Предметами преподавания являлись: русский язык (разговор, чтение и письмо), арифметические действия с целыми числами, ознакомление с важнейшими событиями из русской истории и с важнейшими географическими сведениями.

В школах имелись два класса — русский и туземный. Каждый ученик-туземец ежедневно занимался по 2 часа в русском классе и по 2 часа в мусульманском. Обучение грамоте детей местной национальности вели туземные учителя.

В первое время русско-туземные школы открывались в отдаленных местах среди массы местного населения как «народные» учебные заведения. Но посещаемость была исключительно плохая. Вследствие этого русско-туземные школы переводились в города и крупные населенные пункты. Русский класс русско-туземной школы делился на два отделения — старшее и младшее. Выпуск учащихся производился после того, как, по мнению заведующего школой, учащиеся усвоили элементарную разговорную речь. В 1892 году в русско-туземных школах г. Ташкента предлагалась следующая программа испытаний: 1. Чтение по-русски с пересказом прочитанного; 2. Чтение наизусть разученных русских стихотворений, басен и прозаических статей; 3. Письмо русских фраз под диктовку; 4. Устное и письменное решение арифметических задач на четыре действия, письмо под диктовку чисел до миллиона и знание русских мер длины, времени, веса, монет и сыпучих тел; 5. Ответы по-русски на вопрос из окружающей жизни, русской истории, геогра-

фии и местной природы; 6. Чтение по-мусульмански; 7. Хоровое исполнение гимна «Боже, царя храни», мусульманской молитвы «За государя» и «Многолетие».

Учебно-воспитательная работа в русско-туземных школах была поставлена исключительно слабо. В школах применялись физические наказания: побои, постановка на колени, драние ушей, держание на руках тяжелых вещей и т. п.

В мусульманском классе русско-туземных школ официальной программы не было. Мулла преподавал по своему усмотрению.

Разделение на русский и мусульманский классы и резкое отличие их друг от друга отрицательно отражалось на знаниях учащихся.

Инспектор народных училищ Первого района Туркестанского края С. Граменицкий, говоря о том, что «народные» школы не привились в среде местного нерусского населения, писал: «Опыт скоро показал, что масса туземного населения совершенно глуха к этим попыткам к ее просвещению». По его мнению, эти школы могли привиться только в городах, «в которых туземцы имеют больше соприкосновения с русской жизнью и нуждаются в знании русского языка для торговли и для других практических целей» [1]. Но следует заметить, что в первое время и в городах родители боялись отдавать своих детей в русско-туземные училища.

Конечно, с мнением автора никак нельзя согласиться, так как местное нерусское население охотно отдавало своих детей обучать русской грамоте, стремилось дать им русское образование, если оно убеждалось в его полезности. Не «глухость» населения к просвещению, а явно выраженные колонизаторские цели русско-туземных школ отталкивали большую часть населения, особенно на первых порах их организации. Кроме того, как правильно указывал сам автор, трудность заключалась еще в том, что учащиеся изучали русскую грамоту только по два часа в день, а все остальное время, находясь в среде населения своей национальности и не имея близкого соприкосновения с русскими, разговаривали на своем родном языке. Вдобавок к этому многие дети,

---

[1] *С. Граменицкий.* Очерк развития народного образования в Туркестанском крае. Ташкент, 1896, стр. 42.

проживая на далеком расстоянии от русско-туземных школ, не могли их посещать ввиду транспортных затруднений.

Для устранения подобных трудностей, например, в 1884 году при Сары-Чаганской (затем Джулекской, после перевода ее в форт Джулек) русско-туземной школе был открыт интернат для детей местного населения, а уже в 1895 году было открыто несколько русско-туземных школ с такими интернатами (Кармакчинская, Сауранская).

К концу прошлого века посещаемость учащихся русско-туземных школ уже была хорошей. Многие дети, желающие учиться в русско-туземных школах, не могли туда попасть ввиду отсутствия свободных вакансий.

Главный инспектор Туркестанского края Ф. М. Керенский 28 января 1890 года в циркулярном письме заведующим русско-туземными школами и училищами инспекции Ферганской и Самаркандской областей отмечал, что при осмотре им ряда русско-туземных школ края, в том числе и Сары-Чаганской, Туркестанской и Чимкентской, обнаружил добросовестное и любовное отношение учителей к своим обязанностям, «удовлетворительное обучение русскому языку, добровольное и охотное отношение к русскому обучению детей». Наряду с этим он отмечал, что школы имели неприспособленные учебные помещения и ощущали крайний недостаток в учебных пособиях. Он не мог также пройти мимо грубого отношения к ученикам со стороны отдельных учителей. Он писал: «Известны мне также, как редкие, правда, случаи неровных, неспокойных, даже грубых и жестоких обращений учителей с учениками» [1].

Говоря о преподавании отдельных предметов, он отметил, что «не все учителя предлагают задачи, ближайшие к житейскому быту учащихся», а также порекомендовал учителям, чтобы они больше упражняли учащихся в пользовании торговыми счетами.

В письме инспектору 5 района народных училищ Туркестанского края В. Наливкину Ф. М. Керенский по поручению главного начальника края сообщал заключение своего доклада на имя генерал-губернатора от

---

[1] Рукописный фонд (Западный отдел) научной библиотеки Казанского университета, д. 1634, л. 12.

31 января 1897 года по осмотру инспектором Наливкиным училищ в 1896/97 учебном году. В этом заключении он обращал внимание на необходимость добиться благожелательного отношения местного населения к русским школам, аккуратного исполнения учителями русско-туземных училищ своих служебных обязанностей, учреждения ученических квартир при училищах, а также на необходимость постоянного снабжения училищ литературой. Он писал: «Предложить инспектору г. Наливкину:

1. Разумными мерами и правильными отношениями к туземному населению располагать его к тому, чтобы родители доверчиво смотрели на русские школы и отдавали в них детей, не возбранять делать то же самое и учителям, а также пользоваться содействием в этом деле администраций вообще, при заведовании школами, применяться к требованиям и условиям настоящего времени, а не к тем, которые были, как видно из частных случаев, в первые годы русского управления краем.

2. Требовать от учителей русско-туземных училищ аккуратного и старательного исполнения своих обязанностей, несмотря на те или другие трудности, неизбежные по местным условиям училищной службы.

3. Заботиться об учреждении ученических квартир при туземных школах, особенно тех, посещение коих детей из отдаленных кочевок или аулов затруднительно.

Наблюдать, чтобы в русско-туземные школы ежегодно приобретались популярные книжки из рекомендованных Министерством народного просвещения и наиболее соответственные потребности названных школ и выдавать их для домашнего чтения не только учащимся в этих школах, но и учившимся прежде, под личную ответственность учителей» [1].

Неудовлетворительные успехи учащихся русско-туземных школ в изучении русского языка главный инспектор видел в том, что «туземный учитель» занимается с учащимися в первые часы, что «весьма неблагоприятно отражается на успехах учеников в русском классе». Для устранения этого недостатка в своем письме инспектору народных училищ 3 района края от 11 июля 1898 года главный инспектор предлагал «вести обучение в мусуль-

[1] Рукописный фонд (Западный отдел) научной библиотеки Казанского университета, д. 1634, л. 29.

манском классе так, чтобы оно отнюдь не задерживало и не затрудняло классных занятий русским языком и арифметикой. Наибольшую часть учебного времени и особенно первые уроки ежедневно следует посвящать на занятия русским языком» [1].

О работе некоторых русско-туземных школ Сыр-Дарьинской области можно судить по отчету инспектора народных училищ Сыр-Дарьинской области об инспектировании учебных заведений в 1891/92 учебном году.

Сары-Чаганакская русско-казахская школа, открытая 1 октября 1886 года на урочище Кашкан Сары-Чаганской волости, в 6 верстах от почтовой станции Сары-Чаган, как показал осмотр, являлась одной из лучших в области. Школа находилась в доме казаха Алима Тургаева, который впоследствии был назначен ее почетным блюстителем. Учителем школы был назначен надзиратель ученической квартиры при Туркестанском городском училище Букин, который затем был переведен в Сары-Тугайскую русско-казахскую школу заведующим.

Школу посещало 19 казахов и 2 русских ученика; 11 учились первый год, 2 — второй год и 8 — третий год. Несмотря на то, что большая часть учеников жила в отдаленных от школы аулах, посещаемость учебных занятий была аккуратной (4 ученика жили у русского учителя, 1 — у казахского, 6 — у бия, а 9 учеников приходили из ближайших юрт). Заведующий школой Ергали Касымов, окончивший Туркестанскую учительскую семинарию и работавший в школе третий год, «к учебным обязанностям своим относился весьма старательно». Он обратил особое внимание на русский разговорный язык и добился положительных результатов. Инспектор писал: «г. Касымов обнаружил при этом талант вести разговорную речь умело и совершенно естественно... Ни в одном русско-туземном училище района ученики не могут так свободно и так оживленно отвечать по-русски, как в Сары-Чаганской школе... Пример этой школы сильно говорит в пользу того положения, что обучение инородцев русскому разговорному языку может идти в русско-туземных школах с достаточным успехом».

Как отметил инспектор, ученики свободно читали

[1] Рукописный фонд (Западный отдел) научной библиотеки Казанского университета, д. 1634, л. 34.

по-русски и переписывали текст русских книг хорошим почерком, но при чтении делали неправильные ударения в словах, спешили при чтении и при этом скрадывали целые слоги, при написании своих имен и фамилий допускали звуковые ошибки. В этом отношении инспектором были даны учителю методические указания.

Инспектор указал также на доверчивое отношение казахского населения к русской школе и старательную работу казахского учителя.

Школа помещалась зимой в глиняном помещении, бесплатно уступленном школе почетным блюстителем, а после ее разрушения временно была переведена в юрту. Но почетный блюститель Алим Тургаев обещал к началу учебного года передать школе бесплатно другой дом.

Инспектор приходил к выводу: «Впечатление школа производит весьма отрадное» [1].

Туркестанская и Чимкентская русско-туземные школы по заявлению инспектора училищ считались одними из худших в области.

В Туркестанской русско-туземной школе обучалось 34 ученика, в том числе в младшем отделении — 25 и в старшем — 9. С момента открытия, то есть с 19 октября 1888 года, школой заведовал молодой 20-летний учитель, окончивший Туркестанскую учительскую семинарию. «Успехи учеников и самое преподавание» были «весьма неудовлетворительны». Ученики могли лишь «механически читать и переписывать по-русски. Выучили на память до 200 русских слов, но, не имея практики в составлении фраз, наполовину уже перезабыли эти слова».

«Как учитель русско-туземной школы,— писал инспектор,— г. Пшеничников показал себя совершенно неспособным к этого рода деятельности. Обучившись в учительской семинарии туземным языкам, был рекомендован от семинарии в качестве кандидата на должность учителя в русско-туземные школы, он в течение целого года не дал себе труда изучить сколько-нибудь туземное наречие». Инспектор сделал заключение, что «такой учитель не может вести обучение туземных детей, ни слова не понимающих по-русски...» [2]

[1] ЦАУ УзССР, ф. 49, оп. 1, д. 119, лл. 145—149, 153—181.
[2] Там же.

В Чимкентской русско-туземной школе числилось 9 учеников, преимущественно детей узбеков, но при посещении школы инспектором на уроках находилось 5 учеников. Заведующий школой, казах Кудайбергенов, окончивший также Туркестанскую учительскую семинарию и работавший в школе третий год, относился к выполнению своих обязанностей недобросовестно.

Два ученика, находившиеся в младшем отделении, учились второй год; они выучили четыре русских рассказа, но заученное произносили неправильно; русских слов знали до 300, но стихов и басен не учили; они умели считать по-русски до 100, но решением задач не занимались и таблицы умножения не знали. 7 учеников, учившихся в старшем отделении, занимались в школе также второй год. Они разучили 11 стихотворений, но помнят не все, выучили шесть статей на русском языке; рассказывать по-русски не умеют, произношение слов плохое, читают очень медленно, диктантом не занимались.

Следует сказать несколько слов о Сары-Тугайской русско-туземной школе. Она была открыта в 40 верстах от г. Казалинска в ауле богатого казаха Бержана Муратова. С момента организации, то есть с 1 марта 1885 года, школа находилась в среде бедного казахского населения Каракульской волости Казалинского уезда и влачила жалкое существование. Инспектор народных училищ Сыр-Дарьинской области и Аму-Дарьинского отдела М. Азначеев 10 ноября 1885 года сообщал главному инспектору училищ края о том, что школу посещает только половина учащихся. Во время посещения им школы из 17 учащихся на уроках было только 8, многие из которых не имели ни обуви, ни одежды, ни ночлега: три ученика ночевали в школьной кибитке [1].

Подрядчик и делец Бержан через своих знакомых в г. Казалинске в 1896 году добился перевода этой школы в его собственный аул и, став сам вторым учителем, превратил школу в источник наживы. Почти все средства, отпускаемые на содержание школы в сумме 1 350 рублей в год, попадали в руки этого богача, так как в качестве второго учителя он получал 240 рублей в год, юрта за казенный счет нанималась у него, заведующий

[1] ЦАУ УзССР, ф. 49, оп. 1, д. 29, лл. 11—14.

школой столовался у него, сторожем школы назначался кто-либо из его бедных родственников, работающих на него. Школа кочевала вместе с аулом Бержана. У инспектора создалось впечатление, что из 14 числившихся в школе учеников 9 были подставными лицами. По его мнению, заведующий школой Букин, который занимался в школе старательно и был «безукоризненного» поведения, не мог открыто выступить против нечестной махинации Бержана.

После осмотра русско-туземных школ инспектор народных училищ пришел к заключению, что, несмотря на их существенные недостатки, они полезны, как для туземного населения края, так и для русского правительства. Но он считал необходимым произвести дальнейшую реорганизацию этих школ. «В видах распространения европейских знаний в Средней Азии и возможного скорого обрусения новопокоренных нами народов,— писал он,— русско-туземные школы в Туркестанском крае являются учреждениями в высшей степени полезными и для государства и для туземцев. Давая последним возможность изучать русский язык и приобретать сведения по различным отраслям элементарного знания, школы эти служат в то же время верным средством сближения с нами некоторой части туземного населения» [1].

Указывая на то, что русско-туземные школы лучше прививаются в городах, где учащиеся имеют тесный контакт с русским населением и что по этой причине его предшественником 5 школ были перебазированы из кишлаков в города, инспектор считал, что «аульные русско-туземные школы могли бы идти сравнительно лучше, благодаря природной общительности киргиз и податливости их к посторонним влияниям». Но кочевой образ жизни казахов «исключает возможность существования среди них больших и дорогостоящих школ». Он предлагал как можно больше привлекать казахских детей в интернаты при городских училищах и при окончании обучения «выдавать им аттестаты с правом открывать аульные школы». По его мнению, «существование частных школ будет в самом естественном соотношении с материальными средствами кочевников и осво-

[1] ЦАУ УзССР, ф. 49, оп. 1, д. 119.

бодит правительство от излишних затрат». В таком случае «необходимо лишь будет косвенное участие учебной, а также уездной администрации» (снабжение этих учителей учебными пособиями, контроль за их педагогической деятельностью, выдача лучшим учителям денежных субсидий и наград). Рекомендовалось открывать школы «в больших торговых селениях, служащих центрами туземной жизни и туземной торговли».

Инспектор училищ как представитель царской власти считал, что «наибольший успех делу просвещения инородцев обеспечен будет в том лишь случае, если в русско-туземные школы, равно как и в интернаты при городских училищах, станут поступать преимущественно сыновья влиятельных туземцев, из бедных следует допускать лишь наиболее способных». Он полагал, что русское образование привилось бы в среде местного населения гораздо лучше, «если бы был издан положительный закон о преимущественном допущении на административные должности тех туземцев, которые учились в русских или в русско-туземных школах». Кроме того, инспектор указывал на то, что учителя русско-туземных школ не пользуются правами государственной службы, предоставленными учителям приходских училищ, что не могло не отражаться на их работе.

Далее он останавливается на наиболее целесообразном методе преподавания русского языка и необходимости создания учебников для русско-туземных школ Туркестанского края «сообразно с верованиями и понятиями туземцев».

Как преданный слуга царского правительства и истинный колонизатор, инспектор училищ угоднически писал: «Учителя и учительницы как в русских, так и в русско-туземных школах не всегда обращают должного внимания на то, чтобы учащиеся твердо знали имена, отчества, фамилии и титулы государя императора, государыни императрицы и государя наследника царевича и также г. министра народного просвещения, туркестанского генерал-губернатора, местного архиерея, главного инспектора училищ, военного губернатора области и местного уездного начальника». Отмечая, что малолетние учащиеся «скоро забывают выученное», инспектор писал: «А потому мною предложено по всем училищам вверенного мне района повторять с учащимися вышеупо-

мянутые имена, отчества, фамилии и титулы накануне всех царских дней. Разъяснено при этом, что всякий хороший гражданин и каждая хорошая мать семьи первым нравственным долгом своим должны считать, знать, кто царствует и кто управляет в родной стране».

Циркулярное указание всем учебным заведениям о том, что все русские и туземные учащиеся должны знать имена и титулы царской фамилии и «высокопоставленных особ» края, было дано главным инспектором училищ края [1]. Инспектор народных училищ проявил в этом вопросе особое усердие и, перечислив все важные должностные чины вплоть до начальника уезда, предложил постоянно упражнять учащихся, чтобы их запомнить.

2. ШКОЛЫ СЕМИРЕЧЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Казахи Старшего жуза приняли русское подданство в 1846 году. Через год было основано укрепление Капал, откуда началось движение русских войск в Семиречье.

Семиреченская область была образована по «Временному положению об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях» от 11 июля 1867 года в составе Туркестанского генерал-губернаторства. До этого она находилась в ведении начальника «Алатавского округа и киргизов Большой орды», подчинявшегося генерал-губернатору Западной Сибири.

В состав Семиреченской области вошли часть Семипалатинской области к юго-востоку от Тарбагатайского хребта, а также бывший Алатавский округ, который был образован в 1856 году из земель казахов Старшего жуза. Начальник Алатавского округа Г. А. Колпаковский стал первым военным губернатором Семиреченской области. Область состояла из пяти уездов: Верненского, Иссык-Кульского, Капальского, Сергиопольского и Токмакского. По Положению от 25 марта 1891 года в область вошло шесть уездов: Верненский, Капальский, Лепсинский (бывш. Сергиопольский), Пишпекский (бывш. Токмакский) [2], Джаркентский и Пржевальский (бывш. Иссык-Кульский).

---

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 836, 1890.

[2] Большая часть территории бывших Пишпекского и Пржевальского уездов находится в составе Киргизской ССР.

В 1882 году Семиреченская область была изъята из ведения туркестанского генерал-губернаторства и присоединена к Западно-Сибирскому генерал-губернаторству, а в 1898 году снова присоединена к Туркестанскому генерал-губернаторству.

К моменту учреждения Семиреченской области, то есть к 1867—1868 годам, на ее территории имелось только два приходских двухклассных училища (Верненское и открытое в 1868 году Капальское) и 12 станичных и выселковых (поселковых) школ, из которых четыре начали действовать во второй половине 1868 года. Станичные и выселковые школы были образованы по Положению от 15 марта 1861 года. Во всех школах области, за исключением мусульманских, было 532 учащихся, в том числе 72 девочки.

Станичные школы содержались за счет станичных обществ, а учителями в них были грамотные урядники, которые получали небольшое жалованье. Все остальные школы также находились на содержании местных обществ.

Туркестанский генерал-губернатор фон Кауфман после инспектирования края, учитывая плачевное состояние народного образования и отсутствие русских школ для местного населения, 25 октября 1867 года издал циркулярное распоряжение, обязывающее военных губернаторов областей предпринять необходимые меры к созданию в русских селениях начальных приходских школ и обеспечить совместное обучение русских и детей других национальностей.

В своих предложениях военному губернатору Семиреченской области от 25 октября 1867 года генерал-губернатор указывал на необходимость распространения образования среди населения области путем расширения сети приходских школ. Он писал об ошибочности раздельного обучения русских и туземных детей и предложил «постепенно уничтожить искусственное разделение училищ Семиреченской области на христианские и мусульманские».

Он отмечал, что «привлечение детей киргизов, калмыков, татар и среднеазиатских выходцев в школы должно быть предметом постоянных усилий администрации и будет ей поставлено в особенную заслугу». Кауфман также обратил внимание военного губернатора

на необходимость обучения девочек и обучения учащихся ремеслу.

Чиновник для особых поручений генерал-губернатора М. И. Бродовский, обследовавший в 1870 году состояние школ Семиреченской области, отметил, что все станичные школы находятся в крайне тяжелом положении: почти ни одна школа не имеет подходящих учебных помещений, в некоторых нет окон, полы провалившиеся, ни один учитель не соответствует «своему назначению по нравственным качествам». Верненское приходское двухклассное училище, содержавшееся за счет местных средств, также находилось в затруднительном положении из-за тесноты школьного помещения и недостатка средств на его содержание.

В 1868 и 1869 годах в Семиреченской области было создано несколько небольших школ. Но ввиду отсутствия средств и соответствующей материальной базы дальнейшее открытие школ задержалось.

В 1868 году в Капале вместо казачьей школы было образовано два приходских училища для мальчиков и девочек, в станице Сарканд и Коксуйском выселке открыты школы для русских мальчиков, школа для детей китайских эмигрантов. В 1869 году были открыты женские школы в Сергиополе и Карабулакском выселке Капальского уезда, а также третий класс при Верненском мужском училище. Затем отдельные школы начали создаваться в области с 1871 года. Как видно из отчета смотрителя семипалатинских школ Галицкого о работе школ в 1868/69 учебном году, обучение вели главным образом священники [1].

Для всех этих школ Семиреченским областным правлением была составлена программа, утвержденная военным губернатором. Согласно этой программе, учащиеся получали знания по следующим предметам: закон божий, русский язык, арифметика, чистописание.

По закону божьему давались объяснения первых религиозных понятий: о молитве, крестном знамении, о храме и различных богослужениях в нем, об иконах, о кресте на груди и пр. Изучались и объяснялись ежедневные молитвы. Давалась краткая священная история Ветхого и Нового заветов.

---

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 41, лл. 160—212.

По русскому языку учащихся вначале знакомили со всем тем, что находится в классе. Обучение чтению велось по методу Золотова, при помощи подвижных букв. Одновременно детей учили письму, начиная с элементов букв. Затем школьники должны были научиться понимать прочитанное. В программе ставилась такая задача: в первый год обучения по русскому языку должно достигнуть следующих результатов: плавного и сознательного чтения всего, что не превышает понятия учеников, уменья рассказывать прочитанный коротенький рассказ, уменья писать довольно правильно, не слишком уродливыми буквами.

На втором году обучения уделялось внимание грамматике, изложению прочитанного, письму под диктовку, чтению славянских текстов, заучиванию наизусть басен и стихотворений.

На третьем году обучения углублялись знания, полученные прежде, школьников приучали к самостоятельному изложению мыслей, событий и т. п. в письменном виде.

По арифметике дети должны были усвоить вначале счет до 10 на наглядных предметах: пальцах, камнях, палочках и производить над этими числами арифметические действия. Затем они учились писать цифры, считать до 100 вперед и обратно и т. п.

На втором году обучения производились все арифметические действия устно и письменно над числами до 100, а затем до 1 000. После этого на третьем году изучались нумерация, сложение, вычитание, умножение и деление отвлеченных и именованных чисел.

По чистописанию изучалось письмо букв и слов, письмо с прописей и, наконец, письмо с книги и прописей.

Помимо этого, начиная со второго года обучения, вводились небольшие рассказы учителя о домашних животных, о событиях русской истории, случаях жизни. А на третьем году — рассказы о замечательных животных того места, где живет ученик, и о самой местности, рассказы из русской истории, географии, сведения о явлениях природы — громе и молнии, дожде, снеге, росе, инее и т. п.

Рекомендовались следующие пособия для учеников и учителей: по закону божию — «Начатки христианского

православного учения», по русскому языку — таблицы букв, слов, составленные Золотовым, «Родное слово», составленное Ушинским, «Книгу для чтения», составленную Паульсеном, а для учителя — «Родное слово» Ушинского, примечания к таблицам, составленным Золотовым. По арифметике пособием для учителя должна была служить «Арифметика», составленная Паульсеном по способу немецкого педагога Грубе, а также сборник арифметических задач Томского. Для рассказов в качестве пособия учителю рекомендовалась книга «Детский мир», написанная Ушинским [1].

Из 18 уроков в неделю отводилось: на русский язык — 8, арифметику — 4, чистописание — 3 и закон божий — 3; на рассказы специальных уроков не отводилось, так как учитель должен был их вести на уроках русского языка.

Государственная дотация для школ области начала поступать только с 1871 года, когда на их содержание было отпущено 2 440 рублей. Впоследствии эта дотация увеличилась: в 1876 году было отпущено 8 790 рублей. Но эта сумма была настолько мизерной, что ее хватало на содержание лишь нескольких школ.

Если царская администрация по ходатайству и настоянию русского населения, особенно казаков Семиреченского казачьего войска, предпринимала какие-то шаги для создания русских школ и отпускала незначительные средства на эти цели, то для организации школ среди казахского и другого местного населения средства от казны не отпускались. В первое время казахское население с некоторым недоверием относилось к русскому образованию, но и царская администрация не видела необходимости в развитии народного образования среди казахского и другого «туземного» населения.

В 1870 году поручик И. А. Резанов поставил вопрос об организации четырех волостных школ в центрах зимовок Верненского уезда, доказывая пользу этих школ не только для казахского населения, но и для русского правительства. Он предлагал сначала обучить казахских детей казахскому языку, а потом уже русскому, четырем правилам арифметики и счетоводству. На содержание этих школ рекомендовалось отпускать из процентов на общественный капитал казахов Алатавского округа и

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 41, лл. 160—212.

из средств, собранных для выдачи ссуд кочевому населению на случай падежа скота и неурожая, а также из частных пожертвований на народное образование 200 рублей единовременно (100 рублей на покупку двух юрт и 100 рублей на приобретение учебных пособий) и 300 рублей ежегодно на жалованье (120 рублей учителю казахского языка и 180 рублей — учителю русского языка).

Предлагавшиеся Резановым волостные школы напоминали аульные, открытые в конце прошлого века в Тургайской области по плану И. Алтынсарина. Но эти школы не были учреждены, так как начальник Верненского уезда подполковник Ждан-Пушкин в своем заключении указал на отсутствие подготовленных учителей, а чиновник для особых поручений генерал-губернатора М. И. Бродовский заявил, что обучение казахов татарскому языку не соответствует политическим целям правительства и понуждение казахского населения к пожертвованиям на организацию русских школ может быть неправильно истолковано казахами.

Но такое опасение было необоснованным. Казахи и киргизы всех 12 волостей Токмакского уезда в 1871 году на чрезвычайном съезде вынесли так называемый приговор о сборе с каждой юрты по 10 копеек ежегодно на устройство в Токмаке или Пишпеке школы для обучения их детей русской грамоте, земледелию, скотоводству, лечению скота, казахской грамоте и «законам», по которым они управляются.

Семиреченское областное правление 18 сентября 1876 года представило в управление училищ Туркестанского края «Проект устава воспитательной киргизской школы в Токмаке или Пишпеке», смету расходов и объяснительную записку [1].

Как видно из проекта устава, «воспитательная киргизская школа в Токмаке или Пишпеке учреждается с целью распространения между киргизами грамотности, ознакомить их с сельским хозяйством, ремеслами и через то подготовить быть полезными деятелями для общества; обучить их русскому языку и через это сблизить народности края». В «Объяснительной записке» указывалось на то, что уездный начальник Лисовский для

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 20, лл. 1—9.

занятий учащихся сельским хозяйством «предлагает устроить в горах для детей ферму».

Несмотря на то, что военный губернатор Семиреченской области и генерал-губернатор Туркестанского края одобрили и утвердили «приговор», несмотря на наличие капитала в сумме 8 052 рубля 80 копеек и учительницы, назначенной приказом военного губернатора, школа не была открыта из-за отсутствия помещения.

Правда, генерал-губернатор предложил обучать не татарскому, а «киргизскому» языку и представить ему проект устава школы, который был утвержден в 1874 году.

В результате настоятельного требования местного населения Иссык-Кульского уезда 1 октября 1874 года в Караколе (Пржевальск) была открыта школа, средства на содержание которой впоследствии были выделены казахскими и киргизскими обществами путем единовременного пожертвования 2 000 рублей и сбора по 15 копеек с каждой юрты. Со временем школа была преобразована в «киргизские ученические квартиры».

В Капальском уезде казахское население выделило средства на организацию общежития-пансиона для казахских детей, обучавшихся в Капальском городском училище. Казахи купили дом и наняли учителя. Общежитие, или ученические квартиры, как оно называлось в то время, было открыто 8 ноября 1874 года.

Казахи Верненского уезда последовали примеру населения Токмакского уезда, выделив соответствующими «приговорами» средства на учреждение русско-казахских школ. Правда, начальник Верненского уезда по-своему объяснял такой благородный поступок населения, жаждавшего образования. В своем рапорте на имя генерал-губернатора в августе 1874 года он писал: «Киргизские общества Верненского уезда в лице своих волостных управителей, старшин и почетных лиц, желая ознаменовать приезд г. главного начальника края, объявили мне, что взамен обычной у них по таким случаям байги и народного праздника решили в видах распространения у них обучения и начал грамотности на положительных основаниях учредить особую киргизского общества школу, из которой бы со временем выходили достаточно образованные люди, знакомые как с туземной грамотностью, так и с языком русским и

научными сведениями, чем могли бы значительно содействовать развитию необходимой цивилизации. Исходя из этого пункта, многие из них убеждены в необходимости устройства подобного рода училища, в котором бы дети их могли научиться не только грамоте, но и ремеслам и развивать себя по крайности на ту степень, какая необходима для будущего развития народа» [1].

Казахи Верненского уезда в 1875 году составили «приговоры» о сборе по 20 копеек с каждой юрты, чтобы образовать капитал на учреждение «особой школы для туземных детей». Кроме того, 70 рублей от содержания казахских выборных властей передавалось в Верненское приходское училище для содержания там учащихся-казахов, хотя в течение нескольких лет с момента отчисления этой суммы казахские дети в Верненском приходском училище не воспитывались.

Крайне неудовлетворительное состояние народного образования в крае не могло не беспокоить царскую администрацию. В 1873 году была образована специальная комиссия для выработки проекта реформы народного образования.

Согласно этому проекту предполагалось средние учебные заведения в крае открывать на одинаковых основаниях со средними школами Европейской части России, учредить учительскую семинарию с образцовой школой при ней для подготовки учителей уездных училищ, которые должны были открыться во всех городах и станицах. Намечалось также во всех населенных пунктах, в том числе и в аулах кочевников, организовать начальные школы грамоты, куда учителями должны были назначаться выпускники уездных училищ.

Однако этот проект не получил одобрения правительства. Были лишь учреждены мужские гимназии в Ташкенте и Верном, а также все учебные заведения, как намечалось в проекте, в мае 1875 года были переданы в ведение Министерства народного просвещения (впоследствии они находились в ведении созданного 1 июля 1876 года Главного управления учебными заведениями Туркестанского края, подчиненного Министерству народного просвещения).

Открытие в 1876 году мужской прогимназии в Вер-

[1] ЦГИА КазССР, ф. 44, оп. 6, д. 4669в, лл. 1—2.

ном поставило на очередь дня вопрос об организации такого же типа учебного заведения для девочек. По предложению преподавателей мужской прогимназии сначала были открыты особые женские курсы, учебный план которых охватывал объем приготовительного, первого и второго классов прогимназии. Из-за отсутствия правительственных ассигнований и специальных средств содержание женских курсов было отнесено за счет добровольных пожертвований. Царской администрации области на чрезвычайном съезде «почетных» казахов и киргизов Верненского и Токмакского уездов удалось провести решение, согласно которому только половина собранных на учреждение казахских и киргизских школ средств использовалась на нужды этих школ, другая половина передавалась областной администрации на организацию народного образования в области.

На основе этого решения было дано указание уездам обеспечить немедленное составление всеми волостями «приговоров» о пожертвовании по 25 копеек с каждой кибитки на дело народного образования без указания конкретного назначения выделяемых средств. Это дало возможность областной администрации создать соответствующие денежные фонды и за счет их 25 января 1877 года преобразовать Верненские женские курсы в женскую прогимназию, а с 1 июля того же года при мужской прогимназии открыть «киргизские ученические квартиры».

В сентябре 1877 года генерал-губернатор Туркестанского края отменил существовавший порядок сбора средств на народное образование по приговорам обществ. Деньги можно было собирать только со специального разрешения генерал-губернатора и только с того населения, которое строит школу. Он предложил отменить приговоры казахского населения Семиреченской области по сбору по 25 копеек с каждой кибитки на нужды народного образования. В результате Верненская женская прогимназия, ученические квартиры для казахских детей и частные квартиры для бедных учащихся прогимназий, устроенные за счет сборов с казахского и киргизского населения, после непродолжительного их существования ввиду отсутствия средств были закрыты.

Очевидно, такое распоряжение явилось результатом

быстрорастущих непомерных сборов с населения, а также имевших место злоупотреблений со стороны царской администрации в отношении использования общественных средств, собранных на нужды народного образования туземного населения.

В 1878 и 1879 годах была проведена реорганизация начальных училищ; с 1 июля 1878 года Верненское и Капальское начальные приходские училища были реорганизованы в городские училища по положению 31 мая 1872 года, а 1 июля 1879 года станичные и сельские школы реорганизованы в приходские училища по Уставу 8 декабря 1828 года.

Реорганизация школ, а также создание новых школ потребовало дополнительных расходов. Чтобы финансировать расходы на школы, администрация Семиреченской области увеличила сборы с кочевого населения на 5 копеек в 1880 году и еще на 10 копеек с 1881 года. Эти сборы были обременительными, особенно для беднейшей части казахского населения.

Значительная часть этих сборов расходовалась не на нужды народного образования. Не случайно поэтому такие сборы с 1884 года были ограничены 25 копейками, а с 1893 года в соответствии с Положением 1891 года вовсе отменены.

В 1885 году Степным генерал-губернатором были утверждены новые штаты начальных училищ, по которым расходы на содержание школ были несколько сокращены по сравнению со штатным расписанием 1880 года. По новому штатному расписанию в одноклассном приходском училище учитель-заведующий получал 360 рублей в год, законоучитель — 75—80 рублей. На приобретение учебных пособий выделялось 40 рублей, а на содержание самого училища — 250 рублей. В училищах для совместного обучения учитель-заведующий школой получал 400 рублей, законоучитель — 80 рублей, помощник учителя — 300 рублей. По сравнению со штатами 1880 года в новом штатном расписании была отменена плата учителю за заведование училищем в сумме 50 рублей, за уроки пения — 50 рублей, сокращено жалованье законоучителю до 40—45 рублей, расходы на приобретение учебных пособий сокращались на 50 рублей.

К 1 января 1882 года в Семиреченской области чис-

лилось всего 39 учебных заведений, в которых обучалось 1 924 учащихся, в том числе 439 девочек. Во всех учебных заведениях, за исключением мусульманских мектебов и медресе, обучалось всего лишь 35 детей местного населения (в том числе и казахов), в пансионе при Верненской мужской гимназии находилось 18 учеников и в «ученических квартирах» при городских училищах — 17. Учащихся девочек из местного населения не было. Некоторые пытались объяснить такое незначительное число учащихся нерусской национальности тем, что якобы «киргизы и прочие туземцы неохотно отдают своих детей в русские учебные заведения». «Одна из главных причин этого заключается в том,— писал журнал «Народная школа»,— что в русских учебных заведениях не преподаются ни язык, ни религия туземцев, а потому киргизы предпочитают, для обучения своих детей грамоте и для ознакомления с кораном и шариатом, обратиться к муллам из киргизов, сартов и татар, имеющихся в волостях в значительном числе» [1].

Царская администрация Туркестанского края и области действительно выступала против преподавания магометанского вероучения детям местного населения, обучавшимся в русских и русско-туземных школах. Например, главный инспектор училищ Туркестанского края Кун отмечал, что «предоставляемое русскими школами Туркестанского края образование должно иметь исключительной целью русские интересы» и советовал избегать всего, что может усилить мусульманство. С согласия генерал-губернатора в письме на имя семиреченского военного губернатора от 26 января 1876 года он просил прекратить преподавание «мусульманского закона божия» в Капальской и других русско-казахских школах. Но наряду с этим он сообщал мнение генерал-губернатора о том, что преподавание казахского языка является «временно полезным» и что желательно ввести русскую транскрипцию для казахского языка, где он преподается.

Следует отметить, что генерал-губернатор не согласился с мнением главного инспектора училищ о прекращении преподавания казахского языка в правительственных школах [2].

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, Управление учебными заведениями Туркестанского края, д. 10, л. 2.

[2] Там же, л. 1.

Однако факты, которыми мы располагаем, подтверждают не только неправильность приведенного выше объяснения журнала, но и то, что оно является попыткой оправдать политику царского правительства в отношении образования детей нерусской национальности. Не какая-то «неохота» туземцев отдавать своих детей в русские учебные заведения, а русификаторская политика царизма, направленная на обрусение и ограничение доступа к образованию местного населения являлись причиной малочисленности учащихся нерусской национальности, обучавшихся в учебных заведениях Казахстана и других национальных окраин бывшей царской России.

В 1886 году в Семиреченской области насчитывалось 62 учебных заведения с 2 100 учащимися.

Таблица 18

Численность школ и учащихся в Семиреченской области в 1886 году

Уезды	Школы	Число учащихся		
		мальчиков	девочек	всего
Верненский	22	984	439	1423
Джаркентский	5	119	16	135
Капальский	10	268	33	301
Лепсинский (Сергиопольский)	16	372	169	541
Пишпекский (Токмакский)	5	163	50	213
Пржевальский (Иссык-Кульский)	4	194	58	252
Всего	62	2 100	765	2 865

В 1899 году в Семиреченской области существовали следующие учебные заведения: мужская восьмиклассная классическая гимназия (г. Верный) с 260 учащимися, женская семиклассная гимназия (г. Верный) с 229 ученицами, воинская гимназия (г. Верный), трехклассное городское училище (г. Верный) с 267 учащимися, 5 городских двухклассных мужских училищ по положению 31 мая 1872 года в гг. Пржевальске, Пишпеке, Капале, Лепсинске и Джаркенте, 35 приходских одноклассных училищ по уставу 8 декабря 1828 года с 1 833 учащимися (в том числе мужских — 24, женских — 6, обоего пола — 5), Верненский казахский пансион с 40 воспитанниками, Верненская школа садоводства, две сельско-

хозяйственные школы, 9 русско-туземных школ со 127 учащимися, временные педагогические курсы при Верненском трехклассном училище (11 человек), Воскресная школа при Верненском втором приходском училище, 3 народных училища.

В 1903 году в области действовало 76 учебных заведений: мужская, женская и воинская гимназии, четырехклассное городское училище в г. Пржевальске, 6 трехклассных городских училищ, 2 двухклассных женских приходских училища, 38 одноклассных мужских приходских училищ, 6 одноклассных женских приходских училищ, 3 народных училища, 13 русско-туземных школ, Временные педагогические курсы при Верненском трехклассном городском училище, Воскресная школа при Верненском втором приходском училище. Во всех учебных заведениях обучались 4 541 учащийся, в том числе 3 663 мальчика и 878 девочек.

Кроме указанных учебных заведений, подведомственных Министерству народного просвещения, в Семиреченской области в конце прошлого века находились верненская школа садоводства и две сельскохозяйственные школы, подведомственные Министерству земледелия и государственных имуществ, мусульманские школы, а также подведомственные Туркестанскому епархиальному совету церковно-приходские школы и школы грамоты.

В г. Верном существовала также частная школа Е. Плотниковой, в которой обучались 5 мальчиков и 5 девочек. По отчету содержательницы школы Е. Плотниковой за 1893 год успеваемость учащихся была удовлетворительной, все учащиеся, окончившие школу в 1893 году и поступившие в разные учебные заведения, успешно выдержали вступительные экзамены. Дети обучались в собственной квартире учительницы, которая имела гимназическое образование и кончала педагогические фреблевские курсы. Плата за одного ученика в месяц составляла 5 рублей. Кроме «обязательных» школьных предметов, в школе преподавались рисование, пение и танцы, за что взималась специальная плата.

В 1903 году было израсходовано на содержание городских училищ 38 473 рубля 35 копеек (в том числе за счет городских и казачьих обществ, а также платы за обучение 18 077 рублей 97 копеек, или 47 процентов от

всей суммы расходов), приходских начальных русских училищ — 44 195 рублей 58 копеек (из них 55 процентов за счет различных обществ), русско-туземных школ — 9 876 рублей (в том числе за счет «инородческих» обществ и волостей 8 136 рублей, или 82,5 процента). Всех низших — 92 544 рубля 93 копейки (из них общественные средства составляли 49 580 рублей, или 53,5 процента) [1].

Как видно, в Семиреченской области русско-туземных школ и, в частности, русско-казахских школ как в конце прошлого, так и в начале XX века было очень мало. Между тем казахское население области, неудовлетворенное мусульманскими школами, стремилось обучить своих детей русской грамоте. Как и в 70-х годах, в конце прошлого века казахи и киргизы ряда уездов составляли приговоры и выделяли средства на учреждение русско-казахских и русско-киргизских школ. Например, в 1896—1897 годах казахи и киргизы Пишпекского уезда составили несколько приговоров об учреждении 10 «русско-киргизских» школ, чтобы обучать своих детей русской, а также казахской и киргизской грамоте, и приступили к постройке трех школьных зданий. Жалованье учителю русского языка определялось в 400 рублей в год, учителю казахского (киргизского) языка — 200 рублей и на содержание школы (жалованье сторожу, отопление, освещение, приобретение учебных пособий) — 400 рублей.

Военный губернатор Семиреченской области, сообщая об этом инспектору народных училищ Семиреченской области, писал, что почин казахов и киргизов Пишпекского уезда может послужить примером подражания для казахов других уездов области только в том случае, если во вновь открываемых школах будет хорошо поставлена учебная работа. Но для этого, указывал он, необходимо назначать в эти школы опытных учителей, которыми область не располагает не только для вновь открываемых, но и для существующих. Он отмечал, что в большинстве школ «успешность обучения заставляет желать очень многого по неподготовленности и по незнакомству с приемами и методами обучения учителей этих школ». Это обстоятельство, как он правильно за-

[1] ЦГИА КазССР, ф. 44, оп. 12, д. 341, лл. 22—26.

метил, не только делает непроизводительными соответствующие затраты, но «имеет еще те вредные последствия, что поселяет в глазах туземцев недоверие к русской школе, которое, укоренившись, нескоро сгладится даже при благоприятных условиях, даваемых школой».

«Киргизская степная газета» в № 20 за 1896 год сообщала, что казахи и киргизы Пишпекского уезда обязались доставить все строительные материалы на постройку указанных в приговорах школ, предоставить им бесплатное топливо и по 2 000 рублей на содержание каждой.

В 1899 году начальник Пржевальского уезда представил в областное правление Семиреченской области 8 приговоров об учреждении волостных школ со сроком обучения с 1 сентября по 1 мая. Эти школы предполагалось открыть по Положению 25 мая 1874 года с передачей их в распоряжение инспектора народных училищ.

Областное правление, рассмотрев это представление, отметило, что для развития в области начального образования имеются два главных препятствия: отсутствие необходимых средств как у правительства, так и у местных обществ, а также отсутствие учителей, знающих местные языки.

Для устранения первого препятствия, говорилось в журнале общественного присутствия от 4 мая 1899 года, областная администрация пришла к заключению, что следует найти такой тип начальных школ, организация которых обходилась бы как можно дешевле. При этом отмечалось, что организация в Семиреченской области передвижных школ, подобных школам в Тургайской области «при особых географических и этнографических условиях», при небольшом количестве правильно организованных русских училищ, сравнительной отдаленности их от центров киргизских кочевок и при совершенном отсутствии волостных киргизских школ «не достигает своей цели» [1].

Было признано целесообразным строить «постоянные начальные школы» с постоянными квартирами для учителей, что «даст более близкое общение народонаселения, а для учащихся даст среду для распространения русской грамотности».

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 44, оп. 3, д. 817, лл. 7—14.

Областное правление поддержало почин пржевальских казахских и киргизских обществ и установило, что на организацию и содержание одной школы с квартирой для учителя первоначально потребуется 120 рублей и ежегодно 538 рублей. Вместе с этим оно поручило составить в короткий срок проект недорогого школьного здания с квартирой для учителя.

4 октября 1900 года был издан приказ генерал-губернатора, разрешающий с 1 сентября 1901 года открыть 8 русско-туземных школ в волостях Пржевальского уезда, с отнесением расходов за счет пожертвований 11 волостей уезда, которые выразили готовность выделять на содержание школ ежегодно 4 210 рублей и единовременно на первоначальное устройство 1 070 рублей, а также обязались выстроить на свои средства школьные здания при бесплатном выделении казенного леса.

Тяга местного населения к русскому образованию, его желание как можно больше открыть «русско-туземных школ» за свой счет до некоторой степени поощрялись и царской администрацией. «Введение среди мусульманского населения правительственных русско-туземных школ весьма желательно в смысле сближения туземцев с русским народом, с его правами и законами, и наконец, в смысле окультуривания этой темной народной массы, по численности преобладающей русский элемент населения», писал Лепсинский уездный начальник 31 января 1900 года в своем конфиденциальном рапорте на имя военного губернатора Семиреченской области. Он предлагал учреждать «передвижные школы, которые за перекочевыванием туземца также перекочевывали бы».

Как указывалось в письме Семиреченского областного правления от 10 августа 1901 года на имя Верненского уездного начальника, главный инспектор училищ Туркестанского края отмечал, что население с доверием относится к русско-туземным школам, так как последние отвечают своему назначению. Особенным сочувствием среди местного населения пользовались те школы, при которых имелись интернаты, которые, «преследуя воспитательные цели, способствуют более прочному усвоению русской грамоты и разговорного языка» [1]. По мне-

[1] ЦГИА КазССР, ф. 44, оп. 3, д. 952, лл. 116—177.

нию генерал-губернатора, существование русско-туземных школ устраняет необходимость в открытии мусульманских мектебов, так как учащиеся русско-туземных школ имеют возможность наряду с русской грамотой изучить и «туземную» грамоту.

Открытие 8 русско-туземных школ в Пржевальском уезде встретило известные трудности. Начальник Пржевальского уезда в своем рапорте в Семиреченское областное правление 21 декабря 1901 года писал, что отдаленность казахских и киргизских кочевий от Атбашинского участка на 6—12 километров, где должны были строиться все 8 школ, и необеспеченность детей теплой одеждой и обувью препятствуют аккуратной посещаемости. Поэтому в этих школах он считал необходимым открыть интернаты, а в Атбаши — центральном оседлом пункте этого участка — построить здание под школу и купить деревянный дом под интернат для детей-сирот и бедных. Только тогда, по его мнению, «население поймет необходимость и полезность обучения их детей и в дальнейшем они с желанием будут принимать участие в строительстве остальных школ»[1].

Но несмотря на все это, сеть русско-туземных школ в Семиреченской области развивалась исключительно медленно, а состояние существовавших школ было крайне тяжелым.

Инспектор народных училищ Семиреченской области П. И. Якоб в письме в Семиреченское областное правление 31 августа 1902 года указывал на серьезные недостатки в устройстве русско-туземных школ: недостаток средств на их содержание, отсутствие учителей с соответствующей подготовкой и знаниями туземного языка, отсутствие помещений для школ и общежитий при них. В таком неудовлетворительном состоянии находились, в частности, все школы Джаркентского уезда.

Видя серьезные недостатки русско-туземных школ, педагогическая общественность в конце XIX и начале XX века начала требовать их преобразования. С этим не могла не согласиться и царская администрация края.

Главный инспектор училищ Туркестанского края 3 августа 1903 года в своем письме инспектору народных училищ Семиреченской области, указывая на недостат-

[1] ЦГИА КазССР, ф. 44, оп. 3, д. 817.

ки русско-туземных школ, писал: «К устранению указанных недостатков необходимо озаботиться приисканием для школ не учительниц, а учителей, знакомых с учебным делом и знающих, хотя бы в слабой степени туземный разговорный язык. При приеме молодых людей на педагогические курсы можно оказывать предпочтение знающим этот язык перед незнающими» [1].

Военный губернатор Семиреченской области в своем рапорте туркестанскому генерал-губернатору 10 июня 1876 года, сообщая об открытии 1 октября 1875 года в г. Караколе «киргизской» школы, в которой обучалось 9 «киргизских» и один калмыцкий мальчик, писал: «Предметы занятий учеников весьма несложны. Они учатся читать и писать по-киргизски, и главное, по-русски (вместе с русскими в русской школе)». Цель этих школ состояла в том, чтобы «во-первых, дать в будущем киргизским обществам письмоводителей при волостных управителях, вместо существующих теперь повсеместно татар, эксплуатирующих народ материально и вносящих в его среду мусульманский фанатизм, во-вторых, дать уезду более осмысленных оспопрививателей, а главное — дать ветеринаров, так необходимых народу, которого все богатство заключается в скоте» [2].

Последнее рекомендовалось достичь путем командирования лучших учеников школы в г. Верный на обучение к областному ветеринарному врачу.

Инспектор народных училищ Семиреченской области считал необходимым создать при русско-туземных школах общежития «с самой простой, близкой к быту туземцев обстановкой». В таких общежитиях рекомендовалось размещать детей туземцев и русских, что должно обеспечить «успешность изучения первыми русского языка».

Неудовлетворительное состояние русско-туземных школ признавал и военный губернатор Семиреченской области генерал-лейтенант Иванов. Он предлагал: «Устроить русско-туземные школы в уездных городах, а не в волостях, ибо эти волостные школы со дня основания не принесли никакой пользы для населения, кроме больших расходов; хороших учителей нет, родители не-

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 44, оп. 3, д. 817, лл. 156—157.
[2] ЦАУ УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 18, лл. 2—3.

охотно отдают своих детей, так как туземные школы никаких прав не дают по окончании курса» [1].

В 1904 году в Семиреченской области насчитывалось всего лишь 12 русско-туземных школ: Верненская, Карасуйская (дунганская), Карамская, Малыбаевская, Маринская, Аксу-Чарынская (дунганская), Кетменская, Джаркентская, Джумгальская, Сулкулукская, Тынаевская и Токмакское училище разночинцев. Ясной перспективы на увеличение русско-туземных школ не было. Наоборот, было принято решение о закрытии Аксу-Чарынской и Кетменской школ вместо вновь учреждаемой школы в Чундже.

Инспектор народных училищ Семиреченской области отмечал, что «существующие русско-туземные школы области, за исключением школ Пишпекского уезда, содержатся на очень скудные средства, получая на содержание в год всего лишь 300—400 рублей, содержатся в ветхих учебных помещениях». При таком положении «совершенно очевидно, что в счет местных обществ нельзя достигнуть желаемых результатов» [2].

Говоря о том, что успехи образования зависят от размера средств, отпускаемых на содержание школ, а также от соответствующего размера заработной платы учителей и что в других частях Туркестанского края на содержание одной школы отпускается 920 рублей, а минимальная зарплата учителя составляет 400 рублей, он отмечал, что так как Семиреченская область может получить учителей только из Туркестанской учительской семинарии, то выпускников последней трудно будет привлечь в область из-за незначительности средств на содержание учителей.

Он предлагал на первое время ограничиться созданием немногих школ, которые были бы обеспечены в материальном отношении, и создать интернаты при Капальском и Лепсинском городских училищах, а также небольшие интернаты при всех русско-туземных школах. Указывая на низкую посещаемость и большой отсев учащихся из школ, он высказал пожелание открывать русско-туземные школы и интернаты при них в городах и русских селениях, что будет способствовать лучшему

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 44, оп. 12, д. 341, св. 19, лл. 19—21.
[2] Там же.

усвоению учащимися русского языка, а также осуществлению за школами соответствующего надзора со стороны местной администрации.

В русско-туземных школах преподавание вели главным образом воспитанники городских училищ, по Положению 21 мая 1872 года, иногда даже неокончившие полного курса обучения. Преподавание должны были вести выпускники Туркестанской учительской семинарии. Но они, как правило, не шли в эти школы, так как не обеспечивалась зарплата в 300 рублей в год и, кроме того, учителя не освобождались от воинской службы. Поэтому предлагалось для русско-туземных школ установить штат с определенным минимумом содержания учителей, но не меньше 300 рублей в год, а также представить соответствующие привилегии для учителей в отношении отбытия воинской повинности.

Успеваемость учащихся и постановка учебно-воспитательной работы в русско-туземных школах были крайне слабыми.

Правда, в этом отношении не лучше обстояло дело и в русских школах. Например, в Больше-Алма-Атинском одноклассном приходском училище в 1891 году из 22 учеников первого отделения не успевало 6 учеников, а во втором отделении из 21 не успевало 8. В результате переводных экзаменов, состоявшихся 11 и 12 июня 1891 года, совет училища признал недостойными к переводу в старший класс 14 учеников из 43 [1].

Но инспектор училищ Туркестанского края при инспектировании учебных заведений Семиреченской области в 1900 году нашел, что «успешность учащихся, в общем, удовлетворительна» [2]. Отметив некоторые положительные стороны преподавания и успехи учащихся, он указал на тесноту школьных помещений Пишпекского городского училища и на необходимость организации интерната с приготовительным классом для учеников-туземцев, так как с ними «трудно вести учебные занятия» из-за незнания ими русского языка. Он отметил, что «необходима постоянная практика в грамматическом разборе и письменных упражнениях, классных и домашних, а также в разговорной речи с учениками туземцами

[1] ЦГИА КазССР, ф. 139, оп. 1, д. 4, лл. 56—61.
[2] Там же, ф. 90, оп. 1, д. 161, св. 8, лл. 23—30.

и заучивание ими басен и стихотворений». Обращалось внимание на недостатки в отношении привития учащимся навыков в работе с физическими приборами и обслуживании физического кабинета.

Крайне переполнены учащимися были приходские школы г. Верного. Что касается учебных занятий в них, то инспектор высказал пожелание, чтобы в старших отделениях при чтении дети знакомились с «главнейшими событиями из отечественной истории, а также с главнейшими сведениями из русской географии, в особенности из географии местного края», а при изучении арифметики задачи заимствовались бы не только из задачников, но и «близких по содержанию к обычному домашнему обиходу местной жизни, знакомому детям». Он указал также на то, что «в женских училищах следует обратить особое внимание на обучение рукоделиям, необходимым в домашнем быту,— вязанью, штопанью, шитью и вышиванию».

В неудовлетворительном состоянии находилась и русско-дунганская школа в г. Верном. От такой школы, заметил инспектор, «можно ожидать больше вреда для дела образования инородцев, чем пользы, больше нерасположения или недоверия туземцев к русской грамоте, чем доверия». Он потребовал от инспектора училищ Семиреченской области «изыскать средства и принять меры к приведению дунганской школы в надлежащий вид».

Инспектор обратил также внимание на неудовлетворительные жилищные условия многих учителей. Например, он указал на такой факт, что вновь назначенная в Беловодское училище учительница Сакулина жила в земской квартире, отведенной для приезжих чиновников администрации.

Царская администрация строго следила за идеологическим воспитанием учащихся и всячески пыталась «уберечь» их от чтения литературы, могущей развить у них материалистическое мировоззрение. Например, главный инспектор училищ Западной Сибири в своем письме директору Верненской женской гимназии, препровождая список запрещенной Министерством народного просвещения литературы, предлагал изъять запрещенные книги из ученических библиотек, а в фундаментальных библиотеках выдавать их «не публике, а исключительно лицам, служащим по учебному ведомству», имеющим «серьез-

ную научную подготовку и развитость» [1]. Среди этой запрещенной литературы числились «Рефлексы головного мозга» М. И. Сеченова, произведения Лекси, Спенсера и других.

Школы должны были представлять инспектору училищ области список стихотворений и песен, исполняемых во время рождественских праздников [2].

Царское правительство стремилось отстранить учителей и учащихся от участия в прогрессивных общественных мероприятиях. Главный инспектор училищ Западной Сибири 7 декабря 1883 года в письме директору Верненской мужской гимназии сообщал о царском указе, запрещавшем проведение соответствующих денежных сборов без разрешения Министерства народного просвещения.

В письме отмечалось, что похороны писателя И. Н. Тургенева послужили поводом для сбора денег среди учащихся на чествование памяти писателя, что в некоторых учебных заведениях были прерваны учебные занятия для служения панихиды и предоставления возможности учащимся принять участие в похоронной процессии.

По статистическим данным, в Семиреченской области в 1898 году было 43 начальные школы Министерства народного просвещения, в которых обучалось 3 010 учащихся. В области проживало 990 107 человек населения и 89 110 детей школьного возраста. Одна школа приходилась на 23 026 жителей, один ученик — на 329 жителей, т. е. 0,3 процента, а число учащихся составляло всего лишь 3 процента от числа детей школьного возраста. Это самые низкие показатели по сравнению с другими областями Казахстана. 97 процентов всех детей оставались без обучения.

Если иметь в виду, что школы области обслуживали главным образом русское население и в области было всего лишь 12 русско-туземных школ, то процент обучавшихся в правительственных школах казахских детей и других нерусских национальностей, процентное отношение учащихся этих национальностей к общему числу их детей школьного возраста, а также к числу нерусского населения было исключительно мизерным.

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 92, оп. 1, д. 21, св. 1, лл. 8—9.
[2] Там же, ф. 90, оп. 1, д. 4, л. 9.

Школы Верненского уезда

Значительная часть учебных заведений Семиреченской области была сосредоточена в центре области — г. Верном, а также в Верненском уезде.

В 1863 году в г. Верном существовало 3 школы для детей русских казаков в станицах Большая Алма-Атинская, Малая Алма-Атинская и в Татарской слободке. Учителя школ получали мизерную заработную плату — 120—240 рублей в год, в то время как священник получал от 320 до 400 рублей, имея бесплатную квартиру и земельный надел. Священнику за обучение в школе выплачивалось 120 рублей в год.

Двухклассное приходское училище было открыто 15 марта 1867 года; в 1869 году создан третий класс училища, а также организована при училище ремесленная школа, или, точнее, ремесленный класс. В училище в 1871 году обучалось 175 мальчиков и 39 девочек. В соответствии с указом от 23 декабря 1871 года 44 мальчика из Семиреченского казачьего войска были направлены в ремесленные классы верненского и капальского училищ для подготовки из них мастеровых. Это несколько улучшило положение ремесленных классов, а также и самих училищ. Но ремесленная школа при Верненском училище находилась в исключительно тяжелом состоянии. Вот какую характеристику о ее работе дал тогдашний главный инспектор училищ Туркестанского края Н. П. Остроумов: «Эта своеобразная школа,— писал он,— состояла из казачьих детей 15—18-летнего возраста, находилась под непосредственным наблюдением мастера, а содержалась на местные средства. При осмотре школа найдена в самом беспорядочном состоянии: учебной части почти не было в школе, а о воспитательной деятельности не могло быть и речи. В хозяйственном отношении школа вызывала самое строгое осуждение: на учениках были дырявые рубахи и проношенные сапоги. В спальных комнатах койки были сдвинуты по две и покрыты одним рваным и грязным одеялом. На матрацы было противно смотреть: они были загрязнены разноцветными пятнами» [1].

---

[1] *Н. Остроумов.* Константин Петрович фон Кауфман 1-й. Ташкент, 1899, стр. 32.

Н. П. Остроумов ничего не мог найти лучшего, как предложить закрыть эту школу. И она в 1879 году была закрыта.

На приобретение учебных пособий для школ г. Верного в 1871 году отпускалось всего лишь 20 рублей в год[1].

К концу века г. Верный представлял крупный административный, экономический и культурный центр Семиреченской области. В 1885 году в городе было 21,5 тысячи населения, в том числе 778 дунган и уйгуров.

В г. Верном существовали общественная библиотека, народная бесплатная библиотека и читальня, открытые в 1895 году, медицинская библиотека при городской больнице, читальни при гимназиях и других учебных заведениях. В 1895 году во всей Семиреченской области было 13 книжных магазинов, из них 11 — в г. Верном. Кроме того, в городе имелись 4 типографии и 4 литографии. В то же время в городе было 8 церквей и один кафедральный собор.

В Верненском уезде в 1882 году числилось 14 учебных заведений (без мусульманских школ с 933 учащимися), в 1886 году — 22 с 1 423 учащимися (мальчиков — 984, девочек — 439), в 1891 году — 40 с 2 715 учащимися (мальчиков — 2 240 и девочек — 475).

К концу прошлого века в уезде числились Верненская мужская гимназия, женская гимназия, воинская гимназия, 2 трехклассных городских училища, русско-казахское двухклассное мужское и женское училища, 9 одноклассных училищ, 3 народных училища, русско-туземное училище, первый верненский детский приют, педагогические курсы, а также верненское училище садоводства.

В шести приходских училищах (Илийское, Любовинское, Мало-Алмаатинское, Михайловское, Надеждинское, Софийское) и трех церковно-приходских школах Верненского уезда было 452 учащихся, в том числе 80 девочек.

Верненская мужская гимназия была преобразована из прогимназии 1 июля 1881 года. Четырехклассная прогимназия с приготовительным классом организована 1 сентября 1876 года, а с 1 июля 1879 года преобразована в шестиклассную.

На 1 января 1877 года в прогимназии обучалось 81,

[1] ЦГИА КазССР, ф. 44, оп. 2, д. 36, св. 5, л. 66.

а к 1 января 1878 года — 104 учащихся; в том числе в ученических квартирах в 1878 году был 21 учащийся, из них 16 казахов и киргизов.

За неуспеваемость были уволены из прогимназии 7 учащихся (5 из приготовительного и 2 из первого класса).

В 1879 году с разрешения главного инспектора края в первом классе, где обучалось 47 учеников, в том числе 8 казахов, для успешного изучения русского языка было прибавлено по одному уроку в неделю. Кроме того, педагогический совет гимназии решил организовать учебные занятия с неуспевающими учащимися в воскресные и праздничные дни.

За проступки и шалости применялись меры наказания: постановка в угол во время перемены, выговор и оставление по окончании уроков на 1 или 2 часа под надзором помощника классного наставника.

Инспектор, классные наставники и их помощники часто посещали учащихся на дому «для улучшения нравственности и развития между учащимися привычки к порядку, опрятности и исправности посещению классов».

Классные наставники каждую неделю выставляли отметки в ученических тетрадях, которые представлялись родителям для подписи; кроме того, через каждые два месяца ученикам выдавались свидетельства с отметками об успехах и поведении, а родители приглашались инспектором в прогимназию для беседы.

В ученических квартирах, которые содержались Лединевой, было 33 ученика. Преподаватель приготовительного класса М. И. Богоявленский осуществлял специальный надзор за этими квартирами и исполнял обязанности воспитателя. В квартирах была большая скученность, постели были грязными и пыльными, мебели не хватало и она не была приспособлена к учебным занятиям; пищи было «едва достаточно», посуды не хватало — одна тарелка и вилка приходились на двоих, освещение во время занятий было недостаточным.

В ученических квартирах для казахских и киргизских детей имелись два отделения: младшее, или приготовительное, и старшее, или гимназическое. Сначала в приготовительном отделении обучались 17 детей, в старшем — 5; в том числе киргизов — 9, казахов — 6, чала-казахов (отец узбек, мать казашка) — 1 и 5 русских. Из

16 туземцев 10 было из Токмакского уезда, 4 из Капальского и 2 из Верненского уезда.

В 1880 году в ученические квартиры было помещено еще 7 казахов из Капальского уезда, которые уже являлись учениками прогимназии. Возраст мальчиков младшего отделения колебался от 8 до 13 лет. До поступления в ученические квартиры 7 мальчиков из Токмакского уезда и 1 из Верненского уезда учились читать и писать по-русски в бывшей казахской школе в г. Верном и 4 мальчика — в капальской школе. Остальные мальчики по-русски нигде не обучались.

Учебные занятия воспитанников проходили под наблюдением заведующих квартирами, занятия с ними вел помощник заведующего. Заведующий и его помощник поочередно дежурили, чтобы наблюдать за поведением воспитанников.

При прогимназии имелись фундаментальная и ученические библиотеки, основанные в 1877 году, прилично оборудованные кабинеты естественных наук. Инспектором прогимназии был Новак [1].

К 1 января 1880 года в прогимназии обучалось 160 учащихся, в том числе 25 туземцев.

В казахской ученической квартире было 39 воспитанников, в том числе 25 туземцев.

После преобразования прогимназии в гимназию первый выпуск состоялся в 1881 году.

Учащихся в гимназии в 1886 году числилось 167, в 1890 году — 177, в 1895 году — 226. В 1899 году из 260 учащихся гимназии числилось детей дворян и чиновников 149, духовенства — 21, купцов первой гильдии — 3, казаков — 21, мещан, ремесленников и купцов второй гильдии — 48, крестьян — 1, детей казахов и киргизов — 17.[2]

Как видно, в гимназии учились главным образом дети имущих классов. При этом следует отметить, что царское правительство уделяло гимназиям особое внимание и брало их на полное государственное содержание, расходуя на них большую часть ассигнований, выделяемых на содержание учебных заведений. В 1895 году одной лишь Верненской мужской гимназии с 226 учащимися

---

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 41, лл. 78—92.

[2] Обзор Семиреченской области за 1899 г., стр. 75.

было ассигновано 45 752 рубля, тогда как на содержание 41 городского и приходского училищ с 2 462 учащимися было отпущено всего лишь 42 222 рубля. Таким образом, содержание одного ученика обходилось в Верненской мужской гимназии около 200 рублей в год, в женской — 170 рублей, а в городском приходском училище — 11 рублей и церковно-приходском училище — 4 рубля 80 копеек [1].

В 1897 году ученические квартиры для детей нерусской национальности при Верненской мужской гимназии были преобразованы в пансион на 40 воспитанников, из которых 20 вакансий предназначались для детей казахов, киргиз, уйгур и дунган [2]. В пансионе учреждалось два отделения: приготовительное для «инородческих» детей, куда принимались дети не моложе 7 лет и не старше 8 лет, и гимназическое. Один из двух предусмотренных в штате пансиона воспитателей вел преподавание в приготовительном отделении и практические занятия по русскому языку с воспитанниками нерусской национальности, обучавшимися в приготовительном, первом и втором классах. Воспитатель избирался из числа лиц, знающих тюркские языки, и преимущественно из выпускников факультетов восточных языков Петербургского университета или Лазаревского института восточных языков.

В приготовительном отделении Верненской мужской гимназии с января 1904 года по просьбе китайского правительства обучались русскому языку (чтение, письмо и беседы) и арифметике 10 китайских мальчиков, из которых 6 выдержали испытания во второй класс Верненского городского училища, а 4 — в первый класс [3].

Верненская женская гимназия преобразована из женской прогимназии, существовавшей с 1 марта 1877 года. Педагогический совет прогимназии, состоявшийся 1 марта 1877 года, решил: в приготовительный класс прогимназии принимать девочек с 7-летнего возраста ввиду значительной пользы новых языков, в приготовительном классе заменить два урока чистописания уроками французского и немецкого языков по одному часу в не-

[1] Обзор Семиреченской области за 1899 г., стр. 78.

[2] «Киргизская степная газета», 1897, № 5.

[3] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 4989. О письме Розенбаха в Министерство народного просвещения в 1887 году.

делю, ввести преподавание гимнастики и танцев по одному часу для каждого возраста.

Как указывается в отчете и. д. инспектора прогимназии Е. М. Груздева за первое полугодие, вернее, за II квартал 1877 года, представленном главному инспектору Туркестанского края 31 января 1878 года, приготовительный, первый и второй классы женской прогимназии были образованы из соответствующих классов женских курсов, организованных при мужской гимназии по инициативе преподавателей гимназии.

На 1 января 1878 года в прогимназии обучалось всего 54 девочки: в приготовительном классе — 26, в первом — 17, во втором — 11. Объем знаний, даваемый ученицам, соответствовал объему программ, изданных Министерством народного просвещения для женских прогимназий.

Главный инспектор училищ Туркестанского края Н. П. Остроумов в 1879 году после инспектирования им училищ Семиреченской области дал следующую характеристику Верненской женской прогимназии. «На развитие дара слова у учащихся и вообще на обогащение их доступными им сведениями и всестороннее развитие их мало обращалось внимания. Учительница занималась больше с младшим отделением, предоставляя старших самим себе, поэтому... последние часто затруднялись повторить небольшую речь о самом наглядном предмете. В рукоделиях, которым отведено было самое широкое место в числе предметов преподавания, старшие ученицы оказались искусны, но занятия их имели совершенно фальшивую обстановку, так как почти исключительно направлены были к предметам роскоши в форме, не оправдываемой здравыми соображениями: большею частью ученицы портили глаза и вообще непроизводительно тратили время, просиживая по нескольку часов в день в душной комнате за вышиванием ковриков под подсвечники, вышивок для стенных сумок, для портсигаров и т. п.». О заведующей женской прогимназией Остроумов писал, что она, «получив домашнее воспитание, не приобрела знания учительницы и не обладала ни физической бодростью, вследствие довольно пожилых лет, ни необходимыми познаниями».

В 1899 году женская прогимназия преобразована в гимназию, в ней числилось 229 учениц, среди них дочерей дворян и чиновников было 167, или 72 процента,

духовного звания — 17, купцов и мещан — 34, казаков — 7, крестьян — 3, солдат — 1.

В 1903 году женская гимназия уже состояла из 7 нормальных классов, одного приготовительного и одного педагогического. Обучение в ней проводилось по учебным планам и программам женских гимназий. Все ученицы были приходящими, за исключением двух (одна из первого, а другая из приготовительного класса), которые жили в ученических квартирах. Ученицы вносили плату за обучение по 30 рублей в год; кроме того, за обучение музыке — 18 рублей и за обучение танцам — 4 рубля в год. В 8 педагогическом классе годовая плата за обучение составляла 40 рублей.

В соответствии с указаниями Министерства народного просвещения в 1902 году в гимназии были отменены переводные испытания: учащиеся, удовлетворявшие соответствующим требованиям, переводились из класса в класс без переводных испытаний, а остальные ученицы оставлялись в классе на повторный курс или допускались к экзаменам только после летних каникул [1].

Верненская воинская гимназия в 1904 году имела 8 классов, приготовительный класс и подготовительное в гимназию отделение. В пансионе гимназии находился 41 воспитанник, из них 19 казахов, а в пансионе подготовительного отделения — двое своекоштных воспитанников. По положению о воинской гимназии в подготовительном отделении дети «инородцев» обучались русскому языку и арифметике. Обучение чтению и письму по звуковому методу вел воспитатель пансиона А. Д. Юрашкевич, который владел «местным тюркским наречием» [2].

Трехклассные городские училища г. Верного особенно ничем не отличались от аналогичных училищ в других городах Казахстана. Они ютились в тесных помещениях. Как отмечала газета «Туркестанские ведомости» (1880, 23 сентября), у учащихся этих училищ «запас сведений, усвоенных ими, был весьма скудный и умственное развитие не имело большого успеха».

Русско-казахское двухклассное мужское и женское училище было учреждено в укреплении Верном в 1866 го-

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 44, оп. 12, д. 341, св. 19, л. 15.
[2] Там же, л. 10.

ду. По поручению военного губернатора Семиреченской области смотрителем Семипалатинского уездного училища 13 мая 1866 года был составлен проект учреждения в Верном двухклассного училища для совместного обучения русских и казахских детей [1]. В проекте ставилась следующая цель: «Училище должно послужить проводником к слиянию народностей, очистить и привести в порядок те понятия в детях, которые составились в их домашней жизни» [2]. Преподавание должно было носить наглядный характер, а «все приобретаемые учащимися познания могли бы с пользой быть применены во вседневной их жизни». Чтобы «доставить детям живые понятия о нравственном значении человека и его обязанностях к богу», преподавание закона божия должно было составлять «краеугольный камень всего учения в училище». В учебный план включались русский язык (чтение и письмо), счисление, «отчизноведение», физическая география, гимнастические упражнения и пение. Кроме того, в учебный план включался «татарский» язык (чтение и письмо), рукоделие для девочек, занятие ремеслом (сапожным, башмачным, столярным и пр.), беседы из русской истории. Предполагалось также ввести дополнительный курс для специального изучения пчеловодства или виноделия, или скотоводства и др. В проекте об учреждении училища приводится краткая программа внесенных в учебный план учебных предметов.

В целях подготовки учителей для одноклассных училищ при Верненском городском училище были открыты педагогические курсы.

Главный инспектор училищ Туркестанского края в письме инспектору народных училищ Семиреченской области рекомендовал на педагогических курсах обратить особое внимание «не столько на количество сообщаемого учебного материала, сколько на уяснение и основательное усвоение курсантами уже приобретенных знаний». Он указывал на желательность повторить основные отделы естествознания и физики, «так как полное и ясное понимание основ этих предметов, имея важное развивающееся значение, необходимо для будущей практической деятельности курсистов» [3]. Высказывалось пожелание

[1] ЦГИА КазССР, ф. 129, оп. 1, д. 2, св. 1, лл. 24—26.
[2] Там же.
[3] Там же, ф. 90, оп. 1, д. 169, св. 9, лл. 64—65.

дать учащимся основные сведения о рациональном ведении полеводства и животноводства.

Главный инспектор предлагал пение сделать обязательным для всех курсантов, обратив особое внимание на «приемы начального преподавания пения в низших училищах». Он считал, что «вообще центр обучения на педагогических курсах должен лежать в сообщении курсистам необходимых общих сведений и частных правил, применительных к их будущей педагогической деятельности».

В целях подготовки учителей для школ области в 1896 году в расходную смету семиреченских областных денежных земских повинностей были внесены расходы на содержание в Омской учительской семинарии пяти стипендиатов по 180 рублей на каждого.

Первый Верненский детский приют для детей-сирот был учрежден в г. Верном 28 октября 1879 года и с 1888 года числился в «ведомстве учреждений императрицы Марии». 21 марта 1879 года был образован Комитет общественных детских приютов, который провел соответствующую работу по изысканию материальных средств для учреждения детского приюта и по сбору пожертвований. Вскоре были собраны необходимые средства для приюта и был бесплатно предложен дом в Больше-Алма-Атинской станице, построенный для начальника Алатавского округа.

При открытии приюта в него было зачислено 10 детей-сирот, число которых в течение года увеличилось до 21, а на 1 января 1884 года — до 31 (в том числе 20 девочек), в 1887 году — 35, в 1890 году — 37, в 1900 году — 26 (в том числе 14 девочек), в 1901 году — 66, в 1904 году — 68 (в том числе 33 девочки).

Воспитанники учились в приютской школе, в которой имелось три отделения. Главная цель приюта — подготовка воспитанников к самостоятельной практической жизни, что означало: «а) знание грамоты и счисления; б) знание хозяйственных работ и в) знание какого-либо мастерства» [1].

В программу обучения входило следующее. **Первое отделение:** азбука, чтение, рассказ прочитанного, заучивание стихов из первой части «Родного слова»

[1] ЦГИА КазССР, ф. 157, оп. 1, д. 61, св. 4, лл. 66—67.

К. Д. Ушинского, а также письмо; по арифметике — сложение и вычитание до 100; по закону божию — «понятие о боге, о молитвах, о внешних знаках ее, изучение со слов молитв с объяснением содержания и выражений». **Второе отделение:** по русскому языку — чтение «Родного слова», диктант, заучивание стихов, правописание отдельных букв, «первоначальное понятие о предмете, качестве и действии его»; по арифметике — счет, сложение и вычитание до 1 000, таблица умножения, умножение на однозначные числа, линейные меры и меры времени. По закону божию — Ветхий завет, молитвы. **Третье отделение:** по русскому языку виды предложений, части речи, заучивание стихов и басен; по арифметике — именованные и отвлеченные числа, деление чисел по разрядам и классам, четыре арифметических действия, проверка их, меры длины, веса, сыпучих тел, жидкостей, времени, аптекарского веса, составные именованные числа, превращение и раздробление; по закону божию — священная история Нового завета, объяснение символа веры и девяти заповедей блаженства.

Ученики обучались и различного рода ремеслам: в первое время мальчики отдавались на учение к мастерам, а потом с открытием в приюте мастерских обучались в сапожной, переплетной и столярной мастерских, а девочки — в швейной мастерской, находившейся в ведении смотрительницы приюта. Девочки, кроме того, обучались ведению домашнего хозяйства, умению ухаживать за садом и огородом. Старшие девочки сами убирали свои помещения, накрывали столы для обеда и чая, мыли посуду, топили печи, поочередно готовили пищу под руководством кухарок, ухаживали за домашними животными и птицами, стирали белье и мыли полы, а также наблюдали за младшими детьми.

Мастерские обслуживали главным образом нужды самого приюта, а иногда принимали и заказы со стороны. Одежда, белье, обувь детей, а также все вещи, необходимые для домашнего обихода, изготовлялись самими воспитанниками под руководством мастеров и смотрительниц. Например, в 1900 году в сапожной мастерской, в которой обучались 7 воспитанников, было сшито 70 пар сапог, 78 пар ботинок и починено разной обуви 319 пар; в переплетной мастерской сброшюровано и переплетено 120 книг. Швейная мастерская в течение

года заработала 233 рубля 56 копеек. За вычетом расходов чистая прибыль мастерской составила 96 рублей 76 копеек. Кроме того, было сшито бесплатно много белья для Красного Креста, за что приют получил благодарность от председателя местного отделения Красного Креста.

Большинство детей участвовало в хоре приютской церкви. По окончании школы воспитанники приюта отправлялись к родственникам, если они имелись, или определялись на работу, а значительное число воспитанниц выдавалось замуж, при этом приданое изготовлялось на средства попечительства.

Ввиду тесноты помещений приюта Верненская городская дума 1 августа 1883 года своим постановлением отвела бесплатно два квартала — 12 усадебных мест под строительство дома для приюта. Но строительство приютских зданий было начато только в 1891 году и окончено в 1892 году. С 1898 года приюту ежегодно отпускалось из земских сумм Семиреченской области пособие в сумме 1 000 рублей.

Отдельные, более способные воспитанники приюта, после окончания приютской одноклассной приходской школы поступали в городские училища, в фельдшерскую школу в городе Омске и другие учебные заведения. К 1904 году, то есть за 25 лет, в приюте воспитывались 260 детей обоего пола [1].

Следует отметить, что в приюте больше уделялось внимания ручному труду и мало учебной работе. В 1900 году в результате экзаменов только две ученицы показали хорошие успехи в учебе и были рекомендованы в Верненскую женскую гимназию, а «остальные ученики и ученицы остались в своих отделениях еще на год». В отчете Семиреченского попечительства детских приютов за 1900 год было отмечено, что воспитанники приюта, окончив школу приюта, «и даже успешно, прекратив посещение ее и оставшись в приюте, скоро забывают все выученное и особенно арифметику» [2].

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 157, оп. 1, д. 79, св. 5, *лл.* 2—5, 1879—1904.
[2] Там же, д. 61, лл. 66—67.

Школы Джаркентского уезда

В 1886 году в Джаркентском уезде насчитывалось 5 учебных заведений, в которых обучались 119 мальчиков и 16 девочек. Кроме того, в 13 казахских и 3 уйгурских волостях, в гор. Джаркенте учились в мусульманских школах 2 108 мальчиков и 961 девочка. Учителей мулл было 78. В 1891 году в «Джаркентском участке», включая мусульманские школы, числилось 49 учебных заведений с 2 313 учащимися, в том числе 1 804 мальчика и 509 девочек; в числе учащихся детей нерусской национальности было 2 235. Из числа этих учебных заведений в г. Джаркенте было 10 школ, в которых учились 290 учащихся, из них 207 мальчиков и 83 девочки. Кроме того, существовали одна сельскохозяйственная школа с 14 учениками, одно церковно-приходское училище с 20 учащимися, а в приходских одноклассных училищах было 44 учащихся.

В сельскохозяйственной школе проводились практические занятия по садоводству, виноградарству, шелководству, огородничеству, лесоразведению, табаководству и полеводству, «как главным специальностям согласно уставу» [1].

В 1896 году в г. Джаркенте были открыты двухклассное мужское и двухклассное женское приходские училища.

Школы Капальского уезда

В 1879 году в Капальском уезде числилось 8 учебных заведений, в которых обучались 767 мальчиков (в том числе 50 казахов) и 57 девочек, в 1886 году насчитывалось 10 учебных заведений, в которых учились 268 мальчиков (в том числе 60 казахов) и 33 девочки. В школах работало 15 учителей (в том числе два туземца) и две учительницы. В г. Капале было 6 учебных заведений, в которых учились 195 мальчиков и 50 девочек.

Капальское приходское русско-казахское двухклассное мужское и женское училище было учреждено в 1868 году по типу двухклассного училища в г. Верном. В связи с открытием данного училища было ликвидировано существовавшее тогда в Капальской станице ка-

[1] ЦГИА КазССР, ф. 44, оп. 3, д. 4737а.

зачье училище, учащиеся которого были переведены в двухклассное училище.

Утверждая общий план программы преподавания, генерал-губернатор Туркестанского края добавил: «Детям нехристианского исповедания догматы их религии должны быть преподаваемы в училище благонадежным духовным лицом по составленной им утвержденной программе», «к предполагаемым же религиозным беседам в училище я не нахожу удобным стараться привлекать детей нехристианских исповеданий; по крайней мере не следует делать оные для них обязательными, равно как и обучение их церковному пению». Детей неправославной веры предлагали обучать патриотическим песням, а также обратить особое внимание на ознакомление учащихся «со славными страницами нашей истории». «Доблесть и любовь к России и государю ничем столько не развиваются, как рассказами о подвигах, занесенных историей на свои скрижали» [1].

Далее генерал-губернатор рекомендовал с особенной осторожностью предлагать казахам делать пожертвования на школы, «дабы не дать повода думать, что это есть вид сбора, сверх кибиточного; в противном случае лучше отказаться от всяких подобных сборов».

Смета училища была утверждена в сумме 1 350 рублей. Согласно смете зарплата старшему учителю при готовой квартире составляла 300 рублей в год, младшему учителю — 240, законоучителю — 100, мулле — 100, преподавателю татарского языка — 200, надзирательнице — 120, сторожу — 84 рубля, на хозяйственные и учебные расходы предусматривалось 206 рублей [2].

8 ноября 1874 года в г. Капале на средства казахских обществ был учрежден пансион, чтобы готовить казахских детей для совместного обучения с русскими детьми [3].

В пансионе в январе 1876 года проживало 15 казахских мальчиков, обучалось 12 приходящих взрослых казахов. Учитывая то, что казахские мальчики, приступая к учебе в русско-приходской школе, не знают ни одного русского слова и чтобы подготовить их к обучению в русской школе, при приходском училище был создан особый

[1] ЦГИА КазССР, ф. 129, оп. 1, д. 2, св. 1, лл. 18—19.
[2] Там же, л. 27, 1868 г.
[3] ЦГА УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 19, л. 1.

класс, в котором «вольнонаемный» русский учитель два раза в день занимался с ними разговором, чтением и письмом на русском языке.

Надзирателем пансиона был назначен «лучший из киргиз в нравственном отношении» и владеющий русским языком казах Джангазы Токманов, который жил при самом пансионе. Учителем работал бывший переводчик казахского языка в Каркаралинском уездном управлении губернский секретарь Махонин.

Пансион не мог выполнить поставленные перед ним задачи и поэтому в 1879 году был передан в ведение Капальского городского училища. «Учебная часть в пансионе,— писал главный инспектор училищ Туркестанского края Н. П. Остроумов,— вверенная одному из местных чиновников военно-народного управления, велась крайне нерационально; ученики читали, но смысла читаемого не разумели; даже самые простые фразы не могли объяснить не только по-русски, но и по-киргизски. Воспитального значения в общечеловеческом значении пансион иметь не мог, потому что русский учитель, будучи гостем в пансионе, не был знаком с педагогикой и не имел никаких определенных указаний, как вести дело: а постоянный руководитель — киргиз, как исправный магометанин, не мог быть воспитателем киргизов ни в том, ни в другом смысле» [1].

При Капальском городском училище существовал ремесленный класс из двух отделений — столярного и портняжного. Обучение в столярном отделении начато с 1881 года. Здесь изготовлялась главным образом мебель. В портняжном отделении изготовлялись мужские платья по самой простой кройке. Учителями ремесел являлись отставные солдаты. Продукция сбывалась местным учебным заведениям, частным заказчикам и отчасти на рынок. В 1883 году в училище открыто еще два отделения — слесарно-токарное и кузнечное. Расходы по найму мастеров были отнесены за счет сборов с казахского населения на народное образование Семиреченской области.

В 1882 году в ремесленном классе училища по сто-

---

[1] Журнал Министерства народного просвещения, 1879, июль, часть CCIV, стр. 59—76.

лярно-токарному делу обучались 15, по портняжному делу — 12 учеников, а в 1885 году соответственно 25 и 20. Но, как сообщал и. о. военного губернатора Семиреченской области в своем рапорте Степному генерал-губернатору в 1887 году, «за эти годы училище не выпустило ни одного не только мастера, но даже и подмастерья, сведущего знаниями столяра или портного, ибо занимались ремеслами не более двух часов в день зимою и прекращая занятия летом. Учащиеся не успевают научиться этим ремеслам» [1]. В своем рапорте он также сообщал мнение капальского уездного начальника о бесполезности ремесленных классов, «пока они состоят при городских училищах и не составляют самостоятельного учреждения». В письме делалось совершенно правильное заключение, что «ремесленный класс должен быть организован не для обучения детей мастерами или подмастерьем, а с целью педагогической, приучения их к ручному труду».

Ввиду отсутствия соответствующих мастеров ремесленные классы Капальского училища были закрыты 1 июля 1887 года. По такой же причине были закрыты ремесленные классы и при Каракольском училище.

Школы Лепсинского (Сергиопольского) уезда

В 1882 году в уезде имелось 11 приходских училищ: мужских — 7, женских — 2 и для совместного обучения — 2. В них обучались 449 мальчиков и 76 девочек. Мужское двухклассное приходское училище находилось в станице Сергиопольской.

В «Примечании» к «Ведомости о числе учебных заведений и учащихся в Сергиопольском уезде за 1882 год» [2] и. о. начальника уезда ротмистр Троицкий отмечал, что по приговорам обществ казахское население жертвует на народное образование по 40 копеек с каждой кибитки, крестьяне — по 20 копеек с души. Итого за 1882 год общая сумма пожертвований по уезду составила 13 717 рублей, в том числе казахи пожертвовали 11 400 рублей, крестьяне на 458 душ — 91 рубль 60 копеек, станичные казачьи общества — 2 225 рублей.

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 44, оп. 6, д. 4689, 1880, лл. 14—15.
[2] Там же, оп. 3, д. 22, св. 8, л. 75, 1882 г.

В 1886 году в уезде имелось 16 учебных заведений, в которых обучалось 372 мальчика и 169 девочек. Успеваемость учащихся в школах была слабой. Об этом свидетельствует успеваемость Лепсинского двухклассного училища (табл. 19).

Таблица 19

Успеваемость учащихся Лепсинского городского двухклассного училища за 1892 год

Предметы	Процент неуспевающих по предметам	
	1 класс, 56 учащихся	2 класс, 16 учащихся
Закон божий	30,2	37,5
Чтение и письмо	42,1	11,0
Русский язык и церковно-славянский язык	50,1	50,0
Арифметика	31,2	11,0
Геометрия	33,3	11,0
География	44,4	31,2
Естествознание, история и физика	22,2	6,2
Черчение и рисование	35,7	6,2
Пение и гимнастика	37,5	11,0

В 1896 году в училище числился 81 учащийся, в том числе в первом классе — 71 и во втором — 10. Успеваемость учащихся второго класса была удовлетворительной, но она была слабой в первом и третьем отделениях первого класса (в первом классе было 4 отделения).

Как указывал заведующий училищем Прокудин, причинами неуспеваемости учеников являлись пропуски уроков, «продолжительность вакационного времени и несвоевременное приобретение учащимися учебных книг и пособий», главным образом вследствие «бедности родителей», которые до сбора урожая, то есть до октября, не имели средств для приобретения литературы, и поэтому в течение этого периода многие учащиеся «вынуждены бывают усваивать уроки с рассказа преподавателей, не имея возможности возобновить в памяти чтением по учебнику сообщенного ранее преподавателем урока» [1].

[1] ЦГИА КазССР, ф. 144, оп. 1; д. 8, св. 1, лл. 40—43.

Школы Пишпекского (Токмакского) и Пржевальского (Иссык-Кульского) уездов

В 1886 году в Пишпекском (Токмакском) уезде имелось 5 школ, в которых обучались 163 мальчика и 50 девочек. В школах работало 4 учителя и 2 учительницы.

Пишпекское и Токмакское мужские одноклассные училища открыты в 1879 году, а Каракунузское, Сукулукское мужские и Пишпекское женское одноклассные училища — в 1884 году. В 1890 году в г. Пишпеке открыто двухклассное мужское училище.

В 1886 году в Пржевальском (Иссык-Кульском) уезде имелись городское двухклассное училище и приходское женское училище, открытое в 1879 году, два одноклассных приходских училища, открытых в 1885 году. В этих училищах обучалось 194 мальчика и 59 девочек. В городском двухклассном училище училось 63 ученика, в женском училище — 34 ученицы и в двух одноклассных приходских училищах — 131 мальчик и 51 девочка.

В 1891 году в уезде насчитывалось 23 учебных заведения, в которых обучались 775 учащихся, в том числе 106 девочек.

Об обучении детей уйгуров и дунган, переселившихся из Китая

В соответствии с петербургским трактатом 1881 года значительная часть уйгуров и дунган, населявших Илийский край, приняла российское подданство и начала переселяться в Семиречье. К этому времени относится также переселение в Семиречье дунган, бежавших из провинций Шэньси и Ганьсу в результате поражения крестьянского восстания тайпинов и теснимых цинскими войсками.

Поток переселенцев усилился после официальной передачи Илийского края Китаю в 1882—1883 годах. К началу 1884 года в Семиречье переселилось 9 752 семьи уйгуров (45 373 человека) и 1 147 семей дунган (4 682 человека), то есть всего 10 899 семей (свыше 50 тысяч человек).

Около 4,5 тысячи семей (почти 20 тысяч человек) осели на Джаркентском участке, между границей с Китаем и реками Усеком и Чарыном, остальные 5 275 семей

(26 164 человека) — в Верненском уезде, между реками Чиликом и Талгаром, и частично в г. Верном.

Царское правительство предоставило беженцам не только убежище и приняло их в российское подданство, но и предприняло меры по устройству их, наделило землей и начало организовывать русско-туземные школы для обучения детей.

Правда, эмиграция из Китая в Россию имела место и до массового переселения уйгуров и дунган. Для обучения детей эмигрантов создавались отдельные школы, в которых преподавался русский язык. В целях лучшего усвоения учащимися этих школ русской грамоты туркестанский генерал-губернатор в январе 1871 года предложил семиреченскому военному губернатору попытаться объединить существовавшие в Сарканде школу для казачьих детей со школой для детей китайских эмигрантов, что, как он утверждал, «даст последним более возможности сблизиться с русскими и скорее усвоить себе русский язык» [1].

Политика царского правительства в отношении обучения детей переселенцев была определена в специальном циркуляре от 28 января 1878 года, в котором говорилось: «Поставив выходцев из Кульджинского края в зависимость от русского элемента, мы заставим эмигрантов принять русскую речь. Для них будет совершенно безразлично, учиться ли объясняться по-русски или на каком-либо тюркском наречии — киргизском или сартовском. Между тем дело обрусения иноплеменников, лежащее в основе наших интересов, при стремлении к нему администрации изложенном в добавлении, принесет значительные важные плоды» [2].

Начальник Распределительного отделения Семиреченского областного управления в письме военному губернатору области от 26 марта 1893 года, ссылаясь на указание Степного генерал-губернатора о выполнении уйгурами и дунганами при переселении из Илийского округа обязательств обучать своих детей русскому языку, сообщал состояние дел по обучению русской грамоте детей переселенцев. Информируя о невозможности получения сведений от ряда волостных управителей по данному

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 129, оп. 1, д. 13, св. 1, лл. 27—28.
[2] Там же, ф. 48, оп. 1, св. 2, д. 15, л. 8.

вопросу, он отмечал, что волостной управитель Карасуйской волости Верненского уезда ходатайствует от имени общества «об отсрочке исполнения взятого на себя обществом обязательства на два года, мотивируя свое ходатайство бедностью общества» [1]. Учитывая крайнюю бедность уйгуров, это ходатайство было поддержано верненским уездным начальником.

Ходатайство об отсрочке на два года обучения уйгурских и дунганских детей русскому языку поступило также от дунган Мариинской волости Пржевальского уезда и уйгуров Джаркентского уезда.

В приговоре местного общества Джаркентской уйгурской волости говорилось: «Народ наш очень бедный, вследствие чего обучать детей по-русски и иметь учителя, коему платить жалованье, не в состоянии» [2]. «Никто не желает дать своих детей обучать русскому языку, и не могут отпускать кредит на содержание учителя русского языка» [3],— отмечалось в приговоре жителей Аксу-Чарынской волости.

Но несмотря на приговоры обществ переселенцев и ходатайства волостных управителей и уездных начальников, начальник Распорядительного отделения считал необходимым не давать отсрочки в обучении русскому языку детей выходцев из Илийского края, указывая на то, что со времени взятия обязательств уйгурами и дунганами прошло около 10 лет и что переписка по данному вопросу продолжается около двух лет.

Следует отметить, что не только материальные соображения препятствовали открытию школ и обучению детей переселенцев русской грамоте, а некоторая боязнь «отрицательного» влияния русской грамоты, внушаемая мусульманским духовенством.

И. о. Пржевальского уездного начальника в рапорте военному губернатору, указывая на трудности подыскания нового учителя для Мариинской школы, 7 марта 1897 года писал: «Долгом считаю присовокупить, что дунгане Мариинской волости, несмотря на мои убеждения о пользе изучения их детьми русской грамоты, далеко неохотно посылали их в течение минувшего года в школы под разными предлогами, как например, домашние

[1] ЦГИА КазССР, ф. 44, оп. 3, д. 45, лл. 27—28.
[2] Там же, л. 18.
[3] Там же, л. 25.

работы и прочие, и что большое число учащихся доходило лишь до 8 человек» [1].

Учитель Джаркентской дунгано-уйгурской школы в своем рапорте инспектору народных училищ Семиреченской области 4 апреля 1900 года писал: «Из числа записавшихся в школу 40 мальчиков на уроки являются только по 2—3 человека. В последнее время мне удалось сделать печальное открытие, характеризующее отношение дунган и таранчей (уйгуров.—*Т. Т.*) к школе: оказывается, что желающих добровольно учиться русской грамоте совсем нет, а те 2—3 человека, которые посещают школу,— дети самых отчаянных бедняков и ходят в школу за известное награждение от общества: уездный начальник требует в школу детей, а так как желающих учиться русской грамоте нет, то должностные лица и нанимают на счет общества детей бедняков, чтобы не подвергаться каре начальства за недоставление в школу мальчиков. Некоторые из числящихся в школе детей на мой вопрос — почему они не ходят на уроки — прямо заявляют, что общество не платит или платит неаккуратно им жалованье» [2].

Учитель, совершенно правильно описав картину непосещения учащимися школы и найма «дежурных» учеников, сделал ошибочный вывод о том, что «желающих учиться русской грамоте нет». Факты показывают, что среди казахского и другого нерусского населения области и в том числе среди уйгуров и дунган было большое стремление к изучению русской грамоты.

И. о. военного губернатора Семиреченской области в письме инспектору народных училищ 14 октября 1898 года отмечал, что «в настоящее время в области существует 9 школ для обучения русской грамоте детей илийских и других выходцев из Китая, поселившихся в разное время в некоторых уездах» [3]. Далее указывалось местоположение этих школ: в Пржевальском уезде — 1, Пишпекском — 1, Джаркентском — 3, Верненском — 3, в г. Верном — 1, в селении Большой Токмак — 1.

Видимо, военный губернатор имел в виду вообще русско-туземные школы, где могли учиться дети пере-

[1] ЦГИА КазССР, ф. 44, оп. 3, д. 45, лл. 172—173.
[2] Там же, ф. 90, оп. 1, д. 169б, св. 9, л. 9, 1900 г.
[3] Там же, д. 140, лл. 32, 45, 1898 г.

селенцев, так как в то время в области было всего 9 русско-туземных школ и в некоторых из этих школ преимущественно обучались дети казахов и других нерусских национальностей.

Сообщая о том, что вопрос о передаче всех подведомственных Министерству внутренних дел русско-туземных школ в ведение Министерства народного просвещения рассматривается в высшей инстанции и «несомненно будет разрешен в утвердительном смысле», вице-губернатор просил инспектора народных училищ «принять в свое непосредственное ведение» все эти школы, не дожидаясь окончательного разрешения этого вопроса. При этом он сообщал, что администрация может принять на себя заботы о своевременном поступлении от общества денежных средств на содержание школ, об обязательном посещении школ детьми выходцев из Китая. Он также просил инспектора предварительно сообщать ему о кандидатурах намечаемых учителей «туземного» языка в русско-туземных школах «для наведения необходимых справок об их благонадежности, что необходимо в устранении возможности вредного влияния таких учителей на учеников туземцев».

Об обязательном обучении русских детей

В начале последней четверти прошлого века царская администрация Туркестанского края попыталась ввести обязательное обучение русских детей на территории края. Однако такое исключительно важное мероприятие ввиду целого ряда причин в то время не могло быть осуществлено. Во-первых, для осуществления обязательного обучения не было необходимых средств: царское правительство их не отпускало, а общественных средств не хватало для того, чтобы построить необходимое количество школ, могущих охватить обучением всех детей школьного возраста. Во-вторых, для них не хватало подготовленных учителей. В-третьих, что особенно важно, многие родители, ввиду их исключительной бедности не имели возможности посылать своих детей в школы. Поэтому никакие репрессивные меры, предпринимавшиеся местными властями в отношении родителей, которые не посылали своих детей в школы, не могли обеспечить полного охвата обучением всех детей школь-

ного возраста. Вообще, когда вокруг царило бескультурье и невежество, когда сотни тысяч детей нерусских национальностей не обучались в школах, попытка ввести в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях всеобщее и обязательное обучение для детей русской национальности была, по меньшей мере, смешной. В 1875 году в г. Верном проходил съезд учителей, который рассмотрел вопросы улучшения методов преподавания в станичных и выселковых школах, введения классных журналов и отчетности в школах, о проведении бесед с учащимися по «отраслям полезных знаний», определил время каникул для учащихся станичных и городских училищ. Съезд принял решение об исключении из школ учеников, совершающих даже маловажные проступки. И. о. военного губернатора Семиреченской области, утвердив решение съезда по всем другим вопросам, отменил его решение об исключении из школ учащихся за маловажные проступки. Он считал, что такое решение съезда не соответствует «распоряжениям правительства» о введении обязательного обучения детей «казачьего сословия» и что многие родители не только не будут удерживать детей от проступков, а будут, «напротив, поощрять их к проступкам, за которые они могут избавиться от обязательства посещать школу» [1].

Военный губернатор Семиреченской области в своем циркулярном письме уездным начальникам области в июне 1877 года, напоминая, что «обязанность привлечения к ответственности родителей за непосещение школ их детьми возложена на учителей школ, а разрешение подобных дел и наложение по ним взыскания предоставлено уездным судьям».

Наряду с этим он отмечал, что такой порядок, как показала практика, имел свои «слабые стороны» и что «быстрота наложения взысканий в данном случае крайне необходима не только для поддержания авторитета учителя, но и для удержания других от непосылки детей в школы». Указывая на то, что «виновными в удержании своих детей от посещения школы оказываются преимущественно казаки», губернатор предоставил право уездным начальникам в виде временной меры «не только принимать от учителей приходских, станичных и высел-

[1] ЦГИА КазССР, ф. 19, оп. 1, д. 1, лл. 16—17.

ковых школ жалобы на удержание родителями их детей от посещения школы, но и налагать на виновных взыскание», то есть, руководствуясь циркулярным распоряжением туркестанского генерал-губернатора от 19/21 декабря 1876 года за № 8153, подвергать виновных «аресту не свыше 7 дней и денежному взысканию не свыше 15 рублей» [1].

Педагогический совет Верненской мужской гимназии 17 декабря 1876 года, рассмотрев предложение главного инспектора Туркестанского края от 7 декабря 1876 года, принял следующее решение [2]: «3. Училищный совет, заметив уклонение от обязательного посещения школы по неуважительным причинам, назначает родителям виновного: а) в первый раз — сделать внушение; б) во второй раз — штраф от 1 рубля до 5 рублей; в) в третий раз — штраф от 3 до 15 рублей; г) в четвертый раз — родители ученика привлекаются к уголовной ответственности за уклонение от исполнения правительственных распоряжений — высшей мере наказания.

Штрафные деньги взыскиваются при содействии местной административной власти и поступают в специальные средства школы» [3].

Военный губернатор Семиреченской области генерал-лейтенант Колпаковский в своем рапорте Туркестанскому генерал-губернатору в июне 1880 года сообщал положение дел с введением «обязательного обучения в Семиреченской области [4]. Он доводил до сведения генерал-губернатора, что особыми комиссиями в г. Верном и уездах предприняты следующие меры:

1. Верненская городская дума 14 января 1880 года, отмечая, что в учебных заведениях г. Верного обучается 1 200 детей, а число необучающихся составляет 977, постановила, что ввиду небольшого бюджета Думы «на учреждение новых школ выделить средства не может (немыслимо)» [5].

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 44, оп. 6, д. 4669з, лл. 195—196.

[2] Очевидно, педагогический совет должен был представить свое решение на рассмотрение соответствующих властей, так как он не обладал правами наложения взысканий и тем более привлечения к уголовной ответственности родителей учеников, не посещающих школу.

[3] ЦГИА КазССР, ф. 44, оп. 6, д. 4669, л. 13.

[4] Там же, лл. 15—25, 1880 г.

[5] Там же, д. 46, 1880 г., лл. 15—25.

2. Комиссия Иссык-Кульского уезда решила организовать 4 школы и 2 ученические квартиры для обучения крестьянских детей и отнести их содержание за счет крестьян уезда с «учреждением налога 6 руб. с семьи». Комиссия отмечала, что все русское население уезда сосредоточено в 8 городах и селениях; в двух училищах, в г. Караколе, обучаются дети «привилегированного сословия», купцов и мещан, а в училище, находящемся в выселке Охотничьем, «где обязательное обучение введено», обучаются дети казаков и населения выселка.

В рапорте указывалось, что «остается крестьянское население остальных пунктов, но оно по своей нравственности не сознает вообще пользы обучения. Поэтому они могут выразить несочувствие».

3. Комиссия Капальского уезда указывала, что всего в уезде имеется 9 приходских школ, в том числе 5 школ в г. Капале, и что 13 русских поселений «в большинстве своем не имеют школ и училищ для обучения детей». Она предлагала все имеющиеся в уезде школы преобразовать в «училища для совместного обучения детей обоего пола», открыть 2 новые школы в селениях, двухклассное училище в г. Капале преобразовать в трехклассное, при капальских ученических квартирах учредить 15 стипендий для русских детей, при Капальском городском училище организовать ремесленный класс, при каждом училище иметь народную библиотеку. Комиссия предлагала постройку новых и перестройку имеющихся училищных зданий «произвести за счет казны».

4. Комиссия Токмакского уезда, указывая на наличие в уезде трех приходских училищ, предложила открыть училища в 5 селениях, а «расходы на перестройку имеющихся и постройку новых училищ отнести за счет казны».

5. Решениями комиссий уездов возраст детей, подлежащих обязательному обучению определялся от 8 до 12 лет, а курс обучения устанавливался четырехлетний.

Далее в рапорте указывалось на то, что «мысль об обязательности обучения весьма важная в принципе и по высокогуманным целям могущая принести громадную пользу отечеству», однако «в применении ее на практике должна встретить, к сожалению, особенно в Семиреченской области, довольно значительные препят-

ствия вследствие различных местных условий, в которых находится здешнее население».

В качестве главных причин, препятствующих введению обязательного обучения в области, указывалось на недостаточность местных общественных средств для строительства и содержания школ, бедность большей части населения, «которые, кроме того, подвергались в последнее время различного рода бедствиям, значительно подорвавшим и без того незавидное экономическое его состояние».

Устранить это препятствие, говорилось далее в рапорте, может только правительство, приняв все расходы по устройству школ и училищ, по проведению обязательного обучения на счет казны.

Указывая на малочисленность и отдаленность друг от друга многих населенных пунктов Семиреченской области, рекомендовалось при существовавших учебных заведениях, например в Иссык-Кульском уезде, устроить ученические квартиры для детей отдаленных населенных пунктов.

Наконец, одной из главных причин, мешавших осуществлению обязательного обучения среди русского населения, считалась «малоразвитость большей части населения Семиреченской области, что вызывает сочувствие и даже противодействие со стороны невежественных классов и отдельных единиц-обществ, которые не в состоянии понять и оценить благой пользы и цели обязательного обучения».

Нет никакой необходимости доказывать здесь ошибочность такого суждения, так как население области не только не «противодействовало» обучению в школах своих детей, а, наоборот, оказывало всяческое содействие, в том числе и материальными средствами, открытию школ и обучению в них своих детей. Но бедность большей части населения, действительно, ограничивала возможности в выделении средств на строительство школ. Правительство тоже не выделяло необходимые средства. В этом заключалась основная причина невозможности осуществления обязательного обучения среди русского населения и малочисленности школ для местного населения.

ГЛАВА VI

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ТРУДОВОЕ ОБУЧЕНИЕ В ШКОЛАХ КАЗАХСТАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Рост промышленного развития в 60-х и особенно в 80-90-х годах способствовал развитию профессионально-технического образования в России. Однако, как показывают исследования И. А. Анопова [1], профессионально-техническое образование в России во второй половине XIX века не имело еще определенной государственной системы. Профессиональные учебные заведения в большинстве случаев открывались на средства общественных организаций и частных лиц и находились в ведении различных министерств и благотворительных обществ. Большая часть профессиональных школ «организовалась и развивалась, не имея никаких руководящих начал, и путем собственного, нередко весьма продолжительного опыта, вырабатывала те общие, для всех подобных заведений, положения, которые должны послужить основанием к дальнейшему и наиболее целесообразному их направлению» [2].

Профессионально-технические учебные заведения, находясь в ведении определенного ведомства, готовили кадры для этого же ведомства.

В России существовали следующие типы средних и низших профессиональных и технических учебных заведений:

1) Учительские семинарии, педагогические классы при гимназиях или городских училищах и краткосрочные курсы по подготовке учителей.

[1] *И. А. Анопов.* Опыт систематического обозрения материалов к изучению современного состояния среднего и низшего технического и ремесленного образования в России. Спб., 1889, стр. 556.

[2] Там же, стр. 1.

2) Реальные училища и технические училища с курсом средних учебных заведений, выпускники которых имели право поступать в высшие специальные учебные заведения.

3) Низшие технические училища, в которых объем программ по общеобразовательным дисциплинам соответствовал объему программ городских училищ по положению 31 мая 1872 года, а также уездных и двухклассных сельских училищ. В этих училищах готовились мастера для заводов, низшие механики, машинисты, чертежники и т. п.

4) Ремесленные училища, программа которых по общеобразовательным предметам не превышала курса обучения в начальных школах. Они готовили мастеров для кустарной промышленности и сельского хозяйства, а также заводских рабочих.

5) Вечерние и воскресные школы и специальные классы для взрослых по подготовке десятников по строительному делу, школы печатников и т. п.

6) Общеобразовательные начальные, уездные и городские училища по положению 31 мая 1872 года с дополнительными ремесленными отделениями и классами при них.

На территории Казахстана во второй половине XIX века существовали Оренбургская (Орская) учительская школа, учительские семинарии, сельскохозяйственные школы, Яковлевское ремесленное училище в г. Тургае, школа ремесленных учеников в г. Уральске, мореходная школа в г. Гурьеве, а также ремесленные отделения и классы при двухклассных и одноклассных училищах.

Отсталость промышленности и сельского хозяйства, а также культурного развития в Казахстане явилась основной причиной незначительного развития профессионально-технического образования.

В конце XIX и начале XX века царское правительство придавало большое значение развитию профессионально-технического образования на окраинах России.

Министр народного просвещения Н. П. Боголепов в циркулярном письме [1] на имя главного инспектора Туркестанского края 31 мая 1900 года писал о необходимости распространения профессионального образования в свя-

[1] ЦГИА КазССР, ф. 90, оп. 1, д. 55—2, св. 3, 1900 г., лл. 10—11.

зи с подъемом промышленности в соответствии с программой, намеченной еще в 1889 году правительственной комиссией, о целесообразности насаждения технических и ремесленных училищ разнообразных типов и специальностей.

В письме указывалось на то, что рост промышленности, «создавая огромную потребность в людях, обладающих специальными знаниями, побуждает к неотложному принятию мер с целью подготовления этих нужных людей, иными словами,— к дальнейшему распространению в России промышленных училищ».

Далее испрашивалось мнение инспектора о том, когда, где и какие промышленные учебные заведения следовало открыть и предлагалось представить примерные расчеты по содержанию их.

В начале XX века на вопросы профессионально-технического образования было обращено еще большее внимание.

Министерство народного просвещения в письме к главному инспектору училищ Туркестанского края 15 октября 1913 года[1] указывало на то, что «подготовке подрастающего поколения к практической деятельности, путем сообщения ему профессиональных знаний и умений», препятствует недостаточное число профессиональных школ. При этом сообщалось, что на основании закона от 25 июня 1912 года (Положение о высших начальных училищах) при высших начальных училищах «могут быть открываемы профессиональные классы или курсы разных специальностей, а именно: почтово-телеграфные, бухгалтерские, строительные, электротехнические, сельскохозяйственные, ремесленные и пр.», которые должны «пополнить образование учащихся, вынесенное из высшего начального училища, знаниями и умениями, приложенными к практической жизни». В письме предлагалось до 1 апреля 1914 года сообщить, при каких высших начальных училищах края желательно было бы открыть профессиональные классы или курсы и по каким специальностям в соответствии с местными потребностями.

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 120, оп. 1, д. 50, св. 5, л. 236.

1. ПОДГОТОВКА УЧИТЕЛЬСКИХ КАДРОВ

Подготовка учительских кадров в Казахстане была одной из насущных проблем во второй половине XIX века, требующая неотложного разрешения. Растущая в народе потребность в образовании, а также благоприятная возможность, создавшаяся в результате полного присоединения Казахстана к России и быстрого развития общественно-педагогического движения в России, требовали всемерного расширения сети школьного образования в Казахстане, открытия массовых народных школ.

Выполнение этой весьма актуальной задачи было органически связано с подготовкой учительских кадров. Между тем царское правительство не предпринимало для этого необходимых мер. Учителей не хватало даже для существовавших немногочисленных школ, при этом многие учителя не имели надлежащей подготовки для ведения преподавательской работы. «Киргизская степная газета» (1887, № 34) в редакционной статье «Подготовка учителей для народных школ Тургайской области» сообщала, что в 1896 году из 135 учителей в школах Тургайской области только 66 человек имели специальную подготовку, а остальные 69 учителей ее не имели, 20 учителей вовсе не имели права на преподавание в школах. А в Степном крае не было ни одного учебного заведения по подготовке учителей. «Без учителей,— писал О. Альджанов,— нельзя устроить школ, а без школ нельзя обучать детей, поэтому надо заботиться иметь хорошо подготовленных учителей. Это-то зависит от нас самих: нам следует ходатайствовать перед правительством, чтобы нашим детям открыли доступ в Омскую учительскую семинарию, при ней открыли киргизские стипендии, и по примеру Оренбургской, Казанской и Ташкентской семинарий, основать киргизское отделение» [1].

Инспектор народных училищ Оренбургской губернии М. Васильев в своем отчете об инспектировании сельских училищ, говоря о неграмотности, невежестве и грубости отдельных учителей, 18 июля 1875 года писал, что в Михайловском училище «сам учитель плохо читает и не может рассказать прочитанное». В моем присутствии,— пишет он,— учитель Чистовского училища заштатный

[1] «Киргизская степная газета», 1895, 18 июня.

священник Попов рвал учеников за уши и за волосы; учитель Малошумаковского училища унтер-офицер Яковлев называл детей Яшка, Фомка и т. п., а на письменных упражнениях делает подобные аттестации: «8 — ошибок — дурак», «7 — ошибок — болван» [1].

Инспектор народных училищ Троицко-Верхнеуральского района Оренбургской губернии А. Павлов 23 ноября 1896 года сообщал директору народных училищ Оренбургской губернии о грубом обращении с детьми и применении телесных наказаний. «Учитель Горшков,— писал он,— грубо обращался с учениками и в одно время надорвал ухо сыну Телегина, так что мальчик окровавленный пришел домой. Ныне, при осмотре мною училища 14 и 15 ноября, произведено дознание, при чем обнаружилось, что г. Горшков постоянно колотит учеников, чему также выучилась от него и допущенная мною ныне практикантка, окончившая ныне курс в Оренбургской женской прогимназии Абрамова, которая бьет детей и линейкой и аршином. Все это мне заявили вечером в квартире моей несколько крестьян в присутствии учителя Горшкова, который в оправдание свое мне сказал только одному из крестьян: «Ты что жалуешься, ведь, твоему-то меньше всех достается». На мой вопрос, справедливо ли это и правда ли, что он надорвал ухо ученику, Горшков сознался и заявил, что он потому дерется, что имеет раздражительный характер, а в школе бывает дымно и угарно и что крестьяне неаккуратно платят ему добавочное жалованье от общества» [2].

Такие случаи антипедагогического обращения учителей с учащимися были не единичными в школах Казахстана.

Некоторые учителя ни образованием, ни культурой своего поведения не подавали учащимся положительного примера для подражания. В этом часто помогала и царская администрация.

В корреспонденции из Усть-Каменогорска, помещенной в № 18 «Сибирской газеты» от 28 апреля 1884 года, сообщалось: «Наш станичный атаман иногда устраивает кулачные расправы с киргизами прямо в станичном правлении, где помещается и школа: таким образом, де-

---

[1] Госархив Оренбургской обл., ф. 73, д. 53, л. 8, 1875.
[2] Там же, оп. 1, д. 154, л. 36.

лая подобающие внушения сынам степи, оказывает косвенное влияние на воспитание нравственных чувств казачьих детей».

Большинство учителей не имело специального образования, а уровень подготовки учителей, окончивших учительские семинарии и школы, был низким. Поэтому в целях переподготовки учителей эпизодически устраивались различного рода курсы.

На проведенных в 1877 году в г. Ташкенте учительских курсах выяснилось, что знания по русскому языку большинства прибывших на курсы учителей были исключительно неудовлетворительны.

Учитель по русскому языку на учительских курсах писал: «Умственное развитие учителей не только не превышает общего уровня сельских обывателей, но, напротив, в среде учителей большинство не принадлежит к лучшим представителям сельского населения.

О степени же их подготовки могу сказать, что она весьма и весьма слаба. Большинство ограничивается умением читать и писать; меньшинство владеет кое-какими грамматическими сведениями» [1].

В 1879 году по предложению Министерства народного просвещения при Оренбургском учительском институте были организованы дополнительные курсы для учителей уездных училищ [2].

Министерство народного просвещения в 1893 году, во время летних каникул, при Оренбургской казахской учительской школе организовало педагогические курсы по ручному труду и популярной медицине для учителей начальных училищ Оренбургской губернии, Тургайской и Уральской областей. Из Тургайской области на курсы было вызвано 5 учителей: Григорьев, Балгимбаев, Токтабаев, Лазарев и Уразов.

Через год попечитель Оренбургского учебного округа разрешил вызвать учителей аульных школ в волостные или ближайшие двухклассные училища на определенный срок в период зимних и летних каникул для ознакомления с методами преподавания. Кроме того, он предложил заведующим волостными и двухклассными русско-казах-

---

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, д. 59, л. 30.

[2] Госархив Оренбургской обл., ф. 81, 1879 г., д. 45.

скими училищами, в свою очередь, посещать аульные школы не реже одного раза в полугодие.

В том же 1894 году при Оренбургской казахской учительской школе были организованы учительские курсы по садоводству, огородничеству, пчеловодству, ручному труду и гимнастике, куда из Тургайской области были командированы 10 учителей. В составе этих учителей были Исмухаммед Уразбаев, Сергали Бекмухамедов, Семен Меркурьев, Иван Гречкин, Медянский, Балгимбаев, Иван Хохлов, Лазарев, Лапшин и Килячков.

В 1895 году были опубликованы правила организации летних бесплатных сельскохозяйственных курсов для народных учителей при учебных заведениях, подведомственных Министерству государственных имуществ. Курсы преследовали цель «распространения при посредстве народных школ правильных познаний по сельскому хозяйству, преимущественно же по отдельным отраслям его». Такие курсы работали от 1 до 1,5 месяца; на них проводились теоретические и практические занятия по сельскому хозяйству, сопровождаемые демонстрациями и экскурсиями.

Министр народного просвещения Н. П. Боголепов в своем письме туркестанскому генерал-губернатору 14 апреля 1900 года, указывая на недостаток «практически подготовленных лиц для замещения учительских вакансий в начальных училищах» и на то, что «нужда в учителях настолько настоятельна, что местами является препятствием к самому открытию училищ», указывая также на необходимость срочно принять меры «к увеличению в самом непродолжительном времени состава лиц, теоретически и практически ознакомленных с основами ведения дела в начальной школе, каковыми и могли бы быть замещаемы во множестве открывающиеся вакансии учителей» [1], сообщает об утверждении им 31 марта 1900 года правил о педагогических курсах для подготовки учителей и учительниц начальных училищ и просит сообщить, где и при каких учебных заведениях с начала будущего учебного года могут быть открыты такие курсы.

Согласно правилам [2], перед курсами ставилась зада-

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 90, оп. 1, д. 169, св. 9, лл. 2—2 об., 1960 г.
[2] Там же.

ча: «а) подготовлять молодых людей, получивших низшее образование к испытанию на звание учителя начального училища и б) знакомить их, теоретически и практически, с постановкой и ведением начального обучения». Курсы могли учреждаться по положению от 31 мая 1872 года при городских училищах, имевших опытных преподавателей и соответствующие помещения. На педагогические курсы могли приниматься лица, достигшие 16-летнего возраста и окончившие учебные заведения в объеме не ниже курса обучения городских училищ. Курсы рассчитывались на один год, но курсанты, не добившиеся в конце года «удовлетворительных успехов», могли оставаться еще на второй год. Обучение на курсах было бесплатным, а беднейшим курсантам могли отпускаться пособия не более 50 рублей в год одному лицу. Кроме общеобразовательных дисциплин, на курсах должны были преподаваться дидактика, методика обучения в начальных школах, кроме того, слушатели должны были знакомиться с популярными учебниками и учебными пособиями. В практические занятия курсантов входили посещение уроков преподавателей в младших классах городского училища, пробные уроки с предварительным составлением планов, разбор данных уроков.

На этих основаниях, согласно правилам, могли учреждаться педагогические курсы и при женских гимназиях и прогимназиях, но девушки могли получить учительские свидетельства лишь после шестимесячной практики.

Инспектор народных училищ Семиреченской области в своем письме инспектору училищ Туркестанского края сообщал о том, что в области имеется уже 14 школ русской грамоты для «инородцев» и предстоит открыть еще 11 «инородческих» училищ, что почти все эти школы не имеют достаточно подготовленных учителей и что для преподавания в туземных школах необходимо знание казахского языка. Поэтому он считал на первое время достаточным открыть педагогические курсы только при Верненском трехклассном училище. Курсы были открыты 1 июня 1900 года.

Главный инспектор училищ Туркестанского края 27 января 1901 года в письме инспектору народных училищ Семиреченской области о педагогических курсах при Верненском городском училище писал: «Для заня-

тий с курсистами следует обратить особое внимание не столько на количество сообщаемого учебного материала, сколько на уяснение и основательное усвоение курсистами уже приобретенных знаний». В связи с этим он находил полезным повторить с курсантами главнейшие разделы из естествоведения и физики, «так как полное и ясное понимание основ этих предметов, имея важное развивающее значение, необходимо для будущей практической деятельности курсистов» [1]. Он также считал желательным сообщить курсантам «основные сведения о рациональном полеводстве и садоводстве» [2].

Далее главный инспектор находил обязательным обучение курсантов пению, обращая при этом внимание «на приемы начального преподавания пения в низших училищах». Он считал необходимым центр внимания уделить сообщению курсантам «необходимых общих сведений и частных правил применительно к их будущей педагогической деятельности». В связи с этим он предлагал расширить программу по общеобразовательным дисциплинам.

В некоторых случаях для повышения квалификации учителей организовывались педагогические чтения. Для примера приводим программу чтений по педагогике для учителей низших школ Семиреченской области в июне 1878 года.

«Чтения начнутся кратким повторением того, что сообщено было в июле 1877 года, а именно:

Значение педагогики, как науки, предмет, цель и связь ее с науками антропологическими.

Принцип, на котором основывается педагогика, способности дитяти, как материал воспитания; их последовательное развитие, неодинаковое развитие.

Первоначальные учителя детей: семья, товарищество в деревне и школе и самое место родины.

Задачи школы. Что главным образом должна преподавать школа, какой главный метод должен быть проведен по всем предметам, связь между преподаваемыми предметами.

Частные правила о преподавании: постепенность и основательность, приноровленность к общей развитости

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 90, оп. 1, д. 169, св. 9, лл. 64—65.
[2] Там же.

детей школы, возбуждение к самодеятельности и средства возбуждению их; возбуждение любознательности, интереса к делу учения, всесторонность развития способностей души и тела, возбуждение в детях истинного, прекрасного и благородного.

Вновь же будет сообщено.

Учебный предмет должен быть расположен концентрически; сущность и объем концентратов, формы обучения — излагающая и вопросо-ответная, сущность и чередование форм, ведение урока и дисциплина во время урока.

Каждое чтение будет сопровождаться беседами, и если будет возможно, то будут предлагаться педагогические вопросы к письменному решению их самостоятельно» [1].

Как видно из программы, педагогические чтения были очень содержательными и могли принести большую пользу в повышении квалификации учителей. Они охватывали не только общие вопросы обучения и воспитания, но и затрагивали конкретные вопросы психологии обучения и воспитания, а также методы обучения. Программа составлена в духе педагогических идей К. Д. Ушинского.

Одной из форм повышения квалификации учителей и рассмотрения некоторых насущных вопросов народного образования являлись учительские съезды.

Министерство народного просвещения в 1881 году предоставило право попечителям учебных округов разрешать проведение съездов учителей начальных народных школ. С мест увеличились ходатайства об устройстве таких съездов. Но в связи с ростом учителей в революционном движении Министерство народного просвещения 5 августа 1884 года по требованию Министерства внутренних дел, считавшего «нежелательным» проведение съездов, предложило учебным округам «о каждом предполагаемом к открытию съезде учителей доносить Министерству народного просвещения» [2].

По требованию полиции министр Делянов в своем секретном циркулярном письме от 18 июля 1885 года

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47. Управление учебными заведениями Туркестанского края, д. 98, лл. 7—8.

[2] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 170, 1879—1887 гг., д. 156970. О съездах учителей начальных народных училищ.

предложил попечителям учебных округов «учреждать впредь лишь педагогические курсы на точном основании правил 5 августа 1875 года и с тем, чтобы предварительно открытие таковых курсов, начальства учебных округов заблаговременно представляли в Министерство народного просвещения именной список учителей и учительниц, приглашаемых к слушанию педагогических курсов, с указанием времени и места, где курсы будут учреждены, для сообщения этих сведений Министерству внутренних дел» [1].

В связи с наступлением реакции в 80-х годах царское правительство с большим подозрением относилось к учительству. Министр внутренних дел Л. Моков в письме от 21 ноября 1879 года, разосланном начальникам губерний, предлагал, «чтобы о лицах, назначаемых на должности учителей во все средние, низшие и народные училища, как мужские, так и женские, а также при выдаче свидетельств желающим заниматься педагогической практикой в частных домах, собирались бы, предварительно, от начальника губернии сведения о нравственных их качествах и политической благонадежности» [2].

Особенно тщательному подбору подвергались учителя, назначаемые в «инородческие» школы, за работой которых осуществлялся постоянный контроль.

2. ОРЕНБУРГСКАЯ (ОРСКАЯ) КАЗАХСКАЯ УЧИТЕЛЬСКАЯ ШКОЛА

В Оренбургском крае идея организации казахской учительской школы вынашивалась в течение долгого времени. Попечитель Казанского учебного округа (в округ входила и территория Оренбургского края) 17 февраля 1871 года поставил вопрос о возможности открытия учительских школ для казахов в г. Оренбурге и для башкир в г. Оренбурге или в г. Перми за счет сумм казахских и башкирских обществ.

Под председательством директора училищ Оренбургской губернии была учреждена специальная комиссия, а также по линии Оренбургского генерал-губернатора

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 170, 1879—1887 гг., д. 156970. О съездах учителей начальных народных училищ, л. 315.

[2] Госархив Башкирской АССР, ф. 11, д. 1182. О собирании сведений о нравственных качествах лиц, назначаемых на должности учителя в средние и низшие народные училища, л. 1.

было предложено Тургайскому и Уральскому военным губернаторам представить свои соображения по этому вопросу.

Комиссия признала необходимым «устроить пансион с особыми помещениями для киргиз и для башкир, образовать при нем приготовительный класс для необученных еще грамоте и русскому языку; затем заставлять воспитанников проходить курс уездных училищ, по окончании которого они должны поступать на педагогические курсы, имеющиеся открыться при уездном же училище, или где окажется удобным» [1].

Попечитель Казанского учебного округа Шестаков составил проект «Положения киргизской учительской школы в городе Уральске» и представил его на рассмотрение министра народного просвещения. Согласно проекту, цель учительской школы заключалась в «приготовлении сведущих и опытных учителей для киргизских начальных училищ». Предусматривалось, что школа будет закрытым средним учебным заведением с тремя классами, с годичным курсом обучения в каждом и пользоваться всеми правами и преимуществами, присвоенными гимназиям.

Проект предусматривал создание при учительской школе трехклассной приготовительной школы, которая предназначалась для прохождения педагогической практики учащимися учительской школы и подготовки учащихся для последней.

Для рассмотрения вопроса об организации учительской школы был учрежден комитет под председательством генерал-губернатора. Комитет высказался за то, чтобы для «инородческих» школ готовились бы свои национальные кадры учителей, чтобы казахские и башкирские учительские школы были бы открыты отдельно с приготовительными классами. По мнению комитета, школы должны были состоять из двух отделений — самой учительской школы и трехклассного училища при ней.

В проекте «Положения учительских школ для башкир и киргиз Оренбургского края», составленном комитетом, цель учреждения учительских школ определялась так: «Учительские школы имеют целью образование молодых

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 170, 1872—1879 гг., д. 156614, л. 1.

людей из инородцев-мусульман, которые могли бы распространять просвещение между своими одноплеменниками, развивать в них общечеловеческие понятия, нравственные начала и убеждения, а также сближать их с русской народностью и цивилизацией» [1].

Оренбургский генерал-губернатор Крыжановский, сообщая о вышеизложенном министру народного просвещения, в своем письме от 30 сентября 1872 года отмечал, что по положению 21 октября 1868 года на дело образования казахов Уральской области, насчитывающей 348 625 человек населения, и Тургайской области, насчитывающей 339 226 человек населения, было предусмотрено 16 тысяч рублей (по 8 тысяч рублей на каждую область), а также решением Государственного совета от 14 октября 1866 года назначено ежегодно на содержание 7 школ во Внутренней орде 6 580 рублей, а на обучение 30 казахских детей при Оренбургской гражданской гимназии стипендии учреждены за счет средств казахского населения.

Он высказал свое мнение, что «обучение столь незначительного числа» детей «не может привести к результатам сколько-нибудь ощутительным», что в развитии образования среди казахов и башкир не может «представить какое-либо противодействие религиозно-фанатическому влиянию магометанства, как по ограниченности самого числа воспитанников, которое можно содержать в этих училищах за счет казны, так и потому еще более, что обучение, как не связанное с мерами воспитательными, не делает существенных изменений в понятиях и духе учеников». Полагаю, что при таких условиях оставить дело народного образования в том виде, в каком оно ныне существует, было бы не только не соответственно видам правительства, но и положительно вредно. Пора положить конец пагубному магометанскому влиянию в здешнем крае и ослаблением этого преобладающего влияния дать правительству возможность достигнуть столь желаемого обрусения края и тесного слияния с Россией всего инородческого населения». Он считал, что для достижения этой цели административных мер недостаточно, поэтому необходимо действовать убеждением. Но «убеждения эти могут быть

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 170, 1872—1879 гг., д. 156614, л. 96.

возбуждены в массе народа только развитием в нем общечеловеческих понятий, нравственных начал и русских убеждений. Полагаю, что орудием и средством к достижению этого может служить только народное образование, а проводниками — народные учителя. Крыжановский указывает, что вместо «ненависти к русским со стороны полудиких фанатиков и изуверов», населяющих пространства от Казани до хребтов Тянь-Шаня, надо «возродить в них русские симпатии и сблизить, если можно, неразрывными узами с русским населением Империи». Но «достигнуть всего этого,— подчеркивал он,— можно лишь путем умственных убеждений, а для сего необходимо открыть сколь можно более народных школ, которыми заведовали бы люди нарочно для сей цели приготовленные в особых учительских школах».

Учительские школы, по мнению Крыжановского, должны были содержаться за счет правительства, так как «они учреждаются с целью образовать из инородцев народных учителей, которые могли бы распространять в народе общечеловеческие понятия и русские симпатии и тем самым представить в противовес пропаганде татарской культуры» [1].

Говоря о необходимости учреждения четырех учительских школ (двух башкирских и двух казахских), генерал-губернатор предлагал сначала открыть в городе Оренбурге две школы: казахскую и башкирскую.

Ученый Комитет Министерства народного просвещения 25 февраля 1874 года, рассмотрев вопрос об открытии учительских школ для казахов и башкир, представил свои соображения на рассмотрение министра.

Недостаток учителей искусственно задерживал развитие народного образования. Сеть школ росла исключительно медленно, а порою из-за недостатка учителей отдельные школы закрывались. Даже мизерные средства, отпускаемые царским правительством, а также поступавшие от кибиточного сбора от казахов и отдельных пожертвований, полностью не использовались. «Нужно торопиться доставить киргизам учителей из них же самих,— писал в своем отчете царю министр народного просвещения Д. Толстой после осмотра им учебных за-

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 170, 1872—1879 гг., д. 156614, лл. 3—4, 13.

ведений Оренбургского учебного округа в 1876 году,— потому что немногие прежде существовавшие киргизские школы закрыты, деньги, отпускавшиеся из казны ежегодно на народное образование в Тургайской области, почти полностью остаются в казначействе именно по неимению учителей» [1].

«Народ этот,— писал он далее,— способный, смышленый, трудолюбивый и вполне склонный к просвещению, я удостоверился в том в Оренбургской гимназии, где теперь воспитывается более 20 киргизов; русских вовсе не чуждаются, как татары, напротив того, ищут русской образованности, и как бы тем самым указывают на высокую просветительную задачу, которая выпала на долю правительства между их дикими соплеменниками» [2].

Он считал необходимым, не теряя времени, с будущего же учебного года, в г. Троицке организовать казахскую учительскую школу с приемом русских детей для совместного обучения, сократив при этом изучение магометанского вероучения.

Царь наложил следующую резолюцию на докладе Д. Толстого: «Буду ожидать по этому формального предложения».

Государственный совет 20 октября 1880 года принял постановление об организации казахской учительской школы в г. Троицке, в котором говорилось: «1. Учредить в гор. Троицке Оренбургской губернии киргизскую учительскую школу.

2. К означенной школе применить высочайше утвержденное 27 марта 1872 года Положение о татарских учительских школах, с соблюдением при том нижеследующих особых правил:

1) Киргизская учительская школа имеет целью приготовление сведущих и опытных учителей в открываемые для киргиз начальные училища.

2) Киргизская учительская школа, принадлежа к ведомству Министерства народного просвещения, подчиняется управлению Оренбургского учебного округа.

3) Для упражнения воспитанников сей школы в пре-

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 170, д. 726, л. 158.
[2] Там же.

подавании при ней состоит начальное русско-киргизское одноклассное училище.

4) Все предметы преподаются в школе на русском языке, за исключением магометанского вероучения»[1].

На содержание школы, начиная с 1 января 1881 года, предусматривалось 17 580 рублей ежегодно.

Уже после того, как было принято постановление об организации казахской учительской школы в г. Троицке, попечитель Оренбургского учебного округа Даль письмом на имя министра народного просвещения от 4 мая 1881 года просил открыть школу не в г. Троицке, а в г. Орске, который находился в гуще казахского населения.

На представление министра народного просвещения от 18 мая 1881 года о временном приостановлении открытия учительской школы Даль согласился. 17 апреля 1882 года Даль снова возбудил перед министром просвещения вопрос об открытии школы в г. Орске, на что 10 июня 1882 года дал согласие царь.

Но тургайский военный губернатор представил в Министерство внутренних дел свое возражение против открытия казахской учительской школы в г. Орске, мотивируя тем, что там много мулл из татар, а также имеется татарская школа. Это, по его мнению, может оказать отрицательное влияние на учеников учительской школы, будет способствовать развитию у них мусульманского фанатизма. Кроме того, он указывал на отсутствие в г. Орске казахской начальной школы.

Военный губернатор предложил открыть учительскую школу в Актюбе, преимуществом которого перед Орском являлось, по его мнению то, что «ни в самом Актюбе, ни в окрестностях его нет татар, могущих иметь вредное в политическом отношении влияние на киргизов, и что в Актюбе в скором времени откроется русско-киргизская школа, которая представит все удобства для практических занятий учеников института»[2]. Кроме того, отмечал он, Актюбе по географическому расположению является центральным пунктом для Тургайской и Уральской областей.

Об этом товарищ министра внутренних дел 21 фев-

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 170, д. 156981, л. 24.

[2] ЦГИА КазССР, ф. 95, оп. 2, д. 25, св. 2, л. 78.

раля 1883 года поставил в известность министра народного просвещения.

Несмотря на возражения Тургайского военного губернатора, 10 апреля 1883 года казахская учительская школа в г. Орске была открыта. Фактически она начала действовать с 3 февраля 1883 года, после окончания приемных испытаний. Из 22 экзаменовавшихся в школу был принят 21 казахский мальчик.

Согласно правилам приема, в Оренбургскую казахскую учительскую школу принимались казахские дети не моложе 16 лет и получившие на приемных испытаниях не менее 3 баллов по каждому предмету. В случае конкурса предпочтение отдавалось лицам, окончившим двухклассное русско-казахское училище. В начальное учили-

Таблица 20

Контингент учащихся Оренбургской казахской учительской школы и начального училища при ней в 1890—1900 годы

На 1 января	Количество учащихся		Происхождения			Выбыло	
	муж.	жен.	султанского	духовного	простого	до окончания курса	после окончания курсов
1890	35/12	—	8/1	1/0	26/10	7/0	0/1
1891	34/10	—	6/3	0/1	28/6	8/2	2/5

На 1 января	Количество учащихся		Казахов	В том числе			Выбыло	
	муж.	жен.		чиновников	мещан	крещеных	до окончания курса	после окончания курсов
1893	33/11	—	27/11	3/0	3/0	—	7/1	5/5
1894	35/10	—	25/10	3/0	5/0	2/0	3/3	4/5
1895	35/10	—	20/10	3/0	4/0	7/0	2/1	6/3
1897	35/10	—	32/10	2/0	10/0	7/0	3/0	7/2
1898	65/10	—	43/10	2/0	18/0	5/0	5/0	7/4
1900	68/10	—	41/10	2/0	14/0	7/0	5/1	8/3
1901	64/10	—	28/11	1/0	11/0	10/0	8/1	21/3

Примечание. В числителе указано число учащихся учительской школы, в знаменателе — число учащихся начального училища. Среди учащихся учительской школы было русских детей (по годам): в 1893 — 6, 1894 — 10, 1895 — 14, 1897 — 20, 1898 — 25, 1900 — 23, 1901 — 22.

ще при учительской школе принимались мальчики от 12 до 16 лет.

Из таблицы 20, составленной по отчетам школы, можно видеть контингент учащихся Оренбургской казахской учительской школы и начального училища при ней в 1890—1900 годы [1].

6 декабря 1884 года Министерство народного просвещения решило уменьшить число установленных в Орской учительской школе стипендий с 60 до 35 и в находящемся при ней начальном училище с 15 до 10, а образовавшуюся при этом экономию в сумме 2 550 рублей обратить на наем помещений для этих школ.

Практика показала, что Орская казахская учительская школа не может полностью оправдать своего назначения. Поэтому встал вопрос о преобразовании ее в учительскую семинарию.

С разрешения попечителя Оренбургского учебного округа инспектор Орской казахской учительской школы А. Бессонов 11 июня 1885 года представил в Министерство просвещения записку «о необходимости устройства в г. Орске учительской семинарии общей для казаков оренбургского войска и для киргиз, посредством преобразования в такую Орской киргизской учительской школы» [2].

Попечитель Оренбургского учебного округа в 1888 году внес предложение в Министерство народного просвещения о закрытии Орской казахской и Оренбургской татарской учительских школ «ввиду неудовлетворительной подготовки учителей» [3]. По данному вопросу министр И. Д. Делянов запросил мнение Уфимского и Мензелинского епископа, а также директора Казанской учительской семинарии Н. И. Ильминского.

Ильминский не возражал против закрытия татарской учительской школы, а также изменения направления татарских и башкирских школ, но возражал против закрытия казахской учительской школы. «Русско-киргизские училища в областях,— писал он,— возникли в новое

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 203. Отчеты «Оренбургской учительской школы» за 1889—1900 гг.

[2] Там же, д. 2336, лл. 203—223.

[3] Там же, оп. 171, д. 1627. Переписка по отчетам инспекторов нач. народных училищ по Оренбургскому учебному округу, 1886—1891 гг., л. 59.

время; прочно и основательно поставлены и с Орской школой во главе составляют стройную и целесообразную систему. Закрыть Орскую школу значило бы расстроить эту систему и нанести существенный вред и задержку образованию киргизского народа» [1].

В отношении сохранения казахской учительской школы Н. И. Ильминский был прав. Не так уж плохо работала эта школа. Попечитель Оренбургского учебного округа Михайлов после осмотра казахской учительской школы в октябре 1887 года сообщил министру народного просвещения: «В поведении воспитанников-киргиз, трудолюбивых и скромных, вышедших почти из патриархальной среды, не замечалось никаких серьезных уклонений от требований школьной дисциплины. Не менее удовлетворительно поставлена и часть учебная» [2].

В 1889 году Оренбургская казахская учительская школа, принадлежавшая Министерству народного просвещения, имела 4 класса с четырехлетним обучением.

В учительской школе преподавались педагогика, естествознание, география и история, математика, русский язык, вероучение, чистописание и рисование. Использовались учебники по педагогике — «Педагогика» Лядова, «Дидактика» Ельницкого, «Методика русского языка и объяснительного чтения» Солонины, «Методика арифметики» — Мартынова и др. [3]

В 1891/92 учебном году педагогика преподавалась по учебнику Рощина — «Очерк педагогики, дидактики и методики». В начальном училище при школе преподавались русский язык, математика, вероучение, чистописание и рисование.

Попечитель Оренбургского учебного округа 23 сентября 1890 года утвердил программу по магометанскому вероучению [4].

По ходатайству инспектора учительской школы А. Альбанова и попечителя учебного округа Ростовцева в 1891 году в учебный план школы было введено пение:

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 171, д. 1627. Переписка по отчетам инспекторов нач. народных училищ по Оренбургскому учебному округу, 1886—1891 гг., л. 69.

[2] Там же, оп. 194, д. 782, л. 44.

[3] Там же, оп. 203, д. 1419, л. 4.

[4] Там же, ф. 95, оп. 2, д. 25, св. 2, л. 58.

1 час в неделю хоровое пение для всех учеников и 1 час для русских учеников [1].

С 1883 года в школе введено обучение переплетному ремеслу, с 1889 года — столярному, а с 1894 года — ручному труду по дереву. Последний велся «по системе, выработанной С.-Петербургским учительским институтом, применительно к шведской методе» [2]. Программой служили первые 8—10 стенных таблиц Цируля и Касаткина. Преподавание вел мастер, окончивший земское начальное народное училище с ремесленным классом в Симбирской губернии.

Ручным трудом занималось от 20 до 30 учеников первых трех классов в неделю по 2 часа. «Учащиеся,— писал в своем отчете инспектор школы М. Галанов,— развивают в себе любовь к труду, внимательность, аккуратность, настойчивость и др. ценные качества, а также приобретают полезные навыки и практические знания, но все это, разумеется, в самых незначительных размерах, так как один урок в неделю слишком мал для этого» [3]. Он отмечал, что уроки по ручному труду «не бесполезны», так как они дают учащимся первые навыки в обращении с различными инструментами и приемами работы по дереву. Но наряду с этим он указывал, что это «не приносит тех результатов, какие следовало бы ожидать», так как окончившие учительскую школу и ставшие учителями по целому ряду обстоятельств не имеют возможности ни продолжать свои знания и навыки по ремеслам, ни передать их своим ученикам. Кроме того, «степная обстановка и кочевая жизнь киргизского народа,— писал он,— не располагает к подобным занятиям».

После опустошительного пожара в городе Орске в 1888 году казахская учительская школа в 1889 году была переведена в Оренбург и в 1890 году помещена в здании бывшей татарской учительской школы, закрытой в том же году.

В связи с этим Ильминский писал, что «Закрытие татарской учительской школы — мера весьма полезная, ибо

---

[1] Госархив Башкирской АССР, ф. 109, оп. 1, 1891 г., д. 108. Переписка по ходатайству о введении в Оренбургской кирг. учит. школе пения.

[2] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 205, д. 2458, л. 45.

[3] Там же, л. 46.

эти школы (другая Казанская татарская магометанская учительская школа) долгим опытом доказали свою бесполезность в деле обрусения татар магометан, и фанатизма они татарского не ослабляют, а лишь татарскую интеллигенцию воспитывают и могут подготовлять хитрых и ловких рачителей мусульманской арабско-стамбульско-французской (а не русской) культуры и цивилизации.

Попечитель Оренбургского учебного округа отмечал неудовлетворительное состояние учебно-воспитательной и лечебной работы в Оренбургской учительской школе, что отрицательно отражалось на здоровье учащихся. В письме к инспектору Оренбургской казахской учительской школы от 20 февраля 1892 года он указывал на то, что здоровье воспитанников «слабеет по мере пребывания в школе» и предлагал «принимать в школу не только детей вполне здоровых, но и крепкого телосложения», а учащихся, «заболевших хронической болезнью, особенно туберкулезом, при первой возможности отправлять в прежнее их местожительство с увольнением из школы».

За малейшие нарушения учащиеся подвергались наказаниям. В отчете школы за 1896 год отмечалось, что за проступки учащиеся были подвергнуты следующим наказаниям: выговор от педагогического совета получили 3 ученика, заключены в карцер — 2 (один на 5 часов, другой на 3 часа), оставлен без обеда — 1, получили выговор от инспектора — 10. Применялось понижение балла по поведению за четверть учебного года» [1].

Такие меры воздействия на учащихся вызывали тревогу не только педагогической общественности и родителей учащихся, но и самой администрации.

Попечитель Оренбургского учебного округа в своем письме к инспектору Оренбургской казахской учительской школы писал: «Строгие меры против лености некоторых учеников, как-то: заключение в карцер, голодный стол и т. п., не могут быть приняты целесообразными в педагогическом отношении, во всяком случае не способны достигать цели (поднятия успешности) особенно среди лиц довольно уже взрослых и посвящающих себя специальной подготовке к учительским обязанностям. Меры убеждения и укрепление в учащихся любви к тру-

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 203, д. 1421, л. 30.

ду вообще, сознания его пользы и необходимости хранения чести по отношению лично к каждому учащемуся и по отношению к воспитывающему его учреждению должны в данном случае считаться более действительными» [1].

В учительской школе большое внимание уделялось преподаванию педагогики, методики и педагогической практики. Но, как указывалось в отчете школы за 1891/92 учебный год, теоретическая часть педагогики по учебнику Рощина трудно усваивалась не только учениками третьего, но и четвертого классов. Поэтому со второй половины учебного года изучение педагогики в третьем классе было начато не с теоретических вопросов, а с дидактики и методики. Этим самым преследовалась цель подготовить учеников к тому, чтобы они могли в четвертом классе осмысленно составлять конспекты уроков для преподавания в начальном училище, а также правильно и вполне сознательно вести практические уроки. Это также должно подготовить учащихся к сознательному усвоению общей педагогики в четвертом классе.

В учебнике Рощина давались общие теоретические познания по вопросам педагогики и не было каких-либо методических указаний по применению в школе наиболее употребительных учебников. Поэтому в конце 1891/92 учебного года учащимся четвертого класса были даны подробные указания по учебникам, которые использовались в русско-казахских училищах, а именно: «К мудрости ступенька — Азбука К^0 — », «Новая азбука» Толстого, «Родное слово» Ушинского, «Русская речь» Вольпера, «Первая книжка после азбуки для детей туземцев Туркестанского края» Ячнина [2].

Педагогическая практика учащихся Оренбургской казахской учительской школы проходила в начальном училище при учительской школе. Училище состояло из трех групп или отделений. Уроки давались практикантами в присутствии инспектора школы, а также всех учащихся школы по классу; на уроках практикантов по математике присутствовал также учитель математики. К каждому практическому уроку практикант составлял

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 95, оп. 2, д. 25, св. 2, 1890 г., л. 69.
[2] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 203, д. 1420, л. 5.

подробный план и конспект урока, которые предварительно проверялись инспектором школы и по математике — учителем математики. Каждый урок, после его проведения, подвергался подробному обсуждению всеми практикантами под руководством инспектора школы и учителя математики. Обычно указывались достоинства и недостатки того или иного урока.

В школе проводились гимнастические занятия по программе военной гимназии, включающей вольные движения и строевые упражнения. Ученики занимались столярным и токарным делом, изготовляли различные предметы домашнего обихода: столы, табуретки, скамейки, кухонные шкафы, вешалки для платьев, подставки для цветов, диваны и т. п.

В 1892 году, во время летних каникул, для учащихся были открыты курсы садоводства, куда, несмотря на проведенную агитацию, поступило только 5 учащихся.

Со второй половины 1896 года в школе было расширено преподавание гигиены с курсом практической медицины.

Учителя, помимо преподавания в школе, помогали ученикам готовить уроки.

Одной из распространенных мер воспитательной работы в школе являлось чтение по русской истории, введенное по предложению попечителя учебного округа в 1890 году.

Преподаватели заранее поручали кому-либо из учеников определенную статью для чтения, а также стихотворение, имеющее отношение к содержанию данной статьи. Затем прослушивали читающего и объясняли все непонятные слова и выражения. Чтение происходило в несколько торжественной обстановке: в самой просторной и лучшей комнате школы — столовой, для читающего среди залы ставилась конторка. Обычно перед читающим сидел попечитель Оренбургского учебного округа или кто-либо из окружных инспекторов. После того, как заканчивалось чтение статьи, преподаватель, руководивший чтением, спрашивал у учеников объяснения слов и выражений прочитанного, а также вызывал поочередно несколько учеников для пересказа прочитанной статьи. Затем ученик, приготовивший стихотворение, читал его.

Систематические чтения по русской истории прово-

дились по учебнику проф. Малышевского «Книга для чтения в сельских училищах по русской истории».

Помимо исторических чтений, проводились литературные чтения, а также чтения в столовой во время обеда и ужина газетных статей, имеющих воспитательное значение. Такое чтение проводил сам инспектор школы. На литературных чтениях использовались произведения Жуковского, Майкова и других писателей.

В школе часто отмечались знаменательные даты, ученикам сообщались биографии представителей царской фамилии, отдельных писателей и ученых. Руководители школы особенно пытались вселить в душу учащихся веру в царя, любовь к царю и царской России.

Как отмечалось в отчете школы за 1892 год, при подготовке ко дню открытия школы (3 февраля), еще за неделю до этой даты, сам инспектор школы со всеми подробностями рассказывал ученикам о том, «как начиналась забота правительства об образовании киргиз, какие лица старались об этом, как подготовлялось открытие школы и кто был главным деятелем в этом; делалось сравнение между закрытой татарской учительской школой и существующей киргизской; указывалось ученикам на вред татарского фанатизма для самих же татар, и поданы были (многократно потом повторяемые) советы избегать влияния татар, как зловредных для блага киргиз. Во время большой перемены 3 февраля учителя и ученики взаимно поздравляли друг друга с днем открытия и пропели «Боже, царя храни» [1].

26 февраля инспектор школы прочел учащимся статью, в которой рассказывалось о «трех видах службы государю: из-за куска хлеба, из-за чести и из-за идей; 2 марта из книги «Государственное учение митрополита Филарета» он прочел открывок «О самодержавии, как подобии божьей власти», разъяснял ученикам, что получили казахи от царя в голодный год.

В дни коронования ученикам говорили, что христианская православная церковь «обнимает своей любовью и молитвой всех подданных государя, без различия племен и веры, и, следовательно, при таких торжественных богослужениях, какие совершаются в царские дни, могли присутствовать и магометане». Были проведены

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 203, д. 1420, л. 23.

также мероприятия по случаю 300-летия со дня смерти Яна Амоса Каменского, юбилеев Фонвизина и Кольцова.

Наряду с этим в отчете говорится об отрицательном влиянии мусульманского религиозного праздника рамазан на жизнь школы, учебу и здоровье учеников и высказывается мысль о запрещении празднования рамазана в школе. Указывается на то, как учащимся-казахам постепенно внушалась христианская вера, как приучали их участвовать на молебнах и бывать в церквах.

В заключении отчета говорится о том, что служащие школы старались сделать все, чтобы «приготовить таких учителей в русско-киргизские и киргизские училища, которые не были бы чужды православной вере, любили бы свое отечество, Россию, и были бы верноподданными государя императора» [1].

В 1892 году было разрешено принимать в учительскую школу русских детей до половины штата. На 1 января 1893 года в школе обучалось 6 русских мальчиков. Их число в 1897/98 учебном году дошло до 25.

Прием в школу русских детей, как отмечала администрация школы, явился положительным явлением. В отчете школы указывалось, что это внесло «в Оренбургскую киргизскую учительскую школу живую силу, которая дала школе совсем другую основу и направление. В первой половине 1892 года школа была только по имени русской, а в сущности она была иностранной школой, вдобавок служившей магометанству через приучение учеников к исполнению магометанской обрядности, которой ученики не знали бы, если бы оставались в степи без влияния, вероучителя и татар.

Со второй половины 1892 года, со дня приема русских учеников, Оренбургская киргизская учительская школа стала русской православной школой, которая служит России, так как сближает киргиз не только с русским языком, но и с основами русской народной жизни, в том числе с православной верой» [2].

«Как мал квас — все смешение квасит», так и прием в сем 1892 году только шести русских православных учеников повлек за собой значительное изменение жизни Оренбургской киргизской учительской школы, она по-

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 203, д. 1420, л. 36.
[2] Там же, лл. 20—21

шла по православно-русской дороге, и, кажется, повела за собой и своих учеников магометан, в направлении сближения их с русской жизнью и ее идеалами»,— так писал в отчете инспектор школы А. И. Тарновский.

«Введение в состав школы русского элемента (в лице русских учеников),— говорилось в отчете школы за 1894 год,— достигается главная цель — лучшего и скорейшего достижения учениками-киргизами русского языка, а также более тесного сближения их с русским народом в стенах воспитывающего их заведения.

...Ученики-киргизы перестали говорить в школе между собой на родном языке и более внимательно стали относиться к своим русским выражениям. От тесного общения с русскими товарищами киргизы незаметно перенимают от них не только говор, но отчасти и строй мыслей и направление,— теряют свою замкнутость и обособленность от всего русского, а вместе с тем весьма заметно сглаживается у них угловатость, резкие черты характера, облагораживается самая внешность, манеры и т. п.» [1].

Далее говорится о росте «охлаждения» учеников-казахов к отправлению магометанских религиозных обрядов и повышении их внимания к «русской обрядности».

Как видно из отчетов Оренбургской казахской учительской школы, русификаторская политика царского правительства получала яркое преломление во всей деятельности школы. Администрация школы, игнорируя национальные чувства и религиозные убеждения казахов, без всякого стеснения грубыми методами проводила обрусение учащихся, что не могло не вызывать недовольства как со стороны казахского населения, так и со стороны самих учащихся школы. Об этом свидетельствует следующий факт.

В отчете школы за 1898 год указывается на серьезное волнение среди учащихся-казахов в связи с крещением ученика второго класса Кунжарыкова, который решил бросить школу и поступить в духовную семинарию.

«Вечером 22 ноября и затем в течение целого дня 23 ноября,— говорится в отчете,— воспитанники-киргизы, за единичными исключениями, находились в ажитации, собирались толпой на площадке лестницы и столо-

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 203, д. 1424, л. 24.

вой комнаты, обсуждали поступок Кунжарыкова и высказывали недовольство на русских учеников школы» [1].

Несмотря на разъяснения инспектора школы и учителей, они «не пошли в классы и отказались продолжать учение под тем предлогом, что теперь, ввиду крещения Кунжарыкова, отцы и родственники учеников-киргиз приедут из аулов и увезут их из школы, не дав им возможность закончить образование» [2].

Не помогли и прибытие в школу попечителя Оренбургского учебного округа и его разъяснения.

Порядок в школе был восстановлен лишь 24 ноября.

Обсудив вопрос о волнении учеников, педагогический совет школы решил подвергнуть их дисциплинарным взысканиям, при этом «наиболее виновные» были присуждены к заключению в карцер, а ученик 3 класса Касым Чурин, «выделявшийся из среды других наибольшей активностью», был присужден к исключению из школы. Но, учитывая его чистосердечное раскаяние и отличные успехи в учебе, совет школы ходатайствовал перед попечителем учебного округа о смягчении ему наказания. По распоряжению попечителя исключение из школы Касыма Чурина было заменено «заключением его в карцер на хлеб и воду на сутки, с предупреждением, что при дальнейшем проступке с его стороны он может быть исключен из школы с дурным баллом по поведению» [3]. Многим ученикам были занижены баллы по поведению и объявлены выговоры педагогическим советом.

В связи с волнением учащихся в отчете делается следующий вывод: «Школа не должна задаваться миссионерскими задачами, религиозные задачи должны быть вовсе исключены из программы ее деятельности. Пока единственный случай крещения одного из учащихся киргиз объясняется всецело посторонним влиянием (вне стен школы) и едва ли послужит на благо заведению, так как, бесспорно, может легко повести к пассивному протесту со стороны взрослого киргизского населения и к уменьшению числа учащихся-киргизов. Таким образом, будет затруднено достижение школой образовательных целей и чисто культурных задач.

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 203, д. 1422, л. 24.
[2] Там же, л. 25.
[3] Там же, лл. 25—26.

Вообще, по убеждению педагогического совета школы, крайне нежелательно повторение подобных случаев, ввиду чего следует школу оградить от распространения на нее миссионерских влияний со стороны. Не следует допускать осуществления этих влияний на незрелых юношей-киргизов, учащихся в стенах закрытого заведения и обязанных за полученное воспитание службой на учительских должностях среди необразованного, полудикого мусульманского населения. Для приложения миссионерских трудов более благодарной почвой всегда останется дикая степь и взрослое, полноправное магометанство» [1].

Несмотря на то, что в отчете указывается на отсутствие влияния самой школы на случай крещения ее ученика, из приведенной цитаты видно, что наряду с миссионерами со стороны и в самой школе было приложено немало усилий в этом отношении.

«Помимо смягчения учеников-киргиз через молитву, совершение богослужения и расположения их к посещению церкви», а также кроме исторических чтений в школе, применялись и другие воспитательные меры. Например, посещение открывшейся в Оренбурге выставки картин, что «кроме эстетических целей, имело в виду ослабление неправильного мусульманского взгляда на художество», устройство елки в новый год, демонстрации картин при помощи «волшебного» фонаря, проведение праздников и т. п.

В отчете подробно описывается поездка учеников учительской школы в Москву (с 20/XII по 2/I-1893 г.) и Троицко-Сергиевскую лавру, совершенная «для того, чтобы дать возможность пополнить исторические познания и ознакомиться с Россией и жизнью русского народа».

Автор статьи — «Ученики Оренбургской киргизской учительской школы в Москве» [2] — следующим образом описывает посещение ими Третьяковской галереи. «С особенным интересом ученики и их вероучитель — мулла останавливались перед картинами Верещагина, изображающими быт Средней Азии, особливо киргизов, как, например, внутренность киргизской кибитки и т. п.; далее внимание учеников было привлечено портретами русских

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 203, д. 1422, лл. 42—43.
[2] «Московские ведомости», 1892, №№ 357, 359, 362.

писателей, особливо Гоголя и Некрасова, и, наконец, картинами Репина».

В политехническом музее учащиеся проявили особый интерес к экспонатам, которые имели некоторое отношение к быту учащихся.

Экскурсия в Москву, на что были отпущены специальные средства, наряду с познавательным значением преследовала цель внушить учащимся верноподданические чувства.

В заключение отчета школы за 1898 год выдвигается предложение о расширении школы и преобразовании ее в учительскую семинарию. Это мотивировалось тем, что в связи с увеличением начальных школ в Тургайской области, а также с предстоящим возможным увеличением их в Уральской области казахская учительская школа не смогла бы удовлетворить народные школы учителями. Предлагалось преобразовать школу в русско-киргизскую учительскую семинарию по типу Туркестанской, увеличив число стипендиатов до 70 человек (35 казахов и 35 русских).

Это требование выдвигалось и в последующие годы.

С 1891 по 1901 год, то есть за 10 лет, Оренбургскую учительскую школу окончило всего лишь 59 человек. Первых выпускников школы трудно было определить на учительскую работу ввиду крайнего недостатка казахских школ и отсутствия в них свободных вакансий учителей.

Попечитель Оренбургского учебного округа Д. С. Михайлов отмечал, что в 1885 году Орскую (впоследствии Оренбургская) казахскую учительскую школу окончило 12 казахов, которые оставались без дела ввиду того, что волостные русско-казахские школы не были открыты. «Ежегодно,— писал он,— вновь будут выпускаться киргизские учителя и не примененные к тому делу, для которого подготовлялись, через год или два позабудут пройденные специальные предметы и, таким образом, самая учительская школа не принесет той великой пользы, которая предполагалась и ожидалась от нее и правительством и населением области»[1].

Из этих 12 выпускников, как отмечал попечитель учебного округа, четверо были определены временно, на

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, д. 1398, л. 8.

два года, в Красноуфимское реальное училище для изучения некоторых технических знаний, наиболее применяемых в быту казахского населения, например кожевенного производства. Четыре выпускника должны быть временно прикомандированы к уездным центральным училищам области в качестве помощников учителей, чтобы они «не позабыли свою специальность и продолжали изучать ее на практике».

3. ТУРКЕСТАНСКАЯ УЧИТЕЛЬСКАЯ СЕМИНАРИЯ

Семинария была открыта в г. Ташкенте в 1879 году с четырехлетним курсом обучения. В первый класс семинарии было принято 20 человек (10 из Семиреченской области, 10 из Сыр-Дарьинской области). Среди учащихся русских было 18 человек, туземцев — только 2, окончивших начальные городские училища Туркестанского края 14 человек, уездные училища 1, Ташкентскую и Верненскую гимназии 5; имели опыт преподавательской работы в начальных народных школах 5 человек.

Директором семинарии был назначен надворный советник Н. П. Остроумов, который с 1877 по 1879 год был инспектором народных училищ Туркестанского края. Пользуясь своим прежним положением доцента Казанской духовной академии и преподавателя Казанской учительской семинарии, он пригласил на должности учителей начальных училищ края несколько студентов, кандидатов и магистратов миссионерского отделения Казанской учительской семинарии, некоторых выпускников Казанской духовной академии. Н. И. Ильминский писал, что Остроумов «всю душу вложил в учительскую семинарию, потому что в ней видел орудие и залог русского образования в среднеазиатских владениях России» [1].

О цели учреждения семинарии Н. П. Остроумов писал в своем отчете о работе семинарии за вторую половину 1879 года:

«Ближайшей своей задачей семинария имеет содействовать образованию туземцев Туркестанского края в духе русских государственных законов и сближению их (туземцев) с русским государством и русским народом

[1] Письма Н. И. Ильминского. Казань, 1895, стр. 49.

путем распространения среди них (преимущественно киргиз) русских правительственных школ с главными предметами преподавания в оных — русского языка и отечественной истории и географии, как основ воспитания в учащихся русского государственного и народного идеала, как единственного верного средства к сближению новопокоренных туркестанцев с новыми их правительством и Россией,— приняв временно в руководство высочайше утвержденный Устав учительской семинарии...»[1]

Главный инспектор училищ Туркестанского края в своем докладе министру народного просвещения писал о слушателях семинарии: «Эти туземцы по занятии учительской должности будут, если не самыми лучшими цивилизаторами, просветителями своих полудиких собратьев, то, по крайней мере, более способными, чем русские воспитанники, получившие такое же образование. Туземный народ гораздо доверчивее отнесется к своему собрату, чем к русскому учителю, на которого он смотрит как на кяфира. Эти воспитанники из туземцев... могут занять места учителей в туземных школах, овладеть же постепенно этими школами и подчинить их своему надзору для нас тем более важно, что влияние этих школ на массу туземного населения неотразимо»[2].

Основными предметами обучения в семинарии являлись закон божий, русский язык, русская история, география общая и «особенно русская», арифметика, чистописание и педагогика. В числе дополнительных предметов были введены казахский язык, основные начала сельского хозяйства, музыки, пения и ремесла (столярно-токарное и переплетное) и садоводства. Для проведения практических занятий по садоводству и огородничеству при семинарии имелась особая форма, на которой учащиеся занимались выращиванием и уходом за деревьями и огородничеством.

Первоначально было намечено ввести преподавание для русских учащихся узбекского и персидского языков. Но генерал-губернатор края Кауфман предложил семинарии заменить эти языки казахским. Такое предложение он мотивировал следующим: «Признавая необходимым в политических интересах нашего господства в

---

[1] ЦИА УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 115, лл. 65—75.
[2] ЦГИА КазССР, ф. 649, оп. 1, д. 75, л. 1.

Средней Азии вызвать кочевое население к самостоятельной жизни и возможному ассимилированию с Россией, я считаю, безусловно, нужным содействовать освобождению киргиз от мусульманского влияния, к чему немало способствовало бы введение между ними русской письменности. Этих задач можно достигнуть только путем распространения между киргизами русского народного образования посредством школ, в которых обучение киргизских детей русской грамоте должно вестись с помощью их родного языка»[1].

В своем отчете директор семинарии дает более подробное объяснение введению преподавания казахского языка в семинарии. Предполагалось, что русские учащиеся за время нахождения в семинарии «вполне удовлетворительно» овладеют казахским языком, «чтобы иметь возможность без затруднений объясниться на нем с будущими своими учениками из киргиз». Учащиеся-казахи должны были изучить грамматику своего родного языка в сравнении с русским языком, приобрести навык в переводе с русского языка на казахский и обратно, а также усвоить русскую транскрипцию казахского текста. Остроумов полагал, что применение в казахском языке русского алфавита без какого-либо изменения имеет «не только научное, но и политическое значение». Он считал, что казахи, не имея своего собственного алфавита, использовали измененный арабский алфавит, то есть татарско-мусульманский алфавит, который служит «естественным ключом к татарско-мусульманской грамоте». Чтобы оттеснить или, по крайней мере, ослабить среди казахов «невыгодное для русского государства татарско-мусульманское влияние», директор семинарии считал, что Россия «в своих интересах» должна прийти на помощь в развитии и образовании казахов — «не забитого, а свободного, полного духовных сил и симпатичного племени».

По мнению директора семинарии, «русская транскрипция киргизских текстов может и должна служить для киргиз естественным переходом к русской грамотности и, таким образом, с одной стороны, облегчить кир-

[1] К истории народного образования в Туркестанском крае. К. П. фон Кауфман, устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания Н. П. Остроумова (1877—1881 гг.), Ташкент, 1899, стр. 66.

гизам доступ к русской литературе, а с другой, несколько подорвать ничем незаслуженный и совсем невыгодный для России авторитет татарско-мусульманского языка и грамотности»[1].

Исторические обстоятельства, писал он далее, возложили, эту, хотя и высокую, но тяжелую обязанность на русских, которые и должны поэтому сблизить казахов прежде всего с собою, а затем через русскую грамоту, русский язык, русские законы с общими интересами образованного европейского мира. «Учительская семинария неизбежно должна принять посильное участие в в этой важной и высокой роли и без сомнения сослужить делу образования киргиз свою службу»[2].

С 1881 года преподавание казахского языка для русских учащихся велось при помощи русской транскрипции. Преподаватель казахского языка Я. Я. Лютш, окончивший восточный факультет Петербургского университета, впоследствии составил учебную книгу по казахскому языку под названием «Киргизская хрестоматия. Сборник образцов народной литературы киргиз Туркестанского края» (Ташкент, 1883 г.).

В 1884/85 учебном году по распоряжению нового генерал-губернатора вместо казахского языка начали преподавать узбекский и таджикский языки.

В своем письме к К. П. Победоносцеву 16 декабря 1883 года Н. И. Ильминский сообщил выдержки из письма учителя математики Туркестанской семинарии, которые характеризуют уровень знания семинаристов по математике. Учитель писал: «Программа математики здесь не может быть обширна, так как поступающие сюда не имеют обыкновенно понятия даже о сложении». Знания семинаристов по математике были ниже программных требований, преподаватель методики арифметики вел занятия очень просто: «он отмечал по книге Евтушевского «отсюда до сюда»[3].

Семинария имела 40 казенных стипендий. Стипендиаты по окончании курса обучения должны были прослужить 6 лет по учебному ведомству края. Лица, окончившие учительскую семинарию и желающие быть учителями в школах грамотности, оставались при образ-

[1] ЦАУ УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 115, лл. 65—75.
[2] Там же.
[3] Письма Николая Ивановича Ильминского. Казань, 1895, стр. 58.

цовом училище на пятый год для практической подготовки.

При семинарии имелся интернат на 78 человек. В 1882 году при семинарии создано образцовое начальное училище. Второе такое же училище было открыто в 1885 году (в 1894 году преобразовано в Ташкентское мужское приходское училище).

В образцовом училище при семинарии обучение велось по программе приходских училищ края.

Первый выпуск учительской семинарии состоялся в 1883 году. До 1896 года семинарию окончил 141 человек. Большинство из них стало чиновниками административных учреждений и переводчиками, а небольшая часть — учителями русско-туземных школ. В 1896 году в семинарии учились 46 человек, в том числе только 6 туземцев, к 1898 году ее окончило 177 человек, к 1904 году — 254. Многие семинаристы, отслужив срок на учительской работе, переходили на другую работу. Например, в 1889 году из 159 окончивших семинарию третья часть их бросила учительскую работу [1].

Согласно положению о Туркестанской учительской семинарии одна треть учащихся должна была приниматься из числа местных нерусских национальностей. Но этого никогда не придерживались, причем ввиду антимусульманской атмосферы в семинарии имелся значительный отсев среди учащихся местных коренных национальностей. В числе обучавшихся в семинарии за 1879—1904 годы 415 учащихся было: русских — 384 (83,9 процента), казахов — 54 (13 процентов), узбеков — 9 (2,2 процента), татар — 3 (0,7 процента), туркмен — 1 (0,2 процента). Из 254 выпускников семинарии за 1883—1904 годы дети местных нерусских национальностей составляли лишь 39 человек (11,4 процента), в том числе 38 казахов и 1 узбек.

Омская учительская семинария, основанная в 1872 году, обслуживала, главным образом, нужды Западной Сибири. Мы не располагаем данными о том, обучался ли кто-либо из Казахстана в этой семинарии в прошлом веке. Но известно, что в 1896 году в расходную смету областных денежных земских повинностей по Семиречен-

[1] *Н. П. Остроумов.* Отчет Туркестанской учительской семинарии за 25 лет существования (30 августа 1879 г.— 30 августа 1904 г.). Ташкент, 1904.

ской области внесен кредит в 900 рублей на содержание на каждого из пяти стипендиатов в Омской учительской семинарии.

4. СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ШКОЛЫ

Во второй половине XIX века на территории Казахстана существовало несколько сельскохозяйственных школ. Некоторые из них в 90-е годы были образованы из интернатов.

Перед интернатами ставилась задача — под руководством русских учителей научить детей местного населения, без отрыва от их семей, в обстановке, близкой к их быту, «рациональным приемам и навыкам сельскохозяйственной практики». Имелось в виду, что интернаты с сельскохозяйственным уклоном дадут «толчок к развитию сельскохозяйственной деятельности населения», а их выпускники «явятся проводниками сельскохозяйственного прогресса в среду туземного населения» [1].

Однако вскоре после организации интернатов практика показала, что они не достигают поставленной перед ними цели. Обучение в интернатах сводилось к изучению «грамоты и некоторых книжных знаний по вопросам сельского хозяйства», так как школы не имели ни земельных участков, ни сельскохозяйственных орудий. При этом следует отметить, что в интернаты поступали, главным образом, казахские дети, совершенно не владевшие русским языком, в результате чего большая часть времени в интернатах тратилась на изучение русского языка.

В 90-х годах в Семиреченской области школам-интернатам были выделены значительные участки земли от 150 до 500 десятин, определен штат учителей, а сами школы-интернаты отнесены к низшим сельскохозяйственным школам второго разряда, применительно к типу таких школ в европейской части России.

Сельскохозяйственные школы летом помещались на зимовках, а зимой переезжали в город. Хозяйство их не отличалось от обычного хозяйства крестьян. Школы не имели сколько-нибудь удовлетворительного полевого хозяйства, племенного скота, питомника растений и т. п. Жалованье преподавателей было скудным, поэтому должности учителей часто замещались лицами, не имев-

[1] ЦГИА КазССР, ф. 44, оп. 3, д. 22, лл. 1—11.

шими соответствующих знаний, а в Капальской школе должность учителя в течение нескольких лет оставалась незамещенной.

Эти школы не пользовались достаточным доверием у населения. В них учились, главным образом, дети бедняков.

Зимой в школах проводились теоретические и практические занятия в классах, а летом учащиеся, не имея каникул, все время были заняты на полевых и других работах. Практика сводилась к производству несложных процессов сельскохозяйственных работ, обычных для небольшого крестьянского хозяйства. Большинство учащихся не выдерживало напряженного труда, и поэтому, проучившись 2—3 года и несколько овладев грамотой, бросало школу и устраивалось на работу: казахи и киргизы — переводчиками, а русские — ветеринарными «сторожами», объездчиками или поступали на любую другую работу, не связанную с сельским хозяйством.

Все сельскохозяйственные школы были преобразованы в низшие сельскохозяйственные школы, подведомственные Министерству земледелия и государственных имуществ, в соответствии с указом от 30 мая 1894 года. Надзор за этими школами был возложен на особого агронома при Степном генерал-губернаторе.

К концу прошлого века в Семиреченской области имелись следующие сельскохозяйственные школы: Пишпекская, образованная из интерната в 1894 году, Пржевальская, открытая в 1898 году, Капальская, образованная в 1894 году из интерната, Джаркентская школа садоводства, открытая в 1896 году, и Верненская школа садоводства, открытая в 1871 году.

В среднем на содержание одной сельскохозяйственной школы при полном пансионном содержании 20 воспитанников расходовалось 6 000 рублей в год.

Сельскохозяйственные школы, так же как и предшествовавшие им интернаты, не выполняли поставленных перед ними задач.

В школах был большой отсев учащихся, их оканчивали единицы. Так, например, Пишпекскую школу с 1897 по 1912 год, то есть за 18 лет, окончило всего лишь 47 человек. Пржевальская школа с момента первого выпуска в 1902 году до 1912 года выпустила всего лишь 10 человек. Капальскую школу к 1912 году, то есть за

25 лет, окончил 21 человек. Джаркентскую школу садоводства в течение 16 лет окончил 21 человек, а выбыло без окончания школы 85 человек.

Джаркентская школа садоводства в апреле 1899 года была преобразована в низшую сельскохозяйственную школу второго разряда. Перед школой ставилась цель «распространения основных сельскохозяйственных знаний среди инородцев»[1]. В нее принимались главным образом дети казахов, уйгуров, дунган. В 1903 году в школе обучалось 25 учащихся, в том числе в подготовительном отделении — 5, в первом классе — 6, во втором — 7, в третьем — 7. В числе учащихся был только один казах (во втором классе).

Классные занятия проводились с середины января до середины марта и со второй половины октября до второй половины декабря. Остальное время отводилось на практические занятия. В учебный план школы входили общеобразовательные и специальные сельскохозяйственные предметы, а также практические занятия по сельскому хозяйству, церковное пение и ремесла — столярное и кузнечное дело, связанное с ремонтом сельскохозяйственных орудий. Учебными предметами являлись: русский язык, чистописание, арифметика, химия, физика, ботаника, зоология, закон божий, огородничество, садоводство, скотоводство, земледелие. По каждому предмету имелась определенная программа.

В практические занятия входили: сельскохозяйственные работы, работа в мастерских и дежурство в различных отраслях хозяйства.

Полевые работы учащихся в 1903 году проводились с 15 марта по 15 октября на ферме школы, находившейся в 10 верстах от школы, под непосредственным наблюдением преподавателей. Почти все виды работ на ферме велись силами учеников.

Летом рабочий день учащихся распределялся следующим образом: в 4,5 часа — подъем, утренний туалет, молитва, с 5 до 7 — труд, с 7 до 8 — чай, с 8 до 12 — труд, с 12 до 15 — обед и отдых, с 15 до 17 — труд, с 17 до 17,5 — чай, с 17,5 до 19 — труд, с 20 часов — ужин, назначение нарядов на следующий день, молитва, в 21 час — отход ко сну.

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 44, оп. 12, д. 341, св. 19, лл. 41—47.

Таким образом, учащиеся ежедневно трудились по 10 часов, что, конечно, было весьма обременительным.

В зимнее время, с 15 января по 15 марта, учащиеся обучались ремеслам.

Верненское училище садоводства (открыто в 1871 г.) помещалось в частной квартире вблизи казенного сада. В 1890 году штат школы состоял из трех лиц: заведующего училищем и казенным садом, учителя общеобразовательных дисциплин и законоучителя — священника.

В школе числилось 20 учеников, в том числе 2 туземца. Учащиеся содержались за счет доходов от лесов Семиреченской области и земских сборов. Как отмечается в отчете училища за 1890 год [1], среди учащихся серьезных проступков не было, а за малые проступки «делались или замечания или наказания вроде дежурства вне очереди или лишения отпуска в праздники к родным».

Во время общеобразовательных и теоретических занятий учащиеся делились на три отделения в соответствии с программами одноклассных приходских училищ Министерства народного просвещения. Общеобразовательные предметы и теоретические занятия по садоводству проходили, главным образом, в зимнее время. Еженедельно на изучение русского языка выделялось 3 часа, арифметики — 3, естествознания — 4, на чистописание и рисование — 3, садоводство и огородничество — 2, латинскую грамоту — 2, закон божий — 1 час.

По специальным предметам в школе использовались следующие учебники и учебные пособия: «Садоводство и огородничество» Клаусена (ч. 2), «Плодовая школа» Раевского, «Виноградарство» Ванцова, «Лесоразведение» Турского, «Сушка плодов» Черняева.

Практические занятия по садоводству, огородничеству, цветоводству, хмелеводству, шелководству и опыты по огневой сушке плодов и овощей проводились в Верненском казенном саду.

Содержание штатного персонала училища было солидным: заведующий училищем и казенным садом получал 786 рублей, учитель общеобразовательных предметов — 480, законоучитель — 120 рублей.

В 1912 году все 5 школ области были специализированы по определенной отрасли сельского хозяйства.

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 132, оп. 1, д. 6, св. 1, лл. 198—200.

В Сыр-Дарьинской области сельскохозяйственные школы имели несколько другой характер, чем в Семиреченской области. Например, в соответствии со спецификой сельского хозяйства в 1879 году в г. Ташкенте были открыты «курсы низшей геодезии», готовившие арык-аксакалов — ирригационных надсмотрщиков. В 1902 году вблизи Ташкента была открыта сельскохозяйственная гидротехническая школа, готовившая низших технических специалистов по вопросам изучения, улучшения и сооружения оросительных систем.

В Акмолинской и Семипалатинской областях Степного края низшие сельскохозяйственные школы, как и в Семиреченской области, образованы из интернатов для казахских детей.

В статье «Взгляд киргиз на физический труд» А. Курманбаев писал: «В Степном крае существуют сельскохозяйственные школы, призванные для искоренения среди киргиз ложного взгляда на труд и для обучения киргизских детей скотоводству, земледелию и разным ремеслам, но, насколько я убедился лично, прослужив в одной из этих школ $4^1/_2$ года, а в другой $1^1/_2$ года, в эти учебные заведения охотно отдают своих детей только беднейшие родители, которые уже горьким опытом убедились в необходимости для них практических сведений» [1].

В Тургайской и Уральской областях Оренбургского края и во Внутренней (Букеевской) казахской орде специальных сельскохозяйственных школ не было.

В Тургайской области военный губернатор Проценко в 80-х годах предложил создать в Кустанае, центре Николаевского уезда, особую сельскохозяйственную школу, подобно той, о которой князем Долгоруковым сделано представление учредить в имении самого князя, на берегу реки Бердянки, в 40 верстах от Оренбурга.

Ввиду отсутствия в области сельскохозяйственной школы и необходимости распространения среди казахского населения сельскохозяйственных знаний, администрация области посылала выпускников казахской учительской школы и двухклассных русско-казахских училищ в другие области России для приобретения сельскохозяйственных знаний.

---

[1] «Киргизская степная газета», 1894, 20 февраля.

В 1886 году выпускники Оренбургской казахской учительской школы Ельжан Уразов, Асылхожа Курманбаев, Валий Исмаилов и Тулебай Сарыбатыров были командированы в сельскохозяйственную школу при Красноуфимском реальном училище для теоретического и практического изучения сельского хозяйства. В 1887 году выпускник Кустанайского двухклассного русско-казахского училища Исакаев поступил в низшую русско-башкирскую сельскохозяйственную школу в г. Уфе, а выпускник казахской учительской школы Урузбаев — на сельскохозяйственное отделение Красноуфимского реального училища. В 1888 году в русско-башкирской сельскохозяйственной школе при Красноуфимском реальном училище из 20 стипендий было предназначено для казахских детей 10 стипендий, на которые в последующем году поступили выпускники русско-казахских школ Тургайской области.

Из них Жолмурзин, Кожанов и Омаров в 1889 году успешно окончили курс обучения. О них директор реального училища писал: «Кроме основательного усвоения теоретического курса сельскохозяйственных и вспомогательных к ним наук, они приобрели навык и умение в производствах мыла, выделки кож, масла и сыра; кожи, собственноручно выделанные ими, заслужили похвальный отзыв известных петербургских фабрикантов и были одобрены экспертной комиссией на сибирско-уральской выставке; мыло, ими сваренное, предпочитается местными хозяйками перед мылом, которое до сих пор вырабатывал здесь частный завод; масло, ими сбитое, настолько было прочно, что будучи несоленым, выдержало почтовую пересылку весной в С.-Петербург и пришло туда настолько свежим, что было подано к столу министра народного просвещения» [1].

В конце XIX века отмечается повышенный интерес казахского населения к обучению своих детей в сельскохозяйственных школах. По сообщению «Тургайской газеты» (1896, 25 февраля), казахи Кустанайского уезда возбудили ходатайство об открытии при Кустанайском двухклассном русско-казахском училище низшей сельскохозяйственной школы и для этой цели выделили 500 десятин из земель местных казахских обществ.

[1] *А. Е. Алекторов.* Очерк народного образования в Тургайской области. Летопись 1844—1898 гг. Оренбург, 1900, стр. 95—96.

Но казахская молодежь, окончившая сельскохозяйственное отделение Красноуфимского реального училища или русско-башкирскую сельскохозяйственную школу при училище, возвращаясь на Родину, не могла полностью приложить свои знания ввиду отсутствия соответствующих сельскохозяйственных и промышленных предприятий.

Министерство земледелия и государственных имуществ 3 июля 1896 года утвердило положение о стипендиях для казахов в Московском сельскохозяйственном институте. Этим было положено начало для получения высшего сельскохозяйственного образования казахами.

В 1898 году был решен вопрос об организации сельскохозяйственного технического отделения при Кустанайском двухклассном русско-казахском училище, на содержание которого требовалось 10 670 рублей [1]. При отделении намечалось открыть интернат на 20 воспитанников. Перед отделением ставилась задача распространения, главным образом среди казахского населения, основных сельскохозяйственных знаний в области земледелия, скотоводства, огородничества, садоводства, лесоводства и пчеловодства, а также овладения учащимися знаниями и умением по переработке продуктов полеводства и животноводства.

Предполагалось для практических занятий учащихся отделения организовать сельскохозяйственную ферму, кожевенный, мыловаренный и салотопный заводы, а также столярно-токарную и слесарно-кузнечные мастерские, главным образом, для ремонта и изготовления простейших сельскохозяйственных орудий.

5. ФЕЛЬДШЕРСКИЕ ШКОЛЫ

До 1847 года царская администрация Оренбургского края, учитывая распространение инфекционных заболеваний в казахских степях, уносивших массу людей, а также имея в виду, что на первых порах местное население с некоторым недоверием относилось к русским врачам, сделала попытки подготовить медицинский персонал из среды местного казахского населения. С этой целью «выбирались башкирские и киргизские мальчики и посылались в Казань в гимназию, в университеты для

[1] «Тургайская газета», 1898, 22 февраля.

обучения медицине, местным врачам при госпиталях давались приказы обучать инородческих детей оспопрививанию и фельдшерскому искусству»[1]. Но такие попытки оканчивались неудачами. Тогда было решено открыть фельдшерскую школу в гор. Оренбурге.

«Положение об управлении Оренбургскими киргизами», утвержденное указом 14 июня 1844 года, предусматривало, что при Оренбургской пограничной комиссии кроме врача и фельдшера будут состоять «десять учеников фельдшерского искусства и оспопрививания из киргизов, последние приготовляются при Оренбургском военном госпитале и предназначаются для орды»[2]. В приложенном к Положению штатном расписании предусматривался ежегодный отпуск 560 рублей (по 56 руб. на каждого ученика). При султанах-правителях должны были состоять по одному фельдшеру из казахов «для прививания предохранительной оспы и для подачи киргизам простейших медицинских пособий».

Фельдшеры должны были назначаться из числа выпускников фельдшерской школы при госпитале, после прохождения соответствующего испытания. Эта школа открыта в 1847 году. В 1849 году в нее поступило два казахских мальчика — Утеген Елемесов и Куганыс Жайлауов. Но один из них умер через 3 месяца, а другой через 4 месяца. «Весть о смерти их,— писал А. Е. Алекторов,— быстро разнеслась по степи и была причиной того, что при всех употребляемых со стороны начальства мерах, не только не являлось новых охотников поступить в школу, но и поступившие уже было в нее, то по болезни, то по семейным обстоятельствам стали выбывать»[3].

В 1849 году Оренбургский военный губернатор возбудил ходатайство о преобразовании фельдшерской школы в фельдшерско-ветеринарное училище. Ходатайство, возбужденное с целью подготовки ветеринаров из числа казахов для оказания помощи казахскому населению, испытывающему большие затруднения от падежа скота, было утверждено указом в январе 1850 года.

---

[1] *П. И. Столпянский.* Город Оренбург. Материалы истории и топографии города. Оренбург, 1908, стр. 175.

[2] Материалы по истории политического строя Казахстана, т. I. Алма-Ата, 1960, стр. 217.

[3] *А. Е. Алекторов.* Очерк народного образования в Тургайской области. Летопись 1844—1898 гг., вып. 1. Оренбург, 1900, стр. 11.

В 1853 году с помощью султанов-правителей в школу были доставлены три мальчика — Хамза Каржасов (12 лет), Кусан Жолболдин (14 лет) и Иманкул Кусемисов (14 лет)[1]. Но ввиду того, что помещение фельдшерской школы было занято для размещения больных холерой, эти дети временно были помещены в казахскую школу при Пограничной комиссии для обучения их чтению и письму на русском языке.

Председатель Оренбургской пограничной комиссии Ладыжинский в своем письме на имя и. о. генерал-губернатора, настаивая на принятии в фельдшерскую школу трех казахских детей, писал: «Безотлагательное образование хотя нескольких фельдшеров из киргизов было бы особенно необходимо, сколько по ощутительной необходимости в таких людях для самой орды, столько же и потому, что киргизы приохотились бы потом и сами отдавать детей своих для обучения фельдшерскому искусству, если бы на выпущенных по окончании курса в фельдшерской школе однородцах убедились и в той пользе, какую они приносят орде своими знаниями, и в том не безвыгодном положении, в каком должны будут, конечно, находиться киргизские фельдшера, имеющие получать от казны содержание»[2].

В 1857 году в фельдшерской школе находился только один ученик. Затруднения в наборе казахских детей привели Пограничную комиссию к выводу о «непримиримости» обучения казахов фельдшерской специальности. Но генерал-губернатор Безак признал, что имевшие место затруднения в наборе в школу казахских детей «не могут служить общим препятствием к продолжению этого обучения, столь полезного и необходимого для всей орды и обязательного в силу высочайшего утверждения положения 1844 года». Поэтому областное правление в 1861 году через султанов-правителей предприняло активные меры к набору учащихся, что дало некоторые положительные результаты. Но через несколько лет фельдшерская школа прекратила свое существование, так как ее контингент в 1863 году был сокращен с 10 до 4, а в 1864 году до одного ученика.

Таким образом, фельдшерская школа, открытая при

---

[1] Госархив Оренбургской обл., ф. 6, д. 6851, л. 1, 1853.

[2] Там же, стр. 9—10.

Оренбургском военном госпитале, не принесла какой-либо существенной пользы в подготовке фельдшеров из числа казахов. По заявлению П. Н. Столпянского, за все время существования фельдшерской школы с 1847 по 1871 год, то есть почти за четверть века, ее окончило всего лишь 4 казаха.

В конце прошлого века в Омске была учреждена центральная для Западной Сибири фельдшерская школа (указ от 30 мая 1878 года «для образования из среды простого преимущественно крестьянского сословия, сельских фельдшеров»). Школа содержалась за счет земских сумм Тобольской и Томской губерний, была рассчитана на 100 учащихся, в том числе 50 стипендиатов, остальные 50 учащихся могли быть вольноприходящими или частными пансионерами.

Школа имела подготовительный и три специальных класса. В нее принимались мальчики «без различия вероисповедания и происхождения» в возрасте до 17 лет. Согласно положению, пансионерами могли приниматься «мальчики киргизских, инородческих и городских обществ и частных лиц» [1].

Приходящие ученики платили за обучение по 20 руб. в год, а за содержание их в качестве частных пансионеров — по 200 руб. Если приходящие воспитанники обязывались по окончании учебы прослужить три года в Западной Сибири по назначению генерал-губернатора, то они зачислялись в школу полными пансионерами.

К сожалению, мы пока не располагаем необходимыми конкретными данными о работе Омской фельдшерской школы и о составе учащихся.

К концу XIX века после организации фельдшерских участков в казахской степи, в которых фельдшера имели приличное материальное содержание, среди казахского населения степных областей повысилось желание определять своих детей, окончивших двухклассные училища, в фельдшерские школы [2]. Но по распоряжению Тургайского военного губернатора выпускники двухклассных училищ могли поступать в фельдшерские школы, предварительно поступив во второй класс Кустанайского городского училища, при котором были открыты 5 земских стипендий по 100 рублей каждая.

[1] «Тургайская газета», 1896, 14 января.
[2] Там же.

6. РЕМЕСЛЕННЫЕ ШКОЛЫ

На территории Казахстана во второй половине XIX века имелись два ремесленных училища (в Тургае и Ташкенте), школа ремесленных учеников в Уральске.

Ташкентское ремесленное училище, открытое в 1886 году, готовило квалифицированных рабочих-столяров, слесарей, токарей и кузнецов для ремонта оборудования хлопкоочистительных и других предприятий.

Тургайское Яковлевское ремесленное училище было открыто в 1883 году по ходатайству инспектора казахских школ Ибрая Алтынсарина. Оно было рассчитано на 10 воспитанников. Учащиеся принимались в возрасте от 14 до 20 лет. В учебный план училища входили русский язык, арифметика и черчение. Программа соответствовала программе одноклассных сельских училищ. Классные занятия в младшем и старшем отделениях проводились по 12 часов в неделю, а в остальное время воспитанники занимались столярно-токарным и портняжным делом. Ввиду недостатка средств слесарно-кузнечное дело не преподавалось. Летом в течение трех месяцев учащимся предоставлялись каникулы.

Училище первоначально размещалось в шестикомнатном доме с особой пристройкой для мастерской. При открытии училища в него было зачислено 7 казахских детей.

«Оренбургский листок» от 4 декабря 1883 года в корреспонденции из Тургая сообщал о большом уважении казахов к И. Алтынсарину, «стоящему так близко к киргизскому народу и к общему научному образованию его, и притом с тактом и энергией преследующему свое общественное призвание». В корреспонденции указывалось, что казахское население, несмотря на большие бедствия, постигшие его в зимы 1878—1880 гг., обязалось вносить с каждой кибитки денежные сборы на содержание училища.

Учащиеся с большой охотой занимались ремеслами и имели по ним хорошие успехи. Изделия учащихся распродавались организациям и частным лицам, а вырученные деньги расходовались на приобретение инструментов, которые выдавались выпускникам училища.

В одном из распоряжений попечителя Оренбургского учебного округа за 1884 год отмечалось, что по сообще-

нию инспектора казахских школ Тургайской области успехи казахских учеников Яковлевского ремесленного училища за короткий срок, с 15 ноября 1883 года по 1 мая 1884 года, «оказались выше всякого ожидания». Приготовленные самими учениками крашеные стулья, столы и комоды, а равно разные азиатские платья, сшитые на швейных машинах, теперь настолько отличаются отделкой, что местные жители положительно удивляются способности киргизских учеников» [1].

На педагогической выставке в г. Оренбурге в 1898 году училище было удостоено бронзовой медали за работы по столярному и кузнечно-слесарному ремеслам.

Выпускники училища по столярно-токарному отделению определялись преподавателями столярно-токарного дела в местных двухклассных училищах, а окончившие портняжно-шорное отделение занимались портняжничеством в своих аулах.

В течение первых шести лет в училище обучалось 30 учащихся, из которых 14 человек оставили учебу до окончания училища, 6 человек окончили курс обучения (3 по столярному делу и 3 по портняжному делу), а 10 человек в 1889 году находились на учебе, из них 5 человек изучали портняжное дело и 5 человек — столярное дело.

Как видно из отчета инспектора татарских, башкирских и казахских школ В. В. Катаринского за 1889 год, казахских детей, желающих учиться в школе, было много, но недостаток помещений не позволял принять большее количество детей» [2].

Уральская школа ремесленных учеников была образована из русско-казахского училища 22 сентября 1896 года [3]. В ней обучалось 210 учеников, из них 149 находилось в начальном при школе училище, а 61 ученик — в первом классе самой школы. В интернате школы находились 36 казахских и 2 русских мальчика. Правительством были отпущены средства на содержание школы и постройку двух флигелей для начального при школе училища, слесарной и сапожно-шорной мастерских.

---

[1] Циркуляр по Оренбургскому учебному округу, № 7, 1884. Оренбург, стр. 236.

[2] ЦГИАЛ, ф. 741, Дело Департамента народного просвещения, оп. 1, 1896, д. 90, л. 1.

[3] «Астраханский вестник», 1895, 1155.

В Центральной России школы ремесленных учеников начали организовываться с 1893 года. Они являлись более низшим типом учебных заведений по сравнению с ремесленными училищами. Их цель состояла в том, чтобы дать учащимся некоторые знания и умения, необходимые для успешного изучения ими какого-либо ремесла у частного мастера. Ремесленные же училища с трехгодичным курсом обучения ставили задачу подготовки квалифицированных рабочих.

7. О РЕМЕСЛЕННЫХ КЛАССАХ И ПРЕПОДАВАНИИ РУЧНОГО ТРУДА

Министерство народного просвещения в целях распространения ремесленных знаний с 1872 года начало вводить преподавание ремесел в учительских семинариях и низших общеобразовательных школах. В положении от 31 мая 1872 года о городских училищах указывалось, что «учащиеся в городских училищах, по желанию родителей, могут заниматься простейшими ремеслами: переплетным, токарным, резьбой и т. п., для развития технических способностей». Но ремесленные занятия в городских училищах могли вводиться только в том случае, если общественные организации или частные лица принимали на себя не менее половины расходов на это мероприятие. В таком случае правительство обязывалось выделять пособие каждому училищу по 300 рублей в год.

В инструкции Министерства просвещения от 4 июня 1875 года говорилось: «В двухклассных и одноклассных училищах по мере средств и возможности вводятся: ремесла и мастерства — для мальчиков и рукоделие для девочек; сверх того, учащиеся могут заниматься в училищах, где это окажется возможным, садоводством, огородничеством и пчеловодством». Вообще двухклассные и одноклассные училища Министерства просвещения за пределами городов могли открываться в тех местностях, где земства, различные общества, организации и частные лица обязывались ежегодно выделять средства на обучение ремеслам и рукоделию, а также на приобретение учебных пособий и принадлежностей. Выручаемые от продажи изделий учащихся деньги могли расходоваться

на нужды мастерских и рукоделен, на приобретение материалов, инструментов и т. п.

Отсутствие программ ремесленного обучения в школах на протяжении продолжительного времени, а также отсутствие подготовленных преподавателей явились причиной неудовлетворительного хода обучения ручному труду в школах Казахстана. Некоторые сложные виды ремесел, как слесарно-токарное дело, являлись непосильными для детей младшего возраста. Незначительное число учебных часов, отводимых на обучение, являлось крайне недостаточным для овладения элементарными основами некоторых ремесел. Ввиду того, что обучение ремеслам было не обязательным, в ремесленных отделениях или классах наблюдалась большая текучесть учащихся, что мешало нормальному прохождению курса обучения.

Организация и руководство ремесленными отделениями поручались инспекторам народных училищ и учителям, не имеющим никакого знакомства с техническими знаниями. Кроме того, большинство ремесленных классов и отделений находилось в тесных и недостаточно оборудованных помещениях.

Программы по ручному труду в двухклассных русско-казахских училищах были выработаны только в конце прошлого века. Объем и содержание обучения ручному труду, а также перечень инструментов по ручному труду в русско-казахских училищах можно видеть из программ по ручному труду в Актюбинском и Иргизском двухклассных русско-киргизских училищах и перечня инструментов ручного труда в Карабутакском русско-казахском училище (см. приложения).

В целях распространения среди казахского населения ремесленных знаний и подготовки для этого необходимых специалистов царская администрация практиковала командирование казахской молодежи в соответствующие учебные заведения за пределы Казахстана. Например, в 1886 году 4 казахских юноши из числа окончивших Орскую казахскую учительскую школу были командированы в Красноуфимское реальное училище на 2 года «для ознакомления с теорией и практикой сельского хозяйства, с правилами обработки сырых его продуктов». С 1888 года казахские мальчики, окончившие начальные школы, начали посылаться в низшую сельскохозяйствен-

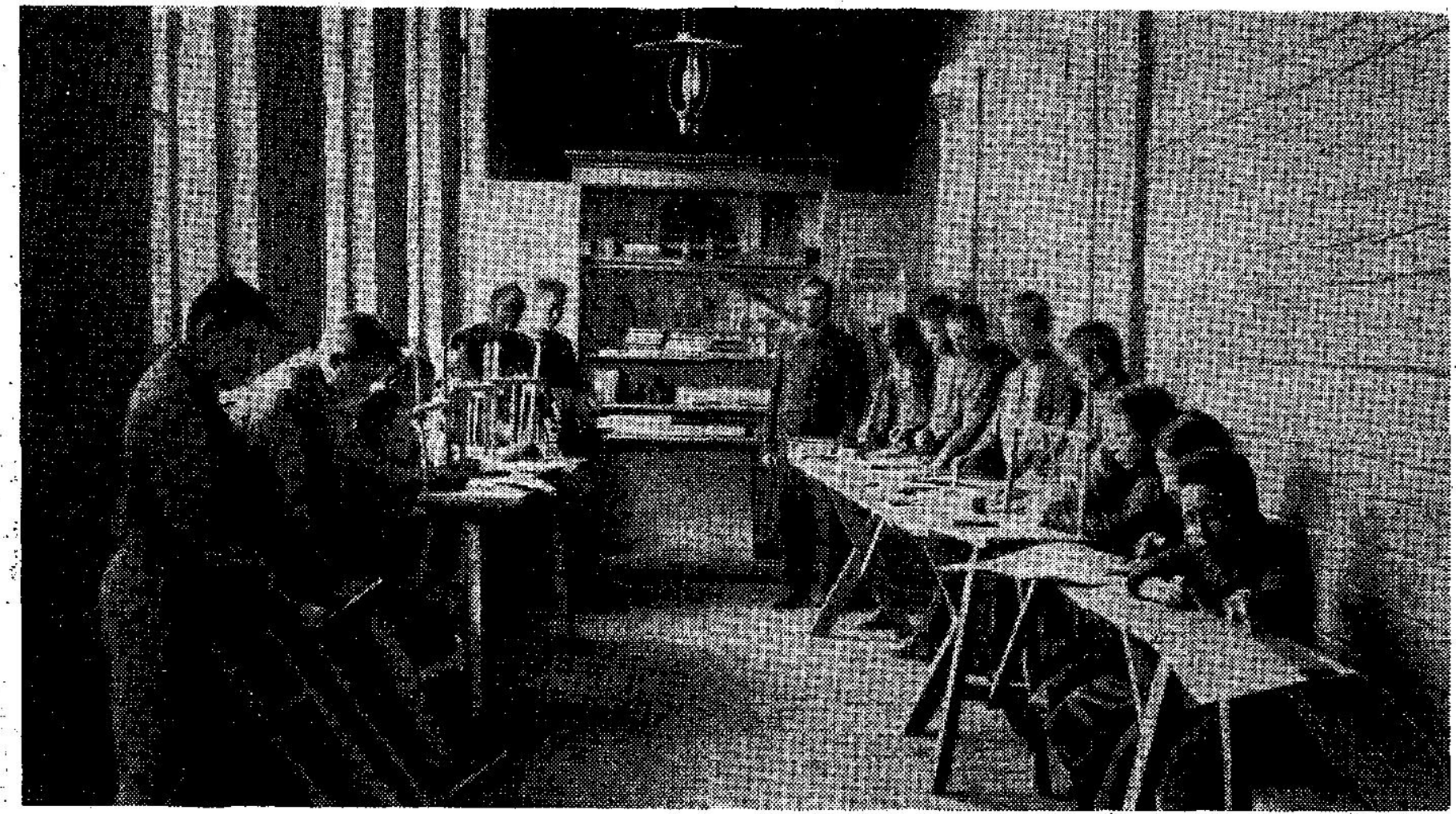
ную школу, открытую при Красноуфимском реальном училище. Попечитель Оренбургского учебного округа Михайлов о результатах обучения в реальном училище четырех выпускников казахской учительской школы сообщил министру народного просвещения следующее: «Ныне директор Красноуфимского реального училища, представляя два образца кожи, выделанные собственноручно от начала до конца упомянутыми киргизами согласно наставлениям мастера, объяснил, что теперь каждый из них может считать себя мастером этого дела и поведет его самостоятельно для пользы обучения его соотечественников». Попечитель считал «такие результаты за полугодовую практику блестящими».

Образцы двух кож были переданы Министерством народного просвещения на экспертизу С.-Петербургского практического технологического института. Профессором химической технологии Б. Т. Вылежинским и кожевенным заводчиком П. А. Осиповым были даны положительные отзывы. При этом Осипов отметил, что «кожи такой выделки для торговца представляют товар весьма хороший и могущий найти себе всегда покупателей» [1].

Инспектор татарских, башкирских и казахских школ В. В. Катаринский в результате инспектирования школ Тургайской области в 1889 году пришел к заключению, что обучение учащихся Иргизского двухклассного русско-казахского училища столярному делу совершенно излишне, так как вблизи г. Иргиза нет леса и лесной материал привозится туда из Орска с большими издержками, и, кроме того, казахи, «по своему хозяйственному положению мало нуждаются в столярах». Попечитель считал, что и переплетное дело «составляет занятие, не подходящее для степняка». «Вообще,— писал он в своем отчете,— при киргизских училищах наиболее подходящи такие мастерства, которые относятся к обработке местных произведений, а также сапожное и портняжное, необходимые в киргизском быту» [2]. Наряду с этим Катаринский поддерживал предложение учителя Сарыбатырова построить при Иргизском училище мыловаренный завод. Он также присоединился к ходатайству инспектора школ Тургайской области И. Алтынсарина о под-

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 171, 1887, д. 1772, л. 6.

[2] Там же, 1890, д. 2334, По отчетам инспекторов народных училищ Оренбургского учебного округа, л. 3.



Переплетная мастерская городского училища в Ханской Ставке (1912 г.).

держке предложений почетных блюстителей Убаганской и Джетыгаринско-Чубарской школ Жариспаева и Мурзабакина о постройке при этих школах двух кожевен. Алтынсарин предполагал летом 1889 года съездить в Красноуфимское реальное училище, чтобы лично ознакомиться на месте «с делом устройства кожевен, мыловарен и т. д., а также со способами применения растущего в Тургайской области растения «кермек» к дублению кож[1]. Но смерть Алтынсарина помешала ему осуществить это желание.

В 1898 году при каждом двухклассном училище имелось какое-либо ремесленное отделение, а при Карабутакском двухклассном училище велось обучение ручному труду. Обучение рукоделию было введено во всех женских училищах, сады и огороды разводились при трех двухклассных, пяти одноклассных и двух начальных училищах. Гимнастика преподавалась в десяти, пение в семнадцати училищах.

В целях популяризации ремесленных знаний, а также поощрения школ, учащихся и учителей за хорошие образцы ремесленных изделий учебными округами устраивались профессионально-педагогические выставки. Например, на профессорско-педагогической выставке, организованной Оренбургским учебным округом в 1898 году, в числе 194 училищ, участвовавших на выставке, были 12 русско-казахских школ Тургайской области и 3 русско-казахские школы Уральской области. Школы двух областей Казахстана представили экспонаты по ручному труду, столярно-токарному, слесарному, кузнечному и сапожно-шорному делу, по садоводству, огородничеству, пчеловодству, цветоводству, а также шитью и рукоделию. По ремесленным изделиям 3 школы, в том числе Уральская школа ремесленных учеников, были удостоены малой серебряной медали (всего присуждено 5 медалей), бронзовой медали — Тургайское Яковлевское ремесленное училище, похвального отзыва второго разряда — 1 школа; по ручному труду — удостоены бронзовой медали две школы, в том числе Казахская учительская школа, похвального отзыва — Кустанайское двух-

[1] Госархив Башкирской АССР, ф. 109, оп. 1, 1888—1890 г., д. 84. Об открытии и устройстве ремесленных отделений в училищах Тургайской области, л. 3.

классное русско-казахское училище; по садоводству, огородничеству и пчеловодству удостоены бронзовой медали Кустанайское русско-казахское училище, похвального отзыва второго разряда — одна школа. По рукоделиям удостоено бронзовой медали Карабутакское одноклассное русско-казахское женское училище, похвального отзыва — 1, второго разряда — 2, третьего разряда — 3 школы.

При выставке для учителей начальных училищ были организованы чтения в связи с обозрением выставленных образцов.

Как видно из отчета о результатах выставки [1], цель последней заключалась в том, чтобы выявить результаты обучения учащихся ручному труду и различным ремеслам, а также методы обучения, отметить недостатки и пути их устранения. В отчете указывается на то, что ремесленное обучение и ручной труд вводились в школах как необязательные дисциплины и притом в разное время и при различных местных условиях, что не могло не отразиться на разнообразии программ и методов обучения.

Попечитель Оренбургского учебного округа 12 мая 1892 года внес предложение в Министерство народного просвещения об открытии ремесленных классов при всех школах Внутренней орды. Указывая на крайнюю бедность казахского населения орды, «малую пользу, которую жителям-киргизам приносит обучение в начальных школах», а также выражая надежду, что открытие профессиональных отделений при школах будет способствовать «поднятию благосостояния» народа, он обратился с просьбой о выделении дополнительных средств на открытие при школах ремесленных отделений. Он предложил открыть отделение по сапожному делу при Камыш-Самарской школе, ремесленный класс при школе в Ханской ставке с отделением по изготовлению гнутой мебели и плетению кор. ин, хлопотал об устройстве фруктового сада при Калмыцкой школе, организации сельскохозяйственной фермы при Таловской школе. С одобрения ученого комитета Министерства народного просвещения этих предложений с незначительными изменениями Департамент государственной эк номии 13 января

[1] Циркуляр по Оренбургскому учебному округу, №№ 4 и 5, 1889.

1895 года сообщил о согласии на расходование средств на эти мероприятия [1].

Ручной труд преподавался в Оренбургской учительской школе и во всех двухклассных русско-казахских школах Тургайской области.

В Кустанайском двухклассном русско-казахском училище столярное и переплетное дело было введено в курс обучения в 1890 году, а систематическое преподавание ручного труда началось с 1896 года.

Столярное дело, рассчитанное на 3 года, преподавалось по системе Соломона с применением программ Цируля и Касаткина, а также с использованием рисунков и чертежей, составленных Пуликовским.

В помещении жилплощадью 27 кв. метров было 10 рабочих мест: на каждом из пяти верстаков работало по 2 ученика. Всего ручным трудом занимались по 3 часа в неделю 24 учащихся в возрасте от 12 до 18 лет, в том числе в первом классе — 8 и во втором — 16.

На ручной труд ежегодно отпускалось школе 260 рублей, в том числе 60 рублей преподавателю ручного труда и 60 рублей преподавателю переплетного дела. Ручной труд с 1899 года преподавал учитель Меринков, окончивший Благовещенскую учительскую семинарию.

В отчете о работе Кустанайского двухклассного русско-казахского училища, подписанном инспектором Алекторовым, отмечалось, что «ручной труд развивает в детях любовь к физическому труду, укрепляет их физические силы, приучает к порядку и воспитывает в них прилежание, внимательность и терпеливость» [2]. Указывается также на сочувственное отношение казахского населения к преподаванию ручного труда в училище. Но инспектор замечает: «К сожалению, постановка ручного труда, за недостатком средств, оставляет желать очень многого».

Ручной труд в Карабутакском двухклассном русско-казахском училище введен в 1896 году. Ввиду отсутствия специального помещения занятия по ручному труду велись во второй половине одной из ученических спален.

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 172, 1892—1907 гг., д. 272. Об открытии при всех киргизских и русско-киргизских училищах Внутренней букеевской орды дополнительных профессиональных классов.

[2] Там же, оп. 205, д. 2459. Сведения о преподавании ручного труда в Оренбургском учебном округе за 1901 г., л. 49.

Ежегодный расход на ведение ручного труда составлял примерно 85—95 рублей, в том числе преподавателю — 60 рублей, на приобретение материалов — 15—20 рублей и приобретение инструментов — 10—15 рублей.

Учитель ручного труда Г. Б. Балгымбаев, окончивший Оренбургскую учительскую школу, а по ручному труду получивший подготовку на краткосрочных учительских курсах в Оренбурге в 1893—1894 годах, преподавал в училище ручной труд с 1896 года, а общий стаж его учительской работы составлял 16 лет.

Ручным трудом в училище занимались ученики по своему желанию, начиная с четвертого года обучения; в 1901 году таких учеников было около 18 в возрасте от 12 до 18 лет. В своем отчете Балгымбаев правильно отмечал, что «занятия ручным трудом оказывают влияние на нравственность и способствуют умственному развитию учащихся. Занятый трудом ученик меньше всего думает о шалостях; все внимание его направлено к тому, чтобы осилить данную работу. Вообще ручной труд приучает детей с любовью и уважением относиться к физическому труду, воспитывает их самостоятельность, приучает к точности и аккуратности, развивает внимание, настойчивость и прилежание, а также поддерживает в учащихся здоровье организма и бодрость духа, что необходимо при воспитании и обучении детей»[1].

Наряду с этим он указывал на отсутствие специального помещения для занятий, на недостаток инструментов и материалов.

В Иргизском двухклассном русско-казахском училище в 1889 году было введено обучение столярному ремеслу. Но из-за отсутствия в Иргизе леса и трудностей его доставки успехи обучения были «незначительными». Поэтому с 1 сентября 1900 года было введено обучение ручному труду, которое состояло в «изучении основных приемов работ столярных, токарных, резных и ложкарных[2]. Преподавание ручного труда, как и в других училищах, связывалось с черчением. В 1900 учебном году ручным трудом занимались 6 учеников в возрасте 15—17 лет по 4 часа в неделю.

Заведующий училищем А. Афанасьев, подписавший отчет, отмечал, что «занятия ручным трудом производят

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 205, д. 2459. Сведения о преподавании ручного труда в Оренбургском учебном округе за 1901 г., л. 86.

[2] Там же, л. 89.

на учеников благодетельное влияние: развивают в них любовь к труду, отвлекают от праздности и в то же время дают отдых от умственных работ, развивают вкус к изящному, изощряют глазомер, ловкость рук и способствуют физическому развитию учащихся.

Кроме того, ручной труд дает учащимся и ту пользу, что, изучив те или другие приемы работы, они могут продолжать совершенствоваться в этом направлении и самостоятельно по выходе из училища применять свои знания в жизни» [1].

В Актюбинском двухклассном русско-казахском училище с 1890 года преподавалось столярное дело, а с 1900 года началось преподавание ручного труда. В обучении ручному труду в основном применялись таблицы Цируля и Касаткина, как и в других училищах, но «с пропусками и некоторыми дополнениями, применительно к киргизской жизни» [2]. Ручным трудом занимались 15 учеников по 2 часа в неделю со второго или третьего года обучения в возрасте 11—17 лет. Выпускник, окончивший Оренбургскую казахскую учительскую школу, работал учителем в училище с 1895 года, а ручной труд преподавал с 1900 года, за что получал по 5 рублей в месяц. На приобретение материалов ежегодно расходовалось 35—45 рублей и на приобретение инструментов — 25—35 рублей.

Второй инспектор школ Тургайской области И. Хохлов, препровождая попечителю учебного округа отчеты заведующих Актюбинским, Карабутакским и Иргизским училищами по преподаванию ручного труда, отмечал, что учителя стараются, по возможности, применять преподавание ручного труда к потребностям киргизского быта. Он также указывал на то, что учащиеся-казахи «охотно занимаются ручным трудом, при этом они выказывают сметливость и отличаются усидчивостью в приготовлении разных изделий ручного труда, в особенности тех предметов, которые употребляются в их домашней жизни» [3].

Ручной труд преподавался в городских и двухклассных русско-казахских школах и других областей Ка-

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 205, д. 2459. Сведения о преподавании ручного труда в Оренбургском учебном округе за 1901 г., л. 89.

[2] Там же, л. 91.

[3] Там же, л. 103.

захстана. Например, в Семипалатинском пятиклассном городском училище [1], в Верненском трехклассном городском и Капальском городском училищах Семиреченской области [2].

В Капальском училище первоначальное обучение столярному делу было начато в 1881 году по моделям, полученным от главного инспектора училищ Западной Сибири. Мастерская готовила главным образом мебель; в портняжном отделении по указаниям и образцам мастера изготовлялось мужское платье простой кройки [3].

По желанию населения г. Капала и прилегающей к нему станицы в 1884 году дополнительно были открыты слесарно-токарное и кузнечное отделения. В 1884 году в столярно-токарном классе обучалось 22 ученика, из них 8 казахов, а в портняжном — 20 учеников, из них 4 казаха. Учителями ремесел были отставные солдаты. Вырабатываемые учащимися изделия сбывались местным учебным заведениям, частным заказчикам, а также реализовались на рынке. На вырученные деньги приобретался материал для мастерских, а остаток поступал в специальные средства училища.

В рапорте и. о. военного губернатора Семиреченской области на имя Степного генерал-губернатора от 6 марта 1887 года отмечалось: «За эти годы училище не выпустило ни одного не только мастера, но даже и подмастерья, сведущего знаниями столяра или портного, ибо занимались ремеслами не более двух часов в день зимою и прекращая занятия летом. Учащиеся не успевают научиться этим ремеслам».

Сообщая о том, что «уездный начальник находит ремесленные классы вполне бесполезными, пока они состоят при городском училище и не составляют самостоятельного учреждения», он считал, что «ремесленный класс должен быть организован не для обучения детей мастером или подмастерьем, а с целью педагогических, приучения их к ручному труду» [4].

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 205, д. 5003. Опыты о классах ручного труда при учебных заведениях Зап.-Сибирского учебного округа за 1899—1900 гг.

[2] Там же, д. 5009. Сведения о преподавании ручного труда в общеобразовательных учебных заведениях Туркестанского генерал-губернатора за 1901 г.

[3] ЦГИА КазССР, ф. 90, оп. 1, св. 2, л. 94.

[4] Там же, ф. 44, оп. 6, д. 4689, 1880, лл. 68—69.

В проекте инструкции о введении в Лепсинском двухклассном мужском училище занятий по столярному, токарному и переплетному делу, составленном зав. училищем М. Затинщиковым в 1888 году, предусматривались занятия 2—3 раза по 2 часа в зимнее и 3—4 раза в летнее время. К занятиям допускались желающие учащиеся, но с согласия их родителей и по «предварительному обсуждению Советом училища их физической годности и способности» [1].

При Гурьевском, Уральском и Илекском двухклассных русско-казахских училищах Уральской области имелись ремесленные отделения.

Попечитель Оренбургского учебного округа Д. С. Михайлов предложил «дать инородцам, кроме русской грамотности и научных сведений в размере курса начальных училищ, еще профессиональное образование». Военный губернатор Уральской области поставил этот вопрос на обсуждение «съезда уездных начальников области» в 1885 году. Съезд принял решение об открытии ремесленных классов при Уральском и Гурьевском русско-казахском училищах, учредить ремесленные школы в Уильском укреплении для казахов Калмыковского уезда и в Темирском укреплении для казахов Эмбенского уезда, а также при нескольких волостных школах.

В соответствии с этим при Уральском двухклассном русско-казахском училище в 1886 году были открыты ремесленные классы — столярный, сапожный и слесарный [2], а в Гурьевском двухклассном русско-казахском училище были открыты столярные и сапожные классы в 1886 году, слесарное в 1887 году и кузнечное в 1891 году [3].

В начале 1886/87 учебного года на урочище Каракамыс Эмбенского уезда была открыта Темирская казахская волостная школа с интернатом и ремесленными отделениями — столярным и слесарно-ружейным [4].

На средства местных казахских обществ в 1886 году началось обучение учащихся столярно-малярному делу

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 143, оп. 1, д. 7, св. 1, лл. 22—24.

[2] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 171, 1886, д. 1462. Об устройстве ремесленных классов при некоторых начальных училищах Оренбургского учебного округа.

[3] Там же, оп. 205, д. 2483. Ведомость о ремесленном отделении при Гурьевском двухклассном русско-киргизском училище за 1902 г.

[4] Там же, д. 156976, л. 193.

в Карачаганской, сапожному в Караобинской и Уруткульской волостных школах [1].

Преподавание различных ремесел во многих школах задерживалось не только ввиду отсутствия необходимых средств и помещений, но, главным образом, из-за отсутствия грамотных преподавателей. Например, по поручению Пишпекского уездного начальника учителем Токмакского училища разночинцем Ровнягиным в начале 1899 года был составлен проект организации ремесленных классов при Токмакской русско-туземной школе для разночинцев. Сообщая об этом Семиреченскому военному губернатору, Пишпекский уездный начальник писал: «Надежды г. Ровнягина на наем мастеров в Верном я мало разделяю, ибо хорошие трезвые мастера имеют свои мастерские, более доходные, а бездомовые мастера — алкоголики. Поэтому следовало бы поискать мастеров, где имеются ремесленные классы, например в Омске, откуда, может быть, найдутся молодые люди, более отвечающие званию учителя» [2].

Инспектор народных училищ Семиреченской области одобрил проект Ровнягина и, соглашаясь с мнением уездного начальника в отношении трудности подыскания преподавателей ремесел, в письме к Семиреченскому военному губернатору считал целесообразным в качестве учителей приглашать выпускников учительских семинарий.

Проект организации ремесленных классов был утвержден Туркестанским генерал-губернатором только в 1901 году [3].

Несмотря на существенные недостатки (отсутствие единых программ, недостаток опытных преподавателей, неудовлетворительная материальная база) преподавание различных ремесел в школах имело положительное значение. Оно способствовало привитию учащимся трудовых навыков и воспитывало трудолюбие. Но вместе с этим в школах имело место увлечение мелкоремесленничеством и многоремесленничеством, что отрицательно отражалось на постановке учебно-воспитательной работы.

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 176, д. 1462. Ведомость о ремесленном отделении при Гурьевском двухклассном русско-киргизском училище за 1902 г.

[2] ЦГИА КазССР, ф. 44, оп. 3, св. 6, д. 857, л. 4.

[3] Там же, ф. 90, оп. 1, св. 9, д. 169 б, лл. 43—53.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрев конкретные вопросы развития просвещения, общего и профессионально-технического образования в Казахстане во второй половине XIX в., мы приходим к следующим основным выводам:

1. Присоединение Казахстана к России имело прогрессивное значение не только в экономическом и политическом отношениях, но и в развитии культуры и просвещения казахского народа. Это подтверждается открытием для детей казахского и другого нерусского населения Казахстана русско-казахских и русско-туземных школ, зарождением профессионально-технического образования, созданием определенной сети культурно-просветительных и научных учреждений и обществ, появлением органов печати и изданием литературы на казахском языке, проведением на территории Казахстана научных исследований в области географии, геологии, истории, археологии, антропологии, этнографии, филологии и т. п., что способствовало не только изучению, но и некоторому развитию экономики и культуры Казахстана.

Присоединение Казахстана к России способствовало приобщению казахского народа к передовой демократической культуре великого русского народа: изучение русского языка и ознакомление через него с передовыми демократическими идеями России, перенятие передовых форм, орудий и методов труда, предметов домашнего обихода, предметов и способов соблюдения санитарии и гигиены и т. д.

Выдающиеся достижения передовой русской науки во второй половине XIX века в области философии, естествознания, астрономии и техники, замечательные литературные произведения русских классиков, получившие мировую известность, воплощение развитых Чернышевским и Добролюбовым эстетических принципов в театральном, музыкальном и изобразительном искусстве оказали положительное влияние на развитие культуры казахского народа. В этом отношении принадлежит большая роль представителям русской демократической интеллигенции — общественным деятелям, ученым, педагогам и писателям, которые принимали непосредственное участие в развитии культуры и просвещения в Казахстане, в формировании казахской демократической интел-

лигенции. Русская прогрессивная интеллигенция в Казахстане, видя реакционный курс царизма, являлась инициатором многих общественных мероприятий (создание различных обществ для содействия развитию начального образования, организация библиотек, музеев, создание учебных пособий для русско-казахских школ и т. п.), направленных на развитие просвещения и создание новых школ для русского и казахского населения.

В книге дается теоретическое и фактическое обоснование прогрессивности присоединения Казахстана к России в области развития просвещения, школьного и профессионально-технического образования, так как эта важнейшая проблема до последнего времени не была научно подтверждена фактическим материалом.

2. Несмотря на реакционную политику царского правительства в отношении образования казахов и других нерусских народностей, несмотря на русификаторскую и миссионерскую деятельность многих представителей царской администрации и церкви в Казахстане, общественно-педагогическое движение в России, передовая русская демократическая культура и ее видные деятели оказали благотворное влияние на развитие просвещения, школ и педагогической мысли в Казахстане.

Появление ряда педагогических изданий в России в 60-х годах, реформа начальных и средних учебных заведений, прогрессивная педагогическая мысль России, развивавшаяся по двум направлениям (революционно-демократическое и буржуазно-демократическое), особенно педагогические идеи «учителя русских учителей» К. Д. Ушинского, оказавшие огромное влияние на передовых педагогов — демократов народов России и славянских стран, способствовали развитию педагогической мысли как в центре, так и на окраинах России, в том числе и в Казахстане.

3. Раздробленность территории Казахстана, отсутствие единой государственности как до присоединения Казахстана к России, так и после его присоединения, естественно, не могли не отразиться на общем состоянии культуры и просвещения.

Казахстан являлся одной из отсталых окраин царской России, но в отношении численности школ и учащихся, а также некоторых других показателей он стоял несколько выше ряда областей России. Например, Акмо-

линская область, где имелось большое число русских переселенцев-крестьян и русских казахов, по процентному отношению к числу населения и к числу детей школьного возраста среди 89 губерний и областей России занимала 75 место, а Тургайская область, преимущественно населенная казахами, занимала 81 место. Однако общая грамотность среди казахского населения Казахстана составляла всего лишь 1,2%. Правительство отпускало на нужды просвещения мизерные суммы. Поэтому большинство начальных школ Казахстана содержалось, главным образом, за счет общественных средств населения.

4. Система школьного образования Казахстана являлась неразрывной частью общероссийской школьной системы. Но, наряду с этим, царское правительство создавало отличные от русских школ особые типы учебных заведений для казахского и другого нерусского населения (русско-казахские двухклассные училища, одноклассные волостные и участковые училища, аульные и старшинские школы, русско-туземные училища и школы).

Русско-казахские и русско-туземные школы, несмотря на некоторые их недостатки, сыграли положительную роль в развитии культуры и народного образования в Казахстане, и приобщении казахского народа к великой русской культуре, в формировании казахской демократической интеллигенции.

Царское правительство, допуская детей султанов и другой байско-феодальной знати в русские школы, а также открывая русско-казахские и русско-туземные школы, преследовало определенные политические цели — создать для себя опору среди казахского и другого нерусского населения в лице зажиточной верхушки населения и вкупе с ней проводить колонизаторскую и русификаторскую политику. Однако такая цель царизма не оправдалась, так как большинство из незначительного числа выпускников этих школ, не занимая должностей чиновников царской администрации, избирали такой род деятельности, который не входил в расчеты царской администрации. Кроме того, наиболее одаренная часть выпускников русско-казахских школ становилась в ряды демократической интеллигенции.

Казахские аульные школы, предназначенные для детей простого народа, начали создаваться только в конце прошлого века и за исключением Тургайской области

они не получили широкого распространения в Казахстане.

В системе школьного образования различных областей Казахстана, входивших в различные учебные округа, имелись некоторые специфические особенности, о чем сказано в соответствующих главах книги.

Основными причинами слабого развития школьного образования в Казахстане являлись: недостаток материальных средств и учительских кадров, а также слабая материальная база школ.

Система школьного образования в Казахстане в начале века до Великой Октябрьской социалистической революции оставалась почти неизменной, а дело народного образования не получало заметного развития. Колонизаторская политика царизма и патриархально-феодальные устои в жизни казахского народа являлись оковами, которые сковывали успешное развитие культуры и просвещения в Казахстане.

5. Зачатки профессионально-технического образования в Казахстане начали зарождаться в 80-х годах прошлого века под влиянием развития производительных сил и профессионально-технического образования в России. Однако господство феодально-патриархальных отношений в Казахстане и реакционной политики самодержавия ограничивали его развитие.

Вместе с этим зарождение профессионально-технического образования в Казахстане, а также введение преподавания в школах различных ремесел и ручного труда имели прогрессивное значение. Они способствовали пропаганде и распространению профессионально-технических знаний, подготовке учителей, ремесленных мастеров, работников сельского хозяйства, а также трудовому воспитанию учащихся.

В конце прошлого и в начале нынешнего века царская администрация в Казахстане пыталась сделать предпочтение профессионально-техническому образованию и трудовому обучению в школах Казахстана и, по политическим и практическим соображениям, поэтому оно мало уделяло внимания общеобразовательным дисциплинам.

Во второй половине XIX века и в особенности в конце его наиболее остро стоял вопрос о подготовке учительских кадров, а также квалифированных работников для сельского хозяйства. Другие же отрасли профессио-

нально-технического образования, особенно техническое образование, не получили развития: промышленно-технических училищ в Казахстане не было.

6. Передовая педагогическая мысль Казахстана во второй половине XIX века была сосредоточена вокруг ряда жгучих педагогических проблем. Среди них немаловажное значение имеют такие вопросы, как обучение казахских детей на их родном языке, светское и реальное образование, женское образование, введение в школах прогрессивных методов обучения, создание на родном языке доброкачественных учебников и учебных пособий и т. п.

Первый казахский ученый Ч. Валиханов, первый казахский педагог И. Алтынсарин и великий казахский поэт и мыслитель А. Кунанбаев, которые горячо выступали за тесное сближение между казахским и русским народами, за перенятие казахами передовой русской культуры и обучение казахских детей в русских школах и русской грамоте, высказывали ценные мысли по вопросам образования и воспитания молодежи. Они выступали за широкое умственное образование и особенно нравственное воспитание подросткового поколения.

Однако эти вопросы, т. е. основные проблемы педагогической мысли Казахстана во второй половине XIX века и педагогические идеи казахских просветителей, являющиеся третьей частью монографического исследования автора, не вошли в данную книгу и ожидают своего обнародования.

7. Только после Великой Октябрьской социалистической революции на основе невиданного подъема экономики расцвела культура Советского Казахстана: в республике произошла подлинная культурная революция. Совершенно заново было создано народное образование; республика стала страной сплошной грамотности.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПОЛОЖЕНИЕ
О КАЗАХСКОЙ ШКОЛЕ ПРИ ОРЕНБУРГСКОЙ ПОГРАНИЧНОЙ КОМИССИИ

(утверждено 14 июня 1844 г.)

§ 1. При Оренбургской пограничной комиссии учреждается школа на 30 воспитанников из киргизов.

§ 2. Главная цель учреждения школы, кроме распространения между киргизами знания русского языка и некоторой грамотности, состоит в приготовлении способных людей к занятию по пограничному управлению мест письмоводителей при султанах-правителях и дистаночных начальниках в орде, а также к исправлению и других должностей, на которые исключительно назначаются киргизы.

§ 3. Школа состоит в непосредственном ведении Пограничной комиссии; ближайшее же наблюдение за оною возлагается на товарища председателя, а за неимением его или в случае продолжительного его отсутствия, на одного из советников комиссии, по выбору председателя и с утверждения оренбургского военного губернатора.

§ 4. При школе состоят: надзиратель (имеющий помещение в доме, занимаемом школою), учитель русского языка, чистописания и арифметики, учитель татарского языка и законоучитель магометанского исповедания.

§ 5. Порядок определения и увольнения поименованных выше лиц означен в Положении об управлении оренбургскими киргизами (§§ 23, 24 и 25).

§ 6. Исправление должностей надзирателя, а также учителей при школе считается действительною службой.

§ 7. Надзирателю вверяется ближайшее заведование школою и надзор за воспитанниками. Он выбирается преимущественно из отставных военных офицеров или

из гражданских чиновников, соединяющих нужные для сего и нравственные и другие качества.

§ 8. При учениках для постоянного за ними присмотра находятся два отставных унтер-офицера, выбираемые из людей благонадежных.

§ 9. Школа помещается в доме, принадлежащем Оренбургской пограничной комиссии.

§ 10. Суммы на содержание воспитанников и всей школы, а также на жалованье всем лицам, при ней состоящим, определены штатом управления оренбургскими киргизами.

§ 11. На сумму, назначенную сим штатом на отопление и освещение школы, наем служителей и прочие расходы, будут также относиться ремонт заведения и покупка учебных припасов и учебных пособий.

§ 12. Воспитанники принимаются в школу исключительно из одних киргизов, и преимущественно из таких, коих родители оказали правительству услугу или же известные по своей особенной оному преданности.

§ 13. Прием в школу воспитанников делается с утверждения председателя Пограничной комиссии.

§ 14. Никто из молодых киргизов не принимается в школу без согласия на то родителей.

§ 15. Кроме определенного сим положением числа штатных воспитанников, находящихся на казенном содержании, могут быть принимаемы в школу, смотря по возможности, и сверх штата воспитанники на собственном им иждивении (но не иначе, как из киргизов же) или же вольноприходящие молодые киргизы, что предоставляется ближайшему усмотрению Пограничной комиссии.

§ 16. Возраст для вступления в школу полагается от восьми до двенадцати лет; срок же учения — от шести до семи лет.

§ 17. Согласно с самою целью учреждения сей школы, предметы учения в ней суть следующие: а) русский язык, б) чистописание, в) арифметика и способ счисления на счетах, г) татарский язык, д) закон магометанский и е) составление деловых бумаг на русском языке.

§ 18. От усмотрения начальства зависит и расширить несколько круг учения, сообразуясь однако же с главною целью, выясненною в § 2.

§ 19. В содержание воспитанников нужно, по возмож-

ности, применяться к их образу жизни в степи, и для того в летнее время отправлять их на кочевку в одно из ближайших и удобных для сего мест, где за ними также должен быть приличный присмотр.

§ 20. Одежда казенных воспитанников заведения должна быть однообразная и примененная к одеянию киргизов.

§ 21. В обязанности врача Пограничной комиссии входит также посещение и пользование больных воспитанников, для коих, смотря по надобности, может быть усмотрена в доме, занимаемом школою, особая камера. Одержимых тяжкою или продолжительною болезнью начальство может переводить в военный госпиталь.

Примечание. При самом приеме воспитанников в заведение обращается особое внимание на состояние их здоровья, и для сего они должны быть предварительно свидетельствуемы врачом комиссии. Те из воспитанников, которые не имели еще оспы, при поступлении в школу должны быть подвергнуты оспопрививанию.

§ 22. Надзиратель представляет товарищу председателю (который есть как бы попечитель киргизской школы) или же заменяющему его советнику срочные рапорты и ведомости, по установленной форме, о состоянии школы, поведении, а также успехах воспитанников и т. п., в конце же года он представляет начальству отчет о состоянии школы по всем частям.

§ 23. Надзиратель ведет также установленные книги расходов по суммам, на содержание школы отпускаемым, и по окончании года представляет сии книги в Пограничную комиссию, которая уже передает их потом на ревизию в казенную палату.

§ 24. Пограничная комиссия представляет как оренбургскому военному губернатору, так и азиатскому департаменту годовые отчеты о состоянии школы (о числе воспитанников, занятиях их и оказываемых успехах, а также по хозяйственной части заведения).

§ 25. Годичные испытания ученикам делаются в определенное для сего по усмотрению начальства время. Лучшим воспитанникам даются похвальные листы и другие приличные награды.

§ 26. Распределение воспитанников по должностям по окончании ими курса в сем заведении будет зависеть

от распоряжений Пограничной комиссии, которая об определении их доносит военному губернатору.

§ 27. Отличнейшим из воспитанников, вышедшим из заведения, Пограничная комиссия ведет список и имеет их в виду для преимущественного замещения ими открывающихся вакансий по пограничному управлению в Орде.

§ 28. Из них по усмотрению начальства могут быть избираемы и заседатели в Пограничную комиссию, но не прежде, однако же, как когда они прослужат, по выходе из заведения, по крайней мере, пять лет в Орде при отличном там поведении, засвидетельствованном местным киргизским начальством *.

ИНСТРУКЦИЯ
ДЛЯ РУКОВОДСТВА К ПОЛОЖЕНИЮ О КАЗАХСКОЙ ШКОЛЕ ПРИ ПОГРАНИЧНОЙ КОМИССИИ

(утверждена Тургайским губернатором 16 августа 1849 г.)

§ 1. В состоящую при Пограничной комиссии школу должны быть принимаемы на точном основании § 12 Высочайше утвержденного положения дети вообще киргизов и преимущественно оказавших заслуги правительству и известных ему по своей преданности.

Примечание. Под сим должно разуметь как дети киргизских султанов, биев, старшин, так и детей простых киргизов, лишь бы они были преданными правительству.

§ 2. Общий прием воспитанников в школу производится через каждые два года, 22-го августа; но в случае открытия вакансии среди учебного года можно заменить оную во всякое время.

§ 3. С просьбами о помещении воспитанников в школу ордынцы обращаются в Пограничную комиссию или к султану-правителю, который делает о том представление в комиссию с засвидетельствованием о преданности просителя к правительству.

§ 4. Законоучитель магометанского вероисповедания определяется Оренбургским военным губернатором, по

* Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе, т. XIX, № 17999, 14 июня 1844 г.

представлению Пограничной комиссии, из мулл, одобренных оренбургским духовным магометанским собранием.

§ 5. Учителя русского и татарского языков, чистописания и арифметики определяются с разрешения оренбургского военного губернатора, из учителей Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса и воспитанников, окончивших курс наук в этом заведении или в Казанском университете, а преподаватель производства следственных дел и составления деловых бумаг избирается г. председателем из чиновников Пограничной комиссии из секретарей, без особого денежного вознаграждения; учитель же гимнастики приглашается из Неплюевского кадетского корпуса.

§ 6. Учитель русского языка должен знать и татарский язык, потому что без знания его он не может с должным успехом правильно преподавать свой предмет.

Обязанность и ответственность чинов

§ 7. Все распоряжения по школе зависят от разрешения Пограничной комиссии, но в делах, требующих особенной важности, она представляет оренбургскому военному губернатору, а сей, если найдет за нужное, доводит о том до сведения азиатского департамента.

§ 8. Товарищ председателя Пограничной комиссии, который есть как бы попечитель киргизской школы, непосредственно наблюдает за точным и успешным исполнением надзирателем и учителями своих обязанностей, за способом и порядком преподавания воспитанникам наук и вообще за умственным и физическим их образованием, соответственно предназначению, а также за приличным содержанием воспитанников.

§ 9. Надзиратель школы, как ближайший начальник и исполнитель всех распоряжений по части хозяйственной и полицейского управления, обязан строго наблюдать: 1) за нравственностью, сохранением здоровья и успешным обучением воспитанников, 2) за опрятностью и чистотою в одежде и помещении воспитанников, 3) за соблюдением в школе должного во всем порядка, тишины и благоустройства и 4) за сбережением всех вообще вещей и припасов, школе принадлежащих.

§ 10. Надзиратель школы прямых сношений с дру-

гими местами и лицами не имеет, но в случае надобности обо всем доносит и представляет товарищу председателя.

§ 11. О замеченном упущении или нерадении со стороны надзирателя или учителей в исполнении ими своих обязанностей товарищ председателя немедленно доводит до сведения Пограничной комиссии.

§ 12. Надзиратель обязан иметь должное попечение о своевременном заготовлении всех вообще припасов как для продовольствия, так и для обмундирования воспитанников школы.

§ 13. О всех потребных расходах по школе надзиратель представляет через товарища председателя, своевременно Пограничной комиссии, которая, смотря по мере действительной надобности, отпускает потребную сумму, за правильным употреблением коей наблюдает товарищ председателя.

§ 14. Учителя должны заботиться, чтобы назначенные им для преподавания в каждом классе предметы были преподаваемы воспитанникам со всевозможною ясностью. Они в особенности ответствуют за успешное образование воспитанников в науках.

Образование воспитанников

а) предметы обучения

§ 15. Согласно с самою целью учреждения сей школы предметы учения в оной суть следующие:

1) закон магометанский,
2) русский язык, чтение, чистописание и грамматика,
3) арифметика и способ счисления на счетах,
4) татарский язык,
5) порядок производства следствий и составление деловых бумаг на русском и татарском языках,
6) гимнастика.

Примечание. Гимнастике обучать в тех только видах, чтобы доставить воспитанникам род упражнений, полезный для их здоровья, и чтобы сидячая жизнь не могла иметь слишком вредного влияния на молодых людей, с малолетства привыкших к кочевой жизни и движению. Поэтому гимнастические упражнения отнюдь не должны быть поставлены наряду с прочими предметами преподавания, и по оным не следует требовать никаких баллов, удостоверяющих в успехах воспитанников и принимаемых в соображение при

переводе их из низшего класса в высший. Сверх сего гимнастику, согласно желанию Министерства иностранных дел, выраженному в отношении ко мне, ввести не вдруг, а спустя несколько времени и удостоверившись наперед, что киргизы не будут слишком ее чуждаться; во всяком же случае не приневоливать их к сего рода занятиям, а скорее приохочивать, и чтобы оные были для них приятным развлечением.

§ 16. Преподавание наук разделяется на четыре класса. В первом классе преподается: 1-й год — русская и татарская азбука, чтение и чистописание на обоих языках; 2-й год — краткий катехизис (иман шариат), чтение афтиака (7-й части Корана), начало арифметики (нумерация). Во втором классе: 1-й год — начальные правила магометанской веры, окончательное чтение 7-й части Корана, начальные основания русской и татарской грамматик и письмо под диктовку на обоих языках; первые четыре правила арифметики, способ решения задач, правила класть на счетах, чистописание по-русски и по-татарски; 2-й год — начальное толкование Корана, чистописание по-русски и по-татарски, продолжение русской и татарской грамматик до синтаксиса, легкие переводы, приспособленные к пройденному в грамматике, с русского языка на татарский и обратно (под руководством переводчика Пограничной комиссии), простые дроби и именованные числа. В третьем классе: 1-й год — продолжение толкования Корана, окончание русской и татарской грамматик, окончание арифметики, способ решения задач, переводы с русского языка на татарский и обратно, чистописание под диктовку по-русски и по-татарски; 2-й год — окончание толкования Корана, практическое повторение русской и татарской грамматик, составление несложных деловых бумаг, производство следственных дел и повторение арифметики. В четвертом классе, где воспитанники находятся только один год,— упражнения в легких сочинениях на обоих языках, составление более сложных деловых бумаг и рассмотрение таковых же следственных дел с практическим повторением пройденного, составление из следственных дел выписок; кроме этого, врач и ветеринарный лекарь Пограничной комиссии обучают воспитанников прививанию оспы, кровопусканию и ветеринарной науке, только в мере, необходимой по наглядному распознаванию и лечению главнейших заразительных болезней, существующих на скот в Оренбургском крае.

Примечание. Объяснение законов, а также знание следственного порядка для воспитанников полезно, потому что они могут быть назначены депутатами к следствиям по делам между ордынцами и линейными жителями, а в Орде могут сами, по назначению правителей, производить следствия.

§ 17. Преподавание предметов обучения производится каждодневно, исключая табельные дни, пятницы и главные магометанские праздники. В табельные дни все воообще воспитанники повторяют уроки, а в пятницу и магометанские праздники водят их в мечеть для слушания соборного богослужения; в воскресные же дни воспитанникам преподается магометанский закон и татарский язык.

§ 18. Кроме означенных дней, воспитанники освобождаются от занятий в четверг после обеда.

§ 19. Распределение времени для учения по дням и часам, то есть в какие дни воспитанники должны обучаться наукам, гимнастике, а также для отдыха, зависит от усмотрения товарища председателя; составляемые им по этому предмету расписания вносятся на утверждение председателя комиссии. При переменах их соблюдается тот же порядок.

§ 20. Воспитанники в школе встают в 7 часов утра, завтракают в 8, от 9 до 11 часов учатся в классе, в 1-м часу обедают, после обеда вновь учатся от 2-х до 4-х часов в классах, ужинают в 8, ложатся в 9 часов вечера.

§ 21. Сверх сего для каждого из трех последних классов определяется по два часа в сутки занятия под наблюдением надзирателя школы, для повторения и приготовления уроков,— час до обеда и час после обеда.

§ 22. Если кто из родителей, родственников и опекунов пожелает взять к себе воспитанника на время вакации, то с разрешения Пограничной комиссии таковые отпускаются в Орду, если это не будет сопряжено с дальностью расстояния, с тем, чтобы они непременно доставили воспитанника в школу к окончанию вакации под личною своею ответственностью. Наблюдение за воспитанниками во время нахождения их у родственников в Орде, а равно за своевременным доставлением их в школу вменяется в непременную обязанность киргизским султанам или старшинам тех аулов; о случившемся же что-либо с воспитанником они немедленно доносят комиссии.

Примечание. Тех из воспитанников, которые не могут быть взяты почему-либо на вакацию к родственникам, отправлять на это время, согласно § 19 Высочайше утвержденного 14 июня 1844 г. положения о школе, на кочевку в одно из ближайших и удобных для сего мест.

Испытание и выпуск воспитанников из школы:

§ 23. Учение классное продолжается до 1 мая; с 1 по 20 мая учителя обязаны повторить вместе с учениками все пройденное в течение учебного года; с 25 мая производятся частные испытания и оканчиваются к 10 июня; с 15 июня назначается вакация и продолжается до 15 августа.

§ 24. Частные испытания производятся учителями в присутствии товарища председателя и надзирателя школы, а также могут быть при этом отцы детей, воспитывающихся в школе.

§ 25. Окончившим курс учения воспитанникам перед выпуском из школы, что бывает через каждые два года, производятся 10 июня публичные испытания; при этом присутствуют: председатель Пограничной комиссии, товарищ его, он же и попечитель школы, советники комиссии, надзиратель школы и учителя, а сверх того приглашаются на оные родственники учащихся и другие посетители и известные киргизы.

§ 26. По окончании экзаменов делаются переводы воспитанников из одного класса в другой и самый выпуск из школы.

§ 27. Прежде выслушания двухлетнего курса в одном классе воспитанники не могут быть переводимы в следующий класс.

§ 28. Для удостоверения успехов в науках и поведения воспитанников назначается следующее число баллов:

В законе магометанском	12
В русском языке	12
В арифметике	12
В порядке делопроизводства следствий и составления деловых бумаг	12
В татарском языке	12
В поведении	12
Итого	72

§ 29. По окончании экзамена товарищ председателя представляет экзаменационные списки через Погранич-

ную комиссию в двух экземплярах оренбургскому военному губернатору, который один экземпляр препровождает в азиатский департамент министерства иностранных дел.

§ 30. Списки сии должны быть за подписью председателя Пограничной комиссии, товарища его, советников, надзирателя школы и учителей.

§ 31. Воспитанники, оказавшиеся вовсе не способными к умственному образованию по тупости и нерадению или замеченные в дурном поведении, если не будет в виду мера исправления, по удостоверении товарища председателя исключаются по распоряжению Пограничной комиссии из школы и возвращаются через местное ордынское начальство к родителям их или опекунам.

§ 32. Воспитанники, оказавшиеся не способными к учению по слабости здоровья или по каким-либо хроническим болезненным припадкам, тем же порядком возвращаются из школы к родителям, которым, впрочем, предоставляется право по выздоровлении детей снова определять их в школу, если в оной не будет штатного числа воспитанников.

§ 33. Пища воспитанников должна быть сытная, но простая, более примененная для азиатцев.

Отчетность

§ 34. Сумма на содержание воспитанников и всей школы, а также на жалование чинам, при ней служащим, отпускается по мере действительной надобности в ведение надзирателя школы, который обязан вести приходно-расходные денежные шнуровые книги, а также всем вообще припасам и вещам школы. Для сего выдаются надзирателю каждогодно четыре шнуровые книги: 1) о денежной сумме, 2) о съестных припасах, 3) учебных вещах и 4) разных хозяйственных принадлежностях.

§ 35. Книги сии выдаются из Пограничной комиссии за подписью и печатью оренбургского военного губернатора, каковые и ведутся в законном порядке.

§ 36. Суммы, принадлежащие школе, хранятся в сун-

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 4, д. 3107, св. 277, лл. 438—446, 1847 г.

дуке при Пограничной комиссии в определенном количестве, а затем остальные деньги иметь в общей кладовой, отпуск же в школу денег производить по мере надобности, по требованию надзирателя школы и по журнальным постановлениям комиссии.

§ 37. По прошествии каждого месяца товарищ председателя и надзиратель школы подробно доносят Пограничной комиссии: первый о состоянии всех частей школы, о прибыли и убыли воспитанников, о поведении, об успехах их, о больных и о прочем, а второй о расходах сумм и припасов и о состоянии оных в наличности; комиссия же доносит об этом военному губернатору [1].

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 4; д. 3107, св. 277, лл. 438—446, 1847 г.

ПОЛОЖЕНИЕ
О ШКОЛАХ ПРИ УКРЕПЛЕНИЯХ

(утверждено оренбургским и самарским генерал-губернатором 18 октября 1862 г.)

Общие положения

§ 1. Штат каждой из школ ограничивается 25 воспитанниками из киргизов, с одним для них учителем, который есть вместе и смотритель школы.

§ 2. Право помещения детей в школу предоставляется преимущественно ордынцам, состоящим на службе по степному управлению; пока же школы не пополняются детьми таковых, принимаются в оные все желающие из киргизов, без различия происхождения и состояния, а на первое время даже и взрослые.

§ 3. Прием воспитанников на вакансии производится в течение целого года, за исключением вакационного времени.

§ 4. Для поступления в школу не требуется от самого желающего или родителей его и родственников никакой другой формальности, кроме явки к смотрителю, который докладывает об этом словесно начальнику укрепления или форта и, по получении от сего последнего письменного предписания, заносит явившегося в список воспитанников по особой форме, у сего прилагаемой, с обозначением имени, отчества, возраста, рода, отделения, звания родителей и времени поступления. Самые же предписания присоединяются к документам о расходе денег.

§ 5. При полном комплекте воспитанников желающие поступить в школу вносятся в тот же список в качестве кандидатов и принимаются на открывающиеся вакансии по старшинству заявленного желания и с соблюдением изложенного в предыдущем § порядка. При этом предоставляется преимущество для поступления в школы детям должностных ордынцев, по § 2.

§ 6. Для оставления школы также не требуется как со стороны поступавшего по собственному желанию, так и со стороны родителей или родственников отданного ими воспитанника, ничего иного, кроме словесного о том заявления смотрителя, который докладывает о сем начальнику форта или укрепления, а сей последний дает

смотрителю предписание об увольнении. Смотритель, получив это предписание, отмечает в особой графе списка, что такой-то воспитанник выбыл тогда-то, по такой-то причине, с самим же предписанием поступает по правилам, изложенным в § 4.

§ 7. Выбывшие из степных школ по болезни или другим причинам, кроме объясненных ниже, воспитанники принимаются вновь в школу, но не иначе, как с соблюдением правил, объясненных в §§ 4 и 5. Воспитанники же, исключенные за леность или дурное поведение, вновь в школы не принимаются.

§ 8. Кроме воспитанников из киргизов дозволяется допускать к обучению в степных школах и детей русских поселенцев при укреплениях, но не иначе, как в качестве приходящих. Обучение киргизской грамоте для детей этих не обязательно.

§ 9. Учителями в степные школы определяются преимущественно молодые киргизы, окончившие курс учения в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе или школе для киргизских детей при областном правлении оренбургскими киргизами, причем они должны хорошо знать разговорный русский язык.

§ 10. Определение и увольнение школьных учителей в Оренбургское и Уральское укрепления зависят от областного правления, а в форты № 1 и Перовский — от командующего Сыр-Дарьинскою линией; от них же зависит и представление означенных лиц к наградам во время прохождения службы в учительских должностях.

Примечание 1. Учитель школы может исправлять, оставаясь при этой должности, и обязанности переводчика при начальнике укрепления с получением жалования, присвоенного этой последней должности, но в таком случае начальник укрепления не может командировать его никуда в окрестности иначе, как в течение вакационных летних месяцев.

Примечание 2. В случае соединения обязанности учителя с обязанностями переводчика жалование по первой должности назначается в размере 200 рублей, а остальные 100 рублей выдаются фортовому священнику за обучение русских мальчиков закону божию.

Часть учебная

§ 11. Курс учения в степных школах полагается следующий: а) чтение и письмо на киргизском и русском языках, б) первые четыре правила арифметики и в) пе-

реводы с киргизского языка на русский и обратно, с объяснением при этом грамматических форм обоих языков.

§ 12. Главное внимание должно быть обращено на обучение воспитанников русскому языку, но русской грамматике следует учить только мальчиков, умеющих уже по-киргизски читать. Обучение арифметике должно начинаться, когда воспитанник выучился читать по-русски и по-киргизски.

§ 13. Во избежание необходимости делить воспитанников по успехам на классы, что при одном учителе невозможно, способ учения в степных школах полагается применительный к ланкастерскому, то есть учитель обучает только способнейших и прилежнейших из воспитанников, а эти, приобретенные от учителя знания, передают другим.

§ 14. Учебное время разделяется на утреннее и послеобеденное, каждое по три часа в сутки. Утреннее в течение сентября, октября, марта, апреля и мая начинается с 8 часов утра и продолжается до 11; в зимние же месяцы: ноябрь, декабрь, январь и февраль — начинается в 9 и продолжается до 12 часов. Послеобеденное время во все месяцы года, когда производится учение, начинается в 2 и оканчивается в 5 часов пополудни.

§ 15. Летние вакации полагаются с 1 июня по 1 сентября. На это время все воспитанники, имеющие родителей или родственников, распускаются по кочевьям.

§ 16. Праздничные дни для киргизских мальчиков должны быть определены по указанию опыта, применяясь к их обычаям.

§ 17. Срок преподавания в школах не определяется. Когда кто из воспитанников выучится всему преподаваемому в школе, тогда и выпускается из оной со свидетельством от учителя об окончании курса.

§ 18. Чтобы степные школы не могли обратиться из орудия к образованию в приют лени и бездарности, долее четырех лет пребывания в них воспрещается. Воспитанник, в течение этого срока не успевший усвоить себе предметов преподавания в школе, исключается из оной как безнадежный, с соблюдением, однако, правил, изложенных в § 4.

§ 19. Исключение из школы допускается также и за

дурное поведение, но также не иначе как с соблюдением порядка, означенного в том же § 4.

§ 20. Отлучаясь из школы, учитель обязан передавать надзор за воспитанниками отличнейшему из них по поведению и способностям.

Часть экономическая

§ 21. Воспитанники из киргизов, поступившие в степные школы, пользуются в оных от казны помещением с отоплением и освещением, пищею, постелью и учебными принадлежностями, но одежду, белье и обувь должны иметь собственные. Формы для одежды никакой не полагается.

§ 22. Пособие от казны для снабжения совершенно бедных и сирот одеждою, бельем и обувью может быть оказываемо лишь в виде отступления от общего правила.

§ 23. Классная и спальная мебель каждой школы должна заключаться в нарах (с матрацами из грубого холста, набиваемого соломой или сеном), столах, скамейках и большой учебной доске,— все плотнической работы, а кухонная посуда — в железных ведрах и чайнике, в двух чугунных котлах, в деревянных корытах, ушате, блюдах, чашках и ложках. Ножи для резания мяса воспитанники должны иметь свои. Для умывания после приема пищи и утром каждая школа снабжается несколькими кумганами (азиатскими кувшинами) и тазами; подсвечники и щипцы для свеч употребляются железные.

§ 24. Для приготовления пищи воспитанникам и мытья белья их находится при каждой школе работник из киргизов и киргизка-работница.

§ 25. На издержки по содержанию каждой школы ассигнуется ежегодно из кибиточного сбора 1 803 руб. 50 коп. на следующие предметы:

а)	на ремонт школьного дома . .	50 руб.
б)	на ремонт мебели, приобретение посуды и учебных принадлежностей (аспидных досок, чернильниц, книг, бумаги, перьев и проч.)	75 руб.
в)	на отопление и освещение в течение шести месяцев (хворостом. со-	

ломою, кизяком, дровами — чем представится возможность), полагая этого топлива для шести печей или каминов на 18 руб. в месяц, да по 8 свечей сальных в вечер, полагая пуд оных в 7 руб. . . 360 руб.

г) на довольствие воспитанников из киргизов пищею (по 10 коп. в сутки на каждого из 25 человек, в течение 9 учебных месяцев) . . 687 руб. 50 коп.

д) на снабжение беднейших и сирот одеждою, бельем и обувью . . . 150 руб.

е) на мыло для стирки белья и умывания на полотенца кухонные и прочие. . . . . 85 руб.

ж) на жалованье работнику-повару и работнице-прачке 8 руб. в месяц обоим . . . . . 96 руб.

з) на жалованье учителю (он же смотритель школы) . . . . . 300 руб.

§ 26. Пользование больных воспитанников возлагается на медиков местных укреплений и фортов, расходы же по приобретению медикаментов относить на деньги, ассигнуемые на каждого из сих укреплений для пользования бедных киргизов.

Отчетность и контроль

§ 27. Киргизские школы при укреплениях, находясь под главным попечением самарского и оренбургского генерал-губернатора, состоят в непосредственном заведовании: в Оренбургском и Уральском — областного правления, а в фортах № 1 и Перовском — командующего Сыр-Дарьинскою линиею; причем начальникам означенных укреплений и фортов предоставляется право контроля по хозяйственной и полицейской части сих заведений.

§ 28. Суммы, ассигнованные на содержание школы, должны быть доставляемы смотрителям: а) в Оренбургское и Уральское укрепления — областным правлением, а в форты № 1 и Перовский — чиновником, заведывающим сыр-дарьинскими киргизами, удерживая их из получаемого с тамошних киргизов сбора и донося об

этом каждый раз областному правлению; б) для записки расходования суммы смотрителя снабжаются книгами от областного правления, по одной для каждой школы, куда и должны записывать все расходы без различия предмета, на который предназначаются; в) ремонт школьных зданий производить не иначе как по распоряжению начальников укреплений и фортов через местного инженера, а буде такового в котором-либо из сказанных укреплений и фортов не будет, то наблюдение за исполнением работ возлагается на самих начальников указанных укреплений и г) остатки от штатной суммы вместе с отчетностью должны быть представляемы в областное правление.

§ 29. Действия смотрителей школ относительно успехов преподавания и по приему и увольнению воспитанников в Оренбургском и Уральском укреплениях контролируются чиновниками областного правления, при командировках в степь по разным поручениям, а в фортах № 1 и Перовском — командующим Сыр-Дарьинскою линиею и чиновником, заведывающим тамошними киргизами.

§ 30. Начальникам укреплений, где находятся киргизские школы, предоставляется наблюдать:

а) чтобы дом школы, мебель ее, посуда и прочее содержались смотрителем в надлежащей исправности и чистоте,

б) чтобы воспитанники были довольствуемы от смотрителя пищею, а дом школы отопляем и освещаем сообразно с отпускаемыми на то суммами,

в) чтобы в случае ремонтировки школьного здания она производилась, где нет инженера, по их распоряжению под личным их надзором,

г) чтобы расход на довольствие воспитанников пищею и прочим производился по наличному числу их, если таковое не достигает полного комплекта,

д) чтобы воспитанники внутри и вне школы вели себя прилично и добронравно. За дурное поведение воспитанник не может быть исключен из школы без согласия на то начальника укрепления,

е) чтобы одеждою, бельем и обувью снабжались только такие воспитанники, которые действительно не имеют к тому собственных средств,

ж) чтобы между воспитанниками не было заражен-

ных прилипчивыми болезнями, для чего поручает свидетельствовать их еженедельно медику при укреплении; найденные больными препровождаются или в госпиталь укрепления или отпускаются до излечения к родителям и родственникам; в случае неважной хворости пользуются медиком, не оставляя школы, на счет ассигнуемых средств для бедных киргизов.

§ 31. Обо всех беспорядках в сказанных отношениях начальники Оренбургского и Уральского укреплений доводят до сведения областного управления на его распоряжение, а по форту № 1 и Перовскому — командующему Сыр-Дарьинской линией; лично же в распоряжение по школам входят лишь в случае смерти или тяжкой болезни смотрителя, до назначения ему преемника.

§ 32. Областное правление и командующий Сыр-Дарьинскою линией в ежегодных отчетах своих, предоставляемых генерал-губернатору, объясняют как о состоянии означенных школ, так и об употребленных издержках *.

Список поступающих в русскую школу для киргизских детей при № укреплении и выбывающих из оной воспитанников из киргизов

№№	Имя, отчество, возраст, род и отделение воспитанника	Какого происхождения воспитанник	Когда воспитанник принят в школу или записан кандидатом	Когда воспитанник выпущен из школы и с какими успехами или, если исключен, то за что именно

ПОЛОЖЕНИЕ
О ШКОЛЕ ДЛЯ КИРГИЗСКИХ ДЕТЕЙ, УЧРЕЖДАЕМОЙ ПРИ ОБЛАСТНОМ ПРАВЛЕНИИ СИБИРСКИХ КИРГИЗОВ

(утверждено государственным Советом 4 октября 1865 г.)

1. При областном правлении сибирских киргизов учреждается школа на двадцать воспитанников из киргизов областей: сибирских киргизов и Семипалатинской, по 10 вакансий на каждую область.

* *А. Е. Алекторов.* Очерк народного образования в Тургайской области. Летопись 1844—1898 гг. Оренбург, 1900, стр. 31—38.

2. Главная цель учреждения школы состоит в приготовлении способных людей к занятию в областях: сибирских киргизов и Семипалатинской должностей султанских письмоводителей и толмачей при волостных управителях и других должностей, в которые исключительно назначаются киргизы.

3. Школа состоит в непосредственном ведении областного правления сибирских киргизов; ближайшее же наблюдение за оною возлагается на товарища военного губернатора или в случае продолжительного его отсутствия на одного из советников областного правления, по выбору военного губернатора.

4. Состоящий при областном правлении советник от киргизов назначается почетным блюстителем школы.

5. При школе состоят: надзиратель, учитель русского языка, географии, чистописания и арифметики и учитель киргизского языка, он же законоучитель магометанского исповедания.

6. Исправление должностей надзирателя и учителей при школе считается действительной учебной службой Министерства народного просвещения.

7. Надзирателю вверяется ближайшее заведование школой и надзор за воспитанниками. Он избирается из людей, служивших в киргизской степи и хорошо знающих язык и обычаи киргизов.

8. Учитель русского языка, географии, арифметики и чистописания, предварительно до поступления на эту должность, подвергается испытанию из означенных предметов и должен знать киргизский разговорный язык. Должность эту преимущественно могут занимать способные переводчики или толмачи.

9. Учитель киргизского языка и магометанского законоучения может быть лицо духовного звания, но предпочтительно следует назначать лиц не духовного звания.

10. Надзиратель и учитель русского языка определяются по представлению военного губернатора генерал-губернатором, а учитель киргизского языка и магометанского законоучения — военным губернатором.

11. При учениках для постоянного за ними присмотра находится заслуженный урядник или унтер-офицер по найму.

12. Школа помещается в особо построенном для нее здании.

13. Сумма на содержание воспитанников и всей школы, также на жалованье при ней состоящим, образуется: 1) из сумм, отпускаемых по Высочайше утвержденному для Западной Сибири 6 декабря 1856 года штатом на устройство при окружных приказах школ и благотворительных заведений и 2) из процентов на капитал, образовавшихся от помянутых сумм до учреждения школы в Омске. Суммы эти расходуются на основании прилагаемого при сем штата.

14. Остатки от штатной суммы вследствие некомплекта воспитанников или служащих при школе чинов обращаются с разрешения военного губернатора, на учебные пособия и улучшение заведения.

15. Воспитанники принимаются в школу на казенное содержание исключительно из киргизов, без различия сословий.

16. Воспитанники из области сибирских киргизов принимаются в школу с утверждения военного губернатора области сибирских киргизов, а воспитанники из Семипалатинской области — с утверждения семипалатинского военного губернатора.

17. Никто из молодых киргизов не принимается в школу без согласия на то родителей.

18. Поступившие в школу киргизские дети могут выбыть из заведения прежде окончания курса, но в таком случае им не предоставляется никаких прав при поступлении на службу.

19. Кроме определенного сим положением числа штатных воспитанников, находящихся на казенном содержании, могут быть принимаемы в школу, смотря по возможности, и сверх штата воспитанники на собственном их содержании, или вольноприходящими, не ограничиваясь одними киргизами. Воспитанники, принимаемые на собственное содержание, платят по 75 руб. в год, а вольноприходящие — по 5 руб. сер. на учебные пособия.

Возраст для поступления в школу полагается от 8 до 14 лет включительно, срок же учения — от 6 до 7 лет.

21. Согласно цели учреждения сей школы, предметы учения в оной суть следующие: а) русский язык, б) география, с более подробным изложением Средней Азии, в) чистописание русское и киргизское, г) арифметика и считание на счетах, д) киргизский язык, е) необходимые

сведения в законе магометанском и ж) составление деловых бумаг на русском языке.

Примечание. Чтобы киргизские мальчики более знакомились с русским языком, необходимо всеми мерами поощрять прием пансионеров и вольноприходящих из русских, ибо дети всего легче выучиваются чужому языку в играх и вообще в сношениях с товарищами. В том случае, когда в означенной школе будут обучаться русские мальчики, им преподается закон божий православного исповедания.

22. От усмотрения начальства зависит расширить несколько круг учения, сообразуясь однакое с главной целью, изъясненною в пар. 2.

23. В учебном отношении киргизская школа состоит в ведении штатного смотрителя омских училищ.

24. Воспитанники, неисправимые в поведении, замеченные в крайнем нерадении и лености в течение нескольких лет, исключаются из заведения, с разрешения военного губернатора. Воспитанники эти по выбытии из школы никакими преимуществами не пользуются.

25. В содержании воспитанников нужно, по возможности, применяться к их образу жизни в степи, и для того в летнее время отправлять их под присмотром на кочевку в одно из ближайших и удобных для сего мест или отпускать их на четыре месяца домой, если родители того пожелают.

Примечание. Дабы киргизские дети не отрывались вдруг от своей кочевой жизни и не подвергались болезням, в первые два года срок отпуска в степь может быть увеличен до шести месяцев по усмотрению военного губернатора.

26. Одежда казенных воспитанников должна быть однообразная и примененная к одеянию киргизов.

27. На обязанность состоящего при военном губернаторе областного доктора возлагается посещение и пользование больных воспитанников школы, для коих, смотря по надобности, может быть устроена в доме, занимаемом школой, особая комната. Одержимых тяжкой или продолжительной болезнью начальство может отправлять в военный госпиталь для пользования за счет сумм школы.

Примечание. При самом приеме воспитанников в заведение должно обращать особое внимание на состояние их здоровья и для сего они осматриваются предварительно врачом, состоящим при во-

енном губернаторе. Воспитанникам, не имеющим еще оспы, она прививается при поступлении их в школы.

28. Надзиратель представляет товарищу военного губернатора как попечителю киргизской школы или занимающему его должность советнику срочные рапорты и ведомости, по установленной форме, о состоянии школы, поведении и успехах воспитанников; в конце же года он представляет годовой отчет о состоянии школы по всем частям, а в учебном отношении, сверх того, отчет штатному смотрителю омских училищ.

29. Надзиратель ведет установленные книги расхода по суммам на содержание школы отпускаемым, и по окончании года представляет эти книги в областное правление, которое отправляет их на ревизию в казенную палату.

30. Областное правление через военного губернатора представляет генерал-губернатору Западной Сибири годовые отчеты о состоянии школы.

31. Годовые испытания ученикам производятся с 1 по 15 июня, а время с 15 июня по 15 августа назначается для вакаций. Отличившимся воспитанникам даются похвальные листы и другие приличные награды.

32. Воспитанникам, с успехом окончившим курс учения, по выпуске из школы выдаются аттестаты. Воспитанники эти прикомандировываются на один год к областным правлениям обеих областей для практического обучения делопроизводству. При неимении вакансий султанских письмоводителей, или толмачей им предоставляется право поступить вольнонаемными писцами в окружные приказы или к волостным управителям.

33. Окончившие с успехом курс учения получают аттестаты за подписями товарища военного губернатора или советника областного правления, штатного смотрителя омских училищ, надзирателя и учителей школы.

34. Распределение воспитанников к должностям по окончании курса учения в школе и по истечении года практических занятий в областных правлениях зависит от распоряжений военных губернаторов областей сибирских киргизов и Семипалатинской — по представлениям областных правлений.

35. Отличнейшим из воспитанников, вышедшим из заведения, областные правления ведут списки и имеют

Штат школы, учреждаемый при областном правлении сибирских киргизов

	Число лиц	Содержание в год		Классы и разряды		
		одному	всем	по должности	по мундиру	по пенсии
		рубли				
Надзиратель	1	400	400	IX	IX	IX
Учитель русского языка, чистописания, арифметики, географии	1	350	350	X	IX	X
Учитель киргизского языка и законоучитель-магометанского исповедания . .	1	200	200			
Учеников из киргизов . . .	20	—	—			
Им: на пищу	—	40	800			
одежду и постельное белье	—	25	500			
столовое белье и посуду	—	4	80			
Отставных унтер-офицеров или казачьих урядников для присмотра за учениками	1	98	98			
Отставных рядовых или казаков: кашевар и хлебопек 1, для содержания чистоты: в комнатах 1, на дворе 1	3	72	216			
на отопление 300 руб., на освещение 100 руб., на наем прачки 40 руб., на классные пособия и на канцелярские припасы 100 руб., на содержание аптеки и на пользование в госпитале больных 40 руб., на ремонт здания и другие расходы 76 руб.	—	—	656			
Итого . . .	27	1 189	3 300			

Примечание. Когда в киргизской школе будут обучаться русские мальчики, то для преподавания им закона божия православного исповедания назначается особый законоучитель с вознаграждением по 200 руб. в год *.

* Сборник постановлений по Министерству народного просвещения, том IV, Спб., 1871, стр. 226—231.

их в виду для преимущественного замещения ими открывающихся вакансий по управлениям в Орде.

36. Из отличнейших воспитанников могут быть избираемы волостные управители и киргизские заседатели в окружные приказы, но не прежде прослужения, по выходе из заведения, по крайней мере пяти лет в орде при безукоризненном там поведении, засвидетельствованном местным начальством *.

ВЫПИСКА ИЗ ВРЕМЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ ОБ УПРАВЛЕНИИ В УРАЛЬСКОЙ, ТУРГАЙСКОЙ, АКМОЛИНСКОЙ И СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ОБЛАСТЯХ

от 21 октября 1868 г.

VII. О ШКОЛАХ В СТЕПИ

262. Для первоначального образования в степи на первое время при каждом местопребывании уездного управления полагается иметь общую школу для всех без различия народностей.

263. На устройство и содержание школ отпускаются в распоряжение областных правлений определенные по расписаниям особые суммы, которые распределяются по уездам соответственно местной потребности и развитию школ.

264. Программа для занятий в школах устанавливается генерал-губернатором по соглашению с Министерством народного просвещения.

265. Киргизские дети могут поступать на обучение в школы, существующие в станицах и селениях, по соглашению станичных обществ, или безвозмездно, или за умеренную плату.

266. Учителям, преподающим в школах, дозволяется принимать к себе на дом для обучения киргизских детей не иначе, как с разрешения местного начальства.

267. Наблюдение за преподаванием как в школах, так и у частных лиц, вверяется уездному и областному начальствам, а высший надзор подлежит, на общем основании, Министерству народного просвещения.

268. Существующие ныне школы для киргизов в Оренбургском и Сибирском ведомствах остаются, впредь до преобразования, на прежнем основании.

---

* Материалы по истории политического строя Казахстана, т. I, Алма-Ата, 1960, стр. 340.

УСТАВ
КАЗАХСКОГО НАЧАЛЬНОГО РЕМЕСЛЕННОГО УЧИЛИЩА В г. ТУРГАЕ

(утвержден царем 17/III.1869 г.)

О способах к устройству училища

§ 1. Единовременно пожертвованные деньги, в размере не более 3 500 рублей, употребить на покупку или постройку для училища дома, с хозяйственными удобствами, устройство мастерских и приобретение инструментов, нужных для плотнично-столярных и токарных работ и швейного мастерства.

§ 2. На ежегодный сбор по 8 коп. с кибитки, в размере всего 1 104 руб. и имеющиеся в виду постоянные остатки от содержания местных ордынских волостей содержать самую школу, причем, в случае недостатка этих денег, общество обязуется приговорами прибавить с будущего трехлетия и покибиточный сбор.

§ 3. Первоначальное приобретение материалов для плотничных, столярных и токарных работ (леса, красок и т. п.), а также для швейного дела (разные материи и т. п.) относить на счет пожертвований частных лиц (уездного начальника, инспектора училищ, почетного блюстителя местного русско-киргизского училища и прочих служащих лиц).

О приеме и числе учеников

§ 4. По размеру означенной суммы (§ 2) число пансионеров, постоянно живущих в школе, будет на первых порах 10, кои должны приниматься по возрасту не моложе 15 лет и из числа грамотных молодых людей, но если бы в настоящее время не оказалось грамотных, то, по ближайшему усмотрению местного инспектора школ, могут быть принимаемы в училище и неграмотные.

Примечание. Число пансионеров может быть увеличено, если впоследствии увеличатся средства училища.

§ 5. Если комплект может быть пополнен одними киргизскими детьми, то дети русских поселян не могут пользоваться даровым обучением мастерствам, а в слу-

чае некомплекта киргизских учеников, они могут быть принимаемы в училище с платою или бесплатно, по ближайшему усмотрению училищного начальства и представителей местных киргизских обществ.

§ 6. В училище в качестве приходящих могут быть принимаемы и даже должны быть по возможности привлекаемы и киргизские девицы для обучения их швейному искусству и грамоте.

Примечание. Впоследствии, смотря по успехам настоящего предприятия, в училище могут быть заведены кузнечно-слесарное мастерство и рукоделие для девиц.

О порядке заведования училищем, учителях и учебной части

§ 7. Учителей на первых порах будет двое: один для обучения плотнично-столярному и токарному мастерствам, другой для обучения портняжному искусству, причем последний может быть и из женщин.

§ 8. В качестве приходящих могут обучаться в ремесленном училище как дети окрестных киргизов, так и старшие ученики местной двухклассной школы, из коих последние будут ходить для этого в ремесленное училище только в послеобеденное время, чтобы не отрываться в утренние часы от прямых своих обязанностей. Обучение же грамоте учеников ремесленного училища, впредь до изыскания средств для назначения особого на этот предмет учителя, должно происходить в вечернее время и в самом ремесленном училище под руководством учителей местной двухклассной школы, с вознаграждением за то по мере средств.

§ 9. Выбор и назначение учителей, а равно определение им жалованья зависит от местного инспектора училищ, причем он принимает в соображение как средства училища, так и местные условия.

§ 10. Заведование училищем возлагается на одного из учителей ремесел, который и должен жить в училищном доме, пользуясь казенною квартирой с отоплением и освещением. В казенной же квартире может жить, пользуясь и отоплением, второй учитель.

§ 11. Общий надзор за хозяйственною и учебными частями будет лежать на общем основании на инспекторе школы, который и должен в случае встречающихся

недостатков, обращаться к обществам и подлежащим властям с ходатайством об удовлетворении училищных нужд и о постепенном расширении по возможности пределов вообще ремесленных занятий в училище.

§ 12. Порядок преподавания и распределение занятий определяется по усмотрению местного учебного начальства.

О хозяйственной части училища

§ 13. Сумма, определенная на содержание учащихся, хранится в Тургайском уездном управлении, откуда по мере надобности, заведующий училищем и получает деньги, причем, подавая новое требование, он представляет отчет с оправдательными документами о сумме, полученной им ранее сего.

§ 14. При училище, кроме нанятого киргиза с женой, из которых первый должен служить в качестве повара, а вторая — в качестве прачки, никакой другой прислуги не полагается — остальные домашние работы должны нести на себе сами же ученики.

§ 15. Учебные пособия на первый раз должны быть приобретены за счет сумм, пожертвованных частными лицами и указанных в § 3, а в дальнейшее время — особый для того кредит из общественных средств. Согласно же с этим включить в смету и особую статью на приобретение материалов для производства работ и на учебные пособия.

Смета на содержание ремесленной школы в г. Тургае

Предметы расхода	Руб.	Коп
На продовольствие 10 учеников, по 4 руб. в месяц каждому, в 9 учебных месяцев	360	—
На отопление и освещение школы	150	—
Повару и прачке по 8 руб. обоим в месяц, в 9 учебных месяцев	72	—
На возку воды и баню	50	—
На жалование двум учителям	600	—
На учебные пособия, ремонт мебели, исправление и обновление инструментов и мелкие расходы	68	—
Итого	1 300	—

§ 16. Все остальные частности, касающиеся училища, должны быть разрабатываемы местным инспектором школ совместно с уездным начальником, согласно средствам и потребностям училища.

ПОЛОЖЕНИЕ О КАЗАХСКОЙ УЧИТЕЛЬСКОЙ ШКОЛЕ*

(утверждено Государственным Советом в 1880 г.)

I. Учредить в Троицке, Оренбургской губернии, киргизскую учительскую школу.

II. К означенной школе применить Высочайше утвержденное 27 марта 1871 года положение о татарских учительских школах, с соблюдением при том нижеследующих особых правил:

1) Киргизская учительская школа имеет целью приготовление сведущих и опытных учителей в открываемые для киргизов начальные училища.

2) Киргизская учительская школа, принадлежа к ведомству Министерства народного просвещения, подчиняется управлению оренбургского учебного округа.

3) Для упражнения воспитанников сей школы в преподавании при ней состоит начальное русско-киргизское одноклассное училище.

4) Учитель названного училища избирается инспектором школы из способных киргизов, вполне знакомых с русским языком и утверждается в должности попечителем учебного округа.

5) Преподаватель магометанского вероучения избирается инспектором школы из лиц, имеющих звание муллы и хорошо знающих русский язык и утверждается в должности попечителем округа, по соглашению с местным губернатором.

6) Надзиратели школ назначаются попечителем округа из лиц, окончивших полный курс в высших или средних учебных заведениях.

7) Все предметы преподаются в школе на русском языке, за исключением магометанского вероучения, которое может быть излагаемо как на этом языке, так и на языках арабском и киргизском.

---

* *А. Г. Алекторов.* Очерк народного образования в Тургайской области. Летопись, 1744—1898 г. Оренбург, 1900, стр. 71—74.

Штат казахской учительской школы

Штат киргизской учительской школы в г. Троицке и начального при ней училища	Число лиц	Содержание		Классы и разряды		
		одного	всего	по должности	по шитью мундира	по пенсии
Инспектор с возложением на него преподавания педагогики и дидактики по 4 урока в неделю (при казенной квартире)	1	1 000	1 000	VI	VI	по учебной службе
Ему столовых	—	500	500			
Учителей наук при 61 уроке, из которых 48 нормальных по 75 руб. а остальные — 13 — по 60 руб.	4	—	4 380	VIII	VIII	то же
Учитель чистописания и рисования при 10 уроках по 30 руб.	1	300	300	X	X	VIII
Учитель гимнастики при 6 уроках	1	200	200	по найму		
Надзирателей (при казенной квартире)	2	500	1 000	X	X	—
На преподавание магометанского вероучения, при 9 уроках по 60 руб.	1	540	540	—	—	—
На обучение ремеслам	—	—	200	—	—	—
Врач	1	200	200	VIII	VIII	по медицинской службе
Учитель начального училища	1	360	360	—	—	
Эконом, он же смотритель дома при казенной квартире	1	200	200	IX	IX	IX
На содержание воспитанников школы с включением расходов на учебные пособия, медикаменты и наем фельдшера	60	90	5 400			
На содержание воспитанников начальной школы с включением расходов на учебные пособия и медикаменты	15	60	900			

Продолжение

Штат киргизской учительской школы в г. Троицке и начального при ней училища	Число лиц	Содержание		Классы и разряды		
		одного	всего	по должности	по шитью мундира	по пенсии
На библиотеку и прочие собрания учебных пособий, а также на награды воспитанникам	—	—	250			
На канцелярские потребности и наем писца	—	—	150			
На содержание дома и наем служителей . . .	—	—	2 000			
Итого . . .			17 580			

8) Вакационное время для школы устанавливается министром народного просвещения.

III. Проект штата киргизской учительской школы в городе Троицке с состоящим при ней начальным училищем поднести к Высочайшему Его Императорского Величества утверждению.

IV. Исчисленную по означенному штату сумму, в количестве 17 580 рублей, вносить ежегодно, начиная с 1-го января 1881 года, в подлежащие подразделения расходной сметы Министерства народного просвещения.

ПРАВИЛА ОБ АУЛЬНЫХ РУССКО-КАЗАХСКИХ ШКОЛАХ ТУРГАЙСКОЙ ОБЛАСТИ *

(утверждены попечителем Оренбургского учебного округа в 1891 г.)

§ 1. Аульные школы открываются с целью наиболее широкого распространения образования в Тургайской области и удешевления его годового содержания.

§ 2. Аульные школы существуют в виде отделений при той или другой, ближайшей по расстоянию от них волостной или двухклассной русско-киргизской школах и потому находятся под ближайшим ведением заведующих сими школами, заключающемся в следующем: а) они расходуют суммы, ассигнуемые на содержание

* *А. Е. Алекторов.* Очерк народного образования в Тургайской области. Летопись, 1774—1898 гг. Оренбург, 1900, стр. 63—65.

той или другой аульной школы, выдают помесячно жалование учителю аульной школы, сторожу, платят за квартирное помещение для школы, снабжают учебными книгами, пособиями и письменными принадлежностями и пр.; б) контролируют ход учебно-воспитательного дела в аульной школе, по особому всякий раз на то полномочию инспектора школ и в) представляют законную отчетность расходуемых ими на содержание аульных школьных сумм.

§ 3. Аульные школы во внутренней своей обстановке по возможности должны отвечать условиям быта киргизов; школьные принадлежности не должны быть громоздки, а удобны для перевозки — складная доска, четыре низеньких (употребляемых киргизами при письме) столика, торговые счеты, кошма и сундук для хранения учебных книг и письменных принадлежностей.

§ 4. Учебный год продолжается, за исключением двух каникулярных месяцев — апреля и сентября, круглый год: с октября до апреля в наемных землянках, с мая до октября — в наемных же кибитках.

§ 5. Курс и программа учебных предметов аульных школ должны соответствовать 1-му и 2-му отделениям волостной одноклассной школы.

§ 6. Учитель аульной школы обязан раз в год по усмотрению инспектора школы доставить своих учеников на испытание особой комиссии при школе, в районе которой находится аульная школа и, в случае удовлетворительного отзыва этой комиссии об успехах учеников аульной школы, учитель ее имеет право на получение особого единовременного вознаграждения, размер коего определяется всякий раз попечителем округа.

§ 7. На содержание аульных школ требуется ежегодно: а) на жалование учителю 180 рублей, с правом получения за каждого удовлетворительно сдавшего экзамен ученика от 5 до 10 рублей, б) на наем квартиры (зимою — землянки, летом — кибитки) по 5 рублей в месяц — 60 рублей, в) на жалование сторожу — 24 рубля, г) на учебные книги и письменные принадлежности — 20 рублей, на мелочные расходы по передвижению школы и ее учеников — 40 рублей, а всего 324 рубля. Единовременные расходы требуются на приобретение вещей по первоначальному обзаведению школы, а именно: а) складной доски — 2 рубля, б) складного стула —

2 рубля, в) сундука для хранения учебных книг и письменных принадлежностей — 7 рублей, г) торговых счет — 50 копеек, д) аршина кошмы — 10 рублей и е) 4 низеньких столика для письма — 4 рубля, а всего 25 рублей 50 копеек [1].

Примечание. В случае крайней необходимости расход на наем сторожа возможно исключить.

ПОЛОЖЕНИЕ
О ПЕДАГОГИЧЕСКОМ КЛАССЕ ПРИ КУСТАНАЙСКОМ 2-КЛАССНОМ РУССКО-КАЗАХСКОМ УЧИЛИЩЕ

(утверждено МНП 22 марта 1897 г.)

§ 1. Педагогический класс открывается с целью приготовления учителей для аульных школ Тургайской области и предназначается для тех из окончивших курс двухклассных училищ области учеников, которые, несмотря на отличные свои способности и поведение, по каким-либо причинам не могут продолжать своего образования в Оренбургской киргизской учительской школе или Красноуфимской сельскохозяйственной.

§ 2. В педагогический класс принимаются: а) 10 киргизских мальчиков из числа окончивших курс в одном из двухклассных училищ области на полное казенное содержание (наравне с прочими пансионерами кустанайского двухклассного училища, имея особое лишь помещение) и б) 10 русских мальчиков, также окончивших курс в двухклассных училищах,— в качестве приходящих.

§ 3. Киргизские мальчики, пользующиеся во время пребывания в педагогическом классе полным содержанием, обязаны прослужить за год казенного содержания два года в должности учителя аульной школы или же возвратить затраченную на их содержание сумму.

§ 4. Если ко дню, назначенному крайним сроком принятия прошений о поступлении в педагогический класс окажется, что не все казеннокоштные вакансии будут заняты киргизскими мальчиками, то остающиеся свободны-

[1] Тургайские областные ведомости, 1892, 2 августа.

ми вакансии могут быть замещены русскими мальчиками, если они примут на себя упоминаемое в § 3 обязательство.

§ 5. Курс обучения в педагогическом классе одно-летний. Лица, познание которых экзаменационная комиссия (состоящая из преподавателей училища и инспектора школ) найдет вполне достаточными, получают свидетельство на звание учителя аульной школы за печатью областного инспектора; неудовлетворившие же требованиям экзаменационной комиссии могут быть оставляемы по особо уважительным причинам еще на полгода или на год.

§ 6. Учебными предметами в педагогическом классе служат следующие:

1. Русский язык: а) объяснительное чтение образцов из произведений русских писателей (Хрестоматия Филонова, ч. I—IV), а также статьи из книг для чтения по истории, географии и естествоведению, б) грамматика — повторение этимологии, применительно к «Русскому правописанию» Грота, и синтаксис по учебнику Кирпичникова или Говорова, в) письменные упражнения в изложении прочитанных статей исторического, повествовательного и описательного содержания, г) теоретическое и практическое знакомство с методами преподавания начальной грамоты — чтения и письма (руководство Миропольского и брошюра Тарнавского «О способе обучения письму и чтению в киргизских училищах»).

2. Арифметика: повторение арифметики по учебнику Киселева; теоретическое и практическое знакомство с методом преподавания арифметики по методике Мартынова.

3. Подробное ознакомление под руководством учителей с учебниками, употребляемыми в аульных школах, причем учителями сообщаются надлежащие методические указания о применении этих учебников.

§ 7. Учебные занятия в педагогическом классе происходят утром и вечером. Утром (с 9 до 2 часов) в первое полугодие учебного года ученики педагогического класса, разделившись по указанию руководителя на группы, присутствуют на уроках в одном из начальных училищ г. Кустаная, где практически знакомятся с методами преподавания начальной грамоты, ведя подроб-

ные записи своих наблюдений, а со второго полугодия ученики педагогического класса, по очереди, в присутствии прочих товарищей и учителей, занимаются обучением русскому чтению и ознакомлением с русскою речью вовсе незнакомых с русским языком киргизских детей в открываемой в помещении педагогического класса временной школе, вечером (с 5 до 8 часов) они занимаются изучением учебных предметов, означенных в § 6, а равно разбором и выяснением записей своих наблюдений, под руководством одного или двух преподавателей, назначаемых инспектором школ.

Примечание. Ученики педагогического класса собираются ранее начала занятий в начальных школах г. Кустаная, примерно за неделю, для ознакомления с употребляемыми в начальных школах г. Кустаная учебниками и хотя бы с основными приемами начального обучения, дабы, начав затем посещение школ, они увидели на практике применение этих приемов, и у них имелся бы материал для осмысленных наблюдений, которые они могли бы толково записывать. Такая система заблаговременного объяснения ученикам педагогического класса слушаемых ими в школе уроков сохраняется в течение всего года.

§ 8. Преподаватели педагогического класса получают вознаграждение за свои труды из сметных сумм кустанайского двухклассного русско-киргизского училища по статье на содержание педагогического класса, полагая за каждый часовой урок не менее 40 коп., и ведут обстоятельную запись содержания пройденного в особом для сего класса журнале.*

ПОЛОЖЕНИЕ
О ПОЧЕТНЫХ БЛЮСТИТЕЛЯХ ПРИ АУЛЬНЫХ ШКОЛАХ ТУРГАЙСКОЙ ОБЛАСТИ

1) При каждой аульной школе может быть только один почетный блюститель.

Предложн. мин. нар. просв. попеч. С.-Петербургского учебн. окр. 17 июня 1872 г.

2) Он избирается учебным начальством, с согласия местного общества или по указанию местной администрации из лиц, пользующихся среди киргизов влиянием, почетом и доверием, и утверждается в сем звании

* *А. Е. Алекторов.* Очерк народного образования в Тургайской области. Летопись, 1774—1898 гг. Оренбург, 1900, стр. 223—225.

военным губернатором Тургайской области на 3 года службы с предоставлением права оставаться и более этого срока, если изъявит на то согласие и если училищное начальство признает службу его полезной.

§ 38. Высочайше утв. 29 окт. 1871 г. «Инструкции инспекторам народ. училищ». Предложен. мин. нар. просв. попеч. учебн. окр. 10 июня 1881 г.

3) Почетный блюститель не делает по школе никаких от себя распоряжений, но следит за всем строем вверенного ему училища, возможно чаще посещая подведомое учебное заведение, удостоверяясь в нуждах его и принимая о них, то есть о нуждах, письменные или словесные заявления учителя.

§ 33. Высочайше утв. 1 ноября 1839 г. положение о городских начальных училищах в Москве.

4) О неисправностях по учебной или хозяйственной части почетный блюститель, обращая на них внимание учителя, доносит инспектору народных школ.

Тот же § 33 Высочайше утв. 1 ноября 1839 г. положение о городских начальных училищах в Москве.

5) Почетные блюстители содействуют пользе вверенных им школ единовременным или постоянными взносами. Суммы сии поступают в запасный капитал училища и расходуются с разрешения инспектора на улучшение учебной и хозяйственной части.

§ 32. Высочайше утв. 1 ноября 1839 г. положение о город. начальн. училищах в Москве.

6) Почетный блюститель обязан: а) располагать местные общества и частных лиц к постройке училищных зданий и доставке топлива; б) привлекать в школы для обучения мальчиков и девочек (которые в аульной школе не должны быть старше 12-летнего возраста), располагая к тому родителей учеников; в) устраивать ночлежные приюты, где могли бы дети киргизов, живущих на значительном расстоянии от школы, помещаться в буранное и вообще непогодное время, и кладовые для хранения съестных припасов, привозимых родителями учеников и г) продовольствовать и снабжать одеждою беднейших учеников, располагая частных лиц к пожерт-

вованиям, а общества к ассигнованию денежных средств.

7) Почетные блюстители, отличающиеся радением и успешно содействующие улучшению школьного дела, особенно в материальном отношении, представляются учебным начальством к заслуженным почетным наградам.

§ 22. Утвержд. 1 июня 1875 г. инстр. для двухкласси. и одноклассн. сельских училищ Министерства нар. просв. № 33 Высочайше утвержд. 29 окт. 1871 г. инстр. инспекторам нар. училищ.

8) Имена почетных блюстителей, сделавших значительные пожертвования в пользу училища, публикуются в «Циркуляре по учебному округу».

§ 37. Высочайше утв. 1 ноября 1839 г. положение о город. нач. училищах в Москве.

9) Почетные блюстители, не обнаружившие заботливости к улучшению материального положения вверенных попечению их учебных заведений и вообще к исполнению лежащих на них обязанностей, могут быть заменяемы по распоряжению военного губернатора Тургайской области, основанному на личном усмотрении или заявлении учебного начальства, другими лицами до истечения трехлетнего срока службы.

Приложение 11

ПРОГРАММА
ПО РУКОДЕЛИЮ ДЛЯ НАЧАЛЬНЫХ УЧИЛИЩ ОРЕНБУРГСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА*

(Одобрена попечителем учебного округа в 1894 г.)

1-й год учения. Вязание на двух металлических или деревянных спицах. Вязка свивальников и шерстяных шарфов.

2-й год учения. Вязание чулок: начало чулка, каемка, дорожка, где должен быть спуск, рябая пятка, гладкая пятка в одну и две нитки. Надвязка чулок. Простая штопка. Вязание крючком в виде простой дорожки.

---

* «Тургайская газета», 1897, 8 июля.

3-й год учения. Изучение всех швов: наметки, вперед иголку, за иголку, шитье через край, запошивки шва, подрубка, строчка. Шитье заготовленного в старшем отделении самого простого мужского и дамского белья, более употребительного в простом быту. Накладывание заплаток. Вышивка крестом и вязка крючком, если можно, в узор.

4-й год учения. Выметка петель, кройка мужского и дамского белья, сначала на бумаге, а затем по материи. Кройка платья простейшего фасона по выкройке, заготовленной учительницей. Сметка, примерка и шитье платья. Вязка крючком. Вышивка крестом по узору. Стежка одеял на маленьких образцах.

Примечание. Кройка белья должна быть изучена так, чтобы ученицы могли снимать мерку и самостоятельно приготовлять выкройку; шитье же платья может быть только по выкройке, сделанной учительницей.

ПРОГРАММА ПО РУЧНОМУ ТРУДУ ДЛЯ УЧЕНИКОВ АКТЮБИНСКОГО 2-КЛАССНОГО РУССКО-КИРГИЗСКОГО УЧИЛИЩА *

Таблица	I.	1) Круглая ручка для молотка; 2) круглая конусообразная ручка для долота; 3) овальная ручка для ножа; 4) зубья для бороны; 5) зубья для граблей (6 штук).
»	II.	6) Валек для пристяжной лошади; 7) ручка для заступа или железной лопаты с костылем на верхнем конце.
»	III.	8) Ручка для косы; 9) скалка для теста.
»	IV.	10) Мотушка для ниток; 11) лопатка для масла; 12) лопатка для теста.
»	V.	13) Скамеечка простая.
»	VI.	14) Бруски квадратные (ножки для табурета); 15) линеечки для проножек табурета; 16) окончить табурет.
»	VII.	17) Бруски квадратные для изголовья;

* Заведующий Актюбинским 2-классным русско-киргизским училищем А. Никифоров.

		18) треугольники из досок для изголовья; 19) окончить изголовье.
Таблица	VIII.	20) Вешалка простая, прямая, для одежды.
»	IX.	21) Лопата обыкновенная, малого размера.
»	X.	22) Грабли с 6-ю зубьями.
»	XI.	23) Подставка из квадратных брусков для разных целей в хозяйстве.
»	XII.	24) Ящик простой, на гвоздях, без шипов.
»	XIII.	25) Ящик с перегородками для 4 или 6 стаканов, на шипах, без гвоздей.
»	XIV.	26) Киянка киргизская; 27) пестик; 28) большой киргизский пест для проса.
»	XV.	29) Доска для теста из дюймовок; (она же и образец двери); доски соединить в закрой и связать шпунтами.
»	XVI.	30) Полочка стенная на шипах.
»	XVII.	31) Наугольник столярный (для выдачи самому ученику).
»	XVIII.	32) Круглая крышка для ведра с ручкой; 33) круглая крышка для котла с ручкой.
»	XIX.	34) Колодка для сапог; 35) деревянные киргизские стремена.
»	XX.	36) Киргизская детская люлька.
»	XXI.	37) Простой столик.
»	XXII.	38) Корытце, выдолбленное, с ножками; 39) корыто из досок, вязаное.
»	XXIV.	40) Колодка для рубанка (выдать самому же ученику).
»	XXV.	41) Киргизские веретена.
»	XXVI.	42) Дверь для киргизской кибитки, малого размера.
»	XXVII.	43) Чумичка; 44) круглая ложка; 45) овальная ложка.
»	XXVIII.	46) Совок.
»	XXIX.	47) Топорище.
»	XXX.	48) Сундук вязаный; 49) шкатулка.
»	XXXI.	50) Кровать.

ПРОГРАММА РУЧНЫХ РАБОТ С РАСПРЕДЕЛЕНИЕМ ЕЕ ПО ГОДАМ ОБУЧЕНИЯ ИРГИЗСКОГО ДВУХКЛАССНОГО РУССКО-КАЗАХСКОГО УЧИЛИЩА *

Первый год. Знакомство учеников с инструментами, их названиями и употреблением.

Ознакомление с лесом, его видами, сравнительной прочностью и пригодностью. Знакомство с употребляемыми при ручном труде мерами: вершком, дюймом, сантиметром и т. д. Натачивание простых инструментов: топора, прямой стамески, рубанка и фуганка.

Изготовление ручки для кисточки,
» круглого колышка для цветов,
» квадратного колышка для цветов,
» ярлычков для растений,
» мотушек для ниток,
» ручки для молотка,
» квадратной линейки,
» вешалки для платья,
» лопатки для теста,
» деревянного ножа для разрезывания книг,
» лодочки для карандашей,
» вешалки для ключей,
» линейки плоской,
» совочка,
» чертежных треугольников,
» лопатки для масла,
» кухонной доски,
» овальной ложки.

Второй год. Ознакомление учеников с токарным станком, полукруглыми и косыми стамесками и их натачиванием. Первые приемы работ на токарном станке: вытачивание цилиндров и шаров.

Изготовление пестика,
» подставки для цветочных горшков,
» ручки для топора,
» ящика,
» вешалки для платья,
» скамейки под ноги,
» ручки для стамески,

---

* ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 205, 1901, д. 2458, лл. 93—94.

Изготовление ручки для напильника,
» совка,
» подставки для елки,
» киянки,
» полочки,
» круглой ложки,
» полочки для лампы,
» колотушки для белья,
» грибка,
» ящика с двумя отделениями.

Третий год. Черчение фигур при помощи циркуля, карандаша и линейки. Знакомство с инструментами, употребляемыми при резной работе: стамески плоские, прямые, полукруглые и косые и лобзики.

Изготовление бордюров и звездочек,
» рамки для карточки,
» наугольника,
» чумички
» ящика для вилок и ножей,
» доски для чернильниц,
» валька,
» ящика для бумаги и конверта,
» крышки для ведра,
» подставки для часов,
» параллельных линеек,
» рубанка,
» солонки,
» чайницы,
» полки для книг,
» пресс-бювара,
» скамейки,
» плевательницы,
» табурета.

Заведующий Иргизским 2-классным училищем
А. Афанасьев.

ПЕРЕЧЕНЬ ИНСТРУМЕНТОВ ДЛЯ РУЧНОГО ТРУДА В КАРАБУТАКСКОМ ДВУХКЛАССНОМ РУССКО-КИРГИЗСКОМ УЧИЛИЩЕ ИРГИЗСКОГО УЕЗДА ТУРГАЙСКОЙ ОБЛАСТИ

1. Верстаков 3
2. Пил разных 5
3. Фуганков 4

4. Рубанков разных: один. и двойн. 6
5. Шерхебелей 3
6. Горбачей 1
7. Шведских ножей 8
8. Ложечных ножей 2
9. Рейсмусов 2
10. Еренук 2
11. Угольников деревянных 2
12. Молотков деревянных 2
13. Метров складных 2
14. Молотков 2
15. Топоров 2
16. Ножовок с обухом 2
17. Отверток 2
18. Коловоротов 2
19. Перок разных 10
20. Напильников плоских и полукруглых . . 6
21. Напильников трехгранных 3
22. Линеек деревянных 3
23. Стамесок разных 6
24. Стамесок полукруглых разных 6
25. Проволочная медная щетка 1
26. Струпцынок 2
27. Киянков (деревянных молотков) 1
28. Клеенок 1
29. Шил 1
30. Американских стругов 2
31. Циркулей 3
32. Циклей 1
33. Хомутиков для точки инструмента . . . 1
34. Точил с железною осью и ручкою . . . 1
35. Брусков 1
36. Тисков слесарных малых 1

Пособие: Систематическое руководство по ручному труду (начальная работа из дерева) сост. К. Цируль и Н. Касаткин 40 таблиц.

Преподаватель ручного труда — учитель г. *Балгимбаев* *

---

* ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 205, 1901, д. 2458, л. 88.

Копия

ИНСТРУКЦИЯ
ДЛЯ ЗАВЕДУЮЩИХ УЧЕНИЧЕСКИМИ КВАРТИРАМИ

Утверждена туркестанским генерал-губернатором 29 декабря 1879 года

1) Ученические квартиры, утвержденные при средних и низших учебных заведениях края, находятся под непосредственным надзором местного начальства этих заведений.

Обязанности служащих

2) На заведующих ученическими квартирами как при средних, так и при низших учебных заведениях лежит вся ответственность по всем частям благоустройства квартиры.

3) Труды и занятия заведующего квартирами и его помощников в ученических квартирах при средних и низших учебных заведениях распределяются между ними, по возможности, равномерно, в первых из них начальством средних учебных заведений, а во-вторых инспекторами народных училищ. Распределение этих обязанностей представляется на утверждение главного инспектора училищ.

4) В частности, учебные занятия определяются между ними по обоюдному согласию и с утверждения педагогического совета, но притом, чтобы лучше знающему местные наречия поручены были бы занятия с подготовительными отделениями.

5) Ежедневное дежурство в ученических квартирах при средних учебных заведениях поочередно заведующим и его помощником.

Примечание. Дежурный не имеет права отлучаться из квартиры.

6) Делопроизводство ученических квартир распределяется так: заведующий ведет всю переписку и отчетность, касающуюся хозяйственной части содержания воспитанников квартир, а его помощник — переписку по делам, касающимся училища по определению и увольнению воспитанников квартир, равно и переписку по сношениям с другими учреждениями под наблюдением заведующего.

Примечание. В тех училищах, при коих состоят кроме ученических квартир ремесленные классы, ввиду многосложных заня-

тий, падающих на заведующего училищем, заведование ремесленными классами и ученическою квартирою поручается главным инспектором училища одному из служащих при училище.

7) Надзиратель ученических квартир при низших учебных заведениях должен быть неотлучным лицом при воспитанниках во внеклассное время. В случае его отсутствия обязанности его исполняются по очереди заведующим городским училищем и его помощниками.

Примечание. Надзиратель обязан спать в одной спальне с воспитанниками и время от времени в продолжение ночи обходить спящих воспитанников.

8) Во время классных и вечерних занятий, когда надзиратель свободен от надзора за воспитанниками, он исполняет, по возможности, поручения заведующего хозяйственной частью квартиры.

9) Заведующие квартирами и учителя при низших учебных заведениях поочередно сопровождают воспитанников квартир православного исповедания в церковь в воскресные и праздничные дни.

Об удобном расположении комнат и их обстановке

10) Воспитанники общих ученических квартир при учебных заведениях имеют постоянное помещение, в котором они проводят все свободное от классных занятий время дня и ночи. Помещение это состоит из комнат: спальной, столовой и умывальной (при средних учебных заведениях — особая комната для учебных дневных занятий воспитанников младшего отделения, которая служит и для вечерних занятий всех воспитанников квартиры).

Примечания: 1. Воспитанники ученических квартир при низших учебных заведениях пользуются рекреационным залом учебного заведения, а воспитанники ученических квартир при средних учебных заведениях должны иметь по возможности особый рекреационный зал.

2. Для хранения одежды, белья и обуви полагается особая комната, при неимении же таковой, способ хранения вещей предоставляется на усмотрение заведующего.

11) Все названные комнаты должны иметь надлежащие размеры и надлежащую обстановку, которая не должна быть изыскана, но должна отвечать потребностям пансионеров, доставляя им необходимые удобства согласно требованиям гигиены, и устранять несчастные случаи.

12) Спальные комнаты должны иметь такие размеры, чтобы содержащееся в них количество воздуха было вполне достаточно для предназначенного в них числа учеников, при хорошо устроенной вентиляции. В каждой спальной комнате ввиду православных воспитанников должна находиться икона.

13) Для каждого ученика должна быть особая железная койка с матрацем, набитым соломою или мочалою, двумя небольшими подушками, набитыми хорошо очищенною верблюжьею шерстью или волосом, и покрыта простыней и байковым одеялом. У каждой кровати должен быть вышиною в табуретку шкафик в двух полках для хранения всего нижнего и постельного белья, сапог, а также других вещей воспитанников.

Примечание. Под кроватью воспрещается воспитанникам держать какие бы то ни было вещи.

14) Во избежание простуды учеников во время сна койки должны, по возможности, стоять не менее чем на пол-аршина от наружных стен спальной комнаты и не должны ставиться возле печей. В спальной комнате, при выходе из нее, ставится по нескольку пар туфель для выхода воспитанников по надобности.

15) Спальные комнаты должны быть освещены в продолжение всей ночи, общепринятыми образцами в казенных пансионах — ночниками, в коих должны гореть свечи.

16) Комната для учебных заведений воспитанников (ученических квартир при средних учебных заведениях) должна быть устроена сообразно с требованиями училищной гигиены и снабжена в достаточном количестве всеми классными принадлежностями, хранящимися на полках с отделениями для каждого воспитанника отдельно, и иметь на видном месте икону и портрет государя императора.

17) Спальные комнаты должны быть ежедневно тщательно проветриваемы, соображаясь с временами года и состоянием погоды, с непременным условием, чтобы зимою форточки закрывались за час до входа воспитанников в спальные комнаты.

18) Столовая комната и комната для учебных занятий воспитанников должны быть ежедневно выметаемы тотчас по выходе из них воспитанников.

19) Повреждения помещений ученических квартир и разных спальных и столовых принадлежностей должны быть своевременно, без замедления, исправляемы.

20) Умывальная комната должна быть снабжена достаточным количеством необходимых принадлежностей для умывания, прически, чистки платья и обуви.

Примечание. Для чистки платья и сапог на каждые пять воспитанников выдается одна плательная щетка и пара сапожных.

21) Помещение отхожего места, по возможности, должно быть недалеко от квартиры и соединено с нею, по возможности, крытым ходом. Обращается особое внимание на опрятное содержание отхожего места.

22) Воспитанники ученических квартир должны иметь однообразную одежду, обувь и белье, которые по материалу и форме должны отличаться возможною простотой и удобством.

23) Воспитанники низших учебных заведений должны иметь постоянно четыре пары белья, две пары сапог, две пары летних каламянковых блуз с брюками, одну пару суконной блузы и зимней одежды: казакин, брюки, пальто и фуражку, а для гимназистов по положению.

Примечания: 1. Летнее и зимнее платье, постельное и нижнее белье, равно и сапоги выдаются на руки воспитаннику, на ответственности которого лежит чистка и целость выданного ему имущества.

2. Еженедельно, в назначенный день для стирки, воспитанник обязан отдать свое белье прислуге, собирающей таковое в стирку, и по выходе оного из стирки, принимать его обратно. При этом воспитанник всегда обязан заблаговременно, отдавая белье в стирку, заявлять прислуге о требующейся починке.

3. Верхнее платье также выдается каждому воспитаннику на руки, но оно хранится в общей гардеробной, в которой каждый воспитанник имеет свою вешалку. За целостью платья обязан также следить сам воспитанник, заявляя лишь своевременно кому будет указано о требующейся починке.

24) Белье заготовляется из холста. Рубашки шьются с косым воротником, а кальсоны обыкновенного устройства с поясом и застежкой на пуговицы спереди.

25) Летние блузы и брюки каламянковые, а равно для зимы, должны иметь обыкновенный покрой и должны главнее всего сидеть на воспитанниках свободно. Рукава блузы не застегиваются на пуговицы. Блуза подпоясывается лакированным кожаным кушаком на пряж-

ку. Брюки носятся воспитанниками средних учебных заведений поверх голенищ, а воспитанниками низших училищ — за голенищами сапог, на штрипках. Кроме того, для каждого воспитанника полагается по четыре полотняных платка, по четыре пары портянок или носков и по четыре полотенца.

26) Суконный казакин и суконные брюки должны изготовляться из безворотного черного гвардейского сукна. Казакин по длине должен быть на два пальца выше колен, иметь сзади талию, но без сборок, прямой ворот с невысоким стоячим воротником, и застегиваться на крючки без пуговиц. В верхней части ворот должен иметь небольшую вырезку, чтобы видно было часть рубашки. Казакин подпоясывается синим кушаком среднего размера. Брюки должны носиться тем же способом, как и летние.

27) Фуражка из черного сукна с темно-голубым околышем и кожаным лакированным козырьком обыкновенного покроя.

28) Сапоги до колен и с невысокими подборами.

29) За чистотою и опрятностью верхнего платья и обуви наблюдает ежедневно в квартирах при средних учебных заведениях дежурный, а при низших заведениях — надзиратель, и побуждает самих воспитанников в этом отношении внимательно следить за собою. Летние блузы должны быть переменяемы не менее как раз в неделю.

Примечание. Время для перемены нижнего постельного белья и летнего платья устанавливается педагогическим советом того учебного заведения, при котором существуют ученические квартиры. Период же времени для ношения в течение года зимней и летней одежды определяется главным начальником края.

30) На подушках должны быть постоянно две холщовые наволочки: верхняя и нижняя; верхняя холщовая должна иметься в трех экземплярах, а нижняя может быть в двух экземплярах, и при том ситцевая или тиковая.

31) Простыни должны быть также холщовые и также в трех экземплярах.

32) Одеяло должно быть байковым и подшито холстом снизу. Подшивка должна иметься в трех экземплярах для одновременной перемены с постельным бельем. Эта же подшивка в теплое время заменяет собой одеяло.

Об учениках и ученических пособиях

33) Каждому воспитаннику ученических квартир как при средних, так и при низших заведениях выдаются необходимые учебные принадлежности на счет квартир временного пользования, причем законченные тетради сдаются заведующему и хранятся в архиве учебного заведения, при коем состоят ученические квартиры.

34) Заведующий обязан наблюдать, чтобы воспитанники содержали в порядке и чистоте выдаваемые им книги и тетради и чтобы бережливо обращались с принадлежностями, квартирами, учебными пособиями.

Примечание. Воспитанники могут держать при себе и свои собственные книги, но не иначе как с ведома заведующего.

Образ жизни воспитанников как в учебные, так и в праздничные дни

35) Ученики встают в 6 час. утра и к шести с половиной обязаны сами вычистить свое верхнее платье, сапоги, прибрать постель и умыться. По осмотре дежурным, все ли чисто и правильно исполнено воспитанниками в отношении своей одежды, они идут на общую утреннюю молитву, а затем пить чай. С 7 часов до восьми с четвертью занимаются повторением уроков, а затем в свое время отправляются в установленной форменной одежде в учебное заведение, где проводят время до конца уроков.

Примечание. В ученических квартирах во внеклассное время воспитанники носят зимою теплые, а в остальное время года — летние блузы.

36) Спать ученики должны в одной рубахе под одеялом, подшитым простыней, но с открытыми головами и руками.

37) По выходе учеников из спальных комнат служитель, убрав комнаты, запирает дверь на замок, чтобы ученики не могли входить туда в продолжение дня.

38) В холодное время года воспитанники в сопровождении надзирателя (а в средних учебных заведениях дежурного) каждую неделю ходят в баню и сменяют белье; в теплое же время года воспитанники, по возможности, ежедневно купаются в реке или в купальне, а баней пользуются раз в месяц. В баню воспитанники ходят

до обеда. В холодное время года после бани воспитанники не пользуются прогулкой.

39) Воспитанники ученических квартир в течение всей недели не имеют права отлучаться из оных, исключая экстренных случаев, как-то: приезд кого-либо из их родителей и т. п., но и при этом отпуски даются по особым правилам, установленным педагогическим советом как до сего случая, так и для отпуска в праздничные дни.

40) В воскресенье и праздничные дни к воспитанникам ученических квартир допускаются товарищи, приходящие для совместных игр, а также родители и родственники.

Примечание. В уважительных случаях посещение воспитанников родными допускается и в учебное, внеклассное время.

41) Воспитанники на каникулярное время отпускаются к родителям, родственникам, опекунам и вообще к лицам, имеющим об них попечение, причем пользуются казенным платьем, в котором после каникул возвращаются в заведение.

42) Заболевающие воспитанники осматриваются немедленно при учебном заведении врачом и пользуются медикаментами на счет ученических квартир. Больные заразительными болезнями должны быть помещены в местные приемные покои на счет городских сумм.

43) В отношении религиозно-нравственного состояния воспитанников ученических квартир надзиратель наблюдает, чтобы положенные православною церковью утренние и вечерние молитвы были выполняемы православными воспитанниками, которые обязаны также в праздничные и высокоторжественные дни присутствовать в церкви при богослужении.

44) Одновременно с учениками учебных заведений православные воспитанники ученических квартир говеют во время великого поста, исповедоваются и приобщаются Св. тайн.

45) В праздничные дни воспитанники остаются свободными до вечерних занятий.

46) Наконец вообще, в целях учебно-воспитательных и правительственных заведующие заботятся не только об успешном прохождении инородческими воспитанниками квартир училищного курса и скорейшем усвоении

русского разговорного языка, но и развитии в них правильных понятий о русской государственной власти и о сближении их с русскою народностью. В этих видах заведующий не допускает, с одной стороны, ничего оскорбляющего племенное и религиозное чувство инородцев, а с другой стороны, с крайней острожностью устраняет из пансионных порядков все, что прямо или косвенно может поддерживать в инородцах их племенные особенности.

47) Воспитанники ученических квартир подвергаются взысканиям за проступки по правилам, составленным педагогическим советом и утвержденным главным начальником Туркестанского края.

О пище воспитанников

48) Продовольствие воспитанников должно быть вообще достаточно для насыщения детского организма, должно быть просто и умеренно, свежо и питательно, здорово и вкусно и чисто приготовлено. В столовой комнате должен быть на каждые десять воспитанников один стол с соответствующим числом табуретов или скамей. За столом размещаются старшие по возрасту по концам столов, остальные — по бокам. На ответственности старших воспитанников лежит следить за поведением своих младших товарищей во время обеда.

49) Ежедневно воспитанники имеют утром в 8 час. чай с хлебом, в 12 часов, во время большой перемены, завтрак из одного горячего блюда, а если это невозможно, то хлеб с холодным мясом или пироги. Обед подается приблизительно спустя $^1/_2$ часа по окончании классных занятий, но не ранее 3 часов, а в 8 часов — перед сном — чай с хлебом.

Примечание. Если местные условия позволяют, то по желанию воспитанников чай можно заменить молоком.

50) Обед должен состоять из супа или борща, или щей с мясом и поочередно: каши с маслом, или палау, или жареным. Мясо в общей сложности должно быть отпускаемо на каждого воспитанника ежедневно по одному фунту. В воскресные и праздничные дни стол воспитанников должен быть увеличен третьим блюдом.

51) К обеду воспитанников при возможности подается квас.

Примечание. Воспитанники ученических квартир православного вероисповедания обязаны соблюдать установленные православною церковью посты: 5 января, 29 августа, 14 сентября, 24 декабря, в неделю говения во все дни первой, четвертой и страстной недели великого поста.

52) Столовые принадлежности должны вообще отличаться простотой, быть безопасны, прочны и приличны. Стол во время обеда и ужина должен быть накрыт чистою скатертью. Каждому воспитаннику должны подавать тарелку, ложку, ножик, вилку и салфетку. Тарелки могут быть обыкновенные из белой глины, если нельзя будет завести жестяных глянцованных, а ложки должны быть мельхиоровые, в крайнем случае могут быть деревянные, но отнюдь не медные. Все назначенные для воспитанников продовольственные припасы должны быть своевременно осматриваемы заведующим или надзирателем в присутствии одного из старших воспитанников ученических квартир.

Примечание. В помощь к дежурному воспитателю из старших воспитанников составляется два очередных дежурства: одно на кухне, а другое по ученическим квартирам. Дежурные эти никакими особыми льготами за это не пользуются от классных занятий.

53) Кухонные принадлежности должны содержаться в строгой чистоте и порядке; за приготовлением пищи смотрят дежурные, воспитатель и воспитанник.

54) Изготовленная пища подается служителем на стол в больших мисках, из которых старшие воспитанники, назначенные заведующим, раздают сами сидящим за одним с ними столом. Для большего порядка в столовой, когда воспитанники завтракают, обедают и пьют чай, находится дежурный воспитатель.

55) Изыскание средств для улучшения пищи лежит на состоящих при ученических квартирах низших учебных заведений попечительством совета, а при средних учебных заведениях — на хозяйственном комитете того учебного заведения, при коем состоят ученические квартиры.

О материальной части

56) Заведующий своевременно заготовляет, по указаниям хозяйственного комитета средних учебных заведений или попечительского совета низшего училища, необходимые материалы для пансиона через посредство

торгов, или с разрешения подлежащего начальства, хозяйственным способом.

57) Учебники и учебные пособия из одобренных Министерством по составленной ведомости с утверждения педагогического совета выписываются заведующим учебного заведения.

58) Для правильной отчетности заведующий ведет следующие книги:

а) общий инвентарь имущества по частям его;

б) книгу для выдачи учебников воспитанникам;

в) книгу для выдачи воспитанникам учебных пособий;

г) кондуитную алфавитную книгу для воспитанников;

д) алфавитную книгу для записывания выданных одежды, белья и проч.;

е) книгу для записывания распоряжений учебного начальства, посещающего ученическую квартиру;

ж) книгу для записывания почетных посетителей.

59) Денежная отчетность ученических квартир ведется заведующим оною, согласно существующему положению контрольной отчетности.

Примечание. Денежная отчетность в училищах, содержимых на средства городских дум, ведется по правилам, установленным сими последними.

60) Настоящая инструкция обязательна для всех учебных заведений Туркестанского края без исключения, на чьи средства оные содержались, вводится в виде опыта на два года, после чего она может быть окончательно исправлена и дополнена, согласно указанию опыта.

С подлинным верно: и. д. подпись советника *

ВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОБЩИХ УЧЕНИЧЕСКИХ КВАРТИР ДЛЯ ИНОРОДЧЕСКИХ ДЕТЕЙ, ОБУЧАЮЩИХСЯ В ГОРОДСКИХ УЧИЛИЩАХ ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ СОВМЕСТНО С РУССКИМИ ДЕТЬМИ

§ 1. Согласно § 48 Высочайше утвержденного 31-го мая 1872 г. положения о городских училищах империи, при городских училищах Туркестанского края, с разреше-

* ЦГИА КазССР, ф. 44, оп. 3, д. 817, лл. 449—453.

ния главного начальника края, учреждаются, на особых основаниях, общие ученические квартиры для инородческих детей мужского пола.

§ 2. Общие ученические квартиры при городских училищах имеют целью дать возможность детям инородцев Туркестанского края, обучающимся в городских училищах совместно с русскими учениками, пройти курс наук, положенных для этих училищ.

§ 3. Общие ученические квартиры содержатся на местные общественные средства и находятся под управлением заведующего городским училищем.

§ 4. Воспитанники ученических квартир пользуются во все время пребывания в оных готовым помещением, пищею, одеждою, постельным бельем и учебными принадлежностями на счет местных общественных средств, отпускаемых ежегодно на содержание квартир по особому штату.

§ 5. Подробная смета расходов по содержанию общих ученических квартир для инородческих детей составляется ежегодно педагогическим советом городского училища и утверждается главным начальником Туркестанского края по представлению оной попечительным советом главному инспектору училищ.

§ 6. Сумма, потребная на содержание ученических квартир в течение года, согласно прилагаемым при сем штатам, к началу каждого сметного года, до 1-го января, полностью вносится попечительным советом в местную уездную кассу депозитом управления учебными заведениями, которое, в свою очередь, заблаговременно передает их, по мере надобности, в распоряжение заведующего городским училищем.

§ 7. Суммы, назначаемые по штату на содержание ученических квартир, хранятся в местном казначействе и по мере надобности получаются по распоряжению учебными заведениями, по ассигновкам училищем и расходуются с соблюдения общих кассовых правил о расходах.

§ 8. Непосредственное наблюдение за общими ученическими квартирами поручается особому надзирателю, полагаемому для практических занятий с инородческими детьми в русском языке, которому обучаются они в дополнительных курсах, учреждаемых при городских училищах края для малоуспевающих учеников из туземцев.

§ 9. Надзиратель имеет у себя особую книгу, в которую ежедневно вносит свои замечания о состоянии ученических квартир и сообщает о том заведующему училищем.

§ 10. Инспектор народных училищ в отношении к общим ученическим квартирам пользуется всеми правами, присвоенными ему инструкцией в отношении к училищам края.

§ 11. Во время своих осмотров городских училищ и ученических квартир для инородческих детей инспектор народных училищ обращает особое внимание на состояние последних и внимательно просматривает записи надзирателя квартир, делая в нужных случаях свои замечания, о которых и сообщает педагогическому совету училища.

§ 12. В видах содействия материальному благосостоянию общих ученических квартир для них учреждается попечительный совет, состоящий из уездного начальника и из трех влиятельных туземцев. Непременными членами оного считаются: заведующий городским училищем, его помощники (преподаватели) и надзиратель ученических квартир.

§ 13. Уездный начальник председательствует в попечительном совете и своим влиянием содействует материальному благосостоянию ученических квартир.

Примечание. Отношения попечительного совета к администрации городского училища и высшей учебной администрации определяются особою инструкциею, имеющею быть составленною главным инспектором училищ и утвержденною главным начальником края.

§ 14. Прикомандированный к городскому училищу местный уездный врач обязан строго следить за сохранением в помещении квартир всех предписываемых гигиеною условий и заботиться о сохранении здоровья воспитанников ученических квартир.

§ 15. В общих ученических квартирах помещаются обучающиеся в городских училищах края дети инородцев тех уездов края, на средства которых содержатся квартиры.

Примечание. В интересах скорейшего усвоения инородцами русской разговорной речи, в число стипендиатов, содержимых на местные средства, могут быть определяемы русские, преимуществен-

но сироты, которым предоставляется не более 1/3 числа мест в ученических квартирах.

§ 16. В тех уездах, где кочевое население преобладает своею численностью перед оседлым, в ученические квартиры принимаются преимущественно дети кочевников.

§ 17. Полный штат ученических квартир ограничивается 20 мальчиками.

Примечание. Если помещение будет дозволять, то могут быть допущены стипендиаты, с платою за них на 50% более того, что исчисляется по штату на каждого воспитанника ученических квартир.

§ 18. Прием инородческих детей в общие ученические квартиры производится с 1-го августа по 1-е ноября каждого года и утверждается педагогическим советом городского училища.

§ 19. Для поступления в общие ученические квартиры дети инородцев должны иметь не менее 7 и не более 10 лет.

§ 20. Кроме определенного возраста, дети инородцев, желающие поступить в общие ученические квартиры, должны иметь привитую предохранительную оспу и удовлетворительное здоровье; в противном же случае оспа прививается во время бытности воспитанника в квартире.

§ 21. Заведующий городским училищем по окончании приема инородческих детей в ученические квартиры сообщает попечительному совету подробный список принятых воспитанников, имена их родителей или родственников и местожительства последних, а также кем определен воспитанник.

§ 22. Инородческие дети, помещающиеся в ученических квартирах, обучаются в городских училищах на общих с русскими учениками положениях.

Примечание. Согласно примечанию к § 13 Высочайше утвержденного 31 мая 1872 года положения о городских училищах, инородческие дети не обучаются в часы, определенные для классных занятий вероучению мусульманскому, а потому время уроков по закону божию для православных детей посвящается занятие русским языком.

§ 23. Внеклассные учебные занятия воспитанников ученических квартир происходят под наблюдением надзирателей, в классной комнате, назначенной для дополнительных курсов, находящейся в здании ученических квартир.

Примечание. На вводимые при ученических квартирах гимнастические игры в послеклассное время надзиратель приглашает ближайших по месту жительства к училищу русских учеников училища, дабы этим содействовать возможно более продолжительному ежедневному общению инородческих детей с русскими учениками училища.

§ 24. Часы классных и внеклассных учебных занятий воспитанников ученических квартир, часы отдыха, обеда и время определяются особым расписанием, составляемым в педагогическом совете городского училища и утверждаемым главным инспектором училищ Туркестанского края.

§ 25. Время летних и зимних вакаций для воспитанников ученических квартир определяется временем вакаций, положенных для городских училищ.

§ 26. Для детей кочевников, по усмотрению педагогического совета училища, сроки положенных для городских училищ вакаций могут быть изменяемы применительно к условиям кочевой жизни.

§ 27. В свободное от классных занятий время воспитанники ученических квартир без ущерба классным занятиям могут быть, с разрешения заведующего училищем, увольняемы в дома своих родителей или родственников, по внимательном обсуждении всех обстоятельств, вызываемых подобные отлучки.

§ 28. Вообще заведующий городским училищем в своих распоряжениях относительно учебно-воспитательной стороны жизни воспитанников общих ученических квартир всегда имеет в виду важное государственное значение обучения инородцев в правительственных училищах Туркестанского края и должен стараться к постоянному сближению с русским духом и русскою народностью.

§ 29. Помещение общих ученических квартир должно быть приспособлено к гигиеническим и учебным потребностям воспитанников и должно состоять (при особой комнате для надзирателя) из спальных комнат и особой комнаты для учебных занятий воспитанников в дополнительных курсах русского языка.

§ 30. При ученических квартирах имеется кухня со всеми кухонными принадлежностями, кладовая, погреб, сарай и колодец.

Примечание. При ученических квартирах, если возможно, должна быть устроена баня для воспитанников.

§ 31. В отношении белья, одежды, обуви, постельных принадлежностей и пищи воспитанники ученических квартир должны стоять как можно ближе к обычному образу жизни их родителей, с соблюдением при этом необходимых гигиенических условий, чистоты и опрятности.

§ 32. За чистотой всего помещения ученических квартир наблюдает надзиратель, в распоряжении которого и состоит наемная прислуга квартир.

§ 33. За чистотою спальных комнат и комнаты для учебных занятий, заменяющей столовую, наблюдают по очереди сами воспитанники. Каждый воспитанник тотчас после сна убирает свою постель. Ученики же убирают и комнаты, не допуская в них ни малейшей нечистоты.

§ 34. Для приготовления пищи, стирки белья и содержания в чистоте всей утвари имеется при ученических квартирах особая прислуга.

§ 35. Помещающиеся в ученических квартирах инородческие дети подчиняются всем правилам городского училища и распоряжениям заведующего училищем.

§ 36. Не исполняющие указанных правил и не отвечающие требованиям устава училища воспитанники ученических квартир увольняются из училища и ученических квартир по определению педагогического совета училища, утвержденному попечительным советом, с доведением об этом до сведения главного инспектора училищ, через инспектора народных училищ.

Примечание. Если попечительный совет не соглашается с определением педагогического совета, то вопрос представляется на разрешение главного инспектора училищ.

§ 37. В указанное для годичной отчетности время заведующий училищем вместе надзирателем ученических квартир составляет о состоянии ученических квартир за истекший год подробный отчет, который представляет одновременно с отчетом по училищу через инспектора народных училищ, главному инспектору училищ, для доклада господину Туркестанскому генерал-губернатору.

§ 38. Кроме представления годичного отчета, заведующий училищем ежемесячно кратко доносит главному

инспектору училищ о состоянии ученических квартир за своею и надзирателя подписью; в случаях исключительных заведующий училищем сообщает главному инспектору училищ немедленно как о случившемся, так и о сделанном распоряжении.

§ 39. Изложенные временные положения утверждаются согласно § 48 Высочайше утвержденного положения о городских училищах главным начальником края и вводятся, в виде опыта на три года, в действие со дня утверждения.

§ 40. По истечении утвержденного срока педагогический совет училища представляет (через инспектора народных училищ, а сей последний главному инспектору училищ) на утверждение главного начальника края свои соображения об изменении и дополнении утвержденных положений.

§ 41. Положение это по истечении срока, на который оно вводится в виде опыта, будет представлено на утверждение г. министра народного просвещения.

§ 42. На таких же основаниях учреждаются общие ученические квартиры для инородческих детей и при приходских училищах края в станицах и селах, где окажется нужным и будут необходимые для этого денежные средства.

С подлинным подписано: «Утверждаю» генерал-адъютант

16.II.1874 г.

Временный штат ученических квартир для детей инородцев, обучающихся в городских училищах и подготовительных классах, открываемых при них для изучения русского языка

1. На довольствие в течение учебного года 20 учеников из инородцев по 5 руб. в месяц .	1 200
2. На белье, верхнее одеяние, обувь и постель для 20 учеников по 20 руб. в год	400
3. На содержание: отопление, освещение и наем прислуги и друг. хозяйственные расходы, ремонт помещения, занимаемого ученическими квартирами, кухонной посуды и т. п. вещей	600
4. Надзирателю за пансионерами, знающему	

туземные наречия (при готовой квартире) .	450
5. Двум учителям городского училища за заведование ученическими квартирами и преподавание в подготовительном классе . .	700
6. На содержание особой классной комнаты для подготовительного класса, на учебные принадлежности для инородцев и библиотеку для ученических квартир	300
Итого . . .	3 650

Подлинное за надлежащей подписью.
С подлинным верно
и. д. советника
Сверял делопроизводитель (подпись) *

ВЫПИСКА ИЗ «ИНСТРУКЦИИ ПОПЕЧИТЕЛЬНЫМ СОВЕТАМ ОБЩИХ УЧЕНИЧЕСКИХ КВАРТИР ДЛЯ ИНОРОДЧЕСКИХ ДЕТЕЙ ПРИ ГОРОДСКИХ УЧИЛИЩАХ ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ И РЕМЕСЛЕННЫХ КЛАССОВ»

«§ 1. На основании § 12 и § 13 Временного положения общих ученических квартир для инородческих детей, обучающихся в городских училищах Туркестанского края совместно с русскими детьми, исключительно в видах содействия материальному благосостоянию общих квартир учрежден попечительный совет. Он состоит под председательством уездного начальника из трех влиятельных туземцев, избираемых местным обществом из лиц, не занимающих никаких других должностей, почетного смотрителя училища и непременных членов, коими состоят все члены педагогического совета и надзиратель ученических квартир. Врач приглашается на заседание совета каждый раз, когда рассматриваются вопросы гигиенического содержания».

«§ 4. Заседания попечительного совета могут считаться состоявшимися, когда в них присутствует не менее 2/3 членов и в том числе не менее 2-х непременных членов».

«§ 8. Ведению попечительного совета подлежат:

а) рассмотрение ежегодно составляемых педагогиче-

* ЦГИА КазССР, ф. 44, оп. 3, д. 817, лл. 454—457.

ским советом на основании § 5 Временного положения ученических квартир оных смет расходов по содержанию на следующий год. Сметы эти попечительный совет со своим заключением представляет установленным порядком на утверждение г. главного начальника края;

б) наблюдение за правильным расходованием сумм, отпускаемых на содержание ученических квартир;

в) попечительный совет испрашивает установленным порядком разрешение г. главного начальника края на перенесение остатков из одной статьи в другую для покрытия расходов.

г) наблюдение за сохранением в целости и порядке имущества, принадлежащего ученическим квартирам. Поэтому попечительный совет производит каждые полгода проверку имущества, принадлежащего ученическим квартирам, по материальной книге, в которую записывается означенное имущество, а также проверку приходно-расходных книг по содержанию квартир, в удостоверение чего и составляется акт, который сообщается инспектору народных училищ;

д) наблюдение за поддержанием чистоты и возможно лучшим выполнением гигиенических требований в помещении, занимаемом ученическими квартирами;

е) наблюдение за снабжением учеников здоровою и отпускаемою в достаточном количестве пищею;

ж) заботы о лечении заболевающих воспитанников ученических квартир;

з) утверждение... определения педагогического совета относительно увольнения из училища и ученических квартир воспитанников оных, не исполняющих указанных правил и не соответствующих требованиям устава училища. Если попечительный совет не соглашается с определением педагогического совета, вопрос представляется им установленным порядком на разрешение главного инспектора училищ с изложением причин, по которым попечительный совет не соглашается с представленным ему определением.

§ 9. Для улучшения материального положения ученических квартир при городских училищах попечительный совет должен изыскивать необходимые для сего средства не столько ассигнуемыми по штату на эти квартиры, сколько привлечением к добровольным пожертвованиям посторонних состоятельных лиц и обществ. В этих видах

попечительному совету предоставляется право принимать от частных лиц и обществ пожертвования как вещами, так и деньгами, каковые и расходуются по усмотрению попечительного совета, но с предварительного утверждения оного высшим ученым начальством.

§ 10. На пожертвованные средства, поступающие в попечительный совет, желательно, чтобы увеличивалось число воспитанников ученических квартир, на что совет испрашивает в установленном порядке разрешение главного начальника края.

§ 12. Членам попечительного совета предоставляется право посещения ученических квартир во всякое время. О замеченных ими недостатках они вносят запись в особую для того заведенную шнуровую книгу, причем на основании существующих постановлений министра народного просвещения им не предоставляется право входить в рассмотрение учебно-воспитательных вопросов...».

Подлинные за надлежащими подписями
С подлинным верно и. д. советника
Сверял делопроизводитель (подпись) *

---

* ЦГИА КазССР, ф. 44, оп. 3, д. 817, лл. 457—459.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3
Глава I. Просвещение и школы Казахстана во второй половине XIX века 14
1. Общие вопросы просвещения и система школьного образования . . . . . —
2. Церковно-приходские школы и школы грамоты . 49
3. Мусульманские школы 55
4. Новометодные школы 65
5. Обучение взрослых 66
6. Управление учебными заведениями на территории Казахстана 68
Глава II. Школы Внутренней (Букеевской) орды во второй половине XIX века 80
1. Мусульманские мектебы и медресе. Меры царских властей против распространения ислама в Орде . 81
2. Русско-казахские школы. Центральная школа в Ханской Ставке 89
3. Участковые школы 99
4. Старшинские школы 114
5. Об общем состоянии школ Внутренней орды . . 116
Глава III. Школы Тургайской и Уральской областей . . . 126
1. Школы Тургайской области . . . . . —
Уездные двухклассные русско-казахские училища . 148
Русские одноклассные и русско-казахские волостные школы 168
Аульные школы 180
Обучение казахов в других учебных заведениях . . 186
Об учительских кадрах области 189
2. Школы Уральской области 196
3. Казахская школа при Оренбургской пограничной комиссии 206
Глава IV. Школы Акмолинской и Семипалатинской областей во второй половине XIX века 251
1. Школы Акмолинской области 251
2. Школы Семипалатинской области 269
Глава V. Школы Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей во второй половине XIX века 282
1. Школы Сыр-Дарьинской области . . . . . —

Гимназии и реальное училище 314
Городские училища 315
Приходские училища 319
Русско-туземные школы 322
2. Школы Семиреченской области 332
Школы Верненского уезда 354
Школы Джаркентского уезда 364
Школы Капальского уезда 365
Школы Лепсинского (Сергиопольского) уезда . . 368
Школы Пишпекского (Токмакского) и Пржевальского (Иссык-Кульского) уездов 370
Об обучении детей уйгуров и дунган, переселившихся из Китая . . . . . —
Об обязательном обучении русских детей . . . 374
Глава VI. Профессионально-техническое образование и трудовое обучение в школах Казахстана во второй половине XIX века 379
1. Подготовка учительских кадров 382
2. Оренбургская (Орская) казахская учительская школа 389
3. Туркестанская учительская семинария 408
4. Сельскохозяйственные школы 413
5. Фельдшерские школы 420
6. Ремесленные школы 424
7. О ремесленных классах и преподавании ручного труда 426

Заключение 437

Приложения 444

Положение о казахской школе при Оренбургской пограничной комиссии 445
Инструкция для руководства к Положению о казахской школе при Пограничной комиссии 448
Положение о школе для киргизских детей, учреждаемой при областном правлении сибирских киргизов 462
Штат школы, утверждаемый при областном правлении сибирских киргизов . . . . . —
Выписка из Временного положения об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях от 21 октября 1868 г. 468
Устав казахского начального ремесленного училища в г. Тургае 469
Положение о казахской учительской школе. (Утверждено Государственным Советом в 1880 г.) 472
Правила об аульных русско-казахских школах Тургайской области 474
Положение о педагогическом классе при Кустанайском 2-классном русско-казахском училище 476
Положение о почетных блюстителях при аульных школах Тургайской области 478
Программа по рукоделию для начальных училищ Оренбургского учебного округа 480

Программа по ручному труду для учеников Актюбинского 2-классного русско-киргизского училища 481
Программа ручных работ с распределением ее по годам обучения Иргизского двухклассного русско-казахского училища 483
Перечень инструментов для ручного труда в Карабутакском двухклассном русско-киргизском училище Иргизского уезда Тургайской области 484
Инструкция для заведующих ученическими квартирами . . 486
Временное положение общих ученических квартир для инородческих детей, обучающихся в городских училищах Туркестанского края совместно с русскими детьми . . 495
Выписка из «Инструкции попечительным советам общих ученических квартир для инородческих детей при городских училищах Туркестанского края и ремесленных классов» . 502

ТАЖИБАЕВ ТУЛЕГЕН ТАЖИБАЕВИЧ.
Просвещение и школы Казахстана во второй половине XIX века. Алма-Ата, Казгосполитиздат, 1962.

Т. Т. Тажибаев

ПРОСВЕЩЕНИЕ И ШКОЛЫ КАЗАХСТАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Редакторы *Ф. Жизневский* и *С. Кузнецов*.
Художественный редактор *Р. Юлдашев*.
Техн. редактор *М. Злобин*.
Корректоры *А. А. Шпак, Э. В. Тимошенко*.

*

Сдано в набор 20/VIII-1962 г. Подписано к печати 15/XII 1962 г. Формат 84×108¹/₃₂—15,75=25,83 п. л. / (26,5 уч.-изд. л.). Тираж 11250 экз. Цена 76 коп.
Казгосполитиздат, г. Алма-Ата, ул. Панфилова, 143.

Заказ. № 1667. Полиграфкомбинат Главиздата Министерства культуры КазССР, г. Алма-Ата, ул. Пастера, 39.